Историческія изслѣдованія къ оправданію старообрядцевъ

4° H. eccl. 15M s

Инв № 5632

25-27

Д-28176

ИСТОРИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

СЛУЖАЩІЯ

КЪ ОПРАВДАНІЮ

СТАРООБРЯДЦЕВЪ.

II
№ 9

В. М. К.

Р. С. Ф. С. Р. Культ-Просвет. Часть Приволж. Воен. окр.

МОСКВА.
Типографія А. Малюкова и К°. Тверская, д. Рѣзанова.
1881.

А/70/167

Bayerische
Staatsbibliothek
München

УКАЗАТЕЛЬ НѢКОТОРЫХЪ МѢСТЪ КАСАЮЩИХСЯ САМОДЕРЖАВІЯ.

СТРАН.

Ни русскимъ Монархомъ . 4
Но и для русскихъ Монарховъ. 6
Путемъ гласности, путемъ литературы 6
Оправданіе старообрядцевъ путемъ литературы недозволяется 7
Но благодаря миролюбивымъ отношеніямъ настоящаго царствованія . . . 7
Не вопреки правительственной мысли 13
Но еще мало того недозволять говорить и въ печати объясняться 22
Пусть знаютъ и они (представители науки), что слухъ и сердце старообрядцевъ такъ нѣжны и чувствительны 25
Не поняли ни общество, ни Государи. 31
Чтобы беззащитнаго со стороны правительства. 34
Весь западный обрядъ Синодъ признаетъ православнымъ 39
Іоаннъ Васильевичъ III. 46
Въ словахъ Государя . 47
Кто не учинилъ уставы? Государь и Митрополитъ 48
Краткій разсказъ относительно Іоанна 49
Самодержавіе. Дражайшіе предки Алексѣя Михайловича. 62
Было поставлено на общей конференціи сената и синода 15 Сен. 1763 г. 65
Между обрядами Государи не должны были оставаться нейтральными . . 67
Правительство строило одни верхушки раскола 68
Противно ему—Мудрая Императрица Екатерина 69
Или примирительное вмѣшательство Самодержавія 69
Государи суть единственные представители своего народа 70
Лишивъ народъ голоса, въ дѣлахъ церкви, архипастырство, очевидно, и за государями . 72
Лишивъ Государей каноническаго основанія. 73
Въ столь здравомысленномъ государствѣ какъ Россія 74
Государь Иванъ Васильевичъ III 75
Доколѣ Государи не воспріимутъ на себя 75
Что великій переворотъ въ политикѣ совершился государями въ дѣлахъ обряда. 77
Раздражая государей противъ старообрядства 78
Дѣлая уступки Самодержавію, архипастырство 79
Отъ времени Алексѣя Михаиловича и до 15 Сен. 81
Армянствомъ; 2) Аріевою пропастью 84
Успѣлъ Никонъ увлечь простодушнаго Алексѣя Михайловича 86
Послушникъ Мемнонъ на Московскомъ подворьѣ 98
Скажутъ, что на сторонѣ старообрядчества нѣтъ епископа, а на сторонѣ Никона все архипастырство. 110
Что Именное Высочайшее повелѣніе 121

СТРАН.

Но зачѣмъ синоду 1802 г. лгать на самодержавіе 128
Не сообразно съ Императорскимъ указомъ 130
Напротивъ, утвержденіе Государемъ, за одинъ разъ, двухъ противоположностей. 132
Всѣ единовѣрцы полагаютъ, что сдѣлались послушными Св. Апостольской церкви. 139
Если единовѣріе есть православіе, то оно должно стараться очистить себя отъ Платоновской двусмысленности 141
Актомъ соединенной конференціи и Высочайшимъ Указомъ 144
Вопреки проявившемуся проявленію самодержавія—примирить враждующія обрядства . 147
Что Самодержавіе, до днесь, не объясняло себѣ сущности обрядовыхъ . 150
Что это за праведныя клятвы, когда Государи своими указами разрушаютъ ихъ одну за другой? 150
Чтожъ? и церковное правительство, въ первые по соборѣ, сто лѣтъ, за это непокореніе ихъ жестоко преслѣдовало 154
Правительство въ 1800 г. заставило, на сколько оно тогда было способно, идти за собой и Св. Синодъ 155
Что самодержавные Государи, суть прирожденные представители народа въ дѣлахъ церкви, Богомъ помазанные посредники между народомъ и его пастырями 163
Если 1763 годъ и ближайшіе къ нему, явили старообрядцамъ во всемъ блескѣ самостоятельность и могущество самодержавнаго посредничества, то нынѣ, чрезъ сто лѣтъ, самодержавіе еще болѣе умудренное опытомъ . 164
И своими соборами относиться къ Государю Императору, чрезъ особое лице, подобное синодальному Оберъ-Прокурору 190—191
Тогда, какъ нынѣ уже въ третье столѣтіе, Архипастырство внушаетъ Самодержавію и народу, что старообрядцы не хотятъ покоряться св. Апостол. церкви . 195
Скажутъ: это противоканоническое скучиваніе въ одной мѣстности, членовъ той и другой церкви . 196
Да и возможное ли дѣло, чтобы въ такомъ сильномъ государствѣ какъ Россія, вѣковѣчно стояли другъ противъ друга и не сливались во едино двѣ іерархіи, совершенно единыя по своему вѣрованію 198
Вотъ какъ жалуются Государю, старообрядцы присоединенцы, на митрополита Платона . 206
Съ воцареніемъ Александра II, съ высоты трона повѣяли жизнь и духъ освобожденія... къ сожалѣнію, воскресеніе и оживленіе не коснулись вопросовъ церкви . 208
Митрополитъ былъ увѣренъ, что ни синоду ни самодержавію не придетъ на мысль усомниться въ существованіи такихъ нравственныхъ дураковъ и непотребуетъ, хотя одного изъ нихъ, для повѣрки 211
Обмануть и Государя и восточныхъ патріарховъ 213
Но божественная правда, обитающая въ старообрядческомъ народѣ и исполненная духа любви и терпимости заслуживаетъ честь и славу . 216
„Какимъ образомъ" спрашиваетъ Митрополита Филарета—Синодъ „обряды неправославные не проклинаются, а люди, принимающіе ихъ, проклинаются?" . 218

СТРАН.

По синоду, выходитъ немыслимо чтобы обрядъ былъ не проклятымъ, когда держатели этого обряда прокляты? 221
Поймемъ, чье это повелѣніе: Святой-ли церкви, или заблужденцевъ, восхищающихъ имя церкви? 225
,,Просятъ какъ снисхожденія.'' Опять неправда 232
Сто лѣтъ прошло, съ тѣхъ поръ, какъ самодержавіе поставило было архипастырей на прямую дорогу 234
Самая сущность акта конференціи: разрѣшеніе стараго обряда для лица и прихода на всемъ пространствѣ имперіи 243
Но тогда въ настоящемъ самодержавіи окажется духъ Екатерины, вызывающій актъ 15 Сен. 1763 года тамже 243
А что всего хуже—это то, что при теперешней, даже довольно связанной свободѣ печатнаго слова, протестъ старообрядцевъ пробудитъ вниманіе Самодержавія . 245
Въ этихъ, церковно-государственныхъ актахъ, не было слова о запрещеніи перехода отъ обрядства указнаго къ обрядству староотечественному. 246
Этимъ сравненіемъ подверждается и та мысль, что церковно-начальственная власть греко-Никоновскихъ временъ, не книги, собственно, преслѣдовала. 255
Услышавъ это слово самодержавія, какими громовыми раскатами отзывалось оно въ ушахъ . 256
Не станемъ разрушать потаенныхъ представленій Филарета 259
Что, именно, разумѣлъ синодъ подъ раною русской церкви 264
Вмѣсто того, чтобы рѣшиться на операцію, вмѣсто того, чтобы прибѣгнуть къ домашнему оператору—Самодержавію 265
Въ соизволеніи синода на разрѣшеніе клятвы 1667 года Самодержавіемъ . 266
Успѣли вбить клинъ въ дѣлѣ примиренія прянятаго Самодержавіемъ . . 268
Итакъ, высказаное Синодомъ опасеніе запроса со стороны патріарховъ, мы въ полномъ правѣ принять за признаніе его (Синода) что онъ клятву, о которой говоритъ, почитаетъ положенною именно на обрядъ и человѣковъ . 270
Не терпимо-ли, въ Палестинѣ, говоритъ митрополитъ ,,служеніе православной литургіи—на открытомъ престолѣ?'' 272
О, святая истинна! когда шествуешь ты 279
Пусть намъ Филаретъ укажетъ правило церковное—что держаніе стараго обряда—было-ли когда либо преслушаніемъ или не было? 294
Что значитъ послушаніе . 295
Русскій народъ, съ понятною гордостію, имянующій себя старообрядцами 298
Древняя церковь ополчалась противу ереси и еретиковъ, а архипастырство—противъ кого? . 306
Что Московскимъ соборомъ безвозвратно проклято, то нынѣ синодомъ благословляется . 307
Митрополитъ Филаретъ разрѣшается признаніемъ, что обрядъ не есть догматъ, что и старый обрядъ не противорѣчитъ православію . . 308
Заключеніе. 321
Отвѣты, касающіеся трехъ чиновъ іерархіи 453

ОПЕЧАТКИ.

На стран. 82 въ прим. ссыл. ошибочная; вмѣсто Макар. архим. литовскаго напечатано архим. Антонія.

СТРАН.	СТРОК.	НАПЕЧАТАНО.	ЧИТАЙ.
1	14 сниз.	отрыть	открыть
38	2 свер.	ученія	чтенія
51	16 свер.	и древнимъ	или древнемъ
56	17 сниз.	не исправляемъ	но исправляемъ
58	16 свер.	и накоторый	на который
64	4 свер.	Цвѣтъ духовный	Увѣтъ духовный
82	3 свер.	оффиціальное	«оффиціальное»
82	10 сниз.	раскола. Учебному	раскола, учебному
84	8 свер.	Цвѣть	Увѣтъ
86	3 свер.	не стань	но стать
91	8 сниз.	откровеніе	отправленіе
93	1 сниз.	раск. 14. 1 стр.	раск. Кн. 1 стр.
101	16 сниз.	повиновеніемъ.“ Этотъ	новиновеніемъ.“ Этотъ
102	10 сниз.	за нея	за себя
103	2 сниз.	2.	1.)
103	3 сниз.	1.)	2.)
105	6 свер.	тарообрядства	старообрядства
109	10 сниз.	непреложно	непреложно
109	2 сниз.	(томъ 2.)	(там. 2.)
110	13 свер.	помнить	понять
141	4 свер.	политическихъ	полемическихъ
142	8 свер.	пе знаютъ	не знаютъ
150	9 свер.	управляетъ	управлять
204	10 сниз.	единовѣрующимъ	единовѣрцамъ
206	13 сниз.	Патер.	Потреб.
219	3 свер.	чужды.	чужды“.
230	3 сниз.	1801.	1800.
231	10 свер.	уразумится	уразумился
240	8 свер.	1809.	1800.
241	1 сниз.	что онъ	чтобы онъ
257	1 свер.	невыразило	невыразимо
259	11 сниз.	свойственной	свойственно
266	1 свер.	можетъ тотъ	можетъ быть тотъ
268	7 сниз.	разрушеніе	разрѣшеніе
269	18 сниз.	разрушены.	разрѣшены
272	13 свер.	Почему же они имѣютъ право допускать	Почему же они могутъ оспаривать
283	5 сниз.	въ 1800 г.	съ 1800 г.
299	5 сниз.	Не единовѣрцевъ	Не на единовѣрцевъ
306	1 сниз.	и на	и не
316	13 свер.	и другія	у другихъ
325	9 сниз.	Строленбергъ	Сраленбергъ
326	3 сниз.	осуждено согнано	осудивъ старообрядство согнало его съ
460	7 свер.	обратится не	обратится къ
	стран.	454 до 462	354 и т. д.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Нѣтъ ничего легче, какъ сознаніе истины съ одной стороны, но съ другой—она же и представляется всего труднѣе: кто идетъ по единственно правильному пути, который ведетъ въ прямомъ направленіи къ истинѣ, тотъ найдетъ ее очень скоро; но кто оставивъ этотъ путь, думаетъ достигнуть этого драгоцѣннаго сознанія на распутіяхъ, гдѣ, безъ помощи путеводителя заблуждаться, можетъ, тотъ нелегко найдетъ эту истину, но, напротивъ, часто совершенно отъ нея отдаляется.

Имѣя въ виду этотъ правильный путь, мы идемъ къ одной весьма важной истинѣ, которая, къ сожалѣнію, уже цѣлыхъ два столѣтія лежитъ подъ громоздскою тяжестію крайне запутанныхъ мнѣній, что собственно вызываетъ насъ расчистить тяготѣющій на немъ мусоръ и отрыть истинную точку зрѣнія, засвидѣтельствовать факты и сказать разъ навсегда—гдѣ именно правда? Съ раскрытіемъ этой истины мы имѣемъ въ виду пробудить интересъ читателя къ весьма важному вопросу, за который до настоящаго времени не осмѣливался никто приниматься: строгія мѣры прошедшихъ царствованій до такой степени тормазили его, что даже и при столь миролюбивыхъ и гуманныхъ отношеніяхъ настоящаго царствованія осмѣлились лишь коснуться его очень немногіе.

Хотя этотъ вопросъ большинству русской публики представляется трудно понимаемымъ, и нерѣдко отталкиваетъ отъ себя самое просвѣщенное и храброе любопытство, но тѣмъ не менѣе

онъ заслуживаетъ быть предметомъ серьезнаго изученія, не только вслѣдствіе своего неоспоримаго права, но потому еще, что онъ былъ и есть страстнымъ послѣдователемъ великой истины, порицателемъ испорченности религіозныхъ стремленій, ревностнымъ и искреннимъ представителемъ самаго благороднаго общества, той героической избранной толпы, куда укрылись, какъ въ послѣднее убѣжище, безъ постороннихъ примѣсей главные элементы жизненности православнаго русскаго народа.

Не имѣя намѣренія изслѣдовать и пробѣгать по всѣмъ направленіямъ этотъ темный, неразработаный вопросъ, мы желали бы по крайней мѣрѣ проложить къ нему нѣсколько удобныхъ путей для того, чтобы каждый могъ видѣть, сколько строгаго величія и искренной грусти въ его историческихъ судьбахъ, слишкомъ поучительныхъ. Что касается до насъ, то мы безпристрастно приступаемъ къ разсмотрѣнію этого казуснаго вопроса, облеченнаго въ оригинальною форму, полнаго свѣжихъ юношескихъ силъ и религіозно прославившагося столько же своими добродѣтелями, сколько своими незаслуженными несчастіями съ пролитіемъ крови за религіозныя убѣжденія.

Изъ исторіи видно, что всегда сильная сторона угнетала, мучила и даже казнила слабую. Такъ бывало въ нѣкоторыхъ государствахъ, что господствующая сила стремилась покорить и заставить повиноваться всѣмъ своимъ повелѣніямъ немощную, даже слѣдованіе внушеніямъ голоса совѣсти у послѣдней признавалось не мыслимымъ, но ложь свою первая повелѣвала признавать за непреложную истину, и такимъ образомъ господствующая религія насильно навязывала свои законы и догматы подвластной ей, хотя они были несправедливы. Здѣсь она уже не спрашивала ее: хороши ли эти законы для нея,

или нѣтъ, канонизируя ихъ для руководства во всѣхъ предѣлахъ своего государства. Подобные поступки противъ свободы совѣсти, со стороны сильнаго, нерѣдко вызывали въ невинномъ народѣ жалостные стоны, ужасные вопли, брани и даже переселеніе въ чуждыя имъ страны. Но прогрессъ настоящаго просвѣщеннаго вѣка съ религіозной точки зрѣнія, набросилъ совершенно иной взглядъ на вопросъ свободы совѣсти, какъ на массу народности, такъ и на отдѣльныхъ лицъ. Теперь пришли къ тому заключенію, что свобода совѣсти, созданная Самимъ Творцемъ вселенной и дарованная всѣмъ жителямъ земнаго шара, не должна быть стѣсняема ни съ чьей-бы то ни было стороны, а напротивъ всѣ обитатели земли, какъ братья, обязаны пользоваться и наравнѣ раздѣлять ее.

Такъ, напримѣръ, триста лѣтъ тому назадъ въ разныхъ странахъ западныхъ государствъ, большая часть христіанъ отдѣлилась отъ католической церкви и образовала новыя религіозныя общества, какъ-то: аугсбургское, и послѣднее реформатское, англиканское, которыя наконецъ раздробились на безчисленное множество толковъ. Изъ-за этихъ раздѣленій произошла затѣмъ продолжительная тяжелая борьба, которая нѣмецкія государства опустошала въ продолженіе тридцати лѣтъ и чрезъ это онѣ находились въ крайне бѣдственномъ положеніи. Наконецъ въ 1648 году былъ заключенъ миръ—и всѣ пришли къ тому убѣжденію, что аугсбургское—реформатское вѣроисповѣданіе должно быть равноправно съ католическимъ, а позднѣе во всѣхъ западныхъ государствахъ точно того-же достигли и всѣ вѣроисповѣданія.

Подобно только-что описанной эпохѣ, вспыхнула ожесточенная борьба и въ русскомъ государствѣ, 200 лѣтъ назадъ, вслѣдствіе новой реформы въ русской церкви, произведенной Патріархомъ, Никономъ,

когда большая часть русскаго народа протестовала противъ этой реформы на столько, что принуждена была отдѣлиться отъ нея и составить самостоятельное общество вѣрующихъ, основанное на древнихъ преданіяхъ апостольскаго православія, и именующееся, для краткости, старообрядцами. Общество это и есть цѣль нашего разсмотрѣнія. Точно такъже, какъ на западѣ происходила изъ-за религіозныхъ убѣжденій кровавыя распри, какъ сказано выше, такъ и старообрядчество уже впродолженіе слишкомъ двухъ столѣтій ведетъ тяжелую борьбу противъ господствующаго въ Россіи архипастырства. Борьба эта запечатлѣлась гоненіемъ и пролитіемъ крови первыхъ; но, къ сожалѣнію и по настоящее время не установилась желаемая равноправность между этими обѣими сторонами такъ что и, въ наши дни опять-таки сильная сторона лишаетъ законныхъ правъ слабую.

Главнымъ возбужденіемъ къ этой борьбѣ, какъ мы уже сказали, былъ Патріархъ Никонъ. Онъ, измѣняя въ церковной практикѣ самые древніе элементы, которые сохранились въ русской церкви отъ самаго начала ея существованія, вмѣсто ихъ поставилъ новые небывшіе извѣстными ни русскимъ Архипастырямъ, ни русскимъ Монархамъ, ни русскому народу жившимъ до него. Никонъ насильственнымъ давленіемъ самодержавія царя Алексѣя Михайловича старался искоренить тѣ древности изъ области церкви, которыя считались драгоцѣннымъ завѣтомъ, какъ для учителей русской церкви, такъ и для русскаго народа. Вмѣсто того, чтобы соединить всѣхъ вѣрующихъ въ одно цѣлое и чтобы всевозможными соединенными силами возвыситься противъ постояннаго, смѣло выступающаго духа раздробленій—вмѣсто того, чтобы оплакивать печальное раздѣленіе, которое уже слишкомъ два вѣка раздираетъ русскую церковь, послѣ-

дователи Никона — русское архипастырство, какъ прежде, такъ и нынѣ, употребляютъ всевозможныя мѣры для того, чтобы тѣ раздоры поддерживать и оправдывать при каждомъ удобномъ случаѣ, стараются несправедливо обвинять поборниковъ древности церковной практики въ томъ, что будто-бы они— единственная причина того печальнаго раздора и раскола, — и такимъ образомъ гоненіями, преслѣдованіями вынуждали послѣдователей церковной древности оставить свою родину и бѣжать въ разныя трущобы, лѣса, болота и трясины, даже переселяться во враждебныя русскому государству державы.

Но будетъ ли эта печальная борьба постоянно продолжаться въ отечественной русской церкви и совершится-ли когда либо примиреніе, примиреніе, говоримъ, а не покореніе. Опытъ двухъ вѣковъ показалъ, что рѣчь о послѣднемъ должна быть оставлена. Вѣруемъ Господу, который рекъ: „да будетъ едино стадо и Единъ Пастырь!“ и мы убѣждены, что примиреніе совершится.

По крайней мѣрѣ, скоро-ли это примиреніе начнется? И здравый смыслъ, и совѣсть, и опытъ отвѣчаютъ намъ, что примиреніе хотя и возможно, но начнется только тогда, когда господствующее въ Россіи архипастырство изъявитъ къ тому свою готовность и само пойдетъ на это примиреніе.

Господствующее въ Россіи архипастырство уже третье столѣтіе утверждаетъ, что старообрядцы суть главная причина, разсѣевающая въ русской церкви ссоры и раздоры, и потому сдѣлавшіеся непокорными Святой Апостольской церкви и ослушниками гражданской правительственной власти—словомъ, приписываютъ имъ такія жестокія обвиненія, за которыя они будто бы справедливо должны быть подвергнуты тѣмъ укоризнамъ, го-

неніямъ, преслѣдованіямъ и даже мученической смертной казни.

Итакъ возбужденный нами вопросъ заключаетъ въ себѣ чрезвычайную важность и глубокій интересъ не только для русско-народной массы, но и для Русскихъ Монарховъ, вмѣстѣ со всею русскою интеллигенціей, изслѣдовать вышесказанные упреки и обвиненія: на самомъ ли дѣлѣ старообрядцы сдѣлались непокорными Святой Апостольской церкви, слѣдовательно еретиками, или же наоборотъ, они остались вѣрными ей до іоты, этой вселенской сумвольной церкви? Напримѣръ: старообрядцы желаютъ служить Богу имъ родными старыми обрядами,—есть ли тутъ что-либо предосудительное для Св. Апостольской церкви или возмутительное и опасное для государства?

Какими же путями можно точно и подробно изслѣдовать тѣ печальныя явленія, которыя вотъ уже въ теченіи такого продолжительнаго времени обуреваетъ русскій народъ и русское архипастырство? Отвѣтъ простой: путемъ гласности, путемъ литературы.

Правительственная въ русской церкви власть уже два слишкомъ столѣтія стоитъ съ своимъ народомъ лицемъ къ лицу, другъ противъ друга, лишенная этого примиряющаго посредства: съ одной стороны *повелѣнія и запрещенія;* съ другой противленія и преслушанія; за преслушанія—наказаніе, отъ наказанія—ожесточеніе. Но здѣсь же въ литературѣ свободный обмѣнъ мыслей, пониманій и убѣжденій, всестороння оцѣнка всѣхъ воззрѣній, безпритязательныя разрѣшенія всѣхъ недоразумѣній,—и главное изъ препятствій будетъ уничтожено.

Отъ самого начала явленія въ русскомъ государствѣ великаго раскола, со стороны господствующей церкви издавалось и издается множество томовъ, съ раз-

рѣшенія св. Синода, противъ старообрядцевъ и старообрядчества, полемическаго свойства,—но старообрядцамъ въ оправданіе свое на эти книги строго воспрещено отвѣчать какъ печатно, такъ и словесно. Оправданіе старообрядцамъ подробно и обстоятельно путемъ литературы и въ наши дни не дозволяется. Многократно ставились и теперь ставятся старообрядцамъ разные печатные вопросы, [1]) но отвѣты на нихъ, вслѣдствіе извѣстныхъ стѣсненій, въ Россіи послѣдовать не могутъ.

Но благодаря миролюбивымъ отношеніямъ настоящаго царствованія, кажется, настало то желанное время, когда и господствующая въ Россіи церковь подаетъ руку на примиреніе съ старообрядцами. Въ отечественной литературѣ время отъ времени стали появляться безпритязательные отзывы о старообрядцахъ, и имъ слышится приглашеніе высказать свои недоумѣнія путемъ печати.

Въ «Московскихъ Вѣд.» № 208 1866 г. мы читаемъ: «Какъ опредѣлить разныя отрасли раскола? Чѣмъ руководствоваться при распредѣленіи, чтобы не впасть въ ошибку, подобную тѣмъ, въ какія впали при раздѣленіи раскольниковъ на вредныя и менѣе вредныя секты, въ то же время, какъ наприм. у поповщины, ближайшей къ православію секты (?!) уничтожились монастыри и церкви, отобрались Богослужебныя принадлежности, старыя книги и проч., а хлысты терпѣлись, считались усерднѣйшими къ Православію... Чѣмъ руководствоваться при раздѣленіи раскольни-

[1]) Напримѣръ, три вопроса отъ имени Онуфрія, на которые онъ же самъ и отвѣчалъ, конечно, по своему, (что немыслимо!) потомъ послѣдовало отъ того же Онуфрія еще 4 вопроса. Отъ инока Филарета 8 вопросовъ. Отъ Егора Антонова 13 вопросовъ. Но отвѣты на всѣ эти вопросы въ Россіи печатать не дозволяется, хотя они и превосходно написаны, написаны да и только!.. Не понимаемъ, къ чему нужны всѣ эти вопросы, когда для отвѣтовъ на нихъ не дается мѣста.

ковъ на категоріи?.. Сочиненіями духовныхъ лицъ? Но у нихъ о раскольническихъ сектахъ и теперь говорится то же, что говорилось полтораста лѣтъ тому назадъ св. Димитріемъ Ростовскимъ и Ѳеофилактомъ Твердынскимъ. Донесеніями административнымъ порядкомъ? Въ этихъ доносахъ истины еще менѣе, чѣмъ у духовныхъ лицъ, большею частію перефразирующихъ сочиненія прошлаго столѣтія, которыя, замѣтимъ кстати, не были подвергнуты въ этомъ родѣ строгой критикѣ. Основываясь на частныхъ проявленіяхъ раскольниковъ? Но это повело-бы къ цѣлому ряду ошибокъ, преувеличеній и несправедливостей. Но узнать остальныя секты можно единственно путемъ гласности, какъ при Петрѣ Великомъ публичною обмѣною вопросовъ и отвѣтовъ на Пафнутьевскомъ полѣ, привелось въ извѣстность современному поповщину свободнымъ разъясненіемъ своихъ возрѣній на церковь государство и общество...» Теперь времена иныя, чѣмъ петровскія, продолжаетъ газета, теперь не для чего собираться раскольникамъ на какое нибудь Пафнутьевское поле. Но все-же приходится сдѣлать то, что сдѣлалъ Петръ — напечатавъ ихъ вопросы (онъ бы, конечно, напечаталъ и отвѣты раскольниковъ, если бы прожилъ долѣе). Напечатать ихъ исповѣданія, затѣмъ подвергнуть строгому критическому разбору каждое изъ нихъ.»

Газета „Голосъ“, описывая долголѣтнее томленіе въ суздальской крѣпости старообрядческихъ іерарховъ, между прочимъ говоритъ: „Одинъ изъ заточенныхъ въ суздальской крѣпости, Аркадій Славскій, томится въ заточеніи 26-й годъ; изъ двухъ епископовъ одинъ 22 года, другой 17 лѣтъ“. Точно и подробно газета разсказываетъ всѣ причины преступленій, побудившія правительство къ этому наказанію этихъ несчастныхъ страдальцевъ, причинами были только ихъ

религіозныя убѣжденія. Потомъ газета напоминаетъ царствованіе Анны Іонновны, „когда преслѣдованіе старообрядцевъ, говоритъ газета, достигло высшей степени. Ихъ жгли, вѣшали за ихъ религіозныя убѣжденія. Люди крѣпкой вѣры и глубокихъ убѣжденій, продолжаетъ газета, легко переносятъ гоненія, даже мученія, но не казнь чрезъ сожженіе или повѣшеніе. Старобрядцы рѣшились покинуть родину. Они искали убѣжище и нашли его въ Мусульманской Турціи «и въ Австріи» гарантировавшей ихъ религіозную свободу. Передавая эти факты, „Голосъ“ наконецъ говоритъ: „Но пусть укажутъ намъ въ уложеніи о наказаніяхъ такое преступленіе, которое каралось-бы 25-лѣтнимъ заточеніемъ, когда мотивомъ преступленія служили не вредныя религіозныя убѣжденія“. [1])

„Русскій Міръ“, № 11-й 1879 года, говоритъ: „Вѣротерпимость въ отношеніи къ раскольникамъ (въ Россіи) крайне ограничена и сведена почти до нуля... Все это остатки старыхъ гоненій и притѣсненій. Ни суровости закона, ни притѣсненіе въ Богослуженіи старобрядцевъ не останавливаютъ народъ слушать и идти за ихъ проповѣдниками“.

„С.-Петербургскіе Вѣд“, № 131 14 Мая 1879 года, говорятъ, что „о предоставленіи старообрядцамъ свободы явнаго публичнаго богослуженія представить имъ естественно, и другія льготы, какъ напримѣръ: свободу печатанія богослужебныхъ и другихъ религіозныхъ книгъ“.

„Церковно-Общественный Вѣстникъ“ № 15-й 1879 года, поводу газеты „Старообрядецъ“, издаваемой въ Австріи высказываетъ слѣдующее: „Подобнаго рода изданія составляютъ насущную потребность не только для

[1] Эта статья была перепечатана въ „Русскомъ Курьерѣ“ № 21 1879 года.

самаго старообрядчества, но и для изслѣдователей и, для органовъ администраціи, церковной и гражданской и, для общества. Для старообрядцевъ оно составляетъ центральный пунктъ, въ которомъ сосредоточиваются его міровоззрѣнія и защищаются его нравственные и моральные интересы, и въ то же время служитъ объединяющимъ факторомъ, приводящимъ въ единство все разнообразіе старообрядческой мысли и жизни. Для изслѣдователей старообрядчества – его стройное изложеніе дѣйствительныхъ принциповъ, которыми оно руководится, и фактовъ, въ которыхъ эти принципы проявляются, дающіе возможность произносить о немъ болѣе или менѣе безошибочное сужденіе. Для администраціи это необходимый источникъ, для узнанія истинныхъ потребностей старообрядчества, цѣлей которыхъ оно домогается въ государственной и общественнойсредѣ... Все это тѣмъ болѣе важно, что разбросанность представителей старообрядчества, *невозможность гласнаго заявленія* (слышишь,читатель), ихъ принциповъ, желаній, цѣлей, разнообразіе, противорѣчивость ихъ воззрѣній, зависящіе отъ индивидуальныхъ, умственныхъ и нравственныхъ качествъ, присущихъ различнымъ представителямъ старообрядчества—способны многихъ ввести въ заблужденіе и составить ошибочное понятіе о старообрядчествѣ, легко быть къ нему несправедливымъ... „*Пусть самый свѣтъ гласности*“ **восклицаетъ эта газета** „*прольется на эту среду, стоявшую доселѣ въ полумракѣ*“.

„Новое Время“ говоритъ: „Въ текущее царствованіе даже евреи пріобрѣли значительно болѣе полноправности, чѣмъ имѣли до тѣхъ поръ. Старообрядцы же остаются почти въ томъ положеніи, какъ были въ 50-хъ годахъ. Публичное богослуженіе имъ запрещено, между тѣмъ какъ рядомъ съ запертой на-

глухо молельней — гордо высится признаваемая закономъ еврейская синагога". (№ 1069 1879 г.).

Относительно этого же предмета „Современныя Извѣстія", № 111 1879, говорятъ: „Миліонное старообрядчество терпѣливо ждетъ еще тѣхъ правъ, которыми евреи вполнѣ владѣютъ...."

„Церковно-Общест. Вѣст." № 14 1874 года выражаетъ еще слѣдующее: „Государство должно дѣйствовать въ отношеніи къ раскольникамъ въ духѣ вѣротерпимости и свободы, и давать имъ всѣ права, преимущества, которыми пользуются прочіе граждане государства, сдѣлать ихъ безусловно равноправными съ остальною массою населенія. Съ своей стороны и церковь должна относиться съ снисхожденіемъ къ религіознымъ убѣжденіямъ и дѣйствовать на нихъ въ томъ же духѣ терпѣнія и любви христіанской".

Въ газетѣ „Страна", 27 января 1880 года, мы читаемъ: „Одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ нашей русской жизни представляется положеніе старообрядчества. Больнымъ мѣстомъ мы называемъ—не самый расколъ, конечно, но оставшіеся еще въ законахъ старыя постановленія противъ раскола.—Интересы старообрядцевъ входятъ въ тѣснѣйшій кругъ солидарности, какой можно себѣ только представить въ государствѣ...„Неужели же," восклицаетъ газета, „васъ не затрогиваетъ самымъ живѣйшимъ образомъ цѣлой четверти великорусскаго населенія, при томъ такое положеніе, которое зависитъ не отъ бѣдности почвы, ни отъ высоты налоговъ, ни отъ отсутствія кредита,—причинъ не легко измѣнимыхъ—но просто отъ того, что не изданъ законъ изъ десяти строкъ, для отмѣны обветшалыхъ ограниченныхъ постановленій инаго времени"? Потомъ газета эта исчисляетъ многіе, не согласные съ духомъ свободы совѣсти, строгіе законы, изданные въ отношеніи къ старообрядцамъ, и

затѣмъ свою длинную статью она заключаетъ слѣдующими словами: „Наше многочисленное старообрядческое населеніе имѣетъ естественное право на признаніе въ немъ, наконецъ, послѣ двухъ-вѣковой борьбы одного изъ историческихъ основныхъ фактовъ русской жизни. По своей преданности отечеству, по своему трудолюбію и нравственнымъ качествамъ, старообрядческое населеніе составляетъ одинъ изъ самыхъ здравыхъ и самыхъ надежныхъ элементовъ русскаго народа. Настаетъ пора, чтобы государство примирилось съ законностью такого органическаго факта народной жизни и даровало старообрядцамъ равноправность.»

«Современ. Извѣст.» № 131 1880 г. говорятъ: „Раскольники (?) лишены у насъ не одного права открыто исповѣдывать свое убѣжденіе, и многихъ очень существенныхъ гражданскихъ правъ. Эта мѣра въ старину считалась необходимою и имѣла свои raison d'être. Но въ настоящее время и наши взгляды и потребности нашего времени совершенно измѣнились. Всѣ мы, если не чувствуемъ, то сознаемъ, что отчужденіе болѣе десяти милліоновъ гражданъ отъ общаго движенія государственной жизни не только не приноситъ какой либо пользы, но болѣе всего вредитъ самому государству. Хотя то или другое исповѣданіе у насъ уже давно перестало служить препятствіемъ для пользованія какими бы-то ни было гражданскими правами, но это соблюдается только по отношенію къ иностраннымъ религіямъ...“

Въ этихъ отзывахъ во имя примиренія, высказанныхъ просвѣщенными дѣятелями серьезной литературы, мы почуяли какъ бы вѣяніе того дня, великаго по громадности послѣдствій, когда многіе десятки милліоновъ славяно - руссовъ, движимые единою волею русскаго царя, но раздѣлимые, нынѣ враждующіе ме-

жду собою, забросятъ обоюдныя напраслины и укоризны и оставятъ двухвѣковую свою вражду.

На этотъ голосъ во имя единой вѣры, призывающей къ миру и любви заповѣданныхъ намъ нашимъ Господомъ, мы осмѣливаемся приступить къ разсмотрѣнію, этого столь важнаго вопроса, относительно борьбы обѣихъ спорящихъ сторонъ, господствующей и старообрядствующей въ Россіи церквахъ, и думаемъ не вопреки правительственной мысли, съ исторической точки зрѣнія разъяснить его такъ, чтобы свобода и обмѣнъ понятій, при искреннемъ исканіи примиренія, непремѣнно просвѣтили эти понятія и сблизили убѣжденія.

При этомъ считаемъ необходимымъ замѣтить слѣдующее: По нѣкоторымъ обстоятельствамъ приводимъ здѣсь далеко не всѣ историческіе памятники и матеріалы, которые у насъ имѣются, а также и здѣсь приводимые не имѣютъ строгой системы, и неправильнаго изложенія которая потребовала-бы много времени и труда. Но тѣмъ не менѣе надѣемся, что предлежащіе наши строки будутъ не простою фантазіей, а выраженіемъ, которымъ съ помощію Божіей, многія души убѣдятся и успокоятся относительно своихъ религіозныхъ положеній.

Въ концѣ этой книги, въ приложеніи, помѣщены: а) рисунки двуперстнаго сложенія, заимствованные нами изъ древнихъ памятниковъ, съ цѣлію указать на правильное происхожденіе этого перстосложенія отъ самыхъ древнихъ временъ христіанства б) копія съ прошенія старообрядцевъ 1800 г. въ 16 пунктахъ съ мнѣніями на нихъ Митрополита Платона, подтвердженнаго императоромъ Павломъ, въ 27 день декабря того же года, а въ противоложность этой— копія съ прошенія тѣхъ же старообрядцевъ того же года, хранящуюся въ первой единовѣрческой церкви

въ Москвѣ, безъ мнѣній митрополита Платона, но также подверрженнаго императоромъ Павломъ 27 декабря 1800 года, и г) отвѣты на 13 вопросовъ Егора Антонова.

ВВЕДЕНІЕ.

Со времени раздѣленія церквей на западную и восточную, православіе осталось на сторонѣ послѣдней. Но, къ сожалѣнію, и здѣсь человѣкъ самовольно раскрылъ врата церкви, и сынамъ міра сего указалъ мѣсто предразсудковъ, заблужденія, и безвѣрія. Примѣрами къ этому служатъ тѣ грустныя явленія въ Греціи, гдѣ сами патріархи впали въ латинство, и примѣрами послѣднихъ временъ, когда въ Греціи и Болгаріи происходили возмутительные ссоры, раздоры и расколы, которые, затѣмъ кончились произнесеніемъ другъ на друга клятвы и анаѳемы.—Русская же церковь до Никоновской реформы, безъ сомнѣнія, была украшеніемъ всѣхъ помѣстныхъ восточныхъ церквей. Она одна не отступно и непоколебимо стояла и остерегала тѣ спаи и скважины, чрезъ которые могло проникнуть нарушеніе или измѣненіе въ принципѣ ея состава, что могло обезобразить основаніе и характеръ всего зданія, украшеннаго обрядовыми возвышенными внѣшними своими изваяніями. Но послѣ никоновской реформы, русское Архипастырство, раздѣлило русскій народъ на два отдѣла. Однихъ, съ помощію гражданской власти, оно успѣло привлечь на свою сторону и поименовать ихъ въ Россіи господствующимъ православнымъ народомъ; другихъ, не согласныхъ съ никоновской реформою, оставшихся при своей древней, обрядовой, церковной практикѣ, лишено Архипастырствомъ того наименованія и назвало неправославнымъ. Но этотъ послѣдній от-

дѣлъ, оставшійся только подъ именемъ старообрядцевъ озадаченный нападеніемъ на него другаго обрядства, нападеніемъ во имя православія и несомнѣнно (старообрядцы) увѣрены въ своей православности, а также и въ томъ, что двухъ православій, враждебныхъ другъ другу, не можетъ быть, не могли не придти къ той мысли, что новое для русской церкви завоевательное обрядство, обзывающее святоотечественное обрядство неправославіемъ, было и есть неправославіе и само врагъ православію. Такимъ образомъ старообрядство, подозрѣвая въ своемъ могущественномъ противникѣ врага православію, который 200 слишкомъ лѣтъ ведетъ борьбу во имя православія, которое не только было этой борьбѣ причастно, но, глядя на нея, дивилося и скорбѣло; наконецъ туманъ недоразумѣнія разрушается и, Архипастырство пришло къ убѣжденіямъ, что старый обрядъ не имѣетъ ничего противнаго православію. Архипастырство додумалось до того, повторяемъ, что старый обрядъ не противенъ православію—но додумалось ли оно и до того, чтобы наконецъ опознать въ старомъ обрядѣ богоугодность, святость и спасительность? Или начало только опознавать, или совсѣмъ не начало еще? Если господственное обрядство ждетъ отъ старообрядства присоединенія къ себѣ, т. е. покоренія и отрицанія отъ самого себя, и требуетъ этого какъ и прежде во имя православія, то это покореніе невозможно потому, что старообрядцы въ самыхъ своихъ инстинктахъ исполненыхъ здравомысліемъ, не могутъ отупѣть до такой степени, чтобы не понимать безсмысленности такого покоренія. Если господствующее обрядство, оставивъ прежнее свое знамя православія, и во имя чего либо другаго потребуетъ покоренія себѣ—тогда подъ этимъ именемъ и будетъ видно, которому изъ обрядствъ придется отказаться отъ самого себя.

Когда въ Греціи и Болгаріи разбирался церковно-Болгарскій вопросъ, тогда Бермовъ, редакторъ болгарской газеты „Время", отвѣчалъ на вызовъ греческой газеты „Армонія", остерегая редактора послѣдней отъ неправильныхъ выраженій, допускаемыхъ имъ въ его греческой газетѣ. Бермовъ говоритъ редактору „Армонія": „въ вопросѣ, который обоюдно насъ занимаетъ, гдѣ играетъ роль самолюбіе Грековъ, нельзя оподоблять слово „церковь" для обозначенія общества администраторовъ въ дѣлахъ церковныхъ. Иначе какой нибудь „чужеземецъ" православный, неимѣющій понятія объ этомъ вопросѣ, читая въ этой „Армоніи": „Болгары требуютъ церковь къ суду" „вопросъ рѣшенъ въ пользу церкви", и т. д. подумаетъ, но погрѣшительно, будто Болгары возстаютъ противъ церкви, которая свята и непогрѣшима, а не противъ сонма извѣстныхъ лицъ, которыя захватили въ свои руки одну изъ патріархій и употребляютъ свою власть въ пользу свою и въ ущербъ другихъ. Названіе „церковь" безъ прилагательнаго, ограничивающаго понятіе, примѣнимо къ цѣлому составу вѣрующихъ и представляетъ совокупность однороднаго и нераздѣльнаго тѣла, коего часть есть сама патріархія константинопольская [1].) Итакъ грекъ редакторъ „Армоніи", говоря о спорѣ Болгаръ съ обществомъ и корпораціею церковныхъ администраторовъ, называетъ эту корпорацію „церковію" безъ прилагательнаго, которое ограничивало бы понятіе „церковь" и посторонняго слышателя наводитъ на неправильную мысль, будто Болгары стоятъ въ спорѣ и борьбѣ съ Св. Апостольскою церковію. Подобное сему, существуетъ и въ Россіи по вопросу о расколѣ. Порицатели старообрядства постоянно твердятъ, будто

[1]) См. Православ. обоз. Іюня 1866 г. и Москов. Вѣд. № 11 того же года.

старообрядцы суть противники Святой Апостольской церкви, и что это сопротивленіе Св. Апостольской церкви составляетъ существенный признакъ отличія общества старообрядцевъ отъ общества господствующей въ Россіи церкви. Нѣтъ надобности распространяться о различіи между церквами, каждой изъ частныхъ или помѣстныхъ, и церковію Вселенской, которая для краткости именуется Апостольскою, и между церковію, напримѣръ, Россійскою, Греческою, Болгарскою, или частнѣе Московскою, Кіевскою, Орловскою и т. д., и между тою церковію, которую занимаетъ Вселенскій Символъ вѣры, подъ именемъ единой, и которая въ настоящій моментъ представительствуется совокупностію всѣхъ мѣстныхъ православныхъ церквей, и внѣ этого момента соединяетъ въ себѣ сонмъ православновѣрующихъ всѣхъ временъ и народовъ. Церковь Апостольская Вселенская единая непогрѣшима и неодолима, а каждая изъ помѣстныхъ церквей можетъ не только погрѣшать, или отклоняться отъ православія, но перестать быть—погаснуть. Съ которой-же изъ этихъ церквей старообрядцы, по завѣреніямъ порицателей, стоятъ въ разногласіи и спорѣ, съ Апостольскою Вселенскою единою, или же съ помѣстною Россійскою, которая безспорно есть часть и одинъ членъ церкви Вселенской? Да будетъ позволено намъ объясниться пораспространеннѣе.

Григорій, митрополитъ С.-Петербургскій, въ отвѣтѣ единовѣрца старообрядцу (стр. 28) говоритъ: „Св. Синодъ подлинно разрѣшилъ или благословилъ употреблять двуперстное сложеніе для крестнаго знаменія, но только присоединившимся къ православію, и разрѣшилъ, достовѣрно узнавъ, что мысль соединяемая ими этимъ перстосложеніемъ православна.“ И отъ Г. Субботина, № 22 „Современной Лѣтописи,“ мы слышимъ, „что старообрядцы, съ

своимъ перстосложеніемъ для крестнаго знаменія, не соединяютъ неправыя ученія и что когда путемъ разъясненія несогласій и недоумѣній, существующихъ между старообрядцами и церковію, православные пастыри пришли къ убѣжденію, что съ двуперстіемъ старообрядцы не соединяютъ неправыхъ мудрованій, тогда..." и проч. [1]) И такъ старый обрядъ и старообрядцы терпѣли и терпятъ осужденіе и изгнаніе, и двухъ вѣковъ преслѣдованіе, по одному недоумѣнію въ неправославности своего взгляда на старый обрядъ, слѣдовательно, осужденіе и изгнаніе и преслѣдованіе были и теперь суть погрѣшимы. Но такія ошибки правительственныхъ властей какой-либо мѣстной, и на этотъ разъ и Русской церкви, могутъ-ли быть переносимы на Св. Апостольскую Вселенскую церковь? Если сія Символьная Св. Церковь не причастна неправедному осужденію старообрядцевъ, то ясно, что и старообрядцы виновны въ противленіи не ей (не Апостольской), а кому либо другому.— Филаретъ, Митрополитъ Московскій (въ словѣ 8-го Сентября 1840 г.) говоритъ: „что нѣкоторыя богослужебные обряды и обычаи, употребляемые въ единовѣріи, по внѣшнему образцу отличные отъ употребляемыхъ въ великой церкви, не противорѣчатъ духу и значенію оныхъ, какъ дознано испытаніемъ некратковременнымъ." Григорій Митрополитъ (отвѣтъ единовѣрца старообрядцу 13. 14. 15. стр.) говоритъ: „единовѣрцы для крестнаго знаменія употребляютъ двухперстное знаменіе и православные троеперстное сложеніе, — есть ли тутъ разница въ вѣрѣ? Нѣтъ! православные — тѣ и другіе... Во святомъ крещеніи православные обходятъ купель, идя противъ солнечнаго теченія, а единовѣрцы по теченію солнца, раз-

[1]) См. еще „Братское Слово" 1875 г. стр. 144.

умѣя подъ солнцемъ „солнце правды — Іисуса Христа:“ въ обрядѣ разность есть, но вѣра одна... равно тѣ и другіе постоянно остаются со Христомъ, никто изъ нихъ не идетъ прочь отъ Христа.“ Но епископъ Олонецкій, Игнатій (въ предисловіи къ исторіи о расколѣ) прямо говоритъ: „что старообрядчество есть уклоненіе отъ прямого пути истины вѣры,—не православіе.“ И отъ того же Григорія мы выше слышали, что старый обрядъ если и разрѣшенъ св. Синодомъ, но только присоединившимся къ православію. Только .присоединившимся, сказано! Слѣдовательно, по Григорію, старообрядцамъ, оставшимся внѣ соединенія, Св. Синодъ не разрѣшаетъ стараго обряда. И не разрѣшаетъ потому-ли, что еще не зналъ достовѣрно, присоединяютъ они (старообрядцы) или не присоединяютъ они къ этимъ обрядамъ неправыхъ ученій, или потому, что увѣренъ въ неправославности послѣднихъ къ православію. Изъ этого мы вправѣ заключить, что старообрядцы, присоединяясь къ Русской церкви, вмѣстѣ съ тѣмъ присоединяются и къ православію, слѣдовательно, до этого соединенія они не были православными, и не присоединившимися и теперь остаются въ неправославіи. (Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что Игнатій и Григорій, по званію, состояли членами Св. Синода и могутъ быть признаны авторитетными толкователями Св. Синода). И такъ между авторитетнѣйшими изъ россійскихъ архипастырей еще не установилось единогласіе въ пониманіи одного и того же предмета, изъ-за котораго слишкомъ два вѣка ведется споръ съ паствою!— Григорій допускаетъ разногласіе между единовѣріемъ и господствующей въ Россіи церковью. И такъ несостоятельное недоразумѣніе на старообрядцевъ и старообрядство въ неправильности ихъ взгляда до настоящей минуты обуреваетъ совѣсть и пониманіе правительствующаго архипастырства. „Некратковре-

менныя испытанія" не довели Синодъ до достовѣрности дознанія, что несоединенные съ русской церковью старообрядцы не соединяютъ къ старымъ обрядамъ никакихъ неправыхъ мудрованій, что они, безъ укоризны, православны. Таковая недоконченность дознаній, при долговременности и обычности испытаній, и такое противорѣчіе между архипастырями, могутъ-ли быть признакомъ вѣрнаго представительства ими Св. Апостольской церкви, которая погрѣшать не можетъ и всегда вѣрна себѣ? Вотъ какъ сами начальнѣйшіе представители Русской церкви свидѣтельствуютъ о православности всего содержимаго соединенцами. Но старообрядцы, соединяясь съ русскою церковію, удерживаютъ за собою всеобщіе всему старообрядчеству книги, обряды, обычаи и обрядовыя пониманія и убѣжденія, и признаются отъ русской церкви ей единовѣрными. Почему же остальное старообрядчество, у котораго, кромѣ одного соединенія, всеобщее съ соединенцами отъ символа до малѣйшихъ обрядовыхъ подробностей называется неправославнымъ? Какимъ образомъ одно и то же перстосложеніе, одинъ и тотъ же обрядъ, одна и та же книга, одна и та же икона, одно и то же исповѣданіе вѣры у однихъ ревнителей стараго обряда признаются православными, а у другихъ не признаются православными? Старообрядцы уже 200 лѣтъ слишкомъ неотступно, безъ малѣйшей двусмысленности, съ непоколебимой преданностью твердятъ о своей православности и несомнѣнной преданности апостольскому православію, о ненарушимой вѣрности седьми вселенскимъ и помѣстнымъ соборамъ и каноническимъ правиламъ святоотеческой церкви, и въ частности о тѣхъ толкованіяхъ, какія они соединяютъ съ двуперстнымъ сложеніемъ, о толкованіяхъ, кои самими россійскими архипастырями признаются толкованіями православными. Какое же

основаніе имѣютъ россійскіе архипастыри не признавать старообрядцевъ православными? И какое право имѣютъ они не слушать ихъ справедливый голосъ? Но еще мало того, не дозволять говорить и въ печати объясняться?!... Наконецъ, если старообрядцы и старообрядчество не есть православіе, то оно необходимо должно быть ересью потому, что, кромѣ ереси, у православія другаго положительнаго противоположенія нѣтъ. Если старообрядчество есть ересь, то пусть порицатели назовутъ имя этой ереси, пусть скажутъ, въ чемъ она именно заключается. Въ пониманіи-ли догматической истины они находятъ въ старообрядчествѣ уклоненіе отъ православнаго исповѣданія св. апостольской церкви? (Просимъ не смѣшивать старообрядчество, въ чистомъ его смыслѣ, съ тѣми крайностями, до которыхъ дошли нѣкоторые его толки. Напримѣръ, чрезъ сильныя гоненія и преслѣдованія, нѣкоторые толки пришли къ тому убѣжденію, что антихристъ уже пришелъ и раззоряетъ церковь православную, и все священство погибло и сама церковь святая взята на небо и проч. Если такіе толки и ошибочны, то развѣ при такихъ обстоятельствахъ и отчаянномъ ихъ положеніи можно ихъ-же обвинять?).

Мы указали выше на разногласіе между архипастырями, изъ коихъ одни утверждаютъ, что старообрядчество не есть православіе; другіе, напротивъ, не отрицаютъ его православности. Немыслимость первыхъ мы желали бы опровергнуть отзывами митрополита Филарета и митрополита Григорія. Но порицатели старообрядчества не согласуются признать противорѣчія между первыми и вторыми, утверждая, что митрополиты Филаретъ и Григорій говорятъ о православности книгъ, обрядовъ и обычаевъ, содержимыхъ, такъ называемыми, единовѣрцами, о православности единовѣрія, но никакъ не старообрядче-

ства [1]). (Хотя у тѣхъ и другихъ все одно, и сvмволъ вѣры, и обряды, и книги) и что о старообрядчествѣ «и нынѣ не можетъ быть иная у церкви мысль» [2]). Слѣдовательно, у церкви, которая до 1667 г. признавалась за истинную, повидимому. такою-же признана и двумя знаменитыми архипастырями русской церкви, Филаретомъ и Григоріемъ. И что-же? Ни у только-что упомянутыхъ духовныхъ архипастырей, мнимыхъ благожелателей старообрядцевъ, въ формѣ единовѣрія, и ни у кого изъ другихъ архипастырей мы не находимъ защиты отъ возводимой на старообрядчество тяжкой напраслины въ его будто-бы неправославности. Нѣтъ ни одного прямаго отзыва, что старообрядчество какъ до Никона, такъ и послѣ него, было и есть неизмѣнно вѣрно самому себѣ и, слѣдовательно, было и есть всегда православно. Очевидно, признаніе православности старообрядчества есть излишняя обмолвка, вынужденное выраженіе архипастырей русской церкви силою истины и, вмѣстѣ съ тѣмъ, недомолвка намѣренно-допускаемая, чтобы затмить истину и тѣмъ, по возможности, отдалить неизбѣжное оправданіе, оправданіе старообрядчества, и какъ слѣдствіе его

[1]) Просимъ читателя обратить свое вниманіе на слѣдующее: митрополитъ Филаретъ и митрополитъ Григорій выше говорятъ не о чемъ либо другомъ, а именно о старомъ обрядѣ: „Единовѣрцы, для крестнаго знаменія, говорятъ они, употребляютъ двуперстное знаменіе и православные троеперстное сложеніе,—есть-ли тутъ разница въ вѣрѣ? Нѣтъ! православные тѣ и другіе... Во святомъ крещеніи православные обходятъ купель, идя противъ солнечнаго теченія, а единовѣрцы по теченію солнца, разумѣя подъ солнцемъ „солнце правды—Іисуса Христа: *въ обрядѣ разность есть, но вѣра одна....*" Изъ этого ясно, что здѣсь говорится, что старый обрядъ православенъ, а если старый обрядъ православенъ, то нѣтъ причины и различать его у держателей его, соединенцы-ли держатели стараго обряда или не соединенцы они, — словомъ, лишь-бы обрядъ былъ православный: если же, по объясненію упомянутыхъ апологетовъ, старый обрядъ православенъ, то нѣтъ и причины называть неприсоединенцевъ раскольниками.

[2]) См. въ концѣ книги, мнѣнія митрополита Платона 1800 года.

осужденіе разными доселѣ на него мѣропріятіями. И первое прискорбно, но послѣднее еще прискорбнѣе! Достойно-ли архипастырства, которое притязуетъ на право представлять собою Святую вселенскую единую церковь,—или право свое на непогрѣшимость?— Митрополитъ Григорій говоритъ: „Св. Синодъ разрѣшилъ единовѣрцамъ—соединенцамъ двуперстное сложеніе, достовѣрно узнавъ, что мысль, соединяемая ими съ этимъ перстосложеніемъ, православна". „Соединяемая ими", сказано, т. е. которую они соединяютъ? Потому-ли, что съ двуперстіемъ никогда не соединяли они никакой неправославной мысли, или-же потому, что перестали такую мысль соединять? Если митрополитъ полагаетъ, что будто соединенцы только при своемъ соединеніи оставили неправославную мысль, значитъ, прежде, до соединенія своего, они ея держались; а неприсоединенцы и теперь не перестаютъ ее держать. Но это такая неправда и напраслина, которыя прямо высказать никогда и никто не осмѣливался. Однако, именно ее-то приводимъ здѣсь. Въ своемъ отвѣтѣ Преосвященный Митрополитъ, во всякомъ случаѣ, долженъ былъ эту напраслину прямо высказать. Но онъ былъ на это осторожень, чтобы прямо и ясно высказать несправедливость. Достоинство его сана требовало, чтобы онъ избѣгалъ и двусмысленности, намѣренно затмѣвающей истину.

Отъ г. Субботина мы слышимъ, что „православные пастыри пришли къ убѣжденію, что съ двуперстнымъ сложеніемъ старообрядцы не соединяютъ неправыхъ мудрованій". „Старообрядцы не соединяютъ". Съ признательностію выписываемъ эти слова одного изъ достопочтенныхъ дѣятелей и представителей науки, не колеблющихся и умѣющихъ высказать по временамъ слово правды, вопреки формулѣ оффиціальной неправды, ревниво слѣдящей за каждымъ

ихъ словомъ и за каждой обмолвкой, грозящей имъ непріятностью. Пусть знаютъ и они (представители науки), и русское архипастырство, что слухъ и сердце старообрядцевъ такъ нѣжны и чувствительны къ каждому слову святой правды и справедливости, про нихъ высказываемому, но вмѣстѣсътѣмъ къ каждой напраслинѣ и къ каждой недомолвкѣ, намѣренно затмѣвающей истину.

Мы сейчасъ слышали отъ митрополита Григорія: „единовѣрцы употребляютъ двуперстное сложеніе, а православные троеперстное; православные обходятъ купель противъ солнца, а единовѣрцы по солнцу." Въ этомъ раздѣлительномъ, поставленіи между двумя обрядствами, не слышится-ли противопоставленія единовѣрія православію? „Православные", сказано тамъ, „крестятся троеперстно, а единовѣрцы двуперстно." Не слышится-ли здѣсь, что троеперстіе есть сложеніе православныхъ и слѣдовательно сложеніе православное, а двуперстное сложеніе не православныхъ, и не православное. Или другими словами: троеперстіе есть одинъ изъ отличительныхъ признаковъ, одинъ изъ членовъ православія, а двуперстіе неправославіе. Также и хожденіе противу солнца и по солнцу и т. д. Въ этомъ же отвѣтѣ Митрополита Григорія высказывается еще прямѣе и слѣдующее выраженіе: православные пастыри привлекаютъ собственно и прежде всего не къ единовѣрію, а въ православіе, и дѣйствуютъ такъ, какъ требуетъ православіе (стр. 46). И такъ, по митрополиту Григорію, единовѣріе есть прямое и открытое противленіе православію: православіе требуетъ троеперстія, а единовѣріе—двоеперстія; православіе требуетъ хожденія противу солнца, а единовѣріе по солнцу и т. д. Что это различіе единовѣрія и православія не есть обмолвка Митрополита Григорія, но практически примѣняемое Св. Синодъ свидѣтель-

ствуетъ отношеніе, въ которое поставлено единовѣріе къ православію. Такъ называемый единовѣрецъ безпрепятственно допускается къ тѣлу и крови Господнихъ, въ храмѣ господственно обрядствомъ. Но господственно обрядцу это причащеніе строго воспрещено въ храмѣ единовѣрческомъ. Переходъ изъ православія въ единовѣріе Св. Синодъ (и это не далѣе какъ въ 1859 и 1861 г г.) называетъ оскорбительнымъ для церкви и православія [1]). Если такъ, если общеніе съ господствующей церковію, и съ удержаніемъ стараго обряда (въ чемъ и состоитъ сущность соединенства), называемаго единовѣріе, не есть православіе въ православіи, то очевидно, и именованіе этого единства „единовѣріемъ" противорѣчитъ сущности опредѣляемаго цредмета и искажаетъ ее, и есть или ошибка, происшедшая отъ непониманія того, что именно оставляютъ и что принимаютъ старообрядцы при ихъ соединеніи; или же дипломатическая изворотливость, разсчитанная на легкомысленность и недальновидность, сколько отъ единства, столько-же и правительствъ съ обществомъ господствующей церкви.

„Св. Синодъ разрѣшилъ двуперстное сложеніе, и только присоединившимся къ православію!" „Присоединившимся къ православію!" Слѣдовательно, сдѣлавшимся православными; а если такъ, то пребываніе въ сообщеніи съ русской церковью, съ удержаніемъ стараго обряда, есть пребываніе въ православіи. Послѣ этого, какой-же будетъ смыслъ въ словахъ того архипастыря „православные пастыри привлекаютъ собственно и прежде всего не къ единовѣрію, а въ православіе и поступаютъ такъ, какъ требуетъ православіе, а не единовѣріе." Тогда почему-же этого пре-

[1]) О чемъ будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

быванія въ православіи не называть православнымъ, для чего нужно было изобрѣтать другое имя? Или по его корнесловному составу, означающее единость съ православіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ (по существенной обязанности каждаго имени опредѣлять собою не сходство, а отличительные признаки именуемаго предмета отъ всѣхъ другихъ) требуетъ между православіемъ и его единовѣріемъ раздѣлительность. При послѣднемъ противорѣчіи митрополита Григорія, самому себѣ припомнимъ слышанное отъ него прежде, гдѣ онъ, вмѣстѣ съ Игнатіемъ, отрицаетъ правильность старообрядчества, а вмѣстѣ съ митрополитомъ Филаретомъ его допускаетъ. Это противорѣчіе самому себѣ отнюдь не есть недосмотръ, и недосмотръ, допущенный лично однимъ Григоріемъ, а слабость общая всѣмъ апологетамъ оффиціальнаго обрядства и ихъ каждой книгѣ и статьѣ, имѣющихъ предметомъ вопросъ о русскомъ расколѣ. Не имѣя яснаго понятія о предметѣ, они по наслышкѣ повторяютъ то, что оффиціально печаталось о немъ назадъ тому лѣтъ сто или болѣе, что въ то время было искреннимъ заблужденіемъ и искаженіемъ истины; хотя въ потьмахъ и ощупью, они вглядываются въ случайные отголоски правоты, но не задавая себѣ труда отрѣшиться отъ сторонних предубѣжденій и не допуская въ себѣ и въ своихъ учителяхъ возможности ошибаться. Обличители старообрядцевъ не подозрѣваютъ противорѣчія между правдой и кривдой и, не обращая ни малѣйшаго вниманія на внушенія совѣсти и здраваго смысла, самоувѣренно повторяютъ и то и другое, старое и новое, ложь и истину,—отчего выходитъ путаница и безсмыслица,—чему двукратный примѣръ мы сейчасъ видѣли у преосв. Григорія. Вмѣсто порицанія двуперстнаго сложенія, «исповѣданіемъ проклятыхъ армянъ, неравенство Святой Троицы мудрствующихъ злымъ мудрованіемъ и

аріевой пропастью, злобнаго раздѣленія Савельевымъ еретичествомъ», печатанныхъ доселѣ Св. Синодомъ въ предисловіяхъ къ псалтырямъ и часословамъ, [1]) мы въ новой редакціи этихъ предисловій читаемъ: «Церковь единовѣрцамъ двуперстнаго сложенія не возбрани, понеже многимъ временнымъ явлено бысть, яко не соединяютъ съ нимъ никакого неправославнаго мудрованія, но единовѣрные со всею православною церковію Пресвятую Троицу и Господа Іисуса Христа въ двухъ естествахъ славятъ.» (См. въ Москов. Вѣд. № 276—1866 г.). Немножко не по-русски и не по-славянски. Кого разумѣетъ здѣсь новая редакція псалтыри и часослова подъ именемъ единовѣрцевъ? У церкви, въ обоихъ ея смыслахъ, помѣстной и вселенской, внутри ея самой, нѣтъ и не можетъ быть раздѣленія ея чадъ на чадъ ей единовѣрныхъ. Если вы—сынъ церкви православной, то ясно, что вы православный; если-же вы не православный, то и не сынъ православной церкви. У церкви не можетъ быть чадъ чужихъ, а все свои. И

[1]) Господинъ Субботинъ говоритъ, что если-бы, по примѣру старообрядцевъ, кто нибудь изъ православныхъ рѣшился взять на себя неблагодарный и возмущающій душу трудъ, собрать во-едино всѣ хулы на троеперстіе, какими наполнены раскольническія сочиненія и стараго и недавняго времени, онъ составилъ бы цѣлую книгу, отъ которой, смѣемъ думать, къ чести нынѣшнихъ старообрядцевъ, даже большая часть отвернулись-бы съ негодованіемъ. Но пастыри и писатели церкви православной, сохраняя подобающее имъ достоинство, не послѣдовали дурному примѣру ревнителей раскола ни въ составленіи подобнаго рода сборниковъ, ни вообще, въ упорномъ содержаніи тѣхъ неправильныхъ воззрѣній на предметы разномыслія, которые возникли и утвердились въ первые времена раскола. («Братское Слово» 1875 г. стр. 144). Но пусть бы г. Субботинъ пощадилъ свое ученое достоинство! Развѣ не пастыри, такъ называемой, православной церкви, помѣстили въ первой редакціи, въ предисловіяхъ къ псалтырямъ и часословамъ высказанныя хулы на двуперстіе и старые обряды? Г. Субботинъ, излагая эту неправду, конечно, разсчитывалъ на то, что старообрядцамъ не дозволено возражать ему на его недобросовѣстную апологію. Но этими одними только порицаніями стараго обряда дѣло еще не кончилось. Ниже читатель увидитъ гораздо болѣе возмутительныя порицанія старообрядства со стороны апологетовъ господствующей церкви.

въ церкви Апостольской вселенской единой не можетъ быть сего раздѣленія, т. е. въ апостольской церкви не можетъ быть церквей православныхъ и церквей, единовѣрческихъ, а всѣ необходимо должны быть православныя, потому что она одна «едина», и внѣ ея нѣтъ чадъ; напротивъ, у помѣстной церкви есть церкви ей единовѣрныя, а слѣдовательно и единовѣрцы. И такъ, логически, единовѣрцы могутъ быть только у помѣстной церкви, и притомъ только внѣ ея. Но и сія, т. е. помѣстная церковь, а слѣдовательно и Русская церковь, не можетъ ни возбранить ни повелѣвать что либо своимъ единовѣрцамъ, т. е. членамъ другой церкви, потому что она не имѣетъ на это права. Для каждой изъ помѣстныхъ церквей обязательно повиновеніе, благословеніе и запрещеніе, или ея самой, или вселенской, но никакъ не другой помѣстной, хотя бы и единовѣрной ей церкви. Но новая редакція въ предисловіи возглашаетъ, что «церковь двуперстнаго знаменія не возбрани». Подъ церковію разумѣется здѣсь, какъ русская, такъ и вселенская апостольская, церковь,—послѣднюю потому, что каждая помѣстная церковь, въ своихъ благословеніяхъ и возбраненіяхъ, не можетъ или не должна разногласить съ церковію апостольскою. Очевидно, какъ та, такъ и другая церковь двуперстнаго знаменія не возбраняютъ именно своимъ чадамъ, а не чужимъ, т. е. всѣмъ чадамъ православнымъ; потому у вселенской церкви нѣтъ чужихъ чадъ; а церковь помѣстная на чужихъ чадъ своихъ повелѣній и возбраненій простирать не можетъ. Своимъ чадамъ, слѣдовательно, всѣмъ православнымъ христіанамъ, церковь россійская русскимъ православнымъ, и церковь вселенская православнымъ всѣхъ временъ, племенъ и государствъ. Такъ слѣдуетъ сказать и о новой редакціи предисловія: «своимъ православнымъ чадамъ двуперстное знаменіе не

возбрани». Откуда же въ этой редакціи это неправильное выраженіе одного имени вмѣсто другаго, это логически неумѣстное слово «единовѣрцамъ». Что это? Опечатка типографіи, или недосмотръ редакціи? Къ сожалѣнію, ни то, ни другое. Въ русской церкви, отъ времени митрополита Платона, фактически существуетъ странное раздѣленіе чадъ ея на чадъ православныхъ и чадъ ей единовѣрныхъ,—единовѣрцевъ. Раздѣленіе самой Русской церкви на православіе и единовѣріе (какъ будто и этого мало для отличія здраваго смысла) на двѣ различныя церкви, на православную и единовѣрческую.

«Общество старообрядчества, принявши правила единовѣрія собственно потому, что они были до 1800 года раскольниками, отступникамя отъ православной церкви, и начали держаться той же самой вѣры, какой держится православно-господствующая въ Россіи церковь». Такъ говоритъ митрополитъ Григорій (Отв. единовѣрца старообрядцу стр. 11—12). Мы просимъ нашихъ достойныхъ порицателей понять характеръ послѣдней платоновской, но донынѣ остающейся въ силѣ церковно-правительственной политики россійскаго архипастырства, какъ въ зеркалѣ отразившейся въ приведенныхъ строкахъ. Соединенцы называютъ себя единовѣрцами—единовѣрцами русской церкви,—слѣдовательно, ихъ вѣра еще не есть православная. Вотъ внутренній смыслъ имени единовѣрія, вложенный въ него его изобрѣтателями. Какая вѣра, какъ ея имя и въ чемъ ея направленіе, объ этомъ спрашивать изобрѣтатели посылаютъ желающихъ къ единовѣрцамъ. Вѣдь сами единовѣрцы именованіемъ своимъ свидѣтельствуютъ о себѣ, что до соединенія у нихъ была другая вѣра, соединенцы, а никто другой должны знать и ея имя и назвать его вопрошающимъ, а правительствующимъ архипастырямъ до этого какая надобность? Сами единовѣрцы свидѣтель-

ствуютъ о себѣ! Что за дѣло архипастырямъ до того, что это имя сами избрали и въ оправданіе свое и насильно навязали единовѣрцамъ. что соединенцы гнушаются этимъ именемъ, съ отвращеніемъ носятъ его, всячески стараются избѣгать его, отъ него отдѣлаться, справедливо усматривая оскорбленіе для прямой и неповрежденной совѣсти, Архипастырямъ, говоримъ, что до этого за дѣло, пока этой платоновской изворотливости не поняли ни общество, ни государи, ни Греческая церковь, ни Европа. „Церковь единовѣрцамъ двуперстное сложеніе не возбрани.“ Конечно, подъ единовѣрцами должно разумѣть старовѣровъ соединенцевъ, Платоновскихъ соединенцевъ. Слѣдовательно, не соединенцамъ, а всегдашнимъ чадамъ церковь россійская возбраняетъ двуперстное сложеніе. Если такъ, то спросимъ — почему? Не говоримъ уже о томъ, что и предисловіе новой редакціи оказывается не свободно отъ старинныхъ предубѣжденій къ старопечатнымъ книгамъ, Никономъ неисправленнымъ, когда и оно дѣлаетъ различіе между троеперстіемъ и двуперстіемъ. Первая, благословляя, другая только не возбраняетъ, терпя.

Если Богослуженіе по старымъ книгамъ и обрядамъ, въ общеніи съ Русской церковію, не есть православіе въ православіи, то и допущеніе такого общенія, очевидно, „ оскорбительно и весьма оскорбительно для церкви и православія,“ а оправданіе, подъ предлогомъ единовѣрности, равносильно насилованію совѣсти и здраваго смысла. Если держаніе старыхъ обрядовъ въ церкви подлинно есть пребываніе въ православіи, то не только пребываніе на единовѣрцевъ просвѣщенія отъ Бога, но и запрещеніе перехода отъ обрядства господственнаго къ обрядству старому внутри той-же церкви и, ограниченіе послѣдняго тѣсными предѣлами платоновскаго единовѣрія

не имѣетъ смысла. Если старый обрядъ не православенъ, то онъ долженъ быть возбраненъ и соединенцамъ. Какое сообщеніе свѣта съ тьмою? Что за сдѣлка православія съ заблужденіемъ и ересями?

Такая недоконченность и неустроенность, странность, недосказанность и противорѣчіе въ дознаніяхъ, пониманіяхъ, убѣжденіяхъ, признаніяхъ и дѣйствіяхъ россійскаго архипастырства, или, другими словами, такая легкомысленность въ исполненіи обязанностей пастырства, на обязанности котораго если не знать, то по крайности изучать ввѣренную отъ Бога паству, такіе поступки россійскаго архипастырства противъ стараго обряда и старообрядцевъ могутъ ли быть признакомъ вѣрности Св. Апостольской церкви, которая была и есть непогрѣшима? Осмѣливаемся думать, что такая неустроенность если и попущена Промысломъ Божіимъ, то никакъ не въ Св. Апостольской вселенской единой церкви, которая и есть и во вѣки пребудетъ неодолима; а въ нашей отечественной русской церкви, въ ея представительствѣ, въ ея архипастырствѣ, въ церковно-правительственной администраціи, и въ этой послѣдней, уповаемъ, попущено временно.

И такъ, если предки старообрядцевъ воспротивились обрядовымъ постановленіямъ Никона и собору 1667 года, то воспротивились очевидно не вселенской церкви, которая не терпитъ гоненія, преслѣдованія и насилія, и не своей отечественной, которая въ то время старообрядствовала, а правительствовавшимъ въ тѣ времена въ Русской церкви властямъ, или, какъ говоритъ Болгарская газета „церковнымъ администраторамъ". Если нынѣшнее старообрядчество и нынѣ удерживается отъ сообщенія, то не съ Св. Апостольской церковію, вѣрность которой, даже до буквы, оно запечатлѣло вѣковыми страданіями, а именно съ правительствующими въ нашей отече-

ственной церкви властями, удерживается потому, что они не ввели въ порядокъ отношенiй своихъ къ старообрядчеству, и удерживается для того, чтобы этой неустроенности не подвергнуть своимъ согласiемъ и чтобы такимъ образомъ эту неустроенность не возводить до закона, никѣмъ не возраженнаго и неоспариваемаго, для всѣхъ обязательнаго и всегда неизмѣннымъ оставаться долженствующаго порядка. Словомъ, старообрядцы противятся неустроенности отношенiй къ нему «администраторовъ» Русской церкви, но никакъ самой церкви вселенской, которую разумѣетъ Сvмволъ вѣры подъ именемъ единой св. соборной апостольской, отъ которой старообрядцы (въ чистомъ его смыслѣ) никогда не отступали и въ вѣрности которой уповаютъ они обрѣсти вѣчное спасенiе своихъ душъ.

Порицатели старообрядства себя однихъ называютъ православною церковiю; а старообрядцевъ ея противниками, вездѣ и постоянно возглашаютъ, будто старообрядцы суть противники православiя. Такъ, нѣкто священникъ Твердынскiй (см. «Странникъ» марта 1866 г.) вотъ какъ отзывается о старообрядчествѣ: «Расколъ,—говоритъ онъ,—питаетъ непримиримый духъ вражды и ненависти къ православiю и русской церкви, ненависть къ православiю вообще, къ православному духовенству въ частности, особенно къ православному епископству и т. д.». По словамъ такихъ апологетовъ, будто бы православiе и вся православность—такое чудовище, что одинъ видъ которой приводитъ старообрядцевъ въ ужасъ и ярость,—красный плащъ дразнитъ быковъ въ Испанiи. Какая непростительная легкомысленность, какая вопiющая несправедливость! Мы усматриваемъ, что порицатели старообрядства, чтобы вызвать изъ души искренняго читателя распри, раздоры и хулы, съ тѣмъ, чтобы беззащитнаго со сто-

роны правительства противника предать въ руки правосудія. Кто имѣется въ виду, къ чему ссылаются и кого стараются сбить съ толку эти апологеты, сочиняя подобныя лжи и клеветы? Старообрядцевъ-ли? Нѣтъ, старообрядцы себя знаютъ. И такъ кого-же? общество? правительство? Да, къ сожалѣнію!... Общество по наслышкѣ вѣритъ этимъ возмутительнымъ и сердцераздирающимъ наговорамъ, *а правительство смущается мнимой виновностью староорбядцевъ*.

Нѣкогда у насъ народъ составлялъ собою церковь. Смыслъ и совѣсть народная, въ дѣлахъ церковныхъ, подлинно и не фиктивно представительствовались правительствами церковными и гражданскими, іерархіею и государями. Съ нѣкотораго времени, а именно отъ патріарха Никона, это древнее единство народа съ іерархіею и іерархіи съ народомъ разрушено. Нынѣ у насъ Россійская церковь заключается въ іерархіи, а вся іерархія—въ Св. Синодѣ. Народъ же, который, по ученію православія, есть самое тѣло церкви, сталъ для нынѣшней Россійской церкви чѣмъ-то ей внѣшнимъ. Право осмысливать и свободно принимать всякія іерархіи, у народа отнято. Хотя изъ среды народной массы и могутъ высказать свои православнѣйшіе умъ и совѣсть, но никакъ не на глазахъ Св. Синода, а гдѣ нибудь въ Берлинѣ, Парижѣ, Турціи и Австріи.... И вотъ, въ самый моментъ разрыва между іерархіею и народомъ, какъ послѣдствіе, явился расколъ, называемый расколомъ старообрядчества, который, по мѣрѣ узаконенія, укоренѣнія, разрыва, и самъ росъ и укрѣпился, такъ что можно не безъ основанія заподозрить, что старообрядчество есть не расколъ, а естественный и должный для народа протестъ, отпаденіе Россійской іерархіи, въ которомъ народъ есть тѣло, а іерархія — душа. Какъ народъ безъ іерархіи, такъ іерархія безъ народа не

составляютъ собою церкви; слѣдовательно, если іерархіи дано вожденіе, а народу слѣдованіе, то какъ слѣдованіе, должно быть свободно, такъ и вожденіе чуждо насилія. Не то случилось у насъ въ Россіи при патріархѣ Никонѣ. Что для народа всего дороже, какъ не религія и обрядъ? Явился Никонъ, и властительскою рукою, своею грубостію отнялъ у народа то, что было для него всего священнѣе—обрядъ, и потопталъ ногами. [1]) Начатое Никономъ довершилъ Московскій Соборъ. Народъ, разумѣется, стоялъ за свой обрядъ; онъ немогъ и долженъ былъ стоять,

[1]) Что Никонъ топталъ ногами русскую церковь и порочилъ не только старые обряды, но впослѣдствіи порицалъ и свою новую реформу, порицалъ всѣхъ греческихъ патріарховъ, которыхъ онъ самъ прежде вызвалъ для подкрѣпленій своихъ безполезныхъ намѣреній, видно еще изъ слѣдующей весьма краткой выписки изъ исторіи одного знаменитаго русскаго писателя. Онъ говоритъ: «Когда судили Никона, греческіе патріархи ему сказали: «слушай правила святыя.» Никонъ отвѣчалъ: «Греческія правила не прямыя, печатали ихъ еретики.» Патріархи Никону: „Скажи, сколько епископовъ судятъ епископа и сколько патріарха?„ Никонъ: „Епископа судятъ 12 епископовъ, а патріарха—вся вселенная.“ Патріархи: ,,Ты одинъ Павла епископа низвергъ не по правиламъ...“ Патріархи велѣли взять у Никона крестъ, который передъ нимъ носили, на томъ основаніи, что ни у одного патріарха нѣтъ такого обычая, а Никонъ взялъ отъ латыниновъ. Потомъ патріархи перечислили Никону его вины, которыя стояли въ слѣдующемъ: „Проклиналъ россійскихъ архіереевъ въ недѣлю православія, мимо всякаго стязанія и суда; покинутіемъ престола заставилъ церковь вдовствовать восемь лѣтъ и шесть мѣсяцевъ; ругаясь двоимъ архіереямъ, одного называлъ Анною, другаго Каіафою; изъ двоихъ бояръ одного называлъ Иродомъ, другаго Пилатомъ; когда былъ призванъ на соборъ, по обычаю церковному, то пришелъ не смиреннымъ обычаемъ, и не переставалъ порицать патріарховъ, говоря, что они не владѣютъ древними престолами, но скитаются внѣ своихъ епархій, судъ ихъ уничижилъ и правила среднихъ и помѣстныхъ соборовъ, бывшихъ по седьмомъ вселенскомъ всячески отвергъ; номоканомъ назвалъ книгою еретическою, потому что напечатанъ въ странахъ западныхъ; въ письмахъ къ патріархамъ, православнѣйшаго государя (Алексѣя Михайловича) обвинялъ въ латинствѣ, называлъ мучителемъ неправеднымъ, уподоблялъ его Іеровоаму и Осіи, говорилъ, что синклитъ и вся россійская церковь приклонились къ латинскимъ догматамъ: но порицающій стадо, ему врученное—не пастырь, а наемникъ; архіерея одинъ самъ низвергъ; по низложеніи Павла, епископа Коломенскаго, мантію снялъ и передалъ на лютое біеніе; архіерей этотъ сошелъ съ ума и погибъ безвѣстно, звѣрями ли заѣденъ, или въ водѣ утонулъ, или другимъ какимъ нибудь образомъ погибъ; отца своего духовнаго велѣлъ

иначе онъ былъ-бы не народъ, а стадо безсмысленныхъ животныхъ. На поруганіе своего святоотечественнаго обряда, народъ отвѣчалъ отказомъ принять насильно навязываемый новый обрядъ, чуждый ему и его церкви (который и самъ Никонъ впослѣдствіи порицалъ, какъ мы выше указали, назвавъ его уклоненіемъ въ латинство). На неповиновеніе его іерархія отвѣчала проклятіями и анаѳемами, изгнаніемъ ослушниковъ изъ церквей и гражданскими казнями. Что же это, если не отпаденіе іерархіи отъ народа, и что такое отпаденіе это, какъ не расколъ? Можно-ли называть раскольникомъ то, что было прежде? Или то расколъ, что само отпадаетъ, а то развѣ не расколъ, если священное лицо войдетъ въ церковь съ своимъ новымъ обрядомъ и, при помощи полиціи, выгонитъ изъ нея всѣхъ непокорныхъ ему прихожанъ? Высшіе классы русскаго народа, какъ извѣстно, подпавъ подъ чуждое вліяніе, отдѣлились отъ народнаго міровоззрѣнія. Ежели это расколъ, то кто раскольники? Тоже должно разумѣть и относительно разрыва у насъ іерархіи съ народомъ. Съ тѣхъ поръ наша іерархія, представляющая собою (фиктивно) нашу церковь, представляетъ собою бездѣйствительность и паралечность. Чужестранцамъ не могло не показаться, что Россійская церковь лишена живой вѣры, иначе и быть не можетъ, когда изъ тѣла церкви, т. е. народа, извлечены его народные инстинкты, его духъ, умъ и совѣсть, и вложены въ св. Синодъ, въ институтъ, который, въ нынѣшнемъ его видѣ, подобнаго не представляетъ въ исторіи вселенской церкви, пе-

безъ милости бить, и патріархи сами язвы его видѣли; живя въ монастырѣ Воскресенскомъ, не кротостію за преступленія, но мучилъ мірскими казнями кнутомъ, палицами, иныхъ на пыткѣ жегъ". Цѣлыя сочиненія едва-ли могутъ такъ охарактеризовать характеръ Никона и толико его восхваляемую реформу, какъ эта краткая выдержка изъ „Исторіи Россіи" С. Соловьева. Томъ 11-й стр. 324. 325—326.

чальныя послѣдствія отпаденія отъ народа всегда чувствовались, если и не подъ собственнымъ его именемъ, и чувствованіе это вызвало наконецъ установленіе «Общества любителей духовнаго просвѣщенія». Главная цѣль, которая должна быть связующимъ звеномъ между народомъ и іерархіею, т. е. возстановить ту гармонію отношеній между авторитетомъ церкви и ея свободой, которая происходитъ отъ православнаго ихъ взаимнодѣйствія, гармонію основанія, которое положилъ Божественный Основатель церкви. Задача «Общества любителей дух. просв.», сказали мы, служитъ связующимъ звеномъ между духовенствомъ и мірянами, въ установленіи гармоній отношеній между авторитетомъ и свободой. Что-же? Свобода-ли у насъ въ Россіи посягнула на порабощеніе себѣ авторитета и тѣмъ разрушила подавленіе свободы? Что первое у насъ въ Россіи не было и быть не могло, а что при обрядовой реформѣ допущено было насиліе—этотъ фактъ неоспоримый. Но прежде сила состояла въ томъ, что авторитетъ насильно отнялъ у свободы ея древній святой обрядъ и навязалъ ей другой, чуждый. А это сразу поставило народъ какъ-бы внѣ церкви, лишило его права на взаимодѣйствіе авторитета съ свободою, лишивъ права свободно и осмысленно слѣдовать за авторитетомъ, заключеніе церкви перешло на одну іерархію, а іерархія, заключившись въ св. Синодъ, ввела въ практику нашей церкви идеи и порядки папизма. Такимъ образомъ, задача «Общ. люб. духов. просв.» состоитъ въ дознаніи и изъясненіи этого дознанія отечественной интеллигенціи. Кто у насъ поступилъ право или неправо? Авторитетъ-ли, притѣснивъ свободу, или-же свобода, оказавъ авторитету сопротивленіе? Честь первому поставить вопросъ предъ „Общ. люб. духов. просвѣщенія", досталась Т. И. Филиппову. Какъ врачъ, предъ глубокой и застарѣлой гангреной, на-

чинаетъ съ высшихъ ея проявленій, такъ и г. Филипповъ предметомъ своего ученія избралъ то, что болѣе всего на-виду „единовѣрія“, т. е. держаніе стараго обряда съ общеніемъ съ господствующей церковію, обстановленное ограниченіями, извѣстными подъ именемъ „мнѣній митрополита Платона“, точнѣе же, ограниченіе къ нимъ, обстановленное у насъ держаніемъ стараго обряда въ общеніи съ церковью.

Г. Филипповъ находитъ, что весьма важныя ограниченія свободы обряда, установленныя правилами митрополита Платона, низведутъ единовѣрцевъ какъ-бы на положеніе, которому въ православной церкви нѣтъ никакого подобія и которое во всякомъ случаѣ не согласуется съ постояннымъ и всеобщимъ православнымъ началомъ свободы обряда.

Старый обрядъ есть истинно православный, святой и спасительный, есть единственный обрядъ, который долженъ былъ быть обрядомъ Русской церкви и ревнительно охраняться самой ея іерархіею; и если ограниченіе обряда святаго и спасительнаго не находитъ себѣ оправданія въ преданіяхъ церкви, то тѣмъ болѣе должно быть виновно самое запрещеніе стараго обряда, безусловно безвозвратное. По буквальному соборному опредѣленію 13-го мая 1667 года изречены были на всякаго, кто послѣ сего рѣшенія отказывался принять новоисправленные обряды.

Такимъ образомъ если соборное запрещеніе стараго обряда мы назовемъ болѣзнію, постигшею организмъ нашей Русской церкви, то разрѣшеніе его представитъ собою признаки выздоровленія, тогда какъ ограниченіе стараго обряда останется свидѣтельствомъ упорнаго противодѣйствія болѣзни и усиліемъ огранизма отъ нея освободиться. И чтенія г. Филиппова будутъ чтеніемъ не о нуждахъ единовѣрія, а о нуждахъ самой нашей церкви

и ея православія. Казалось-бы, чѣмъ просвѣщеннѣе, чѣмъ церковнѣе среда слушателей, съ тѣмъ болѣе радостнымъ, жданнымъ слышаніемъ должны-бы относиться они къ предмету чтенія г. Филиппова; вышло иначе: противъ него возстало все, что есть въ С.-Петербургской Духовной Академіи, и слѣдовательно въ нашей церковной наукѣ, компетентнаго по предложенному вопросу. Не удивляемся противодѣйствію отсталыхъ и мертвящихъ идей идеямъ свѣта и жизни,—мы знаемъ, какую силу даютъ самолюбіе и упрямство.

Стоятели во что-бы то ни стало за нынѣшнее status quo русской церкви правительственной практики, относительно стараго обряда, готовятъ себѣ неизбѣжно дурныя послѣдствія.

Прежде всего просимъ понять и помнить, что когда мы говоримъ о свободѣ обряда, то подъ обрядомъ разумѣемъ православный обрядъ, т. е. такой обрядъ, который не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго правилу и постановленію вѣры православной. 1-го Апрѣля 1872 года Св. Синодъ принялъ въ сообщеніе съ собою нѣкоторыхъ западныхъ христіанъ, въ лицѣ Іосифа Овербека. Протоіерей Іосифъ Васильевичъ Васильевъ 18 Января 1872 года, на засѣданіи „Общ. любителей духов. просв.“ назвалъ западный обрядъ самостоятельнымъ отъ обряда восточной церкви, обрядомъ, образовавшимся на почвѣ совершенно различной и при различныхъ историческихъ условіямъ. Въ западномъ обрядѣ все свое, отъ литургіи до положенія крестнаго знаменія пяти перстами и отъ лѣвой руки къ правой. Весь этотъ западный обрядъ, со всѣми его характерами латинствующими особенностями отъ обряда восточной церкви,—и самъ теперешній востокъ и нашъ Св. Синодъ признаютъ православнымъ, слѣдовательно, святымъ, Богоугоднымъ и спаситель-

нымъ; слѣдовательно, болѣе не чуждымъ и своимъ для Святой вселенской соборной церкви и ея православія. Можно ли эту громадную разность въ обрядахъ ставить въ сравненіе по истиннѣ съ православнымъ старымъ обрядомъ? И для чего? Чтобы стать въ прямое противорѣчіе истинѣ и совѣсти, упорно утверждая, и утверждая именемъ Святой Апостольской церкви, будто-бы старый обрядъ, бывшій нѣкогда отличительною чертою русскаго народа, теперь есть неправославный. Мы совершенно несогласны съ протоіереемъ Васильевымъ, который говоритъ: „что старый обрядъ, по существу своему, не есть православный, (а западный обрядъ православный?) и слѣдовательно не святой, не Богоугодный и не спасительный, что поэтому будто-бы Св. Апостольская церковь не можетъ признать и не признаетъ своимъ, а знаетъ его для себя чуждымъ, что эти наши старонародныя особенности, Соборомъ 1667 года осуждены и запрещены безусловно и безвозвратно; осуждены и запрещены достойно и праведно; что если нынѣ этотъ обрядъ дозволенъ, или точнѣе благоснисходительно не возбраненъ, то никакъ не благословленъ“. Сколько небрежности, столько-же и самоуправства! Только дозволенъ, и дозволенъ временно, и то съ какими оговорками и оплеваніемъ, и никакъ не внутри такъ называемой Св. Апостольской церкви, которая, какъ невѣста Христова, чиста и непорочна, а въ единовѣрческой, которая отнюдь не есть православная церковь, и не есть единая съ Россійскою святою и православною, а особая единовѣрческая и неправославная, которая, по крайней мѣрѣ и нуждѣ и до времени примкнута въ общеніе къ единому россійскому двору.

И такъ, если разумно и справедливо требованіе Болгаръ, чтобы въ спорѣ съ греческими церковноадминистраторами „послѣдніе не присвоили себѣ од-

нимъ имени „церковь,“ и этого имени не противопоставляли Болгарамъ, а если и противопоставляли, то необходимо съ прилагательными, ограничивающими слишкомъ обширное его понятіе, чтобы никого не вводить въ заблужденіе, якобы Болгары стоятъ въ спорѣ съ Св. Апостольскою церковію, разумѣваемою символомъ православной вѣры,“ то менѣе ли разумно и менѣе ли справедливо старообрядцамъ просить, чтобы просвѣщенные представители науки и благонамѣренные дѣятели серьезной литературы, въ видахъ умиротворенія отечественной церкви, именемъ святой церкви и православія, не противопоставили старообрядчеству, во избѣжаніе смѣшиванія понятія и замѣщенія этого понятія другимъ, что вмѣсто умиротворяющаго слова вразумленія и правды, не было бы постояннымъ или одинаковымъ (стереотипнымъ) повтореніемъ напраслины на старообрядчество, которыя въ два вѣка, дѣлу умиротворенія не принесли ни малѣйшей пользы и, старообрядцевъ ожесточили и отдалили отъ господствующей церкви на неизмѣримо далекое разстояніе.

ОБЩЕИСТОРИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

О

РУССКОМЪ РАСКОЛѢ.

Общеисторическія изслѣдованія

о

Русскомъ расколѣ.

Когда Богъ сотворилъ разумное изъ твореній—человѣка, тогда-же онъ установилъ для него религію, причемъ Имъ преподаны и нѣкоторые обряды, чтобы они служили какъ тѣло, въ которомъ душа должна имѣть свое прибѣжище. Какъ невозможно, чтобы живой человѣкъ могъ существовать, не показывая отъ себя признаковъ жизни, такъ религія не можетъ существовать, не показывая себя чрезъ внѣшнія дѣйствія, т. е. обряды. Обряды суть видимые знаки и видимое дѣйствіе, чрезъ что сообщается благодать освящающая и совершающая; а потому обрядъ, какъ проводникъ благодати необходимъ и обязателенъ для всякаго вѣрующаго: потому и въ православіи извѣстные обряды, исторически утвержденные, становятся обязательными для членовъ церкви, отъ мірянина до епископа. Извѣстный обрядъ при раздѣленіи церквей, изъ-за разногласія въ членахъ вѣры, становится отличительнымъ признакомъ сихъ церквей, знаменемъ православія одной церкви противъ неправославія другой. И если воинъ земнаго царя вѣнчается вѣнцомъ мученика, умирая за свое знамя—не за матеріалъ, изъ котораго оно сооружено, а за вѣру и вѣрность, чему оно служитъ видимымъ знакомъ,—тѣмъ

более достоинъ вѣнца членъ церкви воинствующей; умирая, напримѣръ, за осьмиконечный крестъ, не за число его концовъ, но за знамя православія, коего осьмиконечный крестъ издревле и до сегодня народомъ русскимъ и его правительствомъ признавался и признается таковымъ, вопреки народамъ запада: латинянъ, папистовъ, іезуитовъ, не разъ вторгавшихся въ Россію съ своимъ четвероконечнымъ крестомъ, который въ сущности есть тоже крестъ Христовъ, но въ подробностяхъ его внѣшней формы и образовавшійся инымъ противъ нашего русскаго православнаго—обычай соображать и изображать его.

Русскій народъ со временъ князя Владиміра принялъ отъ Грековъ вѣроученіе христіанское вполнѣ опредѣленное; всѣ недоразумѣнія, какія могли бы возникнуть въ области вѣры, были предусмотрѣны, строго обсуждены, и изъ нихъ заблужденія осуждены, а православіе навсегда утверждено, такъ что, предкамъ русскаго народа не оставалось ничего, на чемъ бы ему выказать ревность къ благочестію, въ которой они не уступали ни одному народу. Эту-то ревность и обратили они на предметы обрядовые, введеніе которыхъ и исполненіе узаконивали для исповѣданія православія, какъ наслѣдіе первыхъ вѣковъ христіанства.

Такъ напримѣръ 12-го августа 1478 года (400 лѣтъ тому назадъ — достопамятная древность!) Всероссійскій митрополитъ Геронтій освящалъ нынѣшній Успенскій соборъ въ Москвѣ, и при этомъ освященіи совершилъ ходъ кругомъ церкви противу солнца. Дѣйствіе митрополита показалось москвичамъ такимъ необычайнымъ, что на него донесена жалоба Государю. Великій князь Іоаннъ Васильевичъ III сказалъ: „гнѣвъ Божій воздвиже нань, что освящалъ соборную церковь митрополитъ, не по солнцу ходилъ со крестомъ около церкви, яко того ради рече: гнѣвъ

Божій приходитъ". [1]) Митрополитъ отстаивалъ правильность совершаемаго имъ дѣйствія (ибо въ тѣ времена не безопасно было сознаваться въ ошибкахъ). Пересмотрѣны были всѣ уставы, но нигдѣ не найдено, какъ должно ходить при освященіи церкви; сказано только „ходить кругомъ", а какъ ходить — вправо или влѣво—объ этомъ умолчено. Хотя хожденіе по-солонь въ уставахъ и не находилось, но тѣмъ не менѣе оно употреблялось русскою церковію еще до Геронтія, слѣдовательно, оно было преданіемъ, котораго изъ древнихъ временъ христіанства придерживалась православная церковь; а церковное преданіе служитъ такимъ же аргументомъ, какъ и писанныя церковныя постановленія. Споръ длился четыре года. Въ то время въ Москвѣ приготовлено было къ освященію много храмовъ и предѣловъ. Государь настаивалъ на по-солонему ихъ освященію, митрополитъ стоялъ за противусолоніе, и, изъ-за этого спора, храмы и предѣлы оставались неосвященными. Наконецъ, государь представилъ митрополиту освящать церкви „яко волитъ" „уставы не учинили",— говоритъ лѣтописецъ.

Въ жалобахъ на митрополита, въ столь рѣшительномъ вмѣшательствѣ государя въ дѣло о церковномъ обрядѣ, въ словахъ государя: „яко того ради гнѣвъ Божій исходитъ", въ самомъ гнѣвѣ на митрополита, не ясно-ли высказывается, что противъ солнца хожденіе, совершаемое митрополитомъ Геронтіемъ было для Москвы дѣломъ болѣе нежели необычайнымъ, было такимъ нарушеніемъ издревле установленнаго обряда церковнаго „коего ради гнѣвъ Божій исходитъ", что указывается на значительную древность, далеко до Геронтія утвердившагося въ Россіи „по-

[1]) Софіевскій времен. ч. II стрн. 202 и 224.

солонія". Хотя впослѣдствіи государь хожденіе оставилъ на волю митрополита „яко-же волитъ" но что Геронтій не могъ указать на древность противосолонія, это свидѣтельствуетъ самый споръ, который, со стороны государя, былъ бы не мыслимъ, если бы указаніе митрополита на древность противосолонія было ясно и доказательно. „Уставы же не учинили", заключаетъ лѣтописецъ, т. е. если государь и уступилъ митрополиту, но эта уступка со стороны государя не была признаніемъ древности и правильности противосолонія и не уполномочивала митрополита противосолонное хожденіе провозглашать православнымъ обрядомъ навсегда.

„Уставы не учинили". Кто не учинилъ уставы? Государь и митрополитъ. Въ краткихъ словахъ лѣтописца ясно и опредѣленно выразилось убѣжденіе русскихъ предковъ, что въ установленіи чиновъ и обрядовъ долженъ былъ участвовать государь. По понятіямъ же позднѣйшихъ архипастырей въ Россіи, не только участіе государей въ установленіи обрядовъ, но и то имъ кажется довольно страннымъ — съ какой стати государь Іоаннъ Васильевичъ III входилъ такъ горячо въ дѣла обряда, тогда какъ (по мнѣнію архипастырей) это дѣло есть лично каждаго епископа, а въ крайнемъ случаѣ собора ихъ, но никакъ не государя или народа. Не такъ было въ старину. Старина была вѣрнѣе духу христіанства, чѣмъ нынѣшнее время. Въ старину вѣрили, что народъ безъ епископа, ни епископъ безъ народа не составляли церкви. Тѣмъ болѣе государи, по духу и ученію св. апостольской церкви и въ недавнее время подтвержденному восточными патріархами, суть прирожденные представители въ дѣлахъ церкви (см. послан. св. апост. цер. § 14), а слѣдовательно и посредниками между ними и архипастырствомъ блюстителями неприкосновенности чиновъ, уставовъ, обычаевъ и

обрядовъ прежде установившихся въ ихъ церкви, противосклонности архипастырства къ обрядоулучшеніямъ и самовластительству. Если это такъ, то тѣже государи суть естественнѣйшіе органы, чрезъ посредство которыхъ народъ выражаетъ свое участіе въ установленіи обрядовъ и обычаевъ. Этимъ-то представительствомъ за свой народъ государи оправдываютъ и канонизируютъ свое право на вмѣшательство въ дѣлахъ церкви и на предсѣдательство на соборахъ. Краткій разсказъ лѣтописца относительно Іоанна Васильевича, вводитъ насъ въ одинъ изъ фазисовъ древней борьбы между посолоніемъ и противосолоніемъ, а прибавка „уставы же не учинили" дѣлаетъ яснымъ, какъ день, во первыхъ, что въ Россіи, въ древности, государи, архипастыри и народъ составляли, какъ слѣдуетъ, единую церковь, а не то, что нынѣ, тѣло раздѣльное на двѣ стороны, съ одной стороны господствующее архипастырство съ порабощеннымъ ему духовенствомъ и лишеннымъ голоса народомъ, съ другой—одинъ старообрядческій народъ, отстаивая свою каноническую свободу и свои обряды противъ самовластительства архипастырей, и за это лишенный архипастырствомъ не только епископовъ и священниковъ, но своихъ богатыхъ древностію храмовъ, алтари которыхъ у нихъ запечатаны. Въ древнія времена россійскіе государи были дѣйствительными представителями народа въ дѣлахъ церкви, таковымъ именно и былъ Іоаннъ Васильевичъ III, какъ точное выраженіе и голосъ своего народа, въ спорѣ и примиреніи съ митрополитомъ Геронтіемъ. Хотя „уставы не учинили"—но споръ между государемъ и митрополитомъ, о которомъ знала и слѣдовательно по праву и по духу того времени принимала вся Россія, не могъ пройти безслѣдно, не могъ не возбудить усиленнѣйшихъ изслѣдованій и соображеній, не могъ остаться нерѣшеннымъ. Лѣтописцы не записа-

ли намъ самаго процесса этого рѣшенія, но церковно-богослужебныя книги, печатанныя при первыхъ пяти патріархахъ, представляютъ намъ по этому предмету результатъ изслѣдованій и соображеній и рѣшеніе вопросовъ россійскою церковію, въ чемъ участвовали архипастырство, духовенство, народъ и государи, когда посолоніе и одержало верхъ, признано единственно обязательнымъ при освященіи храмовъ, при совершеніи крестныхъ ходовъ, браковъ и проч., что сказано о кругохожденіяхъ, то, конечно, должно разумѣть и обо всѣхъ другихъ обрядовыхъ вопросахъ, которые ко временамъ патріарховъ были рѣшены. Что печатныя книги при первыхъ патріархахъ представляютъ окончательный результатъ изслѣдованій и совокупное рѣшеніе этихъ вопросовъ, это свидѣтельствуется тѣмъ, что противъ рѣшеній, выраженныхъ сими книгами, не слышно было въ Россіи ни одного протеста до патріарха Никона. Обличители старообрядства проводятъ мысль, что будто бы старообрядство внесено въ старопечатныя книги незамѣтно и людьми неблагонадежными. Но издателямъ первопечатныхъ книгъ, кто они ни были, не прошло бы даромъ никакое обрядовведеніе и обрядорѣшеніе, несогласное съ обрядовыми убѣжденіями народа. Это мы видимъ на митрополитѣ Геронтіѣ, и на патріархѣ Никонѣ, при которыхъ народъ, какъ тѣло церкви не допускалъ нововведеній. Мы уже видѣли, какое значеніе даетъ обряду борьба, одной стороны съ другой. Это само собою должно разумѣть и о нашемъ русскомъ древлеправославномъ обрядѣ, при борьбѣ восточнаго православія съ западнымъ латынствомъ. Мы знаемъ, что обряды есть столько же священное для народа наслѣдіе предковъ, какъ самая вѣра, языкъ, народность, свобода. Если при этомъ припомнимъ, что у грековъ на самомъ патріаршемъ престолѣ явились латынствовавшіе патріархи, поэ-

тому греки уже давно были русскимъ народомъ заподозрѣны въ склонности къ латынству [1]) и никоновскія измѣненія въ обрядахъ Русской церкви въ томъ именно и состояли, чтобы русскіе староотечественные обряды единообразить съ греческими. Если наконецъ староотечественные русскіе обряды и обычаи въ самой сущности сравнить съ введенными патріархомъ Никономъ, напримѣръ, хотя-бы русское староотечественное изображеніе крестнаго знаменія, по справедливости и мѣтко называемое истовымъ, съ неистовымъ маханіемъ грековъ и нынѣшнимъ господственно-рускимъ, то, конечно, будетъ понятно, почему старообрядцы, въ числѣ до 15-ти милліоновъ душъ, дорожа своимъ древнеотечественнымъ изо-

[1]) Такъ, напримѣръ, патріархъ Кириллъ Лоркъ родился въ 1572 г. на островѣ Кандіи и древнемъ Критѣ, по окончаніи курса своего ученія въ Венеціи и Падуѣ, прибылъ въ Германію. Научившись тамъ у протестантовъ, перенесъ ихъ ученіе въ Грецію. А какъ его стали подозрѣвать въ заблужденіи лютеранъ, то онъ далъ исповѣданіе вѣры, въ которомъ отвергалъ ихъ бредни. Вошедши на Александрійскій престолъ, а потомъ въ 1621 г. на Константинопольскій, оказалъ онъ свою связь съ протестантами и преподавалъ ученіе ихъ въ греческой церкви. Епископы и прочее духовенство возстали противъ него. Онъ былъ лишенъ патріаршаго престола и сосланъ въ заточеніе въ Родосъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ возведенъ былъ опять на свой престолъ, и скоро увидѣлъ себя въ безопасности сидящимъ на Константинопольскомъ престолѣ, то и началъ обнародовать свой катихизисъ и исповѣданіе вѣры, въ которомъ на всякой страницѣ введены его заблужденія. Въ 1626 г. сосланъ онъ былъ опять въ заточеніе на островъ Тенедосъ; наконецъ онъ былъ изгоняемъ восемь разъ и столько же возвращенъ. Окончилъ онъ свою жизнь, бывши удаленъ на берегъ Понта египетскаго въ 1638 году. По приказанію султана, ѣдучи въ новое свое заключеніе, умеръ а гдѣ погребенъ—неизвѣстно. Протестанты считаютъ его мученикомъ. Малый Ѳеатронъ стр. 179—180). Что Греція была уже испорчена и клонила къ латынству еще далеко до Никона, доказываетъ еще слѣдующее обстоятельство: Въ грамотѣ Іереміи, патріарха Константинопольскаго, ставившаго перваго русскаго патріарха, Іова и Ѳеофана, патріарха Іерусалимскаго, рукоположившаго патріарха Филарета, говорится слѣдующее: «На Руси только истинное благочестіе, а на востокѣ отъ Агарянъ христіанамъ греческаго закона насиліе и озлобленіе, церквамъ Божіимъ запустѣніе и раззореніе и утѣшенія ни откуда нѣсть, точію слухъ благочестиваго христіанскаго русскаго царя, яко той единъ по вселенней владыка и блюститель непорочныя вѣры Христовы». (эти грамоты занесены въ Русскую древнюю Кормчую).

браженіемъ крестнаго знаменія, извѣрясь въ Грекахъ и отвергая латынство, признали Никоновскіе обряды исправленія, какъ намѣреніе поколебать русское отечественное православіе. Во всякомъ случаѣ ниспровергать рѣшенія вѣковыхъ изслѣдованій было крайне рискованно, что было уже сдѣлано цѣлыми вѣками и цѣлымъ рядомъ поколѣній до Никона. Здѣсь для новыхъ изслѣдованій и соглашеній не было мѣста,—и такъ единственно для того Никонъ поднялъ на ноги всю Россію, чтобы произвесть расколъ.

Не предусмотрѣвъ могущихъ быть вредныхъ послѣдствій, Никонъ рѣшился на реформу въ обрядахъ религіозныхъ. Приступая къ этой церковной реформѣ, онъ хорошо предвидѣлъ, что перемѣнить вѣками утвердившуюся въ православной церкви практику древнихъ обрядовъ, въ особенности изъ нихъ такіе обряды, которые выражаютъ собою вѣроисповѣдную мысль—дѣло не легкое, причемъ со стороны духовенства и народа могъ-бы послѣдовать противъ него протестъ, онъ пришелъ къ мѣрамъ хитрымъ. Для этой цѣли, въ 1654 году, онъ собралъ въ Москвѣ соборъ изъ духовенства, состоявшій изъ 46 членовъ, для перемѣны въ старопечатныхъ книгахъ только семи предметовъ: а) разрѣшительную архіерейскую молитву, которую будто незаконно положено читать священнику предъ совершеніемъ литургіи, отпустъ предъ началомъ литургіи, который принято было читать на всю церковь и нѣкоторыя, по его мнѣнію, излишніи эктеніи; б) существовавшій тогда въ Русской церкви обычай оставлять царскія врата отверстыми до великаго входа; в) обычай праздничную литургію начинать въ седьмомъ и даже въ восьмомъ часу дня, т. е. въ первомъ и второмъ часу пополудни; г) обычай, при освященіи храмовъ, не полагать мощей подъ престоломъ; д) дозволеніе

простецамъ двоеженцамъ и троеженцамъ пѣть и читать въ церкви на амвонѣ; е) употребленіе земныхъ поклоновъ въ четыредесятницу, при чтеніи молитвъ Ефрема Сирина вмѣсто 12 малыхъ и ж) положеніе Антиминса подъ покровомъ, вмѣсто того, чтобы полагать его на престолѣ открыто и на немъ совершать таинство Евхаристіи". И такъ, говоритъ „Братское Слово", или что одно и тоже, г. Субботинъ, что, „патріархъ Никонъ предъ соборомъ Россійскихъ архипастырей и прочаго духовенства (а почему онъ не спросилъ и у народа, какъ тѣла церкви?) торжественно заявилъ нововводныхъ чиновъ въ церковно-Богослужебныхъ книгахъ". „При этомъ,—говоритъ далѣе „Братское Слово" однакожъ патріархъ Никонъ, не навязывая своей мысли Собору, но очевидно напротивъ, 'что на Соборѣ 1654 года, патріархъ Никонъ дѣйствовалъ относительно присутствовавшихъ здѣсь Россійскихъ Пастырей, исполнено искренностію и откровенностію? (Но когда Павелъ Коломенскій протестовалъ противъ нарушенія обрядовой церковной практики, Никонъ не устыдился бить его своимъ посохомъ до полусмерти). Есть-ли же тутъ что нибудь похожее на коварство и хитрости, продолжаетъ г. Субботинъ, которыми будто-бы патріархъ Никонъ увлекъ въ заблужденіе присутствовавшихъ на Соборѣ Россійскихъ пастырей, какъ увѣряютъ раскольническіе писатели: Денисовъ (въ Виноградѣ Россійскомъ), и вслѣдъ за нимъ Павелъ Бѣлокриницкій (въ III части своей „Исторіи Церкви, стр. 271) и другіе." [1]) Но напрасно восторжествовалъ г. Субботинъ, ибо дальнѣйшія дѣйствія Никона показываютъ совершенно противное. Созывая Всероссійскій соборъ, патріархъ Никонъ дѣйствительно предложилъ собору вышепоименованные семь

[1]) См. „Дѣяніе Московскаго Собора," изданіе Братства Св. Петра Митрополита—1873 года, стр. 18—20.

вопросовъ. Но эти семь предметовъ дѣйствительно маловажны, именно такіе, на которые ни церковь до Никона (какъ видно изъ отвѣтовъ патріарха Паисія патріарху Никону), ни послѣ Никона ни даже сами старообрядцы объ этихъ предметахъ никогда не спорили и не спорятъ—и чрезъ нихъ никоимъ образомъ не произошелъ такой великій раздѣлъ. Но на самомъ дѣлѣ оказалось совершенно иначе. Павелъ, епископъ Коломенскій, и 8 членовъ собора не согласились на перемѣну даже и этихъ обрядовыхъ особенностей; даже Павелъ епископъ на этомъ соборѣ торжественно заявилъ слѣдующее: „аще кто отъ обычныхъ преданій св. Каѳолической церкви отъемлетъ или приложитъ къ нему, или инаго совратитъ —анаѳема да будетъ!“ [1]) Но братское слово указываетъ, что „Павелъ, епископъ Коломенскій, вмѣстѣ съ присутствовавшими на соборѣ (1654 г.), призналъ настоятельную нужду въ исправленіи церковно-Богослужебныхъ книгъ и чиновъ, и только сдѣлалъ возраженіе по вопросамъ о поклонахъ въ четыредесятницу, а въ доказательство сему, братское слово представило даже собственноручную подпись Павла епископа, въ слѣдующемъ видѣ: „смиренный епископъ Коломенскій и Каширскій; а что говорилъ на святомъ соборѣ о поклонахъ и тотъ уставъ харатейный во оправданіе положилъ здѣсь и другой писанный.“ Въ первый разъ слышимъ о „соборномъ дѣяніи,“ которое рекомендуетъ намъ г. Субботинъ, и что въ этомъ „дѣяніи“ [2]) находится собственноручная подпись Павла, епископа Коломенскаго. Но допустимъ условно, что подъ этимъ находится эта подпись, но за то

[1]) См. „Москов. Вѣд.“ 1872 г. № 121. „Бесѣдованіе въ домѣ Хлудова.“

[2]) Въ дѣяніи, рекомендуемомъ г. Субботинымъ, на соборѣ присутствовало только 26 членовъ; а въ дѣяніи, помѣщенномъ въ „скрижали,“ присутствовало 46, а подписавшихъ только 38 членовъ.

весьма многимъ извѣстна „книга скрижаль,“ въ которой помѣщены отвѣты патріарха Паисія патріарху Никону. Точно также и соборное дѣяніе 1654 г. подкрѣпленное самимъ патріархомъ Никономъ, а между тѣмъ подъ этимъ дѣяніемъ подписи Павла, епископа Коломенскаго, и съ нимъ еще семи лицъ не обрѣтается. [1]) Спрашиваемъ почему подписи Павла епископа, на котораго такъ торжественно указывается, нѣтъ въ Никоновской и скрижали?—отвѣчаемъ: или эта подпись на самомъ дѣлѣ не была, а если была, то она потому не помѣщена, что въ ней рѣзко видѣлась не подпись, а скорѣе протестъ противъ Никона, изъ чего читатель видитъ, что Павелъ не соглашался на перемѣну 12 поклоновъ и во оправданіе свое представилъ два устава, одинъ—харатейный, а другой — писанный. Но впослѣдствіи, въ 1656 году, когда Никонъ объявилъ перемѣнить, кромѣ этихъ семи предметовъ, еще много другихъ, болѣе важныхъ, и главные изъ нихъ: двоеперстіе, семипросфоріе, двоеніе алиллуйія, хожденіе посолонь, которые положительно выражаютъ собою вѣроисповѣдную мысль; тогда Павелъ епископъ не устрашился ни ярости Никона, ни львинаго рва Даніила, ни огненной пещи Ананіи, Азаріи и Мисаила, и торжественно протестовалъ противъ духа раздробленія русской церкви. Какое-же согласіе Павла епископа съ Никокономъ доказало братское слово? [2]) Нѣтъ, весьма

[1]) Макарій архіепископъ Псковскій; 2) Павелъ епископъ Коломенскій; 3) архимандритъ Троицкій Адріанъ; 4) Лужецкаго монастыря архимандритъ Михаилъ; 5) Борисоглѣбскаго монастыря игуменъ Антоній; 6) Благовѣщенскій протопопъ Стефанъ; 7) Вознесенскій протопопъ Іоакимъ; Черниговскій протопопъ Михаилъ.

[2]) Кстати замѣтимъ. Въ упомянутой книжкѣ „Дѣяніе Московскаго собора“, стр. 14 изданной Братствомъ Св. Петра въ 1872 г., говорится: „Для тогдашнихъ чтителей новыхъ печатныхъ московскихъ книгъ должно имѣть особенное значеніе помѣщенный въ этомъ Дѣяніи Константинопольскій Символъ православной вѣры, совершенно чуждый тѣхъ измѣненій, опущеній и испра-

справедливо заключеніе Денисова и Павла Бѣлокриницкаго, что патріархъ Никонъ съ хитростію и коварствомъ выманилъ у членовъ россійскаго собора согласіе на перемѣну древне-церковной обрядовой практики и впослѣдствіи, страха ради гражданской власти, они согласились и на этотъ переворотъ въ русской церкви.

Но этимъ коварнымъ успѣхомъ Никонъ не могъ ограничиться, ему необходимо нужно было обмануть и Константинопольскаго патріарха Паисія. Вздумано и сдѣлано. Въ томъ-же 1654 г., патріархъ Никонъ написалъ обширное посланіе Константинонольскому патріарху Паисію, въ которомъ (посланіи) были помѣщены вышесказанные семь вопросовъ. Что-же отвѣчаетъ ему этотъ Константинопольскій святитель, который не присутствовалъ на соборѣ 1667 года? Вотъ что отвѣчаетъ: „твое блаженство жалуется зѣло на несогласіе нѣкіихъ чиновъ иже бываютъ въ нѣкіихъ церквахъ и непщуете яко тіи различніи чинове растлѣваютъ вѣру нашу, о немже хвалимъ мысль, ибо который боится преступленія малыхъ погрѣшеній, сохраняется отъ великихъ. [1]) Неисправляемъ намѣреніе. Ибо объ еретикахъ имамы велѣніе отъ апостоловъ, да бѣгаемъ ихъ по первомъ и вторымъ наказаніи яко развращенныхъ... Но аще случится нѣкоей церкви разнствовати отъ другія въ нѣкіихъ

вленій, съ которыми онъ тогда печатался въ тогдашнихъ церковно-богослужебныхъ книгахъ, и въ защиту которыхъ такъ неразумно ополчились старообрядцы, послѣ того, какъ былъ исправленъ, согласно подлинному тексту, изложенному въ этомъ Соборномъ Дѣяніи".

Такъ какъ эта выдержва не есть цѣль нашего разсмотрѣнія, то мы за опроверженіемъ этой выдержки отсылаемъ читателя къ „Народнымъ Бесѣдамъ" въ III книжкѣ „о символѣ вѣры", изданнымъ достопочтеннымъ іеромонахомъ о. Паѳнутіемъ 1877 г.

[1]) Это увѣщаніе патріарха Паисія патріарху Никону ближе подходитъ къ духу и вѣрованію старообрядцевъ, которые весьма справедливо боятся нарушить какихъ-бы то ни было древнихъ преданій церкви, нарушеніе, которое очень часто влечетъ христіанина къ совершенному отпаденію отъ своей религіи.

чинахъ, не нужныхъ и не существительныхъ вѣры, сирѣчь, не прикасающихся свойственнымъ составамъ вѣры, но малыхъ, яко же есть время литургіи, и подобныхъ, сіе ни единое разлученіе творитъ, токмо егда сохраняется таяжде вѣра непреложно..." Описывая нѣкоторые предметы, ненарушающіе догматическихъ понятій православнаго исповѣданія, Константинопольскій святитель продолжаетъ: „О распряхъ, яже пишете въ седьмомъ прошеніи, молимъ именемъ Господа нашего Іисуса Христа, да утолитъ ихъ преблаженство твое разумомъ твоимъ, рабу-бо Господню не подобаетъ сваритися» [1]). Но Никонъ не хотѣлъ послѣдовать внушеніямъ этого добраго генія, такъ убѣдительно умоляющаго его не прать противъ рожна. Мы уже слышали, какъ говорилъ въ 1478 году великій князь Іоаннъ Васильевичъ III митрополиту Геронтію, совершившему обрядъ освященія церкви, вопреки обычаю, не по солнечному хожденію, а противъ хожденія солнца: «яко того ради гнѣвъ Божій приходитъ». И вотъ въ XVI вѣкѣ мы опять слышимъ голосъ и выраженія объ обрядохраненіяхъ русскаго народа: «аще кто двумя персты не благословляетъ, яко Христосъ, или не воображаетъ крестнаго знаменія двумя персты, да будетъ проклятъ» [2]). Патріархъ Никонъ, повидимому, хотѣлъ лишь показать свою ревность и потому вопросилъ соборъ: «кій убо отъ сихъ истинній: иже первыми треми персты или вторыя, иже двѣма персты, указательнымъ и среднимъ знаменіе креста творящій и три персты великій и два малыя во образъ Св. Троицы" [3]). На этотъ вопросъ мы имѣемъ прекрасный отвѣтъ патріарху Никону с.-петербург-

[1]) См. „Скрижали" на стр. 644—5 и 709.
[2]) См. „Стоглавъ" въ 31 главѣ.
[3]) См. „Скрижали" и въ допол. къ актамъ истор. Т. V стр: 486—487.

скаго митрополита Григорія; онъ говоритъ: „старообрядцы (въ подлинникѣ—единовѣрцы) для крестнаго знаменія употребляютъ двуперстное сложеніе, а православные троеперстное,—есть-ли тутъ разница въ вѣрѣ? Нѣтъ! православные своимъ перстосложеніемъ исповѣдуютъ Св. Троицу, а старообрядцы два естества въ Іисусѣ Христѣ; въ обрядѣ разность есть, но въ вѣрѣ нѣтъ, ибо православность то и другое: православно исповѣданіе Св. Троицы, православно и исповѣданіе двухъ естествъ въ Іисусѣ Христѣ. Исповѣдующіе Св. Троицу исповѣдуютъ и два естества въ Іисусѣ Христѣ; равно—исповѣдующіе два естества въ Іисусѣ Христѣ исповѣдуютъ Св. Троицу. Православны тѣ и другіе“ [1]). Вотъ что отвѣчаетъ патріарху Никону современный намъ архипастырь. Есть-ли смыслъ въ вопрошеніи патріарха Никона и на которой сторонѣ истина? а слѣдовательно и во всей его православной обрядовой реформѣ, существенное достоинство которой до днесь состоитъ именно въ отысканіи этой истины и насильномъ навязываніи ея русской церкви. Такъ разсуждать и спрашивать извинительно дѣтямъ и ученикамъ, а не патріархамъ, т. е. вождямъ народа на пути спасенія. Этимъ вопросомъ патріархъ Никонъ неопровержимо доказалъ, что онъ былъ крайній приверженецъ его новой реформы, для котораго восточное апостольское православіе будто бы заключалось въ троеперстіи, противосолоніи, троеніи аллилуія, пятипросфоріи и т. д. Вотъ тѣ толико православныя побужденія и соображенія, кои подвигли патріарха Никона на поправленіе русскихъ староотечественныхъ обрядовъ, и вотъ противъ коихъ непріятелей, мнимыхъ враговъ церкви

[1]) См. „Отвѣтъ единовѣрца старообрядцу“,—стр. 13—14

и православія, патріархъ Никонъ развилъ всю силу своего характера до наготы иначе, стадо барановъ показалось ему непріятельскимъ войскомъ а мельница рыцаремъ вызывающимъ на смертный бой. Въ 1667 году греко-московскій соборъ обрушился на несчастный народъ, державшій завѣтныхъ преданій, самыми полновѣсными, отборными и неслыханными до того на Руси клятвами и анаѳемами. Патріархъ Никонъ и московскій соборъ настояли, что употребленіе старыхъ обрядовъ есть уклоненіе отъ истины, отъ православія. Мудрости или искусству верховныхъ пастырей, или же обстоятельствамъ (до Никона) наша русская церковь обязана тѣмъ, что при обрядовыхъ соперничествахъ и даже раздорахъ она умѣла сохранять себя отъ расколовъ; но ни мудрость, ни искусство, ни просвѣщенность не были совѣтниками патр. Никону. При неукротимомъ характерѣ, неудержимомъ самовластительствѣ и при дѣйствительной власти, которую онъ съумѣлъ сосредоточить въ своихъ рукахъ, патр. Никонъ не могъ быть удовлетворенъ священною и смиренною обязанностію пастырства. Какъ самовластитель, не почитавшій для себя обязательными установленія древнихъ пастырей своей церкви, Никонъ пошелъ на встрѣчу обрядовымъ раздорамъ, съ тѣмъ, чтобы, принявъ сторону однихъ, имъ избранныхъ обрядовыхъ привязанностей, другія подавить и уничтожить. Такимъ образомъ патріархъ Никонъ является побудителемъ обрядовыхъ раздоровъ по вопросамъ, изъ коихъ одни до него уже были рѣшены, а другіе до него не существовали. На этотъ шагъ и поощряли нашего патріарха милостыне-собиратели греки. И почему-жъ имъ было не крикнуть измѣненію обрядовыхъ древностей, когда россійское архипастырство, въ лицѣ патріарха Никона, на то ихъ вызвало, и когда само правительство посылало къ грекамъ пословъ и встрѣчало ихъ, какъ

судей своихъ, и уполномочивало ихъ судить свою церковь, за то, что она осмѣлилась, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, быть самостоятельной и, по праву этой самостоятельности, силилась удерживать у себя свои древніе обряды, отъ которыхъ сами греки отступили. Они безъ противорѣчій вотъ что отвѣчали патріарху Никону на его, ими же внушенный, вопросъ: „на которой сторонѣ истина?"—„Аще кто изъ православныхъ христіанъ не творитъ крестъ, како знаменіе честнаго креста, тремя первыми персты, есть еретикъ и подражатель Арменовъ, сего ради имамы его отлучена быти отъ Отца и Сына и Святаго Духа и проклята" [1]),—другими словами православный христіанинъ да крестится не такъ, какъ по новымъ методамъ крестятся—есть проклятый еретикъ. Вотъ какую нелѣпость утвердили сидѣвшіе въ Москвѣ въ то время греческіе отцы милостыне—собиратели, на перекоръ русскому народу. Въ недѣлю православія, когда къ высокому торжеству собрались въ Успенскій Соборъ, самъ царь со всѣмъ его дворомъ, и всѣ архіереи, бывшіе въ Москвѣ, и много духовенства и безчисленное множество народа, при совершеніи обряда православія и въ тоже время, когда церковь святая возглашала вѣчную память всѣмъ подвизавшимся за Христа и анаѳему на всѣхъ супротивныхъ, Макарій, патріархъ антіохійскій, ставъ предъ царемъ, всѣмъ священнымъ соборомъ и, показывая три первые персты правой руки, сложенные три вмѣстѣ, воскликнулъ: „Сими тремя первыми персты всякому православному христіанину подобаетъ изображать на лицѣ своемъ крестное изображеніе; а иже кто двумя перстами творитъ, тотъ про-

[1]) Исторія русскаго раскола,—Макарія, стр. 168.

клятъ есть“. Тоже проклятіе высказалъ Гавріилъ патріархъ и Григорій, митрополитъ Никейскій. Архіепископъ Макарій, авторъ „Исторіи Русскаго раскола“, съ сочувствіемъ какъ-бы къ торжеству православія, описывая это нахальство грековъ, пропустилъ еще одно, что пропѣли тогда пѣвчіе анаѳему двуперстію— и крестящему двуперстіемъ. Проклятіе и анаѳема Греко-Московскаго Собора и истекли именно изъ этого не русскаго источника. Укажемъ еще на одинъ фактъ, въ доказательство того, какую силу въ то время имѣли въ Россіи греки и какъ они нахальничали надъ обычаями русской отечественной церкви. Въ святую субботу (великую) (1667 г.) у заутрени были царь и патріархи, два греческіе и третій Московскій; на правомъ ликѣ пѣли греческіе иноки, Мелетій да Діонисій архимандриты съ прочими, а на лѣвомъ пѣвчіе патріаршіе; по славословіи ходили съ плащаницею вокругъ церкви; вышли въ заднія двери, но пошли налѣво къ Грановитой Палатѣ. Въ то время Діонисій, Архимандритъ Никольскій и сперва, попрежнему, вышелъ изъ церкви на правую сторону по солнцу.

Можно представить дебошъ, произведенный Діонисіемъ съ товарищами—и при комъ? При царѣ и трехъ патріархахъ! Русскіе пошли было посолонно, по прежнему своему обычаю; греки кричали: „стой!.. назадъ!... поворачивай...“ Начинается преніе. Греки указываютъ русскимъ, русскіе не смѣютъ и не должны безъ нихъ, и особенно при нихъ, ходить кругомъ церкви по своему обычаю, а должны ходить непремѣнно по-гречески... Царь за грековъ, за царемъ патріархъ, за патріархомъ духовенство—и пошло съ тѣхъ поръ все по Россіи не по русски,—но навыворотъ. Гдѣ же смыслъ, гдѣ же русскій духъ?

Одни только старообрядцы идутъ по своему обычаю, и за то по прежнему оставленные и духовен-

ствомъ и царями. Вотъ достоинство всѣхъ этихъ обрядоисправленій, особенно анаѳематствованій на двуперстіе, посолоніе семипросфоріе и прочіе старообрядственные обряды, которымъ слѣдовала древняя церковь и пять патріарховъ, россійское самодержавіе, дражайшіе предки Алексѣя Михайловича, на обряды, на которыхъ Богъ прославилъ столько нетлѣнныхъ русскихъ князей и святителей, которые сіяютъ нетлѣніемъ въ опроверженіе всѣхъ этихъ изрыгнутыхъ злохулительныхъ поруганій, на эти вѣками въ русской церкви утвержденные, обдержанные, православные обряды, и на всѣхъ, прежде слѣдовавшихъ и послѣдовавшихъ онымъ,—обрушился громъ, и клятва и анаѳема греко-никоновскаго Московскаго Собора.

О достоинствѣ клятвы и всѣхъ дѣйствій Собора, какъ-бы съ упрекомъ къ Московскому Собору за его клятвы и анаѳемы, восклицаетъ митрополитъ Филаретъ (въ словѣ 13 Мая 1856 г.), не столько въ доказательство неразсудительности и несостоятельности этихъ клятвъ и анаѳемы, сколько въ обличеніе двусмысленности и двоедушія, до которыхъ довели вопросъ нынѣшніе господствующіе архипастыри. Мы обязаны указать, и всякому изыскателю истины поучительно понять, что просвѣщеннѣйшіе изъ русскаго архипастырства жалѣютъ нынѣ объ этихъ клятвахъ, стыдятся ихъ, начинаютъ отпираться отъ нихъ, т. е. стараются постановленію Московскаго Собора навязать такое толкованіе, яко-бы архипастырство Россійской церкви никогда не только не проклинало, но и не запрещало обрядовъ, называемыхъ нынѣ старыми, а что будто-бы клятвы эти положены на держащихся этихъ обрядовъ и положены не за вѣрность ихъ старoотечественному обряду, не за двуперстное сложеніе и прочіе тому подобные обряды, а за то, что держащіеся этихъ

обрядовъ держались оныхъ съ противленіемъ священной власти и съ преслушаніемъ Церкви, сопротивленіемъ и преслушаніемъ, которые будто-бы состояли не въ вѣрности къ старому обряду, а въ отторженіи ихъ отъ сообщенія съ церковью и въ отдѣленіи ихъ отъ архипастырства, вопреки будто-бы дозволенію и благословенію имъ этого обряда, и вопреки стараніямъ архипастырей удержать этихъ буквенниковъ въ сообщеніи съ собою." (Москов. Митр. Фил. въ словѣ 8 Сентября 1840 г. и 13 Мая 1856 года. И С.-Петерб. Митр. Григорій въ „отвѣтѣ единовѣрца" стр. 25, 27, 35, 37, 47, и т. д.)

Такое толкованіе, въ которомъ къ сожалѣнію, увѣряютъ старообрядцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ единовѣрцевъ почти всѣ совершенные наши апологеты Русской церкви. Но безпристрастный читатель, тщательно просмотрѣвъ соборное опредѣленіе 1667 года, онъ послѣ не найдетъ ни одного слова въ пользу этихъ апологетовъ. Возьмемъ для примѣра хотя-бы краткую выдержку изъ опредѣленія этого собора подъ правиломъ 22: „еще же и писаніе еже есть сложено отъ нѣкотораго раскольника и скрытаго еретика Арменскія ереси и напечатася невѣжествомъ и неразсудно въ концѣ „Псалтыря со вослѣдованіемъ [1]) и во иныхъ, сирѣчь, о служеніи перстовъ, яко знаменатися повелѣваетъ по обычаю же еретики армени знаменуются крестомъ, не пріимати сіе и никтоже отъ нынѣ сему же писанію да вѣруютъ, ниже да держатъ, но искоренити повелѣваемъ отъ таковыхъ печатныхъ и писанныхъ книгъ." [2]) Изъ этого ясно само по себѣ, что соборъ 1667 года проклиналъ старые обряды, какъ армянскія ереси, и повелѣлъ

[1]) Но, не смотря на то, эти же самые псалтыри по благословенію Св. Синода печатаются въ Московской единовѣрческой типографіи.

[2]) См. Дополненіе къ акт. истор. т. 5 стр. 472.

искоренить ихъ. За этимъ Соборомъ послѣдовала толпа представителей Русской церкви и извергла такія же клятвы и анаѳемы на старый обрядъ, какъ-то: посланіе Игнатія Тобольскаго «цвѣтъ духовный», «Розыскъ», «Пращица» и многіе другіе. Особенно рѣзко и полновѣстно извергаетъ первый въ своихъ трехъ посланіяхъ. Впослѣдствіи Ростовскій митрополитъ Димитрій, помѣщая въ своемъ «Розыскѣ» самую легкую выдержку изъ посланія Игнатія Сибирскаго: «три учители раскольничіе, говоритъ Дмитрій бывшіе въ странахъ Сибирскихъ... Оско иже чернецъ ему же прозваніе Астоменъ родомъ армянинъ... да Якута отступникъ, прозваніемъ Лепихинъ, да Аврамко жидовинъ...» «Тіи три,—продолжаетъ нашъ преосвященнѣйшій владыко,—тіи три учаху людей не ходити въ церковь, не исповѣдыватися, не причащатися, не вѣнчатися по церковному въ законный бракъ, знаменіе крестное на себѣ творити не по древнему пріятому отъ Греки обычаю, т. е. не тремя первыми персты правой руки, но двумя перстами, по обычаю Армянскія ереси и иная нелѣпая....» Да этотъ разсказъ самъ по себѣ нелѣпъ; нелѣпъ еще потому, что жидовинъ училъ христіанъ не обрѣзанію, а креститься двумя персты. Что-же? Это изреченіе архипастыря не есть повтореніе соборной клятвы? Подобныя повторенія мы встрѣчаемъ во многихъ полемическихъ книгахъ. Апологеты Русской церкви съ особеннымъ благоговѣніемъ относятся къ посланіямъ Игнатія Сибирскаго. Напримѣръ, «Православный Собесѣдникъ» Казанской Духовной Академіи за 1855 г. цѣликомъ помѣстилъ у себя всѣ три посланія этого архипастыря, изъ чего слѣдуетъ, что и Казанская Духовная Академія вѣруетъ еще такъ, что съ особенною похвалою относится къ автору этихъ посланій и не далѣе, какъ въ 1855 году. Затѣмъ въ одной книжкѣ, изданной въ 1872 г. какимъ-то іеро-

монахомъ Іоанномъ грѣшнымъ (такъ онъ себя именуетъ на заглавномъ листѣ) мы находимъ самыя и отборныя, и полновѣсныя изрыгнутыя брани на старый обрядъ и старообрядцевъ, начиная отъ собора 1667 г. до нашихъ дней. Смотря на лубочность этой книженки, которая выходитъ изъ ряда критики, но тѣмъ не менѣе она для насъ интересна именно потому, что она вышла изъ подъ благословенія духовной цензуры; слѣдовательно, и эта цензура вѣруетъ и даже признаетъ правильность клятвъ собора иначе она не благословила-бы книженки, да еще недавно (въ 1872 г.), а между тѣмъ наши софисты во что-бы то ни стало хотятъ доказать старообрядцамъ, что клятвы на старые обряды нѣтъ и не было [1]).

Затѣмъ и другіе факты и акты не подтверждаютъ и не допускаютъ однакожъ такихъ толкованій. Довольно припомнить, что первое дозволеніе принимать старообрядцевъ и съ ихъ обрядами въ сообщеніе съ господствующей церковью было постановлено на общей конференціи Сената и Синода, 15 сент. 1763 г. потомъ марта 1765 года дано было повелѣніе въ томъ же смыслѣ этой же Императрицею Екатериною II Великою св. Синоду, а въ 1784 году разрѣшеніе Екатеринославскому епископу Амвросію освящать для старообрядцевъ церкви и давать имъ священниковъ по ихъ обряду, съ единственнымъ условіемъ зависимости ихъ отъ епархіальнаго, господствующей церкви, епископа; наконецъ, болѣе общее и болѣе рѣшительное повелѣнія дано св. Синоду Императоромъ Павломъ 19 марта 1798 года, подтвержденное потомъ въ 27 день октября 1800 года. Но всѣ эти постановленія и повелѣнія суть дѣйствія собственно

[1]) См. болѣе подробное и весьма раціональное разсмотрѣніе этихъ полемическихъ церковныхъ обрядовъ въ „Запискахъ по народнымъ бесѣдамъ“ 1877 г. о. Пафнутія, іеромонаха Чудова монастыря.

самодержавной власти; что до архипастырей, то они поставивъ обрядовыя разности неодолимымъ препятствіемъ къ совершенному и безусловному соединенію, если и допустили старообрядство до своего общенія, но вопреки ожиданіямъ послѣднихъ, не въ полное, а половинное, призрачное, условное. И это вынужденное у нихъ самодержавіемъ общеніе Греко-обрядства съ старообрядствомъ, архипастыри парализовали, разными степенями, оговорками, что у нихъ выразилась правилами или мнѣніями митрополита Платона 1800 года. Архипастырства если и дозволило старообрядство и съ ихъ старымъ обрядомъ къ общенію, но на почтенное разстояніе отъ себя, этихъ соединенцевъ помѣстивъ въ особенную, нарочито для нихъ изобрѣтенную, не имѣющую смысла церковь, хотя по названію и единовѣрческую, что въ ней, изъ господствующей, особенно именуемой православною, переходъ строжайше возбраненъ. Замѣтимъ здѣсь, что и самые архипастыри, болѣе другихъ прямодушные, говоря о соборѣ 1667 года, прямо сознаются, что проклятія, направлены были именно противъ обрядовъ. Такъ Игнатій Олонецкій, заканчивая и какъ-бы увѣковѣчивая свою исторію о расколѣ, говоритъ о соборѣ: «Соборъ патріарховъ и всего священнаго чина въ Россіи, со стороны духовной власти, въ опредѣленіяхъ своихъ вообще положилъ, что если кто не послушаетъ повелѣнія его, извѣщенія во всемъ томъ, что онъ поставилъ и о ново исправленныхъ книгахъ и крестномъ знаменіи и объ аллилуія и о прочемъ, что нынѣ содержитъ и что не пріемлютъ мнимые старообрядцы, мы таковаго противника....» [1])

Такимъ образомъ Игнатіемъ подтверждено все, что

[1]) Стр. 201—202.

нынѣ содержитъ церковь: и новыя исправленныя книги и крестное знаменіе, и троякое алилуія и хожденіе противу солнца и прочее и прочее, и сколько ясно и рѣшительно осуждено все, въ чемъ состоитъ старообрядство!

Что-же это за прискорбная необходимость, что начальнѣйшіе изъ господствующаго архипастырства вынуждаются прибѣгать къ предосудительнымъ для архипастырскаго достоинства и святительской прямоты искаженіемъ фактовъ, къ отрицательствамъ, къ превратнымъ затемнительнымъ толкованіямъ прежнихъ своихъ дѣйствій и постановленій! При борьбѣ, возбужденной патріархомъ Никономъ, между обрядствами государи не могли и не должны были оставаться нейтральными

Но, къ сожалѣнію, они, въ лицѣ царя Алексѣя Михайловича, простодушно повѣрили милостыне — собирателямъ грекамъ и почитателю ихъ патр. Никону, будто-бы трое-перстіе, противусолоніе, троеніе аллилуйія, пятипросфоріе и прочая суть существенные, отличительные признаки восточнаго апостольскаго православія. И потому какъ правители въ отечествѣ сего новаго православія, стали преслѣдовать свое истинно свято отеческое православіе, расколъ, бунтъ. Преслѣдуя пасомыхъ, правительство оставляло въ покоѣ пастырей, вооружаясь противу исторически, вѣками образовавшихся въ русскомъ народѣ, обрядовыхъ убѣжденій и обязанностей, правительство поощряло новоизобрѣтенную обрядовую исключительность и не терпимость архипастырства, подавляя мирную вѣрность старообрядственному обрядству и обычаю, правительство препоясало мечемъ тиранническія завоевательныя стремленія обрядства чужеземнаго, для русской церкви неизвѣстнаго, подавляя одну пассивную, страдательную сторону, старообрядство, оно одушевляло другую,

дѣятельную, архипастырство. Преслѣдуя старообрядство и покровительствуя самовластительству архипастырства, его обрядовой нетерпимости, правительство строило однѣ верхушки раскола и отолщало его стволъ, укрѣпляя его корни, и не только не ослабляло раскола, но само расширяло, укрѣпляло его. Съ нѣкотораго времени однакожъ правительство стало инстиктивно догадываться, что архипастырство и само идетъ и его ведетъ по ложной дорогѣ. Правительство время отъ времени стало дѣлать уступки старообрядчеству, отъ мѣръ чисто подавительныхъ стало переходить къ примирительнымъ, къ примимиренію господствующаго архипастырскаго грекообрядства съ подъяремнымъ народнымъ старообрядчествомъ. Московскій соборъ говоритъ. „Во имя Великаго Бога и Спаса Нашего Іисуса Христа, соборнѣ заповѣдуемъ покоряться святой восточной апостольской церкви Христовѣ: аллилуйія глаголати трижды, знаменіе креста творити на себя тремя персты, молитву Іисусову глаголати сице: „Господи Іисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ;" просфоры печатати точію креста четвероконечнаго. Аще же кто не покорится... и мы таковаго противника, данною намъ властію отъ Всесвятаго и Животворящаго Духа, аще будетъ отъ священнаго чина, извергаемъ и обнажаемъ отъ всякаго священнодѣйствія и благодати и проклятію предаемъ; аще же отъ мірскаго чина, отлучаемъ и чужда сотворяемъ отъ Отца и Сына и Святаго Духа, и проклятію и анаѳемѣ предаемъ, яко еретика и непокорника .отъ православнаго всесочленения, отъ стада и церкви Божія отсѣкаемъ, яко гнилъ и непотребенъ удъ, дондеже не вразумится къ правдѣ покаяніемъ; аще пребудетъ въ упрямствѣ своемъ и до скончанія своего да будетъ и по смерти не прощенъ, и часть и душа его съ Іудою предателемъ и съ распеншими Христа, жидове, и съ Аріемъ

и съ прочими проклятыми еретиками. А той да будетъ не разрѣшенъ и яко тимпанъ, во вѣки вѣковъ. Аминь." („Соборный свитокъ"—въ Дополненіи къ Акт. истор. т. V). Противно ему мудрая императрица Екатерина II, [1]) 3-го Марта 1874 года повелѣваетъ Св. Синоду: „что касается до тѣхъ, кои православной церкви не чуждаются и таинства церковныя отъ православныхъ священниковъ пріемлютъ, а только въ закоснѣлыхъ нѣкоторыхъ по суевѣрію остаются въ обычаяхъ, неразвращающихъ ни слова Божія, ниже догматовъ церковныхъ, — то они не только отъ входа церковнаго и отъ таинствъ ея Св. Синодомъ не отлучаются, но за раскольниковъ, тѣмъ же Синодомъ, не признаваемы."

Но святая церковь, соборнѣ осудивъ какую либо ересь, или какой либо неправильный толкъ, ни подъ какимъ видомъ или предлогомъ, ни на дѣяніемъ или оговоркой, не можетъ подать руку на примиреніе съ ними, даже не на самое малое время. Именно таковое, какъ мы сейчасъ видѣли, безвозвратное осужденіе произнесено было греко-московскимъ соборомъ противу староотечественныхъ особенностей россійской церкви, кои нынѣ извѣстны подъ именемъ старообрядства. Да имѣла ли право, или на какомъ основаніи императрица нарушила осужденіе, какъ утверждаютъ порицатели стараго обряда, что осужденіе собора есть голосъ и выраженіе св. соборной апостольской церкви? Или примирительное вмѣшательство самодержавія, въ пользу старообрядчества, положительно и безвозвратно проклятаго московскимъ соборомъ, и уступки ему, очевидно, вынужденныя самодержавіемъ Св. Синода,—согласно-ли съ незави-

[1]) Согласно съ единой конференціей Сената и Синода 15-го Сентября 1763 года.

симостію и непогрѣшимостію св. апостольской церкви? Да, все это было никакъ не согласно, если-бы русское отечественное обрядство подлежало осужденію именно св. апостольской церкви, той церкви, которой церковь россійская есть часть и членъ ея. А это могло-бы быть въ единственномъ случаѣ, если бы въ староотечественное обрядство вкралось что нибудь неправославное. Но мы уже сослались на самыхъ авторитетнѣйшихъ обличителей старообрядства (моск. митр. Филарета и С.-Петер. митр. Григорія), которые послѣ некратковременныхъ испытаній (хотя и безъ кратковременныхъ испытаній) дознались наконецъ (будто-бы наконецъ?), что и русское отечественное старообрядчество ни мало неповинно въ неправославіи. Государи-же, какъ мы сказали, суть единственные прирожденные представители своего народа въ дѣлахъ церкви, на этомъ именно представительствѣ основывающіе свое право на участіе въ дѣлахъ ея и предсѣдательство на соборахъ, слѣдовательно: 1) осужденіе святоотечественнаго обрядства произнесено не апостольскою церковію, а одной россійскою. Разность между ними та, что св. церковь по неложному обѣтованію Спасителя, вѣчна и неодолима, а россійская можетъ перестать быть; первая непогрѣшима, а другая, какъ и всякая частная, мѣстная церковь, можетъ погрѣшать. Повиновеніе апостольской церкви обязательно для каждаго вѣрующаго христіанина, но повиновеніе русской церкви—только для русскихъ, и то на столько, на сколько предписанія ея самой согласуются съ ея духомъ и преданіями церкви Апостольской, на сколько она сама пребываетъ вѣрною церкви Апостольской. 2) Осужденіе это произнесено однимъ архипастырствомъ Россійской церкви, вопреки ея народу. А какъ одно архипастырство не составляетъ собою церкви въ собственномъ ея смыслѣ, то осужденіе это нельзя признать произнесеннымъ

не только апостольскою церковію, но даже не Российскою. А поэтому архипастырство обязано повиновеніемъ обряду и обычаю церкви народа своего, то осужденіе святоотечественнаго обрядства, прежде Никономъ, а потомъ соборомъ 1667 г., не праведно, незаконно, недѣйствительно, и для народа не обязательно. 3). Споръ въ Русской церкви между посолоніемъ и противусолоніемъ, осьмиконечіемъ креста и его четыреконечіемъ, дву и трое — перстіемъ, дву и троеніемъ аллилуіа, седми и пяти просфоріемъ и т. д. есть чистое, русское домашнее дѣло; а невѣжественное подтакиваніе Грековъ патріарха Никона и обрядоправленія, отстаиваніе этихъ поправленій на Московскомь соборѣ, все это есть противное между народнымъ правиламъ, вмѣшательство чужеземца въ домашнее дѣло сосѣда. 4). Со времени Московскаго собора и Никона, сдѣлавшееся господствующимъ русское архипастырство насильно, вопреки народу, введя въ русскою церковь обрядъ греческій, вмѣсто староотечественнаго, лишивъ народъ и духовенство права на голосъ въ дѣлахъ церкви, на свободу въ дѣлахъ обряда, и смысленность въ дѣлахъ вѣры, и себѣ одному присвоивъ значеніе церкви, единой, святой, соборной апостольской, съ ея непогрѣшимостію. Архипастырство во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ уклонилось отъ духа и преданій св. апостольской церкви, впало въ непогрѣшимость—папство. 5) Старообрядство, само по себѣ, въ истинномъ его смыслѣ [1])—не ересь, не расколъ, а прежде всего вѣрность своему староотечественному и святоотечественному благочестію, а потомъ законной и вполнѣ справедливый протестъ народа, тѣло самой церки и

[1]) Ниже скажемъ о нѣкоторыхъ толкахъ или сектахъ, которые несправедливо причисляютъ къ старообрядцамъ.

хринитель отечественнаго благочестія, противъ пристрастій Россійскаго архипастырства, къ обряду и обычаю чужеземному. Протестъ противъ его самовластительства, противъ притязаній повелѣвать убѣжденіями совѣсти и противъ стремленій власти въ Россійскую церковь—тактика и дисциплина папизма. 6). Въ лицѣ Московскаго собора, отлучивъ ревнителей церковно — отечественной и святоотечественной старины отъ общенія съ собою, а въ лицѣ митрополита Платона, отвергнувъ изъ обрядовыхъ разностей *просимое старообрядцами* безусловное соединеніе, не согласившись въ 1880 году, какъ просили старообрядцы (въ 16-мъ пункт. своего прошенія), признать обѣ сторонность, равночестность, равноправность обрядовыхъ привязанностей, не только снявъ съ староотечестеннаго обряда московскихъ анаѳемъ, но и подтвердивъ ихъ, хотя косвенно и политично—архипастырство поставило себя далеко ниже старообрядцевъ, которыхъ оно называетъ грубыми и упорными невѣждами, и неопровержимо доказало, что не старообрядцы, а само архипастырство виновно, какъ прежде въ возбужденіи, такъ и нынѣ въ поощреніи 'отечественныхъ обрядовыхъ раздоровъ и расколовъ. 7). Лишивъ народъ голоса въ дѣлахъ церкви, архипастырство, очевидно, и за государями не признаетъ представительства за ихъ народъ. Лишивъ государей каноническаго вмѣшательста въ дѣла церкви, архипастырство очевидно, и почитаніе ихъ низвело на вынужденное, лишенное искренности (равно страху безсильныхъ рабовъ передъ своимъ господиномъ) и сдѣлалось повѣреннымъ завоевателей грековъ султану. Положеніе неестественное и натянутое, предлагающее борьбу, которая если для насъ и непримѣтна, но которая, по законамъ логики, непремѣнно должна существовать, и должна когда—либо разрѣшиться или порабощеніемъ архипастырства са-

модержавію, чего архипастырство не въ силахъ избѣгнуть, отрѣшившись отъ связи и союза съ народомъ, или даже поглощеніемъ самодержавія архипастырствомъ по слѣдамъ папизма, чему, конечно, не бывать, но образецъ чего мы видѣли на царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ, и нынѣ видимъ на слѣпомъ, не политичномъ и совершенно безтактномъ подчиненіи самодержавія св. Синоду, по дѣламъ старообрядчества. 8) Лишивъ государей каноническаго основанія на вмѣшательство въ дѣла церкви, въ Россіи образовалось два православія: первое—отечественное русское, отечественное народное, по—русски православное, состоящее изъ двуперстія, посолонія, двоеніе аллилуія, седми просфоріе и т. д. и другое—греко—никоновское, синодальное и оффиціальное, которое состоитъ въ трое перстіи, противо солоніи, троеніи аллилуія, пяти просфоріи и т. д. Котораго изъ нихъ двухъ должны держаться государи, чтобы по Сγноду имѣть право на вмѣшательство въ дѣлахъ церкви? Очевидно, синодальнаго. Но приноравливаніе самодержавія къ православію синодальному возведеніемъ послѣдняго на степень господствующаго исповѣданія, и наоборотъ, осужденіе православія святоотечественнаго, съ низведеніемъ его на степень раскола, не будутъ-ли эти поступки самодержавія съ архипастырствомъ противу народнаго духа, противу правъ, имѣть свой русскій, отечественный церковный обрядъ и обычай, и съ ними тотъ складъ нравственно-религіозныхъ воззрѣній и убѣжденій, изъ коихъ, между прочимъ, слагаются отличія каждой національности отъ другой, и кои исторически, въ продолженіи вѣковъ, выработали; ибо и выработали въ Россіи такіе обряды и обычаи, кои нисколько не отличаются и ничѣмъ не отступаютъ отъ восточнаго апостольскаго православія, сообщили ему характеръ русской народности, наложили на него печать русскаго ге-

нія, образовали изъ него русское отечественное православіе [1]). Не понимаемъ, какъ безсмысленно обрядство чужеземное и притомъ клонящееся къ папизму, возводить на степень религіи господствующей—и гдѣ-же? Въ столь здравомысленномъ и могущественномъ государствѣ, какъ Россійское. А другое обрядство святоотечественное и притомъ истинно народное, истинно древнее, осуждать, преслѣдовать, искоренять и такими мѣрами, при которыхъ дрожатъ и трясутся самыя основанія государственнаго зданія! Вотъ обиды русскому народу, который, по своей собственной славянской добротѣ, ихъ переноситъ, предаетъ ихъ забвенію, но которыхъ никогда не проститъ правительству исторія. Вотъ несправедливости и ошибки, которыя русскіе государи обязаны, наконецъ, понимать и исправить. Что за радость, порочить, преслѣдовать и искоренять обрядство святое отечественное, чтобы всѣ права и преимущества его предоставить обрядству греческому? Что за радость, что за смыслъ—свое обрядство называть не православіемъ и расколомъ, а греческое, чужеземное, смѣшанное съ папизмомъ, провозглашать восточнымъ и апостольскимъ православіемъ, въ похвалу, надъ русскими, въ религіи испорченнымъ грекамъ-фанаріотамъ [2]), гдѣ государственная мудрость, преслѣдовать народъ свой

[1]) По справедливости и мѣтко старый обрядъ называется русскимъ отечественнымъ православіемъ. Напримѣръ: древнее чинобогослуженіе въ старообрядческихъ или молитвенныхъ домахъ, смиренное присутствіе молящихся прихожанъ, — когда народъ подходитъ ко кресту, Евангелію, къ иконѣ, — прежде мужчины, потомъ женщины,—и дѣлается все это не спѣша, скромно, безъ стѣсненія другъ друга и т. п. Совсѣмъ не то, что мы видимъ въ господствующихъ русскихъ храмахъ, когда народъ, идя прикладываться, другъ друга тѣснитъ и толкаетъ, куда-то торопится... и даже, что намъ пришлось однажды видѣть, въ одномъ храмѣ свалили не только налой но и самого священника. Спрашивается, что они спѣшатъ? Неужели это—ревность? Нѣтъ!—это просто послабленіе древне-православно-отечественныхъ обычаевъ, измѣненіе стройныхъ чиноположеній и проч.

[2]) Переселенцы-греки въ Турціи, занимавшіе должности у султана и пашей.

во всемъ, что есть для него драгоцѣннѣйшаго, отказывая ему въ правахъ на протестъ и жалобахъ на насиліе совѣсти въ дѣлахъ религіи, отказывая ему въ судѣ между ними и самовластительствомъ архипастырей; наконецъ, что за слава, честь и похвала государямъ, отрекаясь отъ священныхъ и прирожденныхъ имъ обязанностей, подчиняться прихотямъ и предразсудкамъ Св. Синода. 9). Государь Иванъ Васильевичъ III, въ спорѣ съ Митрополитомъ Геронтіемъ за обрядъ и въ примиреніи съ нимъ, отъ 1478 г. до 1482 г., вѣрно исполнивши прирожденную государямъ обязанность представительствовать въ дѣлахъ церкви за свой народъ, представляетъ собою добрый царственный примѣръ того, какъ государи должны понимать обязанности свои къ своему народу и его церкви, его вѣрѣ и обряду. Напротивъ, простодушный, слишкомъ довѣряя Никону, царь Алексѣй Михайловичъ, при обрядовыхъ раздорахъ, возбужденныхъ имъ же, Никономъ, на старину противу своего народа, предложившій мечъ къ услугамъ чужеземщины, и такимъ образомъ самодержавіе свое низведши до вооруженнаго послушничества обрядовой нетерпимости заблужденій и властительства архипастырства, есть одна изъ государственныхъ ошибокъ, на которыя великій князь Іоаннъ Васильевичъ указываетъ архипастырю Московскому Геронтію, при молитвенномъ Богослуженіи отразить эти ошибки отъ временъ настоящихъ и грядущихъ. 10) Обрядовые раздоры и расколы отечественной церкви не прекратятся, доколѣ Государи не воспріимутъ на себя, въ лицѣ Алексѣя Михайловича, небрежно утраченное предстательство за свой народъ, и доколѣ господствующее нынѣ надъ русскою церковію и ея обрядомъ архипастырство не возвратится, въ дѣлахъ обряда и обычая, повиноваться своей отечественной церкви, а не иноземной,

хотя-бы и греческой, смѣшанной теперь съ латинствомъ. 11). Признаніе русскаго архипастырства, въ прежнихъ его ошибкахъ, нисколько не касается догмата о непогрѣшимости Св. Апостольской церкви потому, что ошибка россійскаго архипастырства на Московскомъ Соборѣ и послѣ него суть собственныя его произведенія, никакъ не долженствовавшія быть относимы къ церкви Апостольской, тѣмъ болѣе, что сама Россійская церковь, въ лицѣ старообрядцевъ, болѣе 200 лѣтъ противъ нихъ протестуетъ. Напротивъ, отреченіе Россійскаго архипастырства отъ анаѳематическихъ постановленій Московскаго Собора, полное, безусловное и безвозвратное признаніе стараго обряда было бы простымъ признаніемъ за Россійскою церковію ея права противу церкви греческой, будетъ простымъ возвращеніемъ отнынѣ онаго грекороссійства къ своей сторообрядчественности. И вотъ нынѣшнее рѣшеніе Св. Синодомъ старообрядчества для такъ называемыхъ церквей единовѣрческихъ, разрѣшеніе далеко не полное, по противорѣчію и само себѣ и Московскому Собору, при смѣшиваніи себя со всею Россійскою церковію, а сей церкви съ Апостольскою, способно не только возбудить вопросъ касательно непогрѣшимости церкви (разумѣется, церкви россійской), но и доказать, что эта церковь и дѣйствительно погрѣшима и притомъ вдвойнѣ,— первое, когда запретила и прокляла старообрядство, а второе, когда его дозволила и благословила, но съ разными стѣсненіями и оговорками. 12). Примирительное вмѣшательство государей за старообрядство и ихъ народъ, не только не есть посягательство на свободу и независимость церкви, но установленіе этой свободы, нарушенной Никономъ и послѣдовавшимъ за нимъ архипастырствомъ. Слѣдовательно, это вмѣшательство самодержавія не только вполнѣ согласно, и съ ихъ обязанностями и духомъ

и преданіями св. апостольской церкви, но слабость и нерѣшительность къ вмѣшательству будутъ осуждены исторіей, какъ великая государственная ошибка и какъ непониманіе государями и пренебреженіе ими къ прирожденнымъ имъ высокимъ обязанностямъ въ отношеніи къ своей церкви, и къ своему народу.

И такъ, какое бы ни было вмѣшательство самодержавія (Екатериною и Павломъ) въ пользу старообрядства, сознательно или только инстинктивно, но несомнѣнно то, что великій переворотъ въ политикѣ совершился государями въ дѣлѣ обряда; если и слабо, если даже и не сознавая того, но все-таки стали наконецъ противу архипастырства и собора 1667 г. за свой народъ и за его старообрядство. При этомъ-то поворотѣ правительственной политики, отъ мѣръ подавительныхъ къ примирительнымъ, архипастырству слѣдовало бы немедленно рѣшиться на все дѣло безвозвратно, безъ оговорокъ и ограниченій, отречься отъ анаѳематствованій московскаго собора и признать ихъ несостоятельность, и не только послѣдовать прямодушно за самодержавіемъ, но и воспринять на себя инціативу для обязательнаго примиренія съ староотечественными обрядовыми особенностями. Но признать ихъ (анаѳемствованія собора) неразсудительными и несостоятельными, значитъ признать себя виновнымъ предъ всѣми и всѣмъ. Виновнымъ предъ св. апостольской церковію, что свой новый обрядъ, называя восточнымъ апостольскимъ православіемъ и, вмѣсто того, чтобы просвѣщать свою церковь, архипастырство утвердило, какъ-бы канонизировало въ ней свой новый, этотъ неправый толкъ, къ которому россійскій народъ такъ рѣшительно не наклоненъ, которое заключало и заключаетъ въ себѣ залоги раздоровъ и расколовъ, къ умягченію которыхъ должны быть сосредоточены и устремлены всѣ заботы и всѣ искусства архипастырства. Предъ цер-

ковію отечественною виновно, что увлеклось властительствомъ и самоуправствомъ, архипастырство посягнуло на завѣтную святыню народа, на его обрядъ, вѣками выработанный святыми отцами и геніемъ народа, и что увлекаясь своими предубѣжденіями, оно унизило себя до предосудительныхъ раздоровъ съ пасомыми. Виновно предъ русскимъ народомъ, что воспользовалось слабостію царя Алексѣя Михаиловича и послѣдовавшими неблагопріятными для русской народности правительствами, архипастырство успѣло наложить иго своего господства на народъ и его духовенство, и единственно для удержанія своего господства надъ ними, огнемъ, мечемъ и разными кознями распространяло въ народѣ свое господство, доказывая, что троеперстіе, противусолоніе, троеніе аллилуія, пятипросфоріе и т. д. суть существенныя особенности восточнаго апостольскаго православія. Предъ духовенствомъ, виновно, что искаженный Никономъ обрядъ архипастырства поставивъ стѣну между ними (духовенствомъ) и народомъ, оно раздѣлило паству отъ ея пастырей и поставило русское духовенство въ бѣдственное положеніе и въ матеріальномъ и въ нравственномъ отношеніи. Предъ правительствомъ виновно, что раздражая государей противъ старообрядства, архипастырство разрывало священнѣйшія отношенія, связующія государей съ ихъ подданными, и подданныхъ съ ихъ государями, вмѣсто того, чтобы соединенно съ государями заботиться о благоденствіи, могуществѣ и славѣ отечества. Архипастырство не только само изъ себя представило очамъ иноземцевъ, зрѣлище соперничества между народомъ и собою, но и государей, начиная съ Алексѣя Михаиловича, во время сбивалъ ихъ съ толку, побуждая угнетать ихъ народъ, чѣмъ покрыло и покрываетъ ихъ самихъ безславіемъ. Предъ государствомъ виновно, что преслѣдуя церковную сво-

боду и обрядовые привязанности народа, оно, со всѣми казнями и преслѣдованіями, заставило народъ толпами оставлять отечество, и лучшими подданными славяно-русскихъ царей населяло враждебные Россіи предѣлы Турціи, Австріи, Польши, Пруссіи, Швеции и проч. Чтобы признаться во всемъ этомъ, требуется много мужества и великодушія, а главное христіанскаго смиренномудрія, а у архипастырства недоставало ни того, ни другаго, ни третьяго.

И вотъ, колеблясь выборомъ между соборомъ и самодержавіемъ, ахипастырство теряло драгоцѣнное время, упустило возможность съ достоинствомъ для себя перемѣнить отношенія къ старообрядству и неотвратимой послѣдовательностью поставлено было въ самое предосудительное двусмысленное и двуличное положеніе. Держась сразу двухъ совершенно противуположныхъ направленій (т. е. и за соборъ и за самодержавіе), архипастырство вынуждено было стоять за соборъ, но стоять настолько, чтобы рѣзкимъ противорѣчіемъ истинъ и здравому смыслу не компрометировать себя предъ самодержавіемъ, вынуждено и отказываться отъ собора; но отказываться на столько, чтобы не обнаружить его неразсудительности и не самостоятельности отступить предъ примирительными стремленіями самодержавія, но отступить какъ можно менѣе, какъ можно болѣе удерживать его заблужденіе, по возможности, сбивая его съ толку и затрудняя его каждый шагъ, а если представится возможность, то возвращая назадъ, дѣлая уступки самодержавію, архипастырство вынуждено оправдать своею властію вязать и рѣшать, расширяя предѣлы этой власти, до латинства, до папизма, и забывая, что не только какой-либо епископъ, но самый св. Синодъ не властенъ разрѣшить того, что великій соборъ вязалъ запрещеніями безвозвратными; и если запрещенія законны и праведны, архипастыр-

ство вынуждено оговариваться, что обряды, впрочемъ, суть не вѣра, что даже и старый обрядъ православенъ и, наконецъ, утверждать, будто-бы архипастырство, т. е. ни соборъ, ни св. Синодъ не только не проклинали и не преслѣдовали старый обрядъ, но и не осуждали и не запрещали его, а отстаивая соборъ, архипастырство, вынуждено утверждать, якобы клятвы на старый обрядъ и старообрядцевъ положены св. апостольскою церковью, которую вполнѣ представлялъ собою въ 1666 и въ 1667 гг. Московскій соборъ, и поелику церковь сія не можетъ погрѣшать и противорѣчить себѣ, то будто-бы и клятвы эти, при очевидной ихъ несправедливости и несостоятельности, праведны и вѣчно неотложны. Правила митрополита Платона, или такъ называемые пункты, въ 1800 году служатъ неопровержимымъ доказательствомъ и образцомъ этой и двоедушной и двуличной политики, политики—недостойной архипастырства, угадываемой инстиктомъ и съ негодованіемъ отвергаемой здравымъ смысломъ и прямымъ характеромъ русскаго народа. Вотъ уже болѣе ста лѣтъ, какъ русское архипастырство стоитъ на распутіи ни къ самодержавію прямодушно не присоединяясь, ни къ собору открыто не возвращаясь, и самодержавіе вотъ уже третіе столѣтіе доднесь не изъяснило себѣ своихъ обязанностей къ народу и архипастырству, доднесь смѣшивая единую св. соборную апостольскую церковь, ту церковь, которую разумѣетъ сvмволъ вѣры, съ церковью русскою. Самодержавіе, думало видѣть сvмвольную церковь въ единомъ ея архипастырствѣ, а все русское архипастырство въ единомъ Св. Сvнодѣ. И такимъ образомъ, нѣсколькимъ священнымъ лицамъ усвояя авторитетъ и непогрѣшимость единой Соборной Апостольской церкви. Самодержавіе вотъ уже болѣе 200 лѣтъ стоитъ на этой точкѣ, съ которой ему нѣтъ

возможности разгадать, что такое за явленіе нашъ русскій, такъ сказать, православный расколъ и, къ несчастію отечества и его церкви, закрывъ глаза, слѣдуетъ за архипастырствомъ и въ такихъ вопросахъ, въ которыхъ церковь святая не только уполномочиваетъ его, но и налагаетъ на него обязанность контролировать, останавливать или подвигать впередъ самое архипастырство. Очевидно, архипастырство россійской церкви, отъ временъ Алексѣя Михайловича и до 15 Сент. 1763 года, проклиная и преслѣдуя старый обрядъ и старообрядцевъ, поступило если и заблужденно, но послѣдовательно и прямодушно. Но 15 Сентября 1763 года (окончательно же съ митрополита Платона своею нерѣшительностью доведенное до предосудительной необходимости двоиться между греко-московскимъ соборомъ и самодержавіемъ, — между безвозвратностью соборныхъ клятвъ и анаѳемъ и примирительными стремленіями (тенденціями) самодержавія, — между неотвратимой необходимостью, сознаться въ ошибкахъ, и между обязанностью за свою апокрифическую непогрѣшимость и т. д. Такимъ образомъ, архипастырство впало въ необходимость соглашать несоглашаемое,—старыя запрещенія съ новыми разрѣшеніями,— греко-московскія клятвы и синодальное благословеніе съ преданіями истинной христіанской древности и т. д. На этомъ пути архипастырство впало въ лабиринтъ противорѣчій и недоумѣній, обмолвокъ и умолчаній, признаній и запирательствъ, преслѣдованій и насильныхъ навязываній —словомъ, архипастырство впало въ безсмыслицу.

И такъ, что такое расколъ?—Нынѣшнее семинарское богословіе.

1) „Ересь и расколъ называетъ или еретиками, когда отступаютъ отъ единства вѣры, отвергая какіе-либо догматы ея,—или раскольниками, когда

отрицаются отъ повиновенія единой, законной власти церковной [1]). „Опредѣленіе было умолчательное, оффиціальное. Мы знаемъ, что расколъ не есть ересь. Ересь есть разномысліе съ Апостольскою церковью въ догматахъ ея и членахъ вѣры; а расколъ—раздѣленіе изъ-за обрядовъ или изъ за другихъ вопросовъ, но отнюдь не искажающихъ догматическаго исповѣданія вѣры. А по семинарскому „богословію" расколъ есть отрицаніе отъ повиновенія области церковной. Но областей церковныхъ много, это цѣлая іерархическая лѣстница, и каждая изъ властей повинующаяся ближайшей, высшей надъ ней поставленной власти, обязана повиновеніемъ Христу и его церкви.

Въ учебномъ руководствѣ „богословія" не слѣдовало-бы пройти умолчаніемъ, что только одна церковная власть—Христосъ и Его Церковь—непогрѣшимы, а всѣ прочія церковныя власти входящія въ составъ іерархической лѣстницы, начиная не только патріархами, но и соборами (если они созываются не для утвержденія истины, какъ это случилось съ Московскимъ Соборомъ 1667 года, и для навязыванія церкви какой-нибудь погрѣшности) могутъ подлежать погрѣшительности, а слѣдовательно и къ опредѣленію раскола. Учебному „Богословію" слѣдовало-бы прибавить, что расколъ есть отрицаніе отъ повиновенія истиннымъ и праведнымъ требованіямъ власти церковной: отрицаніе же отъ повиновенія требованіямъ власти, неправеднымъ, будетъ не расколъ, а праведный, законный протестъ противъ злоупотребленій власти. Далѣе намъ говорится: „Расколъ есть отрицаніе отъ повиновенія единой власти церковной." Единой власти!... Но если каждый епи-

[1]) См. Богословіе Архим. Антонія, впослѣдствіи архіепископа Казанскаго.

скопъ обладаетъ всей полнотою церковной власти, то эта власть не есть уже единая. Если же подъ единой властью разумѣть сосредоточенiе ея въ Россiи въ Сѵнодѣ, то и такихъ церквей найдется въ Вселенской церкви очень много,—къ чему же намъ разумѣть единство церковной власти? Далѣе: „Расколъ есть неповиновенiе законной власти церковной.“ Но развѣ это законная власть, которая сама уклонилась отъ законности, отъ правилъ церковныхъ, отъ ученiя православнаго и, вообще, отъ духа и преданiй истиннаго христiанства. По нынѣшнему „семинарскому“ православному догматическому богословiю тотъ и раскольникъ, кто не повинуется власти, каковы бы не были ея повелѣнiя, только была бы власть „законная,“ т. е. оффицiальная. Такое ученiе о православiи, такое опредѣленiе раскола несостоятельно, не православно. Допустимъ, однакожъ и семинарское официальное опредѣленiе раскола; пусть расколомъ будетъ все, что отказывается повиноваться церковной власти. Положимъ Св. Синоду и даже собору 1667 года, какъ бы ихъ опредѣленiя не были противуположны духу и преданiямъ истиннаго христiанства, то и такъ-называемые оффицiальные раскольники, просятъ правительство внимательно разсмотрѣть достоинство тѣхъ требованiй Св. Синода и собора 1667 г., противу коихъ они уже третье столѣтiе протестуютъ, они просятъ правительство и поступать съ ними сообразно этимъ своимъ дознанiямъ а не внушенiямъ Московскаго собора и зараженнаго предразсудками Св. Синода. Они просятъ ближе разсмотрѣть, что такое нашъ русскiй православный расколъ. То ли расколъ, что стоитъ на мѣстѣ, а если и идетъ, то путемъ совокупныхъ изслѣдованiй и соглашенiй; или-же то, что, поколебавъ вѣковыя рѣшенiя своей церкви, обозвавъ ихъ разными порицательными именами: 1) Арiанствомъ;

2) Аріевою пропастью; 3) Армянскимъ кукишемъ; 4) Армянскимъ преданіемъ; 5) Македоніанствомъ; 6) Несторіанствомъ; 7) Злобнымъ раздѣленіемъ; 8) Волшебнымъ униженіемъ; 9) Чертовымъ преданіемъ; 10) Вражескою прелестію; 11) Плевелы отъ врага человѣка, т. е. отъ діавола всѣяннымъ; 12) Демоновымъ сѣденіемъ; 13) Адовыми вратами (скрижаль листъ 15. 16. 146; Обличеніе лист. 11. 26. 30; Цвѣтъ лист. 66. 119; Розыскъ лист. 188; дополненіе доказательства о древности троеперстнаго сложенія стр. 162. изданіе 1858 г.—двуперстіе названо важнѣйшимъ заблужденіемъ) обстановило ихъ выдумками и напраслинами, изрыгнуло противъ нихъ клятвы и анаѳемы, попрало свободу убѣжденій, оскорбило народъ въ священнѣйшихъ чувствахъ, остановило привязанности и благословенія ко всему отечественному и всѣмъ этимъ произвело распаденіе русскаго народа на два лагеря. Которая церковь произвела расколъ? Та-ли, которая изъ глубокой древности была до Никона представляемая и продолжаемая нынѣ старообрядцами, которая стояла и оставалась на мѣстѣ; или же та, которая опорочила и засудила первую (древле старообрядческую) церковь и пошла отъ ней прочь?

Наконецъ, кто раскольники? Тѣ-ли, кои остаются вѣрными преданіямъ своей церкви и кои стоятъ за старое истинное святоотечественное обрядство; или же тѣ, кои своими обрядо-поправленіями начали новый періодъ сей церкви и, разрушая старое, не только сами вступили, но и другихъ насильно влекутъ за собой на путь коловратностей, свойственныхъ человѣческому непостоянству, нетерпимыхъ въ дѣлахъ религіи и гибельныхъ для твердости государства? Правда, Никоновское обрядство сдѣлалось государственнымъ, господствующимъ. Но господственность, государственность, офиціальность—никакъ не

суть признаки и доказательства истины. [1]) Что-же государственность и господственность Аріевой церкви суть-ли признаки и доказательства истинны? Конечно, Арій ни въ чемъ неуспѣлъ-бы, если-бы государь не сталъ за него. Такимъ образомъ и Никоновская государственность и господственность есть дѣло чисто случайное. Успѣлъ Никонъ съ милостыне—соби-

[1]) Вѣдь въ IV вѣкѣ и аріанская ересь по всему востоку была и государственная и господствующая, и тиранически владѣла всѣмъ духовенствомъ и всѣмъ народомъ, какъ лѣтописецъ объ этомъ разсказываетъ намъ слѣдующее: „по всему Египту и Понту и Ливіи православніи епископы, иже на ихъ (аріеву) ересь не соизволиша, изгнаны быша; а возведены на престолы ихъ мужи зліи и аріанстіи, и иже сребро и злато имѣяху и купити епископство можаху" (Бориніи, лѣто Господ. 356 слов. 3. 4). Далѣе: „и что аріане не творять. На пути-же исходять и входять во градъ, кушъ ищуть; по пустынямъ ходятъ, домы присматриваютъ, братію біютъ. Но слава Богу убо егда сія творятся и познаваютъ люди истинно, яко суть рабы антихристовы. Ниже егда къ православному учителю правовѣрніи собирахуся, нѣкій начальникъ Аріанинъ, убиваше всѣхъ приходящихъ, и книги и сосуды святые сокрушаше" (Там. см. 7). Далѣе и въ другой книгѣ свидѣтельствуется: „сколько велико и люто бяше тогда гоненіе отъ аріанъ на православныя.... Тако-же православніи въ едину церковь той собрашася и тамо тайную службу совершаху. Сеже увидавше варвары—воины (аріанстіи), яко пси кровопивіи, мечи обнаживше, о нрава, безчеловѣчно всѣхъ посѣкоша!" (Прологъ Декабря 8 день). Тоже, Василій Великій, въ своемъ посланіи въ Римъ, пишетъ: „да пріидуть къ намъ нѣцыи отъ васъ на посѣщеніе и утѣшеніе наше, и иже своими очима увидятъ сихъ восточныхъ церквей нужды... Гоненіе (аріанъ) насъ объятъ и, паче всѣхъ нящее изгоняютъ пастырей да стадо распудится за сей единъ грѣхъ наказуютъ насъ яко преданіе отеческое соблюдаемъ, за сіе отечества лишаемся... Судіи не имѣютъ ни единаго разсмотрѣнія и на сѣдыя главы... едины епископы клеветою безъ обличенія на муки и изгнаніе предаются... Отъидоша отъ насъ веселіе праздниковъ нашихъ, *домы молитвенные заключены*, *алтари духовныя службы не имѣютъ*, христіане не собираются, учителей не стало, ученіе спасительное оскудѣ, пѣнія нощнаго нѣсть... рыдайте съ нами, братія, *загражденъі у насъ благочестивымъ уста*, *не имѣемъ свободнаго слова*, *а охульникамъ отверзаются...*" и т. д. (Бором. лѣт. Господ. 371 чис. 3. 4. 4. 5. 6). Кто знакомъ съ исторіей, пусть сравнитъ это гоненіе съ гоненіемъ при и послѣ Никона. Сколько крови пролилось въ Соловецкомъ монастырѣ и повсемѣстно? Духовныхъ гнали и убивали, молитвенные дома были заключены (и сейчасъ заключены!), христіане не собирались, учителей не стало, ученіе спасительное оскудѣло, пѣнія нощнаго не стало, христіане лишились отечества, заграждены были у нихъ уста, они не имѣли свободнаго слова и т. д. За что-же? Что преданіе отеческое соблюдали. Только разница въ томъ, что тамъ гнала еретическая церковь, а здѣсь говорятъ намъ, что гнала и преслѣдовала Святая Соборная Апостольская церковь.

рателями греками увлечь простодушнаго Царя Алексѣя Михайловича на сторону новаго обрядства, и нововведенное обрядство стало господствующимъ; не будь этого, не стань государь за старое, въ крайнемъ случаѣ не уступи никому, подобно Іоанну Васильевичу III, не дозволь ему учинить устава, и новообрядство исчезло бы вмѣстѣ съ Никономъ, точно также, какъ и прежде не стало его съ Геронтіемъ.

Мы еще прибавимъ, что никоновское обрядство сдѣлалось не только господствующимъ, но и исправительнымъ. Но насиліе и подавленность не суть признаки истины, а напротивъ они-то и обличаютъ неестественность, несостоятельность того, что люди стараются узаконить и утвердить ими (ложью) свои несправедливости. Господь обѣщалъ утвердить церковь Свою на неподвижномъ камнѣ православнаго исповѣданія и прорекъ, что врата адовы не одолѣютъ ее; но что сказать о церкви, которая неодолимость свою думаетъ утвердить на покровительствѣ и мечѣ владыкъ земныхъ, въ такомъ случаѣ, русская церковь неможетъ похвастать своими тремя іерархическими чинами. Что это за исповѣданіе, которое заключаетъ свое каѳолическое, апостольское православіе въ тѣсныя рамки своей непогрѣшности? Что это за истина, которая прибѣгаетъ не къ убѣжденіямъ въ духѣ Евангельской кротости, а къ знакамъ гражданской тѣлесноощущаемой власти, — къ кандаламъ, острогамъ, плетямъ, срубамъ, сожженію и т. д.? Вѣчная истина гнушается такими аргументами, отвергаетъ покореніе себѣ такими площадными кровопролитными средствами. И истина сама по себѣ властна покорять себѣ все мыслящее; только ложь, для возвышенія своего случайнаго авторитета и пріобрѣтеннаго господства, нуждается во внѣшней силѣ и одобряетъ всѣ средства, коими сооружено и коими поддерживается господство, напримѣръ, гре-

ко-никоновскаго исправленнаго обрядства, и обличаетъ его несостоятельность!

Упрекаютъ ревнителей отечественно-церковной старины, что они маловажнымъ по себѣ обрядовымъ подробностямъ и мелочамъ приписываютъ чрезвычайную важность. Но оставимъ все, что мы сказали о значеніи обряда, при борьбѣ между двумя народностями и двумя исповѣданіями, и о завѣтной неприкосновенности обряда для каждаго народа, наравнѣ съ его вѣрой, языкомъ, свободой, и спросимъ: развѣ не само россійское архипастырство и развѣ не этимъ самымъ мелочамъ и подробностямъ нѣкогда приписало и нынѣ приписываетъ чрезвычайную догматическую важность, когда, въ лицѣ московскаго собора, употребляло въ нихъ такія запрещенія и клятвы, къ коимъ вселенская церковь прибѣгаетъ только въ чрезвычайныхъ и крайнихъ случаяхъ, при неотвратимой и скорбной необходимости отсѣченія отъ тѣла церкви, ереси и еретиковъ!... Напримѣръ: въ книгѣ собранія постановленій Св. Синода по части раскола, для собственнаго руководства изданій въ 1860 году, и хранимой въ секретѣ, находимъ слѣдущее: „Мая 30 дня 1729 года, духовная декастерія, въ донесеніи своемъ Св. Синоду, изъясняла: города Калуги церкви Георгія чудотворца, что за лавками, бывшій попъ Евдокимъ Михайловъ, оказавшійся, по производившемуся въ 1724 году дѣлу, виновнымъ, съ товарищемъ своимъ, Петромъ Ивановымъ, въ сокрытіи старопечатныхъ книгъ и лично въ служеніи, въ помянутой Георгіевской церкви, по просьбѣ записнаго раскольника, послѣ утрени на воскресный день, молебна, и за то лишенный священства и наказанный, публично битъ кнутомъ, — просилъ, чтобы для Его Императорскаго Величества здравія и поминовенія представльшихся Его Величества Фамиліи, по милосердому указу, по ко-

торому другимъ наивящція вины отпущены, оныя вина его была отпущена,—священство было ему возвращено и дозволено ему служить въ показанной Георгіевской церкви по прежнему, въ избѣжаніе могущаго послѣдовать ему съ женою и малыми дѣтьми конечнаго разоренія и голодной смерти». Донося о семъ, Декастерія присовокупила что «по мнѣнію оной, помянутаго раскольника, священства по прежнему удостоить надлежитъ того ради: хотя онъ, Евдокимовъ въ бытность свою, потомъ за присягою своею, вышесказанную противность и учинилъ, и священства обнаженъ, и гражданскимъ наказаніемъ истяжанъ и имѣется подъ запрещеніемъ съ 1726 г., тому третій годъ, но нынѣ къ церкви святѣй обращается и проситъ къ священнодѣйствію разрѣшенія и по состоявшемуся Его Императорскаго Величества февраля 24, 1728 г. милосердаго царя вины своей отпущенія, а въ указѣ блаженныя и вѣчно достойныя памяти Его Императорскаго Величества состоявшегося въ святѣйшемъ синодѣ мая 15 дня 1722 г. напечатано въ 13 пунктѣ: которые раскольники, по обращенію къ церкви и по ученію присяги, паки въ расколѣ будутъ обращаться, таковыхъ отсылать, къ гражданскому суду; а если противникъ паки обратится то по наказаніи гражданскомъ паки принять къ церкви; въ 27 пун., если же кто изъ обратившихся отъ раскола поповъ достоинъ покажется по разуму и по постоянству, до священства допустить и для того онаго попа по желанію его, по прежнему священнодѣйствовать и къ означенной церкви для священнослуженія опредѣлить подлежитъ; а по нынѣ оный растрига, Евдокимъ, уже былъ публично кнутомъ наказанъ въ свѣтской командѣ, и тому вина, какъ права государственныя повелѣваютъ, чтобы ему никто ни какого укоренія тѣмъ ненаносилъ, публично въ той командѣ не отпущена, и нынѣ, безъ та-

кого той вины отпущенія, святѣйшему правительствующему синоду паки до священства его Евдокима допустить и въ церкви опредѣлить невозможно, дабы отъ постороннихъ людей не было тѣмъ ему публичнымъ наказаніемъ, укоренія». [1]) Здѣсь какъ видимъ, что духовная Декастерія въ своемъ доношеніи св. синоду повидимому прощаетъ попу Евдокиму и желаетъ ему возвратить священство и священнодѣйстіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ хватаетъ свое доброе мнѣніе назадъ, и находитъ препятствіемъ къ возвращенію ему сана въ томъ, что вина его въ свѣтской командѣ, гдѣ онъ былъ наказанъ, не отпущена была ему публично, слѣдовательно по мнѣнію Декастеріи священство ему Евдокиму возвратить не возможно. Теперь услышимъ опредѣленіе св. синода: «Состоящимся вслѣдствіе сего 30 мая 1829 г. опредѣленія св. синода положено: Изъ святѣйшаго правительствующаго синода въ Высокій Совѣтъ противъ вышеупомянутаго, Духовной Декастеріи допущенія, сообщить свѣденіе, съ такимъ требованіемъ, чтобы распопу Евдокиму Михайлову, который нынѣ проситъ отпущенія, повелѣно было, по разсужденію высочайшаго сената, въ той винѣ наказанъ былъ, учинить надлежитъ публичное прощеніе и впредъ никому его тою виною порицать не велѣть, и въ отпущеніи той вины дать ему обычный указъ, и по мнѣнію св. синода, по силѣ выше упомянутыхъ пунктовъ для обращенія и сущей бѣдности, ему распопу Евдокиму, ту вину отпустить надлежитъ, и по отпущеніи, о разрѣшеніи ему священнодѣйствія и опредѣленіи его къ церкви куда заблагоразсудится отъ Святѣйшаго Синода, рѣшеніе учинено будетъ: и какое опредѣленіе о выше писанномъ учинится о томъ

[1]) 1 книга стр. 205.

бы въ свят. правит. Синодъ изъ Высокаго сената соблаговолено было сообщить письменно. Іюля 28 дня Высокій сенатъ вслѣдствіе вѣденія Св. Синода, по дѣлу о Евдокимѣ Михайловѣ, бывшемъ попѣ города Калуги, церкви Георгія чудотворца, что за лавками, за сокрытіе старопечатныхъ книгъ и за служеніе въ оной, Георгіевской церкви, по просьбѣ записнаго раскольника, молебна, и лишенномъ священства, и наказанномъ кнутомъ публично и просящимъ, сообщаетъ разрѣшеніе въ священнодѣйствіи, что нынѣ учинено, ему, Михайлову, публичное прощеніе, и о не порицаніи его указъ ему данъ; опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода положено: онаго распопа Евдокима Михайлова, для увѣренія, нѣтъ-ли въ немъ еще какихъ церкви святой противностей, почему святое покаяніе дать и исповѣдь кому пристойно; искусному священнику, которому при этой исповѣди прилѣжно смотрѣть, не явится ли отъ него еще какой къ расколу склонности и ежели что сомнительное покажется, то объявить Святѣйшему Синоду, а буде никакого подозрѣнія и сомнительства не покажется, то учинить ему при всенародномъ собраніи съ публичнымъ всѣхъ раскольническихъ лжеученій и суевѣрій *проклятіемъ* и очистительную присягу и обязать его письменно подпискою руки его и съ поруками, что ему впредъ ни какихъ противностей и продерзостей не чинить; а ежели впредь такія продерзости и прочія тому подобныя дѣйствія чинить будетъ, то не токмо лишенъ будетъ священства вовсе, но гражданскому тогдашнему наказанію и вѣчному заточенію повиненъ будетъ; а между тѣмъ доколѣ вышерѣченное дѣйствіе исполняться будетъ, взять у него, Евдокима, о рожденіи и воспитаніи также о происшествіи во священствѣ обстоятельную сказку, освидѣтельствовать, достовѣрно, когда и гдѣ, по какому указу и почьему прошенію и чьимъ рукоположеніемъ,

къ которой церкви освященъ и ставленная грамота ему дана въ которомъ году, мѣсяцѣ и числѣ, и зачьимъ подписаніемъ, и все ли до 1726 года по той грамотѣ служилъ, и у одной ли церкви, и не переходилъ ли куда по указу или безъ указу, и вдовствуетъ ли и другихъ какихъ священству, препинающихъ пороковъ, кромѣ выше писаннаго неимѣетъ ли и то свидѣтельство предложить, также и его, Евдокимова разрѣшеніе во священство ежели достоинъ явится, самолично представить въ святѣйшемъ Синодѣ безволокитно [1]). Изъ всѣхъ этихъ предписаній ясно видна та безпримѣрная строгость противъ стараго обряда и старообрядцевъ, которая употреблялась въ той эпохѣ. Какое еретичеетво или скверность находится въ старомъ обрядѣ, что требовалось при всѣмъ народномъ собраніи сдѣлать съ проклятіями очистительную присягу. Какой это преступникъ и какое онъ сдѣлалъ преступленіе, что за нимъ требовалось столько переписки и предписаній, и наконецъ послѣ всѣхъ этихъ предписаній и наказаній и удостоилась-ли просьба Евдокима и возвратили-ли ему священство? Нѣтъ! Вотъ послѣднее опредѣленіе св. Синода: «15-го октября Святѣйшій Синодъ, выслушавъ сказку о рожденіи, воспитаніи и посвященіи къ церкви Георгія Чудотворца, что за лавками въ городѣ Калугѣ, бывшаго попа Евдокима Михаилова, за откровеніе раскольническихъ требъ, священства обнаженнаго, публично наказаннаго и наконецъ отъ того порока, милостиво прощеннаго, а также учиненной съ синодальнымъ казеннымъ приказомъ, справкѣ, и для лучшаго усмотрѣнія и призвавъ и самого его и испытавъ его въ книжномъ чтеніи, опредѣленіемъ 15 Октяб., 1729 года положилъ: во священство его,

[1]) там. стр. 20—209.

распопа Евдокима Михайлова недопускать, для того, что онъ и прежде сего, къ раскольническому суевѣрію былъ приклоненъ, за что и священства былъ лишенъ и наказанъ публично, къ тому же и ради сего во священствѣ быть невозможно, что онъ не токмо о заповѣдяхъ Божіихъ и таинствахъ церковныхъ несвѣдущъ, но и во чтеніи книжномъ зѣло плохъ явился, еще же и потому на оное прежнее мѣсто опредѣлять его не надлежитъ, что на то его мѣсто, послѣ его, Евдокима, изъ священства изверженія, къ вышеобъявленной церкви Великомученика Георгія въ попы 1727 году, поставленъ бывшій тояжъ церкви дьячекъ Иванъ Антоновъ, который и понынѣ при сей церкви пребываетъ, священнослуженія и надлежащія требы исправляетъ, что и самъ онъ Евдокимъ по спросу объявилъ, именно, чего для ему, Евдокиму, попомъ и не быть и священическаго дѣйствія никакого отнюдь не отправлять, подписался съ подтвержденіемъ; а кромѣ священства буде похочетъ въ церковникахъ быть понеже онъ публичнаго прощенія сподобился, то ему не запрещается, и о томъ, для вѣдома, въ духовную декастерію послать указъ (тамъ же стр. 211). Въ этомъ дѣяніи характеризующемъ св. Синодъ за ту эпоху, являются слѣдующіе вопросы: 1) Что это за расколъ и что это за раскольникъ да еще записной, что ходитъ въ православную церковь и служитъ въ ней молебенъ? 2) Что за смыслъ въ отзывѣ Св. Синода, что поелику на мѣсто битаго кнутомъ священника поставленъ дьячекъ той же церкви, то это мѣсто Евдокиму нельзя возвратить, слѣдовательно, еслибы на его мѣсто былъ поставленъ не Иванъ Антоновъ а другой, то это было бы можно. 3) Что за особенная вина, что православный священникъ въ своей православной церкви, за неимѣніемъ, въ то время, такъ называемаго новоисправленнаго кано-

ника отслужить молебенъ по старопечатному канонику? 4) Наконецъ, почему Св. Синодъ повидимому прощая Евдокиму, не возвратилъ ему священство? На первый изъ этихъ вопросовъ отвѣчаетъ опредѣленіе св. Синода отъ 15 мая 1722 г., II пунктомъ котораго изображено: «Который хотя святой церкви и повинуется и церковныя тайны пріемлетъ, а крестъ на себѣ изображаетъ двумя персты а не тремя перстнымъ сложеніемъ: тѣхъ, кои съ противнымъ (кому противнымъ?) мудрованіемъ, и которые хотя и по невѣжеству и отъ упорства то творятъ, обоихъ писать въ расколъ, невзирая ни на что». [1]).

На второй вопросъ—того же опредѣленія пунк. 25: Такихъ поповъ, которые по раскольническому содержанію противно чего дѣйствуютъ, лишать священства и отдавать въ наказаніе гражданскому суду». На третій вопросъ пунк. 26: «Кто отъ церковниковъ будетъ на такихъ поповъ доносить, и таковаго доносителя, право даннаго, ежели въ священство достоинъ произвесть на мѣсто его». На послѣдній вопросъ отвѣчаетъ самое опредѣленіе св. Синода отъ 15 октября 1729 г. которое гласитъ: «Для того, что онъ прежде сего къ раскольническому суевѣрію былъ приклоненъ».

Послѣ этого на какомъ основаніи обличители старообрядчества берутся утверждать, будто только одни не образованные мужики, да старообрядцы приписываютъ обрядовымъ мелочамъ чрезвычайную важность, и будто архипастырство и св. Синодъ отнюдь не причастны такому заблужденію людей невѣжественныхъ? Но вышесказанное достаточно показало за какія мелочи Россійское архипастырство публично наказываетъ кнутомъ.

1) Собран. по част. раск. 14 кн. 1 стр. 35.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россійской имперіи, цѣлыя населенія считаясь православными—привержены однакожъ къ старому обряду, такъ всѣ они крестятся двуперстно и при крестовыхъ ходахъ и бракахъ заставляютъ священниковъ своихъ не премѣнно ходить по солнцу, и желали-бы, чтобы и прочія обряды исполнялись у нихъ какъ слѣдуетъ какъ быть должно т. е. по преданіямъ св. отцевъ. Получивъ съ молокомъ матернимъ отвращеніе противъ троеперстія, они называютъ его щепотью и лицъ причта щепотниками и пренебрегаютъ ими. Священники же ихъ, какъ священники (по смыслу Россійскаго православія) исполняютъ такъ обрядъ, какъ велѣно архипастырствомъ, и крестятся троеперстно. Мало того присягою при самомъ посвященіи обязываются они въ консисторіяхъ преслѣдовать двуперстіе въ своихъ приходахъ, при первомъ его проявленіи. Пасомыя желали бы, чтобы пастыри ихъ, пасли ихъ на той пажити, которую церковь св. приготовила. Это имъ желательно не по прихоти или упорству, а потому что это испытано и освящено употребленіемъ въ древности всею Россійскою церковью и св. отцами сей церкви, мощи которыхъ съ двуперстіемъ какъ свѣтила озаряютъ истину сей церкви, къ обличенію троеперстнаго гречески Никоновскаго православія. Но этихъ желаній пастыри исполнить не могутъ; между ними и ихъ пасомыми стоитъ средостѣніе, повелѣвающее имъ употреблять книги и обряды непремѣнно поправленные, какъ будто по старымъ книгамъ и обрядамъ, прежде, до Никона, спасаться было можно, а послѣ Никона нельзя и только (спасаться) можно по новоисправленнымъ. Отъ этого господствующія въ Россіи церкви, годъ отъ году пустѣютъ и прихожане болѣе не ходятъ къ исповѣди и св. причастію, а ихъ нынѣ къ этому насильно гонятъ, дескать, они овцы,—словомъ, между

пастырями и ихъ пасомыми существуетъ полное раздѣленіе.

Нѣкоторые старообрядцы подумали было въ своей простотѣ, что нынѣ св. Синодъ и архипастыри стали просвѣщеннѣе, или какъ они выразились, стали на обрядъ смотрѣть прямѣе. Почему и бывъ притомъ поощреніи, примѣромъ благословенія старыхъ обрядовъ для церквей единовѣрческихъ, возъимѣли было мысль, средостѣніе между ними и ихъ пастырями разорить и конечно уничтожить, такъ чтобы и они и ихъ пастыри не дѣлились впредь, а составили единое стадо. Въ сихъ чувствахъ въ 1860 г. просили они Азапольцы (село Архангельской губер.) дабы св. Синодъ благоволилъ: или ихъ православную церковь обратитъ въ единовѣрческую, или же просто въ ихъ православной церкви дозволить ихъ причту креститься двуперстно, и между обрядами старыми и новыми не дѣлать различія а исполнять ихъ такъ, какъ и приходъ Азапольцы просить будетъ своихъ причетниковъ». Архангельскій епископъ Александръ въ объѣздѣ по епархіи, только посулилъ за то десятому изъ Азапольцевъ кнутъ и Амуръ. А св. Синодъ не довольствовался однимъ слѣдствіемъ а произвелъ ихъ два, изъ коихъ онъ благоволилъ усмотрѣть, что изъ 76 домохозяевъ подтвердившихъ прошеніе только два вполнѣ не подтвердили прошенія, а остальные настаиваютъ на одномъ—на перемѣнѣ новопечатныхъ книгъ на старопечатаніе (только на одномъ) изъ чего св. Синодъ благоволилъ заключить: «что Азапольцы отъ своего прошенія отказываются, а при этомъ говорятъ на себя будто они приверженцы стараго обряда, что напротивъ, какъ и самъ ихъ священникъ показалъ, они всегда были и суть самые ревностные къ православію христіане, а потому сославшись на 11 пунктъ правилъ митроп. Платона. св.

Синодъ въ ихъ прошеніи, ихъ православную церковь обратить въ единовѣрческую, отказалъ...

Къ сожалѣнію 1) св. Синодъ не разъяснилъ Азапольцамъ, какъ имъ понимать впредь слова архипастырей и св. Синода на которыхъ они сослались въ своемъ прошеніи въ подлинномъ ихъ, или въ какомъ нибудь выворотномъ смыслѣ (т. е. архипастыри считаютъ и старый обрядъ спасительнымъ и на этомъ, будто, основаніи и допущено единовѣріе, а св. Синодъ, на противъ, считаетъ ихъ (Азапольцевъ) ревнителями православія (Никоновскаго) и не дозволяетъ ихъ церковь обратить въ единовѣрческую. 2) Азапольцы просили кромѣ двоихъ, или обратить ихъ въ единовѣріе, или же дозволить имъ употреблять старый обрядъ, Синодъ отвѣтилъ на первое отказомъ, второе—молчаніемъ. Здѣсь кстати замѣтимъ, что нынѣ въ тѣхъ случаяхъ когда отказать просителямъ нѣтъ резона, а соглашаться на просьбу, значитъ прежнія свои рѣшенія признать неразсудительными, и потому въ такомъ случаѣ св. Синодъ принялъ за правило ничего не отвѣчать просителямъ. Вотъ до какого униженія дошли архипастыри русской церкви въ лицѣ св. Синода!... Изъ признанія Азапольцевъ въ ревности къ православію (конечно офиціальному), Синодъ не потрудился разъяснить себѣ, какимъ образомъ изъ двухъ приходовъ сдѣлался одинъ, и прежнихъ четырехъ священниковъ съ двумя діаконами замѣнилъ нынѣ одинъ священникъ безъ діакона, и слѣдовательно куда дѣвались покрайней мѣрѣ $^3/_5$ частей такъ называемыхъ ревностныхъ православныхъ Христіанъ. Вопросъ глубокаго интереса, такъ какъ ни мору, ни эпидеміи, ни нашествія иноплеменныхъ непріятелей, въ тѣхъ странахъ не бывало.

Московскій купецъ Исаевъ устроивая богадѣльню при единовѣрческой, Исаевымъ же устроенной церкви въ Нижегородской губерніи селѣ Мурашкинѣ

(родинѣ Исаевыхъ); между прочимъ предполагалъ принимать въ богадѣльню, какъ единовѣрцевъ такъ и прочихъ старообрядцевъ и православныхъ т. е. господствующихъ, съ тѣмъ, чтобы они всѣ, а слѣдовательно и послѣдніе, для исполненія христіанскихъ требъ обращались къ своему священнику богодѣленскому т. е. единовѣрческому. Св. Синодъ указалъ Исаеву, чрезъ Нижегородскую Духовную Консисторію отъ 27 февр. 1859 г. № 1475 и повторилъ 4 октября 1861 г. № 12633 въ которыхъ это предположеніе Исаева, назвалъ „оскорбительнымъ и весьма оскорбительнымъ для церкви и православія,» и въ принятіи отъ Исаева, жертвуемой имъ между прочимъ и на этомъ условіи, до 400 десятинъ земли, отказалъ. Вотъ, опять повторяемъ, до какого униженія дошло русское архипастырство, въ лицѣ св. Синода. Исаевъ въ своей простотѣ думалъ, чтобы сыны господствующей церкви за христіанскими требами обратились къ единовѣрческому священнику, и этимъ онъ (Исаевъ) оскорбилъ и весьма оскорбилъ Церковь и православіе!...

Но въ такомъ случаѣ самое допущеніе единовѣрія не выдаетъ ли собою оскорбленія церкви и православія? Да, оскорбленіе церкви, не единой св. апостольской, а нашего Синода, во время самоуправства присвоившаго себѣ авторитетъ и власть не только всего россійскаго архипастырства и россійской церкви, но и церкви апостольской. Оскорбленіе церкви и православія! Но не сумвольно апостольскаго, а нашего русскаго, никоновскаго, синодальнаго, оффиціальнаго, состоящаго въ троеперстіи, противосолоніи, троеніи аллилуія, пятипросфоріи и т. д. Оскорбленіе намѣренно пріобрѣтенное архипастырствомъ господства надъ церковію и ея обрядами, оскорбленіе новообрядовой исключительности и нетерпимости архипа-

Bayerische
Staatsbibliothek
München

стырства и папскихъ притязаній Св. Синода, на непогрѣшность.

Однако святая апостольская церковь дѣйствительно оскорблена, но не предложеніемъ Исаева, основанномъ на духѣ истинны, основанномъ не на синодальномъ православіи, а на Евангельскомъ ученіи о любви къ Богу и ближнему, а отказомъ Св. Синода подать руку помощи и утѣшенія, простираемую во имя Христа Спасителя къ страждущимъ братіямъ по вѣрѣ и отечеству. Этимъ отказомъ Св. Синодъ поставилъ анаѳемическія опредѣленія не съ духомъ св. апостольской церкви, но сообразныя съ опредѣленіями московскаго собора клятвами поставилъ таковые выше законовъ и Евангельской любви, поставилъ права троеперстія надъ двуперстіемъ, противосолоніе надъ посолоніемъ, троеніе надъ двоеніемъ аллилуія, пятипросфоріе надъ семи и т. д., словомъ, поставилъ превыше прямыхъ заповѣдей и сущности христіанства.

Одинъ изъ обличителей старообрядства и старообрядцевъ разсказываетъ слѣдующее:

„Послушникъ Мемнонъ на московскомъ подворьѣ въ Москвѣ подносилъ водку людямъ приказнымъ съ монастырскимъ присловіемъ: „Господи Ісусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ (по старопечатнымъ). Подъячіе потребовали, чтобы онъ молитву эту произнесъ по православному (по никоновски): Господи Іисусе Христе Боже нашъ помилуй насъ, (вотъ въ чемъ оно православіе-то)! Мемнонъ не согласился, и его предали на истязаніе. Мемнонъ покорился. Но черезъ нѣсколько лѣтъ снова сталъ говорить молитву по старому, снова подвергался самопроизвольнымъ узамъ (какъ авторъ раскола называетъ наши русскіе остроги и кандалы, а въ то время еще и застѣнки, дыбы и виски) за дальнѣйшее упорство

Мемнона живаго сожгли“ [1]). На это огнесожженіе нечего удивляться, ибо это дѣло обыкновенное. Но для насъ замѣчателенъ разсказъ обличителя. Онъ разсказываетъ это именно съ тѣмъ, чтобы показать до какой степени доходитъ упорство старообрядцевъ, изувѣрство, которое подвергло Мемнона, сначала самопроизвольнымъ узамъ, а потомъ возвело на костеръ. Намъ чрезвычайно жаль, что обличитель раскола, описывая этотъ поступокъ, не назвалъ его по имени. Мало того, онъ оправдываетъ это сожженіе. „Мемнонъ“, говоритъ онъ, „сожженъ не за молитву Іисусову,—какъ можно сжечь за таковую малость,—а за противленіе церкви“. А потому, по его мнѣнію, послушникъ сожженъ праведно. Но, что это за власть, которая повелѣнія свои дробитъ до такой мелочности, какъ извѣстное произношеніе какой либо молитвы, а не смотря на это осмѣливается утверждать, что Самъ Богъ уполномочилъ, а св. церковь благословила ихъ на таковую мелочность, и что ослушаніе этой мелочности, есть ослушаніе Самого Бога и св. Его церкви, а слѣдовательно будто бы истребленіе такихъ ослушниковъ правильно и Богоугодно. Не слѣдуетъ-ли государямъ, такую власть связать по рукамъ. Въ отвѣтѣ Исаеву, что разумѣлъ Св. Синодъ подъ оскорбленіемъ церкви и православія намъ неизвѣстно, но знаемъ только, что, если обличители старообрядцевъ за одно ослушаніе сей церкви и признаетъ праведнымъ сожженіе на кострѣ, то чего пришлось бы ожидать Исаеву—оскорбителю церкви и ея православія, если-бы правительство развязало руки этой господствующей нынѣ, надъ россійскою церковью духовной власти!

[1]) См. расколъ и обличеніе его истор. стр. 156 вт. издан.

И такъ Св. Синодъ, присягами при самомъ посвященіи обязываетъ священнослужителей „преслѣдовать двуперстіе,“ если онъ допускаетъ такъ называемыхъ православныхъ, цѣлыми приходами уходить въ такъ называемый расколъ, если онъ за лучшее признаетъ, чтобы, по его мнѣнію, раскольникъ на всегда оставался въ расколѣ, если онъ (такь называемый раскольникъ) когда либо бывалъ на исповѣди у такъ называемаго православнаго священника, чѣмъ присоединился бы къ господствующей церкви на правилахъ единовѣрія, если сожженіе на кострѣ за извѣстное произношеніе молитвы признаетъ правильнымъ, если, наконецъ, исполненіе какой либо требы по старому обряду и старому требнику надъ такъ называемымъ, православнымъ бѣднякомъ, призрѣннымъ въ единовѣрческой богадѣльнѣ называетъ оскорбленіемъ и весьма оскорбленіемъ для церкви и православія: то развѣ не россійское архипастырство и Св. Синодъ обрядовымъ мелочамъ приписали и приписываютъ чрезвычайную догматическую важность? Развѣ нынѣшнее архипастырство не тоже, что было оно болѣе ста лѣтъ назадъ (съ 1722 и 1730 годахъ); а это архипастырство не тоже что было оно въ 1667 году и послѣдующихъ? Между архипастырствомъ вчерашнимъ и всегдашнимъ разность только въ томъ, что прежнимъ духовнымъ властямъ, было дозволено все рубить, жечь, увѣчить, и бить кнутомъ, не только мірянъ, но и священниковъ—а нынѣ правительство и самое время—связало имъ руки.

И такъ, напрасно обличители стараго обряда и старообрядцевъ, упрекаютъ ихъ въ приписываніи обрядовымъ мелочамъ чрезвычайной важности. Они (обличители) посмотрѣли бы на себя. Старообрядцы ничего не приписываютъ, а они имѣютъ не отъемлемое право придерживаться тѣмъ обрядовымъ постановленіямъ, которыя россійская церковь имѣла отъ временъ кня-

зя Владиміра; а архипастырство приписываетъ своей новообрѣтенной реформѣ ослушаніе свят. соборной апостольской церкви. Въ самомъ дѣлѣ, если въ этомъ расширенномъ воззрѣніи на обрядовыя исключительности, постоянно обвиняются у насъ пасомыя, то по какому праву въ этой же винѣ, думаютъ быть правыми пастыри? Если въ мірянинѣ это считается заблужденіемъ, которое подлежитъ осужденію, то по какому резону тѣмъ же самымъ заблужденіемъ — гордятся и хвастаются россійскіе архипастыри? Развѣ заблужденіе есть, его, архипастырства, привиллегія? Развѣ привязанность къ извѣстному обряду въ простомъ народѣ должна быть преслѣдуема какъ контрабанда, какъ воровство, какъ убійство, а въ архипастырствѣ это же самое заблужденіе должно быть поощряемо и награждаемо какъ ревность къ апостольскому восточному православію и пользамъ церкви и отечества? Но говорятъ (по новому мнѣнію) „міряне не должны имѣть голосъ въ дѣлахъ вѣры и обряда, пасомые будто бы обязаны архипастырствамъ, безусловнымъ не разсудительнымъ повиновеніемъ.“ Этотъ голосъ не православный, а папизма и іезуитства. Рѣшеніе по вопросамъ вѣры безспорно принадлежитъ архипастырству, однако не безконтрольно со стороны пасомыхъ, что и выражалось присутствіемъ на соборахъ въ древности всѣхъ вѣрныхъ т. е. народа. Въ послѣдствіи государямъ и синклитамъ принадлежалъ этотъ контроль, а нынѣ, въ Россіи, подразумѣвается подъ предсѣдательствомъ государей, Св. Синодъ. И окружное посланіе ко всѣмъ православнымъ христіанамъ (§ 17) говоритъ: „у насъ, ни патріархи ни даже соборы, никогда не могли ввести что нибудь новое, потому, что хранитель благочестія есть самое тѣло церкви т. е. самый народъ, который всегда желаетъ сохранить вѣру свою неизмѣнною и согласною съ вѣрою отцевъ его, какъ то испытали многіе изъ папъ и (греческихъ

но латынствовавшихъ) патріарховъ, со времени раздѣленія нисколько не успѣвшихъ въ своихъ противъ нея покушеніяхъ.“ Какимъ же образомъ, повторяемъ мы, обличители старообрядчества приводятъ мысль, будто-бы старый обрядъ внесенъ въ старопечатныя книги незамѣтно и людьми не благонадежными. Когда само окружное посланіе восточныхъ патріарховъ опровергаетъ эту мысль (обличителей) тѣмъ, что народъ, какъ тѣло, церкви, никогда не допускаетъ ни что, новое, какъ мы уже и сказали, что онъ, (народъ) протестовалъ противъ Геронтія и Никона.

Послушаніе обрядамъ и обычаямъ отечественной церкви, особенно обязательно для рускаго архипастырства. Въ Россіи епископы суть монахи, а отличительный существенный признакъ монашества, есть послушаніе. Монахъ даетъ вѣчные обѣты послушанія старцу, наставнику, духовному отцу или настоятелю. Сдѣлавшись самъ старцемъ или настоятелемъ, монахъ переноситъ послушаніе свое къ собору братіи, къ чинамъ и уставамъ своей обители. Сдѣлавшись епископомъ, монахъ обязанъ послушаніемъ, обычаямъ и обрядамъ своей церкви, которую и для которой онъ избранъ. Такъ было въ древней россійской церкви. Всероссійскій Митрополитъ Геронтій, самъ отвѣчаетъ предъ государемъ и народомъ за нея, по правиламъ совершенія имъ кругохожденія.

Нынѣ въ Россіи не совсѣмъ такъ. Правда, епископы утверждаются здѣсь государемъ, прирожденнымъ представителемъ народа, въ дѣлахъ церкви, но избираются не народомъ не его духовенствомъ, не церковью въ совокупномъ ея составѣ, не тою церковью которая вдовствуетъ, и епископскій престолъ который празденъ, а нѣсколькими привеллигированными лицами составляющими Св. Синодъ,

которые избираютъ въ епископство вдовствующей церкви. А потому епископы эти, избираемые синодомъ на епархіи, считаютъ себя не обязанными къ народу и духовенству никакими послушаніями; напротивъ, какъ епископство получаютъ они отъ самовластительства, такъ самовластительски поступаютъ они съ церковью и, почитаютъ въ ней себя полномочными. Епископы, правда, въ Россіи—монахи, но для замѣщенія епископскихъ каѳедръ берутся они не изъ дѣйствительныхъ разсадниковъ истиннаго монашества, не изъ отдаленныхъ отъ суеты мірской, обителей и пустынь, а нарочито для того воспитываются въ искусственномъ институтѣ, тамъ называемомъ, учебномъ монашествѣ. Можно догадаться, насколько готовъ къ монашескому послушанію юноша, который принимаетъ на себя имя и наружность монаха, единственно съ надеждою современемъ стать владыкою. [1]) И точно, не бывъ сами дѣйствительными монахами, никогда и никому не давали обѣтовъ въ истинномъ монашескомъ послушаніи, но, въ замѣнъ его, обязывались раболѣпствовать предъ тѣми, чрезъ коихъ достигаются высшія степени іерархической лѣстницы. Ученомонахи, искуственно-монахи, сдѣлавшись епископами, требуютъ себѣ отъ народа и духовенства монастырскаго послушанія, обѣтовъ (монастырскихъ,) коихъ народъ и духовенство на себя не принимали, и коимъ своему епископу они не обязаны.

Обличители старообрядцевъ утверждаютъ: „Что все значеніе церкви соединяется въ архипастырствѣ, а народъ, съ его духовенствомъ есть толпа, не имѣющая правъ на голосъ въ дѣлахъ церкви [2]). Вотъ

[1]) См. въ предислов. къ исторіи „о русскомъ расколѣ“ Игнатія.

[2] Съ этой цѣлію именно и Никонъ взялъ на себя монашескій санъ. Вотъ какъ объ этомъ предметѣ разсказываетъ намъ историкъ: „Отецъ Никона былъ

какое господствованіе надъ совѣстію пасомыхъ укоренилось въ русскомъ Архипастырствѣ, едва-ли не было предложенія дать церкви верховнаго сановника, предъ которымъ всѣ архіереи, были бы, на случай, въ безмолвіи». (Ист. о расколѣ стр. 124.) Эту мысль, вѣроятно Никонъ и лелѣялъ въ своемъ умѣ, такъ что онъ просилъ царя Алексѣя Михаиловича, поставить его папою но бояре ему (царю) разсовѣтывали [1]). «Что обрядъ и обычай только тогда обязателенъ для церкви, когда онъ внесенъ въ уставы повелѣніемъ какого либо царя, или собора или архіеревъ.» (Макар. Истор. русскаго раск. стр. 170.) «Что старообрядство есть не православіе, а расколъ, уклоненіе въ сторону съ прямаго пути и истины вѣры». (Игнатій въ предис. о расколѣ); а Никономъ поправленное обрядство, есть апостольское православіе. Привязанность народа къ отечественному обряду есть невѣжество и нелѣпость, грубость и упорство, глупость и юродство; а пристрастіе самаго архипастырства къ Греко-Никоновскому поправленному обрядству есть высокопреосвященная привязанность къ преданіямъ св. Апостольской церкви. Что вѣрность народа къ старому обряду есть самочиніе и противле-

нижегородскій крестьянинъ; самъ же онъ, находясь съ малолѣтствѣ при обители Св. Макарія, пріобрѣлъ способность къ духовному чину. Достигши до званія священника, прожилъ онъ въ Москвѣ 10 лѣтъ и разведясь вдругъ съ женою своею, ушелъ въ Анзерскій скитъ. Толь быстрый переходъ отъ паствы на необитаемый островъ, можетъ родить мысль что Никонъ, наскуча міромъ, хотѣлъ по примѣру многихъ святителей нашихъ уединиться и посвятить себя одному только Богу. Но, бытописатель, обозрѣвая безпристрастнымъ окомъ жизнь Никоново, подозрѣваетъ его въ другихъ намѣреніяхъ. Никонъ обитавшій 10 лѣтъ въ Москвѣ и взиравшій не равнодушнымъ окомъ на тѣ почести и отличія, съ коими сопряжено званіе чернаго духовенства, оставилъ бѣлое, не представлявшее ему никакого повышенія, и удалился на необитаемый островъ съ тою цѣлію, что тамъ будетъ онъ гораздо виднѣе, нежели въ многолюдной Москвѣ... Словомъ, Никонъ достигъ своей цѣли и сдѣлался извѣстенъ царю Алексѣю Михаиловичу.“ (См. Исторія царствованія Алексѣя Михайловича А. М. Берха 1831 г. стран. 76 и 77).

[1]) См. Истор. Царствованіе Алексія Михайловича стран. 224.

ніе власти, а обрядовыя исключительности архипастырства, есть истинно правое правленіе слова божественной истины. Вѣротерпимость если и была всегда отличительнымъ свойствомъ русскаго народа, предъ иными просвѣщенными народами, но нетерпимость тарообрядства и нечеловѣколюбія къ старообрядцамъ происходитъ отъ недостатка истинной вѣры; если незнаніе и непониманіе старообрядства, по мнѣнію людей просвѣщенныхъ, якобы «старый обрядъ есть предубѣжденіе, особенно нетерпимое.» (Игнат. тамъ же). Такимъ образомъ, искуственно—монахи еще въ питомникахъ, до мозга костей прониклись тѣми невѣжественными предубѣжденіями и предразсудками, кои болѣе 200 лѣтъ, въ лицѣ господствующаго архипастырства, тяготѣютъ надъ отечественною церковью, впослѣдствіи, сдѣлавшись епископами, сами начинаютъ проводить эти предубѣжденія въ жизнь и практику, и господствуя надъ церковью, сами же, обладаемые буквою, съ увлеченіемъ, достойнымъ лучшихъ занятій, начинаютъ продолжать дѣло своихъ заблужденныхъ предшественниковъ, поновлять, укрѣплять, возвышать стѣну между собою и народомъ, между архипастырствомъ и старообрядствомъ.

Но, обязательность для пасомыхъ слушаться архіеревъ въ дѣлахъ обряда, особенно рельефно изобразилъ митрополитъ Спб. Григорій (въ книжицѣ своей: отвѣтъ единовѣрца старообрядцу стр. 13. 14.) онъ говоритъ: «Братіе, поминайте наставники ваша иже глаголаша вамъ слово Божіе. Повинуйтеся имъ и покоряйтеся.» Это завѣщаніе апостола весьма важно и непремѣнно должно быть исполняемо, потому что Господь сказалъ своими устами. «Слушая васъ, меня слушаетъ, а отметаяйся васъ, меня отметается.» Но сказанное завѣщаніе апостоловъ о повиновеніи наставникамъ должно быть исполняемо по яснымъ его словамъ только тогда, когда они глаголятъ намъ сло-

во Божіе, и не преслѣдовать за непослушаніе слагать три перста для крестнаго знаменія, *слово Божіе объ этомъ нигдѣ не говоритъ ничего.* Слѣдовательно, св. апостолъ, дѣлая намъ означенное завѣщаніе, не имѣлъ въ виду обязать насъ повиновеніемъ въ отношеніи къ троеперстію для крестнаго знаменія.

Обличители старины говорятъ, что обрядъ не есть вѣра, что можно креститься хотя и кулакомъ. Но защитникъ троеперстія г. Нильскій, возражая Филиппову, между прочимъ, говоритъ: «Правда, обряды не догматы вѣры, не основанія начала нравственности; только тѣ и другія неизмѣнны, святы и спасительны.» «Церковь очень хорошо это знаетъ,» говоритъ онъ далѣе, знаетъ какое значеніе имѣетъ обрядъ въ дѣлѣ вѣры и спасенія.. Еслиже вы возмете во вниманіе еще то обстоятельство, „продолжаетъ онъ" что въ основѣ каждаго обряда лежитъ какая либо вѣроисповѣдная мысль, въ такомъ случаѣ надѣюсь, согласитесь, что допустить полную свободу обряда, едвали даже возможно.» (Сборникъ проток. общ. люб. духовн. просвѣщ. 1872 и 1873 гг. стр. 239). Неизмѣняемость, святость, и спасительность и притомъ еще вѣроисповѣдную мысль каждаго обряда, Профессоръ Нильскій конечно приписываетъ Никоновскому обряду и, не желаетъ допустить свободы обряда, конечно стараго. Но допустивъ въ новомъ, обрядѣ святость, неизмѣняемость и вѣроисповѣдную мысль, почему же не допускать это самое и въ старомъ обрядѣ. Вѣдь старый обрядъ имѣетъ за собой многочисленнѣйшие памятники, а новый—ни единаго о себѣ свидѣтельства.

Но, напротивъ, скажутъ, что господствующее нынѣ обрядство есть истинное, древнее, восточное, каѳолическое, апостольское православіе, а „старообрядство" какъ утверждаетъ Игнатій „есть уклоненіе въ сторону съ прямаго пути истины вѣры... не православіе". Отвѣчаемъ: Между двумя соперничествующими

обрядствами, отечественно народнымъ и греко-архипастырскимъ, не было и нѣтъ слова о вѣрѣ, т. е. вѣра одна; какимъ же образомъ старый обрядъ въ устахъ его обличителей, превратился въ неправославіе, оказался уклоненіемъ въ сторону съ прямаго пути истины вѣры. Мало того, когда самая сущность старообрядства, его знамя и девизъ, есть вѣрность восточному апостольскому православію, даже вѣрность до буквы.

Если-бы сличить рѣдкія и какъ бы невольныя иногда признанія нашихъ обличителей съ ихъ дѣйствіями, невольно приходимъ къ мысли, что если и высказываются въ пользу стараго обряда, то это не собственною ихъ волею, а противъ ихъ воли и сознанія вынуждаются къ тому, тою неотразимою силою, подъ вліяніемъ которой въ древности проглаголали, архіерей Каіаѳа и Валаамова ослица.

Такъ высказался въ пользу стараго обряда профессоръ Спб. духовной академіи г. Нильскій, придавъ обрядамъ неизмѣняемость, святость и вѣроисповѣдную мысль. Такъ выражается авторитетнѣйшій изъ современныхъ архипастырей, Митр. Моск. Филаретъ (слово 8 сент. 1840 года). Онъ говоритъ старообрядцамъ въ лицѣ единовѣрцевъ: „Дѣйствительно ли мы имѣемъ единеніе вѣры, можемъ ли мы соутѣшаться вѣрою общею вашею и моею? И почему же намъ не соутѣшаться осемъ, не колеблющимися мыслями, не стѣсненными сердцами? Не имѣемъ ли мы (т. е. собственно такъ называемые православные) твердыхъ основаній вашего единенія въ вѣрѣ? Не единую-ли благодать Святаго Духа, пріемлемъ въ однихъ и тѣхъ же таинствахъ? Не едины-ли и тѣже имѣемъ заповѣди, и правила Евангельскія, соборныя, апостольскія и святоотеческія? И не единымъ-ли священноначаліемъ и священствомъ прививаемся къ единой лозѣ—Христу? Узелъ единства, связанный изъ столь многихъ златыхъ ни-

тей, перестанетъ ли быть крѣпкимъ, если ниже его кто нибудь осмотритъ расходящимися концы нѣсколькихъ малыхъ нитей.“

Вотъ единство! Гдѣ же тутъ уклоненіе въ сторону, съ прямаго пути истины вѣры? Гдѣ это усмотренное епископомъ Игнатіемъ не православіе въ на шемъ „старообрядчествѣ“? Какъ согласить слово авторитетнѣйшаго изъ современныхъ архипастырей, съ другими возрѣніями россійскаго архипастырства, не только на старобрядцевъ но и на самое единовѣріе, высказанными въ 1800 году митрополитомъ Платономъ и, 69 лѣтъ спустя, Св. Синодомъ купцу Исаеву?

„Знаю, братія, святаго храма сего“ продолжаетъ москов. архипастырь Филаретъ „что единовѣріе ваше, не для всѣхъ кажется яснымъ, поелику въ церковныхъ книгахъ преимущественно вами чтимыхъ, вижу единыя тоже, какъ и въ исправленныхъ, вѣру, и таинства церкви; по благослове нію апостольской церкви въ мирѣ вашей и моей совѣсти (почему же слушаться совѣсти Св. Синода?) Въ вашей церкви, ваши духовныя книги и исполненіе принадлежащихъ особенностей священнослужебнаго чина и обрядовъ и, не обинуясь говорю, никто да не мнитъ видѣть раздѣленіе въ томъ, что въ вашей церкви слышатся нѣкіе особенные звуки и слова, видятся нѣкоторыя особенныя подробности обрядовъ.“ Но, что же раздѣлительнаго находитъ въ старомъ обрядѣ Св. Синодъ, когда переходъ въ единовѣріе называетъ великимъ оскорбленіемъ церкви и православія? „Братіе“ заключаетъ архипастырь: „св. Апостолъ Павелъ учитъ, что не въ словеси царствіе Божіе, а въ силѣ; не въ подробностяхъ обряда (не въ буквѣ новопечатной, а въ духѣ и смыслѣ старопечатномъ) не станемъ безъ нужды возбуждать раздѣляющія прекословія о разностяхъ словъ, когда

они одинаково ведутъ къ единой силѣ царствія Божія.“! Опять нельзя не замѣтить увѣщанія московскаго архипастыря „не станемъ возбуждать прекословія въ разностяхъ“ и проч., опять таки оно относится не къ старообрядцамъ, кои въ 1800 году, излагая свои условія къ соединенію, пунктами 1. 5. 11. и 16 просили архипастырство оставить раздѣляющія прекословія, а (относится) къ самому архипастырству, ибо оно, возбранивъ переходъ изъ такъ называемаго православія въ единовѣріе, самыя клятвы московскаго собора назвавъ возложенными праведно и на будущее, обязало себя на возбужденіе разнящихъ прекословій, что оно и выполнило на дѣлѣ, въ 1859 и 1861 годахъ, отвѣтами Исаеву.

Но скажутъ, единство обряда есть необходимое условіе единенія между собою церквей. Отвѣчаемъ, что Паисій патріархъ константинопольскій въ соборномъ посланіи 1655 г. писалъ къ патріарху Никону: „твое преблаженство сильно жалуется на розногласіе въ нѣкоторыхъ чинахъ, замѣчаемое въ нѣкоторыхъ церквахъ, и полагаешь, яко бы это различіе разтлѣваетъ вѣру нашу; хвалимъ ревность, но исправляемъ намѣреніе: ибо, если случится какой либо церкви разнствовать отъ другой въ нѣкоторыхъ чинахъ не важныхъ, не существенныхъ т. е. не касающихся догматовъ вѣры,—то это не дѣлаетъ никакого раздѣленія, лишь бы только сохранилась непреложно таже вѣра (скриж. ч. 1 стр. 644—8).

Не можемъ не продолжать наставленія патріарха Паисія нашему русскому архипастырству въ лицѣ патр. Никона. „Вы пишете о распряхъ происходившихъ у васъ, но—именемъ Господа нашего Іисуса Христа,—да утолитъ ихъ преблаженство твое разумомъ твоимъ, ибо рабу Господню не подобаетъ сваритися (том. 2) „правило мудрое“ прибавляетъ одинъ изъ оффиціальныхъ обличителей старообрядцевъ: „Пра-

вило мудрое...“ которое было бы весьма полезно у насъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ, если-бы всѣ его поняли.“ (Макар. въ исторіи русск. раск. стр. 146 и 149). Было бы весьма полезно, повторяемъ мы. Отчего же этимъ правиломъ (патр. Паисія) пренебрегъ патр. Никонъ, бывшій на Московскомъ соборѣ? Это насъ весьма касается, и мы вправѣ спросить: если это правило мудрое было весьма полезно при тогдашнихъ обстоятельствахъ—то почему оно стало безполезнымъ при нынѣшнихъ, или правильнѣе сказать, при тѣхъ же самыхъ, только уже 200 лѣтъ прошедшихъ обстоятельствахъ? Если тогдашнему архипастырству полезно было помнить „это мудрое правило“, то почему же стало не полезнымъ помнить его нынѣшнимъ, и почему нынѣшнее архипастырство не вспомнило о немъ въ продолженіи 200 лѣтъ, и почему бы Св. Синоду не припомнить его теперь? почему же Синоду не признаться въ ошибкахъ, сдѣланныхъ во имя церкви и православія? Но признаться—никогда не поздно. Ошибаться, есть участь человѣческая, признаться въ ошибкахъ есть дѣло христіанское, но упорствовать—сатаническое.

Скажутъ, что на сторонѣ старообрядства нѣтъ епископа, тогда какъ на сторонѣ Никона и поправленнаго обрядства, все господствующее архипастырство и вся восточная церковь. Мы уже сказали, что насторонѣ Аріевой ереси, было все восточное духовенство, когда давленіемъ Алексѣя Михайловича, мечомъ и огнемъ, было вынуждено стать все россійское духовенство на сторонѣ Никона; слѣдовательно, если у старообрядцевъ не было Епископства, то не потому, чтобъ старообрядцы отрицали его, или отказывались отъ него, а потому что правительство, уже 200 лѣтъ заблуждаемое, господствующимъ архипастырствомъ не дозволяло его имѣть. Если бы посадили кого въ тюрьму, и, несмотря на всѣ его просьбы,

не допускали до него священника а потомъ стали-бы упрекать его, что онъ не бываетъ на исповѣди и не получаетъ Св. причастія—то развѣ этотъ упрекъ былъ бы разуменъ и справедливъ! А что вся восточная церковь на сторонѣ поправленнаго обрядства, это болѣе нежели сомнительно. Изъ соборнаго посланія Константинопольскаго патріарха къ П. Никону, мы слышимъ вразумленіе, что обрядовыя разности не разрушаютъ единства вѣры и не препятствуютъ общенію. Мудрое предостереженіе не касаться этихъ разностей, своими поправленіями. И что же? Ниже въ этомъ же посланіи, и эти же самыя разности св. Паисій называетъ „смертною пажитью". И г. Нильскій отрицая свободу стараго обряда, приводитъ эти послѣднія слова патріарха Паисія Константин. [1]) и этимъ онъ (Нильскій) хочетъ доказать, что и этотъ патріархъ былъ на сторонѣ Никона, съ его обрядопоправленіями и, что онъ будто-бы проклиналъ епископа Павла и протоп. Іоанна Неронова за неповиновеніе Никону и его новообрядству. Приводя эту выдержку изъ посланія Константинопольскаго патріарха, г. Нильскій не замѣчаетъ въ этомъ видимаго противорѣчія въ устахъ этого патріарха. Но противорѣчіе это очевидно произошло вслѣдствіе извращенія П. Никономъ сущности дѣла, сущности возникшаго раздора между нимъ и народомъ изъ за-затѣянныхъ имъ реформъ. Паисій пишетъ П. Никону: «О епископѣ Коломенскомъ Павлѣ и о протопопѣ Іоаннѣ Нероновѣ слѣдующее:» Вы пишете, что они не соглашаются съ вами, содержатъ свои особыя книги, свою литургію, свое крестное знаменіе, что они даже порицаютъ наши патріаршія молитвы и литургію, и стараются при-

1) См. проток. общест. люб. дух просвѣ. страп. 235 1878 г.

своить новшества свои и сокровенныя молитвы какъ бы исправленіе: Отвѣщаемъ, сія вся суть знаменія ереси и раздора; который сицевая вѣруетъ и глаголетъ, есть чуждъ православной вѣры. И такъ да пріимутъ нелицемѣрно елико содержитъ и догматствуетъ православная наша церковь, аще по первымъ и вторымъ наказаніи пребывше не исправлены, да отвержите, и разлучите ихъ отверженіемъ отъ овецъ Христовыхъ, да не питаетъ я смертною пажитью». Осужденіе праведное. Что сказать о людяхъ, которые осмѣлились бы опорочить литургію вселенскихъ отцевъ Василія и Іоанна, и всѣ богослужебныя книги назвать негодными, дерзнули-бы сочинить и свою литургію и свои богослужебныя книги! Подлинно не было-ли-бы это знаменемъ ереси и раздора, хулою на преданіе, на святыхъ отцевъ и самую церковь. Но полно! Такъ ли это было? и есть ли у старообрядцевъ? Въ первый и единственный разъ, слышимъ такую ложь изъ устъ Патріарха Никона, что, будто-бы у старообрядцевъ свои богослужебныя книги, свои молитвы, своя литургія, свое крестное знаменіе. Свое ли все это? Нѣтъ, не свое, а до подлинности до буквы, все это, что содержала древняя россійская церковь до Никона, и даже все то, что самъ Никонъ отъ предшественниковъ патріарховъ всероссійскихъ наслѣдовалъ, и чего самъ (Никонъ) сначала держался, но что, впослѣдствіи, опорочилъ и разрушилъ. Не старообрядцы а Никонъ на мѣсто старыхъ поставилъ новое, онъ вмѣсто старотечественнаго ввелъ новое. Никонъ создалъ свое... Но ни какъ не Павелъ Коломенскій съ Нероновымъ. Какимъ же образомъ въ донесеніи Константинопольскому патріарху, оказалось у Никона все старое, а у старообрядцевъ свои новизны т. е. будто бы ими самими сочиненныя и книги и молитвы и литургія и крестное знаменіе? Словомъ, старообрядцы выдумали

все новое,—такъ писалъ Никонъ Патріарху Паисію. Вотъ по истиннѣ странное явленіе и отъ кого же?... отъ всероссійскаго святѣйшаго патріарха! И на кого же? на церковь! на ту церковь, въ которой онъ, Никонъ, возсѣлъ на престолъ патріаршій. Старообрядцы стояли и стоятъ за все то, что было прежде,—а по Никону выходитъ, что они ревнуютъ за все новое. Старообрядцы стояли и стоятъ за все то, что выражено книгами, печатанными при первыхъ пяти патріархахъ. А П. Никонъ увѣряетъ патріарха Константинопольскаго, будто у нихъ и молитвы, и книги, и литургія, и обряды Павло-Нероновскіе и Коломенскіе; будто они порицаютъ патріаршія молитвы и литургію, такъ пишетъ Никонъ патріарху Паисію. Неуже ли указаніемъ Никону на несправедливость его стремленія къ поправленію старопечатныхъ книгъ, старообрядцы порицали молитвы и литургію? Если такимъ уложеніемъ дѣла успѣлъ П. Никонъ исхитить отъ константинопольскаго престола осужденіе старообрядства, то воистину нынѣшняя россійская церковь и обличители старообрядцевъ не имѣютъ основанія торжествовать побѣду надъ старообрядчествомъ, себя успокоивать, утѣшать, а старообрядцевъ обличать и поражать этимъ мнимымъ своимъ доказательствомъ. Правда, восточные представители на московскомъ соборѣ были греки; но отчего же анаѳематствованіе сего собора прямо противорѣчитъ соборной инструкціи константинопольскаго патріарха; а эту соборную инструкцію (посл. 1655 г.) составляли и подписали кромѣ патріарха 24 Митрополита, 1 Архіепископъ, 3. Епископа и знатнѣйшее константинопольское духовенство... Нельзя не признаться, что тогдашніе греки раздвоились; константинопольскій патріархъ Паисій съ своимъ соборомъ, вразумляетъ Никона и предостерегаетъ, что-бы онъ обрядовъ не ломалъ, а на Москвѣ сидѣвшіе милостыне-собиратели греки подстрекаютъ Никона

на обрядовыя перемѣны. И такъ, нельзя не признаться, что греческіе Іерархи, разсуждавшіе въ Царѣградѣ, вдали отъ насущныхъ интересовъ, вліявшихъ на ихъ собратій въ Москвѣ, разсуждали и постановляли въ духѣ православной церкви. Но тѣже греки-Іерархи, гнетомые милостыне-собирательствомъ, весьма были не прочь отъ Латино-Іезуитской мысли. Они наложили на нашу могущественную церковь иго своей греческой обрядности, и тѣмъ нѣкоторымъ образомъ, подчинивъ ее своей церкви, на будущее время расчитывали пожинать обильные плоды своего превосходства надъ русскимъ народомъ. Греки поощряли Никона къ нововведенію, греки же и осудили его.

Но осудивъ Никона, греки не могли осудить собственнаго своего дѣла. И такъ, что такое православная Никоновская реформа, или такъ называемое генеральное исправленіе книгъ? Невѣжественное опороченіе П. Никономъ, выработанной вѣками и общимъ совокупнымъ составомъ и соглашеніемъ всей древней россійской церкви и утвержденной во всѣхъ подробностяхъ и оттѣнкахъ истинно православно-отечественной, церковно-обрядовой практики.

Обличители старообрядцевъ скажутъ, что нынѣ старообрядцевъ никто не трогаетъ, никто не стѣсняетъ, никто не запрещаетъ имъ молиться по ихъ любимымъ старопечатнымъ книгамъ, со всѣми особенностями своей старины. Но пусть же этимъ дозволеніемъ, этимъ снисхожденіемъ церкви и правительства, пользуются они (старообрядцы) законно подчиняясь гражданскимъ законамъ государства, паче же всѣмъ правиламъ и постановленіямъ св. апостольской церкви. Для нихъ установлено „единовѣріе,“ въ которомъ дозволено имъ все, что только церковь дозволить можетъ, не противирѣча самой себѣ. Съ установленіемъ единовѣрія старообрядцы потеряли уже причины отдаленія своего отъ господствущей перкви, а слѣдова-

тельно и къ извиненію своему. Увы! мы уже разъяснили выше, что наши обличители разумѣютъ подъ св. церковію, святую апостольскую церковь съ ея неодолимостію, непогрѣшимостію и обязательностію, что сосредоточиваютъ они (обличители) въ нѣсколькихъ священныхъ лицахъ составляющихъ Св. Синодъ. Этой-ли св. церкви, повиновенія которой требуютъ отъ старообрядцевъ наши обличители, того повиновенія, коимъ они обязаны единой апостольской церкви; гражданскимъ же законамъ они никогда не были противны, но власть гражданская не властна заставить ихъ измѣнять тому, въ чемъ они поставляютъ вѣрность св. апостольской восточной церкви. Что до «единовѣрія», то мы покончимъ и съ этимъ вопросомъ. Что такое единовѣріе?

Старообрядцы, въ лицѣ Московскихъ, возъимѣли было мысль, не отрицаясь отъ старообрядства, соединиться съ господствующимъ нынѣ надъ Россійскою церковью архипастырствомъ [1]). Основаніе, на которомъ они надѣялись сойтись съ нимъ (архипастырствомъ), было признаніе равночестности обоихъ обрядовъ, и стараго и новаго; признанія въ тѣхъ предѣлахъ, въ коихъ они являлись просителями, въ то время нужнымъ и возможнымъ; и потому въ пунктахъ или условіяхъ соединенія, поданныхъ Московскому митрополиту Платону въ 1799 г., старообрядцы предлагали пунктъ 11-й: «Если кто изъ сыновъ Греко-Россійской церкви пожелаетъ пріобщиться св. таинъ отъ старообрядческаго священника—таковому не возбранять. Равно же, если же и старообрядецъ желаетъ пріобщиться св. таинъ въ Греко-Россійской

[1]) Еслибъ старообрядцы тогда не были стѣсняемы правительствомъ, конечно они ни подъ какимъ видомъ не согласились бы соединиться съ Русскимъ архипастырствомъ.

церкви, не возбранять оному». Пунктъ 5-й «Старообрядцамъ, хотя не записнымъ, но давно отдалившимся отъ сообщества Греко-Россійской церкви таковымъ не возбранять присоединиться къ церкви, старообрядческой». Пунктъ 9-й «Благоволите ваше преосвященство благословлять старообрядческихъ священниковъ и старообрядцевъ, слагая два перста». Пунктъ 16-й «Распри, раздоры и хулы ни съ единой стороны да не слышатся за содержаніе разныхъ обрядовъ и книгъ, употребляемыхъ для богослуженія; ибо такая обосторонняя разность какъ не принадлежитъ до сущности вѣры, то и да пребудутъ старообрядцы и сыны Греко - Россійской церкви въ мирѣ и любви и единеніи, яко чада единыя соборныя апостольскія церкви».

Но что на это предложеніе отвѣчаетъ архипастырство въ лицѣ митр. Платона? На 5-й пунктъ: «Чтобы не возбранять къ церкви старообрядцами просимой и другихъ не записныхъ, но издавна отдалившихся отъ Греко - Россійской церкви, сіе не иначе дозволено быть можетъ какъ по изслѣдованіи отъ епископа, что онъ никогда, дотолѣ, въ церковь православную не ходилъ и таинства ея не принималъ. А въ церкви нашей православной, доселѣ бывшихъ никакъ до такого присоединенія не допускать». На пунктъ 11-й «Сынъ православной Греко-Россійской церкви не иначе можетъ имѣть дозволеніе (единовременно) пріобщаться отъ старообрядческаго священника, развѣ то въ крайней нуждѣ, въ смертномъ случаѣ, гдѣ не случилось найти православнаго священника и церкви, а старообрядцу дозволять то безъ всякаго затрудненія». Старообрядцы первымъ условіемъ поставляли т. е. пунктъ 1-й просили: «дабы св. Синодъ разрѣшилъ прежденоложенныя клятвы на двуперстное сложеніе и другіе подобные обряды». Но Платонъ, на этотъ начальнѣйшій пунктъ условій, мнѣнія не положилъ,

и этотъ пунктъ искусно обошелъ: «Отъ клятвъ, прежде на нихъ (на кого?) наложенныхъ—разрѣшить»; но не двуперстное сложеніе и другіе обряды, о чемъ просили старообрядцы и о чемъ шла рѣчь у самихъ старообрядцевъ [1])

Впослѣдствіи самъ ли М. Платонъ спохватился, или Св. Синодъ возъимѣлъ опасеніе „дабы развратники не протолковали, аки бы россійская церковь (по синоду просто св. церковь т. е. единая Св. соборная апостольская) отправленіе богослуженія по прежне-печатнымъ книгамъ признала за святое и спасительное“, (иначе аки—бы св. церковь свое прегрѣшеніе т. е. неправедность своихъ клятвъ и анаѳемъ, а ихъ истину познала, какъ то нѣкоторые дерзаютъ мыслить и говорить. [2]) Почему и Платону, и св. синоду потребнымъ было разсудилось провозглашать между прочимъ, что „нынѣ неможетъ быть о всемъ томъ иная церковь, мысль развѣ которая ими доселѣ за истину признана и признается“. [3]) То есть, что если св. церковь, какъ М. Платонъ называетъ Московскій соборъ, отправленіе богослуженія по старопечатнымъ книгамъ признаетъ не святымъ, не Богоугоднымъ, не спасительнымъ, и если осудила, запретила и прокляла, какъ исполненіе по старымъ книгамъ и обрядамъ, такъ и самыхъ старообрядцевъ, не хотящихъ оставить сего богослуженія, то и въ 1800 г. св. Синодъ не могъ имѣть о всемъ томъ иной мысли потому, что онъ, какъ и соборъ 1667 года, есть тоже апостольская церковь, а церковь сія измѣнять и противорѣчить себѣ не можетъ. (До-

1) Ему слѣдовало-бы сказать: отъ прежденаложенныхъ на двуперстіе и на другіе обряды клятвы разрѣшить; но этого не сказалъ, а далѣе въ 9 пунк. онъ двуперстіе называетъ соблазномъ,

2) Допол. М. Платон. къ пункт. См. въ нашемъ приложеніи.

3) Тамъ же.

полн. Пр. Платона къ пункт. 1880 [1]). Но если все это было такъ, какъ утверждаютъ М. Платонъ и св. Синодъ) если старый обрядъ былъ проклятый, а богослуженіе по старымъ книгамъ и обрядамъ не свято, не богоугодно, не спасительно, паче же и душегубительно, то конечно, предостереженіе отъ нихъ всѣхъ православныхъ христіанъ было для нихъ понятно, что запрещеніе ихъ разсудительно и клятвы праведны. Но какъ же совсѣмъ этимъ согласить дозволеніе богослуженія по этимъ самымъ проклятымъ книгамъ и обрядамъ, богослуженіе по коимъ не свято и не спасительно, паче же душегубительно. И для кого это благословеніе? Для тѣхъ ли кои оставили общеніе со старообрядствомъ, недовѣріе къ господствующимъ архипастырямъ, подчиняются ихъ власти и пасенію? Изъ этого выходитъ, когда старообрядцы по архипастырству были противниками церкви и православія, тогда архипастырство пастырски предостерегало ихъ отъ погибельнаго пути и указывало имъ душегубительную пропасть въ старопечатныхъ книгахъ, обрядахъ и богослуженіи по нимъ. Когда же эти старообрядцы подчинились этимъ архипастырямъ, признавъ въ нихъ своихъ отцевъ и пастырей, когда они, по признанію самихъ архипастырей, сдѣлались послушными чадами св. церкви, тогда архипастыри, вмѣсто прежнихъ остереженій отъ богослуженія не спаситольнаго, паче же душегубительнаго, и вмѣсто запрещенія имъ старыхъ книгъ и обрядовъ, благословили ихъ идти прямо въ эту пропасть. Хороша награда за покорность и довѣріе. Хорошо снисхожденіе, хорошо и греко-архипастырское пасеніе!

Бывъ убѣждены, что неправедная клятва, нисколько не касаясь проклинаемыхъ, но всецѣло обращаясь

1) См. прилож. въ концѣ книги.

на самихъ проклинателей (потреб. иночес. лис. 63 и Никонъ Черной Горы слово 40, лис. 305), старообрядцы полагаютъ, что россійское архипастырство, и до днесь связано тѣми клятвами, кои Московскій соборъ 1667 г. неправедно изрыгнулъ на священную древность. Почему старообрядцы, не безъ основанія опасаясь чтобы черезъ общеніе съ архипастырствомъ, подлежащимъ, если и не собственному, но соборно-произнесенному проклятію и анаѳемѣ, и самимъ по силѣ общенія не подпасть клятвамъ, то первымъ условіемъ соединенія поставляли, дабы архипастырство, сняло эти клятвы на нихъ, старообрядцевъ, на священную древность и на самого себя и разрѣшило, и тѣмъ дало бы возможность старообрядцамъ войти въ сообщеніе съ собою. Архипастырство показало видъ будто не понимаетъ, о чемъ идетъ рѣчь, и разрѣшеніе навязываетъ самимъ старообрядцамъ, которые, однакожъ, клятвъ на нихъ неправедно положенныхъ дѣйствительными не признаютъ и разрѣшенія отъ нихъ никогда не просили и не просятъ.

Признано старообрядцами за благое и непремѣнно нужное, (пун. 16) „дабы распри, раздоры и хулы ни съ единой стороны не слышались за содержаніе книгъ и обрядовъ". Но запрещеніе перехода изъ великороссійской въ единовѣрческую церковь (какъ гласитъ правило М. Платона пунк. II-й) не мыслимо безъ осужденія, а осужденіе само въ себѣ содержитъ хулы, распри и раздоры. Какимъ же образомъ архипастырство избѣжитъ ихъ распри, хулы и раздоровъ, если православный пожелаетъ перейти въ единовѣріе, потребуетъ разъяснить ему, по какой причинѣ возбраненъ ему этотъ переходъ. Особенно „рабу Господню не подобаетъ сваритися!"

Старообрядцы, соединившіяся съ господствующимъ архипастырствомъ, названы единовѣрцами. Но

развѣ споръ и раздѣленіе между ними идетъ изъ за разномыслія въ какихъ либо догматахъ или членахъ вѣры? Развѣ у старообрядцевъ до соединенія съ Греко-россійскими была вѣра, а по соединеніи стала другая? Старообрядцы до буквы оставались и остаются вѣрными древней Россійской церкви. Но развѣ сія церковь до Никона была не православная, а православною сдѣлалъ ее Никонъ?.. Но если архипастырство единенія въ вѣрѣ не признаетъ безъ единства обрядовъ, то по какому резону соединенцы названы единовѣрцами? Если митр. Платонъ хотѣлъ этимъ самымъ именованіемъ выразить единство вѣры съ Греко-Россійцами, то почему было не назвать ихъ прямо православными? Если напротивъ самымъ названіемъ хотѣлъ онъ (митр. Платонъ) между собою и соединенцами поставить стѣну, то къ чему было изобрѣтать наименованіе, которое по логикѣ (закону мышленія) соединяется съ православіемъ, и этимъ оскорблять соединенцевъ, намекая имъ, будто бы у нихъ до соединенія была вѣра, а по соединеніи стала другая, и такимъ образомъ, будто они старую вѣру промѣняли на новую, иную.

Греко-обрядцевъ Платонъ назвалъ церковью, а соединенцевъ, другою. Соединенцамъ даны одни священники, т. е. приходы, храмы, но не даны епископы. И эту соединенную церковь Платонъ назвалъ единовѣрческою, но отнюдь не православною. Но чтобы какая-либо церковь была единой вѣры съ православною, а вмѣстѣ съ тѣмъ была и не православная, такой безсмыслицы и представить трудно; а между тѣмъ на основаніи мнѣній митр. Платона, эта безсмыслица у насъ въ Россіи вотъ уже 80 лѣтъ существуетъ оффиціально.

Филаретъ, митрополитъ Московскій (въ словѣ 8 сент. 1840) говоритъ единовѣрцамъ: „не едину ли благодать Св. Духа пріемлемъ, въ однихъ и тѣхъ же

таинствахъ?“ Но Платонъ возбранилъ „переходъ изъ православія въ единовѣріе“ значитъ,—у православныхъ (грекороссійцевъ) чаша, а у единовѣрцевъ другая.

Сыну греко-россійсской церкви ни подъ какимъ видомъ не дозволяется пріобщаться въ церкви единовѣрческой; но какимъ же образомъ епископы, служа въ церквахъ единовѣрческихъ, пріобщаются со священниками? Если епископу это можно, почему же мірянину нельзя? Если единовѣріе есть грязь, то почему она мараетъ только однихъ мірянъ, а къ архипастырству не пристаетъ. Что нибудь одно: или единовѣріе есть православіе (равно какъ и греко-россійское православіе) и тогда раздѣлительное средостѣніе, между ними и греко-россійцами поставляемое, не имѣетъ смысла; или же не есть православіе, и тогда само дозволеніе архипастырствомъ единовѣрія, есть предательство, измѣна церкви и православію, измѣна святительскимъ обязанностямъ а личныя служенія епископовъ въ церквахъ единовѣрческихъ по меньшей мѣрѣ есть лицемѣріе и іезуитство, если слово іезуитъ понимать въ переносномъ смыслѣ; значитъ архипастырство считаетъ всѣ мѣры дозволительными, лишь бы достигнуть своей цѣли. И старообрядцы допускаются до соединенія на томъ надѣяніи, что современемъ они Богомъ просвѣтятся, и ничѣмъ не будутъ разнствовать съ церквою (т. е. греко-россійскимъ архипастырствомъ). Въ какомъ же понадѣяніи архипастырства будетъ состоять это просвѣщеніе отъ Бога и согласія съ архипастырствомъ? Да въ пристрастіи къ Никоновымъ поправленіямъ и обрядовымъ перемѣнамъ, къ отличительнымъ особенностямъ Никоновскаго, оффиціальнаго православія, къ троеперстію, противу-солонію, пяти-просфорію, троенію аллилуйія и т. д. Вотъ въ какомъ понадѣяніи архипастырства, должно низойти на соединенцевъ просвѣщеніе отъ Бога. Но развѣ пристрастіе къ

ново-никоновскому обрядству лучше чѣмъ къ старому? Развѣ пристрастіе къ новоисправленнымъ дѣйствіямъ архипастырства есть просвѣщеніе отъ Бога? Достойно ли Бога—такое упованіе на Него и достойно ли такое не просвѣщенное надѣяніе. Не ясно ли, что архипастырство Россійской церкви не вѣруетъ единству въ вѣрѣ безъ одинаковыхъ обрядовыхъ обязанностей и пристрастій.

Старообрядцы приняты въ общеніе на томъ надѣяніи, что современемъ они покинутъ старые обряды и примутъ поправленные. И такъ не справедливо-ли старообрядцы называютъ единовѣріе неводомъ, которымъ архипастырство надѣется уловить старообрядцевъ не для общенія съ нимъ (архипастырствомъ) на условіяхъ равночестія и равноправности, но для поглощенія его своимъ новообрядствомъ. Не справедливо ли они (старообрядцы) называютъ его ловушкой, которую архипастырство, не скрывая этого, надѣется сломать и далеко забросить, какъ скоро она переловитъ, или же перестанетъ ловить старообрядцевъ.

Въ 1802 году настоятель Высоковскаго старообрядческаго скита Костромской губерніи, инокъ Герасимъ съ братіею входилъ въ св. Синодъ съ прошеніемъ, въ которомъ упоминая о бытіи ихъ до селѣ подъ опасеніемъ отлучившаго отъ Греко-Россійской церкви духовенства, и что нынѣ, во многихъ епархіяхъ таковые старообрядцы, вслѣдствіе именнаго Высочайшаго указа повелѣнія къ св. Синоду, имѣютъ особо опредѣленныхъ для отправленія богослуженія произведенныхъ отъ епархіальныхъ архіер. священниковъ, которыхъ и они желаютъ имѣть изъ старообрядческой братіи ихъ, просили дать имъ состоящій въ Костромской епархіи въ Юрьевскомъ округѣ противъ города Юрьева — Повольскаго въ луговой сторонѣ, Троиц-

кій монастырь, называемый Кривозерскій со всѣмъ строеніемъ и съ находящимися въ ономъ церковными утварями и прочими... въ которомъ отправлять имъ службу Божію по старо-печатнымъ книгамъ и обрядамъ, и состоять имъ всѣмъ подъ управленіемъ епархіальнаго архіерея; на основаніи подобныхъ Московскихъ и Нижегородскихъ старообрядцевъ просьбъ, и особыхъ, въ томъ прошеніи, прописанныхъ пунктовъ... причемъ отъ означеннаго настоятеля Герасима приложено особое изъясненіе о бывшемъ образѣ жизни его, мнѣніе о православной Греко-Россійскаго исповѣданія церкви и священствѣ, и съ какимъ расположеніемъ духа и понятіемъ о дѣлаемомъ старообрядцамъ снисхожденіи въ дозволеніи имъ отправлять службу Божію по прежде печатнымъ книгамъ, желаютъ и они воспользоваться.

Состоявшимся, вслѣдствіе этого прошенія опредѣленіемъ св. Синода 9 іюня 1802 года положено: къ Евсевію Епископу Костромскому послать указъ и повелѣть означеннымъ просителямъ старообрядства, именующимся иноками, черезъ Костромское губернское управленіе объявить, что, хотя именными Высочайшими указами 1798 года марта 12 и 1800 года октября 27 дня повелѣно св. Синоду давать дозволеніе старообрядцамъ имѣть у себя церкви и особенныхъ священниковъ, рукоположеныхъ отъ епархіальныхъ архіереевъ, для отправленія службы Божіей по старопечатнымъ книгамъ и обрядамъ изображеннымъ въ тѣхъ высочайшихъ указахъ, но таковымъ снисхожденіемъ, пользоваться могутъ тѣ, точію, изъ старообрядцевъ, которые признавая какъ святость и власть, такъ правильность и непоколебимость въ исповѣданіи Греко-Россійской церкви прибѣгаютъ къ оной съ истиннымъ раскаяніемъ о прежнемъ своемъ заблужденіи ограничивая токмо оное отправленіемъ богослуженія по старопечатнымъ книгамъ... а насто-

ятель ихъ инокъ Герасимъ, особо открывая прежнее направленное мнѣніе свое о православномъ священствѣ съ бѣжавшими къ нимъ безъ дозволенія, епархіальными архіереями и священниками и образъ принятія ими миропомазанія, якобы въ совершеніе благодатной силы на Хиротонію архіерейскую почитая ея безблагодатною и еретическою, изъясняетъ, что нынѣ они оставляютъ таковое свое заблужденіе и желаютъ принимать священниковъ отъ епархіальнаго архіерея и быть подъ его смотрѣніемъ единственно потому, якобы Св. Сѵнодъ и архипастыри по бывшихъ отъ лѣтъ Никона патріарха, старообрядствующимъ отягощеній, напослѣдокъ признаша отправленіе богослуженія, по прежде-печатнымъ книгамъ за святое и спасительное и что нынѣ не предвидится уже причинъ, для коихъ бы бѣжать священникамъ отъ своихъ архипастырей. Каковое заключеніе ихъ не только не заключаетъ истиннаго въ нихъ раскаянія, о бывшемъ заблужденіи, но паче подтверждаетъ прежнее ихъ ожесточеніе, вовсе противное тѣмъ основаніямъ, на коихъ дозволяется старообрядцамъ имѣть церкви и особенныхъ священниковъ для отправленія службы, бывшей по старопечатнымъ книгамъ, для того имъ въ вышеупомянутой просьбѣ ихъ и дачѣ имъ для жительства Троицкій Кривозерскій монастырь, а впрочемъ во всемъ отказать и т. д. (Там. стр. 41. Кн. 1, собран. пост. по части раск.) Изъ этого обильнаго матеріаломъ опредѣленія Св. Сѵнода отъ 9 іюня 1802 г. явствуетъ: 1) „что именное высочайшее повелѣніе въ основаніи разрушающее, запретительныя и анаѳематическія постановленія московскаго собора 1667 г. и слѣдовательно совсѣмъ не желательныя и совершенно имъ враждебныя и, вопреки архипастырству, возвращающія архипастырство на прямой путь, Св. Сѵнодъ выдаетъ за снисхожденіе церкви къ старообрядцамъ и та-

кимъ образомъ уступки вынужденныя у него самодержавіемъ, выдаетъ за собственное свое, и притомъ соборное дѣйствіе. Но пусть его! 2) Убѣжденіе въ святости и спасительности богослуженія по старымъ книгамъ и обрядамъ, то значитъ, что хотя они (иноки) и признали святость и спасительность богослуженія его, но Св. Сѵнодъ считаетъ нераскаянностью и ожесточенностію въ себѣ самихъ заключающими отрицаніе правильности и непоколебимости россійской церкви въ исповѣданіи, и по этому 3) какъ повелѣнія государей, такъ и собственное снисхожденіе Св. Сѵнодъ находитъ для себя, первое необязательнымъ а второе невозможнымъ пока старообрядцы всецѣло не оставятъ этихъ убѣжденій. Но удивительнѣе всего то, что 4) дозволяя соединенцамъ оставаться при вѣрности ихъ старому обряду, но непремѣнно требуя отреченія отъ вѣры въ его святость и спасительность, св. Синодъ вѣру старообрядцевъ въ старый обрядъ, отдѣляетъ отъ самой вѣры въ его святость и спасительность, и каждый изъ нихъ, (старыхъ обрядовъ) называя заблужденіемъ. Есть ли въ этомъ требованіи какой нибудь смыслъ? Можно-ли представить безсмыслицу, огромнѣе этой? Св. Синодъ документально объявляетъ старообрядцамъ, что пока они не оставятъ убѣжденія въ святость и спасительность въ богослуженіи по старымъ книгамъ и обрядамъ, до тѣхъ поръ онъ не допуститъ ихъ до соединенія съ собою, до тѣхъ поръ не дозволитъ имъ и богослуженія по этимъ книгамъ и обрядамъ. Но можно ли повѣрить (не отрицая за синодомъ человѣческаго смысла), чтобы онъ серьозно вѣрилъ въ возможность исполненія этого требованія, и слѣдовательно, чтобы онъ серьозно предъявлялъ это. Еслибы старообрядцы перестали вѣровать въ святость и спасительность богослуженія по старымъ книгамъ и обрядамъ, еслибы они отреклись отъ его

кореннаго, существеннѣйшаго, отличительнаго своего убѣжденія, тогда они перестали-бы быть старообрядцами, и тогда зачѣмъ бы они стали настаивать на этомъ богослуженіи а св. синоду зачѣмъ бы и изобрѣтать для нихъ единовѣріе? Не очевидно-ли, что дозволивъ и благословивъ соединенцамъ богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ, св. Синодъ въ 1800 году не могъ, да и не думалъ серьозно запрещать имъ убѣжденія въ его святость и спасительность. А послѣ этого, что значатъ требованія св. Синода, чтобы соединенцы отреклись отъ убѣжденія въ святость и спасительность богослуженія по старымъ книгамъ и обрядамъ? Значитъ требовать одного, чтобы они этого убѣжденія не навязывали св. Синоду, а твердо знали, что это ихъ убѣжденіе синодъ почитаетъ раскольническимъ заблужденіемъ, или же, пускай бы они про синодъ думали, что онъ призналъ наконецъ святость и спасительность богослуженія по старымъ книгамъ и обрядамъ, да покрайней мѣрѣ пока не говорили объ этомъ, а еслибы и говорили, то хотя бы формально о томъ не писали. Можно-ли свои признанія въ ошибкахъ и поправкахъ этихъ ошибокъ—прикрывать болѣе жалкими изворотами одной и той-же лжи и безсмыслицы! Непохоже-ли это на то, когда страусъ степей африканскихъ, настигаемый охотниками, думаетъ найти себѣ спасеніе, уткнувъ голову въ какой нибудь кустъ, все туловище оставивъ наружи.

Намъ хорошо понятно затрудненіе Св. Синода, проклинать старый обрядъ, а потомъ черезъ сто лѣтъ вслѣдствіе высочайшихъ повелѣній снова благословлять его, слѣдовательно признать его, (стараго обряда) святость и спасительность. Конечно, такая необходимость должна смущать, и дѣйствительно смущащаетъ и сбиваетъ съ толку и нынѣшнее архипастырство, а каково было переносить переворотъ и пе-

режить современному (т. е. тому, которое жило во время полученія высочайшихъ указовъ) архипастырству, его свидѣтелямъ и участникамъ. И вотъ одно изъ доказательствъ этой смущенности и путанности. Старообрядцы, изъявляющіе готовность соединенія съ архипастырствомъ, вмѣстѣ съ старцемъ Герасимомъ прямодушно изъявляютъ Св. Синоду убѣжденіе свое въ святость и спасительность богослуженія по старымъ книгамъ и обрядамъ; что же тутъ возмутительнаго для архипастырства и для Синода? Развѣ это богослуженіе не свято и не спасительно? И развѣ самымъ исканіемъ соединенія самымъ соглашеніемъ на подчиненіе пасенію россійскихъ архипастырей, соединенцы не доказываютъ признанія ими какъ святости и власти, такъ правильности, непоколебимости и православности исповѣданія? Что же смутило, встревожило Св. Синодъ, что даже и въ просимомъ Высоковскими иноками соединеніи въ единовѣріи, онъ (Синодъ) рѣшился отказать? Это—ясность высказанной инокомъ Герасимомъ Св. Синоду, правды, т. е. имъ высказано „что какъ скоро россійская церковь перестала гнать старообрядцевъ, то старообрядцамъ, уже не стало причины бѣжать отъ этой церкви". А если такъ, т. е. теперешнее архипастырство (какъ думалъ инокъ Герасимъ) благословило старый обрядъ, то какая громадная отвѣтственность падаетъ на московскій соборъ, проклявшій старые обряды, и на Св. Синодъ, который болѣе ста лѣтъ поставлялъ себѣ въ обязанность рабствовать предъ безразсудностью московскаго собора. И конечно (эта отвѣтственность) еще падетъ, когда самодержавіе пойметъ все это съ тою ясностью, съ какою высказано Высоковскимъ инокомъ: вотъ передъ чѣмъ смутился Св. Синодъ въ 1802 году, вотъ чего испугался, вотъ отъ чего бѣжалъ онъ какъ отъ огня и попалъ въ полымя, стараясь замять старую ошибку и не поколебался

изрыгнутъ свѣжую нелѣпость и безсмыслицу. Но зачѣмъ Синоду 1802 года лгать на самодержавіе, будто и оно участвуетъ во всей этой путаницѣ и безсмыслицѣ, всенародно утверждая, что хотя высочайшими указами повелѣно давать старообрядцамъ, церкви и священниковъ, но будто тѣми же указами положено и то ограниченіе, которое (независимо отъ Платоновскихъ мнѣній) разрѣшено было Св. Синодомъ 9 Іюня 1802 года. Замѣтимъ еще одно, что св. Синодъ 1802 года, имѣетъ претензію быть тѣмъ же, что и соборъ 1667 года, а нынѣшній Синодъ быть — ими обоими. Вотъ документальное изображеніе того, какъ понимаютъ единовѣріе вступающіе въ него и остающіеся въ немъ, старообрядцы, и какъ понимаютъ его архипастыри и св. Синодъ. Не ясно ли, что у насъ въ Россіи два единовѣрія, одно дѣйствительное, истинное не допускающее никакихъ стѣсненій и ограниченій, единовѣріе, о которомъ просили митрополита Платона Московскіе старообрядцы, и какъ разумѣютъ его высоковскіе иноки 1802 года, другое единовѣріе, оффиціальное, изобрѣтенное Платономъ, единовѣріе двусмысленное, льстивое, противорѣчащее и себѣ и здравому смыслу.

Платоновское единовѣріе есть подлинное подражаніе Латинской уніи, только лишено Латино-Іезуитской смышленности; тамъ унія средство къ совращенію изъ православія въ латинство, изъ одного исповѣданія въ другое, ему враждебное, въ Россіи же—изъ православія, въ то же православіе. Люди здравомыслящіе но не посвященные въ тонкости оффиціальности, говоря о единовѣріи, понимаютъ его въ истинномъ его смыслѣ и приходятъ въ недоумѣніе при встрѣчѣ съ единовѣріемъ оффиціальнымъ. Архипастырство, напротивъ, признаетъ одно послѣднее и приходитъ

въ замѣшательство при встрѣчѣ съ единовѣріемъ истиннымъ.

Правда, единовѣріе фактически существуетъ на свѣтѣ. Припомнимъ, какими мѣрами по мѣстамъ созидалось единовѣріе. Для насъ до сихъ поръ остается загадкою слѣдующій фактъ. Именными высочайшими указами, данными Синоду 12 марта 1798 года Императоромъ Павломъ, изображено: 1) „Разсмотрѣвъ докладъ, поданный отъ Синода намъ по представленію въ оный отъ епископа Нижегородскаго, повелѣваемъ: всѣмъ жительствующимъ въ тамошней епархіи старообрядцамъ—позволять имѣть у себя церкви и особенныхъ священниковъ, рукоположенныхъ отъ епархіальныхъ архіереевъ для отправленія службы Божіей по старопечатнымъ книгамъ, сходственно съ представленіемъ помянутаго епископа, котораго собственному усмотрѣнію предоставить и исправленіе тѣхъ священниковъ въ случаѣ какихъ либо учиненныхъ ими преступленій, духовной епитиміи подлежащихъ. На семъ основаніи Синодъ можетъ равномѣрное дозволеніе давать и по другимъ епархіямъ, когда изъ оныхъ поступать будутъ подобные.

Здѣсь видимъ, что не Платонъ началъ созидать единовѣріе, а самодержавіе (конечно не такое, какъ въ послѣдствіи созидалъ Платонъ) въ единовѣріи созданномъ правительствомъ, мы не видимъ ни какихъ ограниченій и стѣсненій, кромѣ одного условія: быть этимъ старообрядческимъ священникамъ въ подчиненіи мѣстнымъ епископамъ, — и 2) 27 октября 1800 года въ высочайшемъ указѣ изображено: „По прошенію московскихъ старообрядцевъ объ устроеніи въ Москвѣ церкви, представленіе Московскаго митрополита Платона, находя, сообразно указу нашему въ 12 день марта 1798 года коимъ дозволены по всѣмъ епархі-

ямъ, таковое старообрядческихъ церквей устроеніе, повелѣваемъ: церковь старообрядцамъ дать и впредь дозволять устроеніе на подобномъ основаніи". (О подобныхъ сему указахъ Государыни Екатерины, отъ 15 окт. 1763 и 3 марта 1764 гг. мы не говоримъ). И такъ императоръ Павелъ утвердилъ представленіе Московс. митрополита Платона, на томъ основаніи, что оно сообразно указу отъ 12 марта 1798 г. (Но мнѣнія м. Плат. противорѣчатъ прежнимъ Императорскимъ указамъ. Въ мнѣніяхъ Платона воспрещается переходъ отъ великороссійской въ единовѣрческую церковь, слѣдовательно это представленіе Платона не сообразно съ Императорскимъ указомъ, въ которомъ переходъ не ограниченъ). Этого мало: на подлинномъ прошеніи Московскихъ старообрядцевъ митр. Платону, не искаженномъ ни однимъ Платоновскимъ стѣсненіемъ и ограниченіемъ, рукою государя императора подписано такъ: „Быть по сему, октябр. 27 день 1800 года. Гатчино" [1]). Здѣсь государь подтвердилъ все то, что московскіе старообрядцы просили во всѣхъ 16-ти пунк. своего прошенія. Еще мало того, это прошеніе съ надписаніемъ государя императора возвращено московскимъ старообрядцамъ и принято ими какъ полное утвержденіе предложенныхъ ими условій соединенія, какъ святыню, какъ вѣчный государственный актъ признанія равночестности и равноправности старообрядчества съ грекообрядствомъ и хранится при первой изъ соединенскихъ церквей въ Москвѣ [2]). Но впослѣдствіи неиз-

[1]) Смотр. въ прилож. это прошеніе.

[2]) Остановимъ вниманіе читателя на слѣдующемъ обстоятельствѣ: г. Нильскій говоритъ г. Филиппову: „Я приглашаю г. Филиппова посѣтить единовѣрческіе храмы, хотя бы, напримѣръ, находящіеся въ Петербургѣ, и прочитавъ вывѣшенные въ нихъ листы, наглядно убѣдиться въ томъ, что единовѣрцы, не возражавшіе противъ мнѣнія митрополита Платона на словахъ,—на дѣлѣ, вопреки Высочайше утвержденному мнѣнію, неуклонно слѣдуютъ высказанному

вѣстно какимъ путемъ появились такъ называемыя правила митрополита Платона, или мнѣнія, какъ мы уже изъяснили совершенно исказившіе прежніе высочайшіе указы, и все дѣло соединенія превратившіе въ ложь и безсмыслицу а, между тѣмъ и не смотря на то, оказавшіеся также высочайше утвержденными. Что нибудь одно: или государь не понялъ Платоновскихъ мнѣній, когда заразъ утвердилъ двѣ противуположности, или же мнѣніе Платона ложно, поддѣльно, самозванно хвастаетъ высочайшимъ утвержденіемъ. Послѣднее не только не противорѣчитъ исторіи и характеру синодальныхъ дѣйствій противу старообрядцевъ — напримѣръ ссылка на небывалый Өеогностовъ требникъ указывающій, что въ Россіи еще до Никона употреблялось троеперстіе, и на небывалыя дѣянія собора 12 столѣтія, въ которомъ сказано, что двуперстіе выдумалъ какой то армянинъ еретикъ въ 12 вѣкѣ [1])—но и вызывается этимъ ха-

имъ въ 5-мъ пунктѣ желанію—не имѣть общенія въ молитвѣ съ православными, и даже придали своему незаконному желанію—видъ Высочайшей воли". Потомъ на этой-же страницѣ, только въ примѣчаніи, г. Нильскій говоритъ: „Любопытно было узнать, когда и съ чьего разрѣшенія появились въ единовѣрческихъ храмахъ эти листы..." и т. д. (См. Протоколы Общ. любит. духов. просвѣщ. стр. 97, второй годъ 1843 г.). Выше приведенные нами факты разрѣшаютъ недоумѣнія г. Нильскаго, именно въ томъ, что единовѣрцы имѣютъ полное основаніе вывѣшивать эти листы потому, что они это дозволеніе получили съ разрѣшенія Императора Павла.

[1]) Это „Соборное дѣяніе" 12 вѣка явилось полтораста лѣтъ тому назадъ и служило сильнымъ орудіемъ противъ старообрядцевъ. Старообрядцы-же долго возмущались страннымъ явленіемъ этой книги и энергически боролись противъ ея. Наконецъ, съ помощью добросовѣстныхъ изслѣдователей раскола, открылось, что эта книга подложная, и что Петръ I, чрезъ 7 лѣтъ по кончинѣ Димитрія Ростовскаго, велѣлъ: „*написать нѣчто противъ раскола и сказать на Димитрія съ братіею*"; вслѣдствіи чего Стефанъ Яворскій тайно написалъ, а Питиримъ Нижегородскій (митрополитъ) явно напечаталъ подложное дѣяніе на Мартина-армянина. Этотъ архіерей Питиримъ, впослѣдствіи, чуть-ли не сдѣлался лютераниномъ. (См. „Письма о расколѣ" П. Мельникова 1862 г. стр. 63 и 66). Объ этомъ „дѣяніи" митрополитъ московскій Филаретъ, въ письмѣ 30 мая 1866 года, на имя протоіерея Московской Духовной Академіи А. В. Горскаго, говоритъ слѣдующее: „Стоило-бы труда написать, или упомянуть о „Дѣяніи" на Мартына съ болѣе свободною критикою, нежели до-

рактеромъ, какъ логическая необходимость. Напротивъ, утвержденіе государемъ за одинъ разъ двухъ противуположностей требуетъ для своей осмысленности многихъ путанныхъ предложеній, не говоря о томъ, что мнѣнія митрополита Платона, государь не называетъ ихъ именемъ а представленіемъ (ибо этихъ мнѣній Платона въ это время не было). Мы еще спросимъ какимъ образомъ докладчикъ св. Синода оберъ-прокуроръ могъ не предупредить государя о противорѣчіи обоихъ этихъ документовъ? Если это и случилось (что онъ не предупредилъ) зачѣмъ подлинное прошеніе съ ошибочной надписью императора возвращено просителямъ старообрядцамъ?

Намъ говорятъ, что актъ собора 13 мая 1667 г., безъ сомнѣнія есть голосъ и выраженіе св. апостольской церкви. Если спросимъ, въ чемъ же старообряд-

нынѣ... Нельзя-ли поставить дѣло такъ? Дѣяніе представляетъ признаки неподлинности; употреблявшіе его противъ раскольниковъ не были знакомы съ археологическими и критическими пріемами и потому довѣрчиво пользовались благопріятнымъ документомъ. Существенная вина на неизвѣстномъ, который вздумалъ послужить правдѣ неправдой". („Братское слово" 1875 г. стр. 142, въ примѣчаніи.). И г. Субботинъ говоритъ: «что теперь сами православные писатели отвергаютъ подлинность Соборнаго Дѣянія, мы признаемъ справедливымъ. Но что же отсюда слѣдуетъ? Ужели это обстоятельство, что сами писатели Православной церкви теперь откровенно говорятъ и пишутъ о подложности акта, который въ прежнее время приводился въ видѣ историческаго доказательства противъ раскольничьихъ мнѣній, можетъ бросать какую-либо тѣнь на этихъ писателей, можетъ служить укоромъ противъ нихъ?" Все это было-бы такъ, если бы пастыри Русской церкви были безпристрастны и сами открыли эту ложь; но, къ сожалѣнію, не они, а добросовѣстные свѣтскіе изслѣдователи открыли и обнародовали вопіющія напраслины на старообрядцевъ и старообрядчество; что-же касается пастырей, то они старались не только опровергнуть нелѣпость этого Соборнаго Дѣянія, но напротивъ, какъ говоритъ самъ г. Субботинъ, „они даже усиленно его защищали." (Братское Слово,—стр. 147). Но утверждать, что ученые пастыри не знали археологическихъ и историческихъ пріемовъ—немыслимо. Да самъ г. Субботинъ и теперь готовъ-бы ссылаться на это Соборное Дѣяніе, еслибы такъ очевидно, какъ органическій фактъ, не обнаруживалась его подложность. Нетерпимость и ожесточенность его такъ рѣзко излагаются во всѣхъ его статьяхъ, что смѣемъ думать, если бы онъ имѣлъ возможность, непремѣнно вызвалъ-бы противъ старообрядцевъ прошедшихъ инквизицій и костры. Но, къ счастію старообрядцевъ, ему эта власть не дана.

цы не покорились этой святой апостольской церкви? Намъ отвѣчаютъ, что не согласились на перемѣну двуперстнаго сложенія на троеперстіе и на другіе обряды и особенности повелѣнныя соборомъ 1667 года, слѣдовательно служеніе, по старымъ книгамъ и обрядамъ и *держаніе этихъ* обрядовъ, есть прямое противленіе св. апостольской церкви и слѣдовательное полное уклоненіе съ прямаго пути истины (смотр. въ предисл. къ истор. русск. раскола Игнатія Олонецкаго). И слѣдовательно, ревнители стараго обряда, осужденныя Никономъ и соборомъ 1667 года именуемый соборомъ св. апостольской церкви, несправедливо, вѣрность этому обряду, называютъ древнимъ благочестіемъ. Всѣ одинаково вѣруютъ, что св. апостольская церковь не была и не можетъ быть погрѣшима, слѣдовательно, и осужденіе и запрещеніе клятвы на старый обрядъ и его держателей, праведны и святы, а если святы, то конечно и неизмѣняемы. Но могутъ сказать, что постановленія церковныя дѣлятся на постановленія безвозвратныя вѣчнодѣйствующія и на постановленія временныя „условныя“. Послѣднія, какъ гражданскія законы, вызываются потребностями времени, съ измѣненіемъ же и упраздненіемъ этихъ требованій, подвергаются перемѣнамъ или совершеннымъ отмѣнамъ, поэтому и запрещеніе и клятвы на старый обрядъ и его держателей не подходятъ-ли подъ этотъ разрядъ церковныхъ постановленій, иначе-бы какъ же св. церковь съ нѣкотораго времени, напримѣръ съ 1800 г., благословила старообрядцамъ богослуженіе по старымъ обрядамъ, благословила имѣть свои особенныя церкви, и своихъ особенныхъ священниковъ вслѣдствіе чего самыя верховнѣйшіе первосвятители русской церкви—митрополиты: Амвросій, Григорій, Филаретъ удостоивали и теперь удостоиваютъ личнымъ служеніемъ въ ихъ церквахъ, по старому обряду.

И такъ фактъ и измѣненія съ 15 сентября 1763 и 1800 гг. церковной и гражданской политики, правительственной въ отношеніи къ старообрядству и старообрядцамъ — вызываетъ вопросъ: къ какимъ мѣрамъ должно отнести запрещеніе гоненія и преслѣдованія старообрядчества отъ 1667 по 1763 г.— къ мѣрамъ временнымъ, условнымъ но мѣрамъ мудрымъ — или же мѣрамъ (по намѣренію законодателей), безвозвратнымъ, вѣчнымъ, но мѣрамъ ошибочнымъ? Что запрещенія и клятвы на старый обрядъ и его держателей были мѣрою невременною, а были проникнуты характеромъ вѣчной безвозвратности, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, потому что текстъ соборнаго узаконенія 13 мая, самъ о себѣ свидѣтельствуетъ: „въ вѣчное утвержденіе и присное воспоминаніе“ и толкованіе по ближайшимъ къ собору по времени и духу, архипастырствомъ, и тѣ мѣры, кои принимались противъ старообрядства до 1763 г., т. е. во все время, пока господствующее въ Россіи архипастырство оставалось вѣрнымъ собору 1667 г. Святая церковь можетъ дѣлать перемѣны и отмѣны прежнихъ своихъ временно-условныхъ постановленій, но не такихъ какъ осужденіе ереси и неправаго толка. Скажутъ, что церковь имѣетъ власть вязать и рѣшать — но это указаніе здѣсь не имѣетъ мѣста. Церковь имѣетъ власть простить кающагося грѣшника, но грѣха его не властна назвать святымъ дѣломъ, церковь можетъ принять въ общеніе проклятаго и обращающагося въ ней еретика, но не властна ересь его, назвать православіемъ. «Держащіеся стараго обряда, прокляты яко еретики и непокорники,» слѣдовательно и—старый обрядъ какъ непокореніе и ересь. И за тѣмъ всенародное исповѣданіе Макарія патріарха Антіохійскаго въ день памяти св. Мелетія и въ недѣлю православія подтвержденныхъ Гавріиломъ патріархомъ Сербскимъ,

и Григоріемъ Митропол. Никейскимъ (см. Макарій истор. русскаго раскола стр. 168, 169) на основаніи этого выраженія и исповѣданія, что старый обрядъ есть неправославіе, подтвержденное и соборомъ 1667 года, какъ голосомъ, и выраженіемъ св. Апостольской Церкви. Россійская Церковь послѣ сего собора никакъ не допускала при богослуженіи ни однаго изъ обрядовыхъ отличій старообрядства; а св. Синодъ 15 Мая 1722 г. между прочимъ постановилъ: „которыя хотя святой церкви и повинуются, и церковнымъ таинствамъ повинуются, а крестъ на себя изображаютъ двумя персты, тѣхъ писать въ расколъ не взирая ни начто". Правда церковь съ нѣкотораго времени дозволила старообрядцамъ употреблять старый обрядъ, а они и ну кричать, что она имъ благословила. Мысль, что Св. Синодъ разрѣшилъ двуперстно молиться, и—кто какъ хочетъ молись,—есть мысль несправедливая. (говоритъ Митрополитъ Григорій. Отв. единовѣрца стр. 28). [1]) Но св. церковь, въ своихъ благословеніяхъ и сужденіяхъ не допускаетъ такой половинности.—Осудила, да не совсѣмъ. Клятвы сняты. Гдѣ же это написано? Въ пунктахъ 1800 года М. Платонъ говоритъ: клятвы разрѣшить. А кто?—какъ?—Знаете: „что и нынѣ не можетъ быть о всемъ томъ церкви иной мысли, развѣ каковую она съ 1667 г. и доселѣ за истину признавала и признаетъ: (дополненіе мнѣнія М. Платона къ его пунктамъ (поясненіе на это въ отвѣтѣ единовѣр. стр. 27) Платонъ положилъ разрѣшить, тѣхъ старообрядцевъ, которые принятіемъ оффиціальныхъ священниковъ, подаютъ надежду, что современемъ Богомъ просвѣтятся и покинутъ этотъ, осужденный соборомъ, обрядъ. Клятва же на самый обрядъ остается во всей силѣ. И какимъ образомъ между господствен-

[1]) Въ подлинникѣ М. говоритъ: мысль несовсѣмъ справедливая.

но и покорно-мыслящими, очень понимающими, что опредѣленія собора властенъ отмѣнить только большой соборъ,—можетъ проявляться такая оскорбительная для церкви мысль: чтобы во 1-хъ, они могли играть своими клятвами и благословеніями—одинъ и тотъ же предметъ попеременно, сегодня проклиная, а завтра благословляя. И во 2-хъ что бы мнѣніе одного Митрополита Платона, хотя-бы и утвержденное государемъ, (если не подложно) могло отмѣнить постановленія собора равнозначительнаго вселенскому [1]) и уже болѣе ста лѣтъ имѣвшему силу. Одного епископа мы говоримъ, ибо Синодъ въ составленіи этого мнѣнія не участвовалъ, и не только противиться, но и согласиться съ нимъ не имѣлъ возможности, потому, что получилъ его въ видѣ высочайшаго указа, коему противиться не имѣлъ права.

Дарованіе старообрядцамъ особыхъ церквей и священниковъ, есть мѣра временная, условная, снисхожденіе которое и оказано имъ вчера и третьяго дня, но на которое они не имѣютъ права, и которое по этому можетъ быть взято назадъ сегодня и завтра. Церковь русская, невидя въ обращеніи справедливо отторгшихся отъ нея великаго успѣха, разсудила заблаго, учинить нѣкоторое таковымъ, въ невѣденіи погрѣшающимъ, снисхожденіе (допол. М. Платона). Видите, что дарованіе вамъ особыхъ церквей и священниковъ есть мѣра не церковная, а политическая, не каноническая а дипломатическая. Слышите! вамъ даны особые священники. Если бы ваше, при самомъ соединенствѣ держаніе стараго обряда, было бы православіемъ, то къ чему бы святой церкви установлять ему особенности. Замѣтьте, что здѣсь мы говоримъ не о той особенности, которая вамъ желатель-

1) Какъ утверждаютъ господст. въ русской церкви.

на, и о которой въ 1800 г. пункт. 5-мъ московскія старообрядцы просили, для того, чтобы чины и обряды вашихъ церквей не были нарушаемы посторонними лицами разнствующими въ обрядахъ, но которыя, однакожъ, не препятствовали старообрядцамъ, и сынамъ греко-россійской церкви, пребывать въ мирѣ, любви и единеніи, яко чадамъ единыя святыя соборныя и апостольскія церкви. А мы говоримъ, о той особенности, которой вопреки (пункт. 11) прошенія московскихъ старообрядцевъ разрѣшительно и раздѣлительно положено, между вами соединенцами и господствующей церковію 5 и 11 пунктами мнѣнія М. Платона, по которымъ пунктамъ, вы соединенцы отдѣлены въ особую церковь, хотя и названной единовѣрческою, но переходъ въ которую изъ господствующей церкви вамъ возбраненъ; почему и вы соединенцы можете сколько вамъ угодно потѣшать себя и сыновъ господствующей церкви, объ чемъ 1800 году просили старообрядцы, но чего не признаетъ за вами господствующая церковь. Слышите! кому наконецъ дѣлаетъ снисхожденіе св. церковь.— Вамъ погрѣшающимъ,—а въ чемъ—нечего объяснять. Что въ привязанности къ двуперстному сложенію и прочимъ обрядамъ, церковь дѣлаетъ вамъ снисхожденіе, и вы все-таки погрѣшающіе, и ваши привязанности къ старому обряду, есть заблужденіе; а церковь погрѣшностей и заблужденій благословлять не можетъ. Вотъ опредѣленіе поясняющее этотъ вопросъ, хотя именными высочайшими указами 1798 г. Марта 12 и 1800 октября 27 повелѣно: Св. Синоду давать дозволеніе старообрядцамъ имѣть у себя церкви и особенныхъ священниковъ рукоположенныхъ отъ епархіальныхъ архіереевъ для отправленія службы Божіей по старопечатнымъ, книгамъ; но таковымъ снисхожденіемъ пользоваться могутъ тѣ изъ старообрядцевъ, кото-

рыя прибѣгаютъ къ ней съ чистымъ раскаяніемъ о прежнемъ своемъ заблужденіи".

А просители, старецъ Герасимъ съ братіею высоковскаго старообрядческаго скита, изъясняетъ Св. Синодъ: „что они желаютъ принимать священниковъ отъ епархіальныхъ архіереевъ и быть подъ ихъ смотрѣніемъ единственно потому, якобы Св. Синодъ и архипастыри, по обычаю отъ лѣтъ Никона старообрядствующихъ отягощеній, напослѣдокъ признали отправленіе богослуженія, по прежде печатнымъ книгамъ, за святое и спасительное, и что по этому нынѣ не предвидится уже причинъ, для коихъ бы бѣжать священникамъ отъ своихъ архипастырей, каковое значеніе не только не означаетъ истиннаго въ нихъ раскаянія, но паче подтверждается прежнее ихъ ожесточеніе, для того имъ, въ просьбѣ, присоединится, къ единовѣрію и во всемъ прочемъ, отказать".Это опредѣленіе въ точности согласовано съ буквою и съ духомъ собора 1667 г., который, какъ сказано, проклялъ старый обрядъ, какъ ересь, и держащихся старыхъ обрядовъ, яко еретиковъ. И такъ не ясно-ли, что Синодъ хотя во исполненіе Высочайшихъ указовъ и разрѣшилъ богослуженіе по старымъ книгамъ и обрядамъ, но не признаетъ оное за святое, богоугодное и спасительное; а напротивъ, убѣжденіе и вѣру и святость и спасительность его, признаетъ раскольническимъ заблужденіемъ и доказательствомъ нераскаянности и ожесточенности отступниковъ, даже и въ этомъ случаѣ, когда они заявляютъ готовность принять священниковъ отъ епархіальныхъ архіереевъ, слѣдовательно, даже у самихъ единовѣрцевъ. Поэтому-то св. церковь, если по снисхожденію и приняла старообрядцевъ въ общеніе вмѣстѣ съ ихъ обрядами, но въ тоже самое время предупредила ихъ, что богослуженіе по старымъ книгамъ и обрядамъ не свято и не спасительно, и что это снисхожденіе имъ, на не-

премѣнномъ обязательствѣ съ ихъ и съ ея стороны, что они современемъ Богомъ просвѣтятся (дополн. мнѣнія митр. Платона) и что покинувъ свой старый, не святый и не спасительный обрядъ, и по обряду ничемъ не разнствующіе (т. е. по обряду Никоновскому) съ такъ называемою св. апост. церковію—придутъ въ согласіе, а до того желаннаго времени—она непризнаетъ ихъ православными, а только единовѣрцами т. е. идущими въ православіе. Что же касается до служенія архипастырей въ церквахъ единовѣрческихъ, то это такъ сказать благомудрственное льщеніе. Вотъ до какой безсмыслицы дошло архипастырство! Вотъ какъ играютъ съ религіей, какъ дѣти съ своими игрушками!..

Послушайте, что говоритъ Митрополитъ Григорій: „какъ думаетъ о такомъ поведеніи (т. е. поведеніе церкви съ единовѣріемъ), св. Златоустъ поясняя слова апостола: бѣхъ іудеемъ, да іудеи пріобрящетъ. Спрашиваетъ какъ бысть сіе и отвѣчаетъ: обрѣзающіе да низложатъ обрѣзаніе... (отв. единов. стр. 40).

Помните, что Синодъ если дозволилъ вамъ старый обрядъ, то съ тѣмъ, чтобы надежнѣе и успѣшнѣе искоренить его.

Вы, единовѣрцы, полагаете, что сдѣлались послушниками святой апостольской церкви; но вы должны знать, что церковь сдѣлала къ вамъ шагъ, а не вы къ ней. И не въ томъ же одномъ ваша хвала, что когда церковь сдѣлала къ вамъ шагъ, а вы не попятились отъ нея и, только. Вы считаете себя чадами этой святой апостольской церкви; но если сія церковь допустила васъ до сообщенія съ собою, и именно съ тѣмъ, чтобы вы современемъ оставили свои заблужденія т. е. привязанность къ старому обряду, не святому, не богоугодному и не спасительному, то почему же вы упрямитесь какъ упрямились и предки ваши? Вы конечно, полагаете, что предки ваши отдѣ-

лились отъ св. Апост. церкви и воспротивились обрядовымъ перемѣнамъ, повелѣнію Никона, и повелѣніямъ собора; не тоже-ли самое сопротивленіе коренится и въ васъ? И если, какъ вы, единовѣрцы полагаете, что соборъ 1667 года есть выраженіе и голосъ св. Апост. церкви, ученіе его и повелѣніе суть также ученіе и повелѣніе церкви, то почему же вы шли въ единовѣріе а не прямо въ православіе? Скажутъ, что до этого убѣжденія вы пришли будучи уже единовѣрцами, то зачѣмъ же остаетесь, зачѣмъ медлите въ немъ. Вы, единовѣрцы, должны понимать, чего ждетъ отъ васъ св. апостольская церковь, поставивъ предъ вами православіе и единовѣріе. Въ единовѣріе ли васъ призываетъ она? Никакъ. „Православные пастыри, говоритъ Григорій Митрополитъ, привлекаютъ собственно и прежде всего не въ единовѣріе, а въ православіе, и дѣйствуютъ такъ какъ требуетъ православіе". (отв. единовѣр. стр. 46). Пастыри церкви на основаніи собора 1667 г., а слѣдовательно именемъ св. апост. Церкви твердятъ вамъ, что единовѣріе не есть православіе а только путь къ православію. Что если церковь и дозволяетъ вамъ единовѣріе, но съ материнскою скорбію о вашемъ раскольническомъ заблужденіи, упорствѣ, не раскаянности, ожесточенности, о вашей заблужденной привязанности къ старому обряду, и въ вѣрѣ въ его святость и спасительность. Церковь называетъ васъ единовѣрцами, но истинно православными назоветъ только тогда, когда вы оставите старый обрядъ, когда образумитесь. Церковь сдѣлала вамъ снисхожденіе, въ невѣденіи погрѣшающимъ. Развѣ вы младенцы, что бы упрямство свое предъ свят. апост. церковью, извинять невѣденіемъ. Непонимаемъ. Какъ можете вы, единовѣрцы, съ такими убѣжденіями, что предки ваши отдѣлились отъ св. апост. церкви не только оставаться въ единовѣріи, не только медлить и коснѣть въ немъ, но еще искать

прочнаго, на всегда обезпеченнаго утвержденія своего противительнаго, св. церкви, положенія, ходатайствованіемъ о самостоятельной Іерархіи. Вездѣ, въ политическихъ противъ старообрядцевъ сочиненіяхъ, слышно, что старообрядцы на самомъ дѣлѣ не старообрядцы, а новообрядцы. Но такихъ блистательныхъ выводовъ, нельзя представить безъ пыли брошенной въ глаза зрителей, безъ фокусовъ, безъ отвода глазъ ихъ въ сторону отъ разсматриваемаго предмета.

Въ чемъ же состоялъ и теперь состоитъ этотъ фокусъ? И изъ какого праха? Изъ развитія постоянно, противъ старообрядчества вооружаемой, затѣйной оффиціальной истины, якобы старый обрядъ, есть произведеніе невѣжества; что старообрядство есть неправославіе, и что старообрядцы суть отступники св. апостольской церкви. Здѣсь кроется что-то неладное, не совсѣмъ чистое. Если на самомъ дѣлѣ старый обрядъ не православенъ, слѣдовательно и служеніе по немъ не богоугодно, и не спасительно, то думаемъ, зачѣмъ бы св. апост. церкви и дозволять это, не богоугодное, хотя бы временно. Такая мѣра недостойна церкви. Нѣтъ, думаемъ, единовѣріе не можетъ быть ни двуличнымъ ни половинчатымъ; оно должно быть совершеннымъ или православнымъ, или не православнымъ. Если единовѣріе есть православіе, то оно должно стараться очистить себя отъ платонической двусмысленности, заставить молчать его противниковъ. Если же единовѣріе точно есть не православіе, то необходимо нужно выдти изъ него, должно во что бы то ни стало отвязаться, выкарабкаться изъ этой грязи, и этой іезуитской мысли. Въ дѣлѣ религіи, въ дѣлѣ вѣры и спасенія, во всемъ, чѣмъ дорожитъ и что было и теперь есть драгоцѣнно русскому народному духу, его прямота и здравомысленность требуетъ торжественнаго удовлетворенія а не этой платоновской

латино-іезуитской двусмысленности. Но нѣтъ, соединенцы объ этомъ важномъ для нихъ спасеніи молчать, не заботятся. Порожденіе несчастныхъ для русской церкви, насильныхъ и жестокихъ временъ,—дипломатическая мѣра, достойная латино-іезуитской изворотливости и изобрѣтательности, но противное достоинству церкви, ея чистотѣ, ея святости, они не знають пунктовъ М. Платона, не только не читали, но и неслыхали, но за всѣмъ тѣмъ неповрежденному русскому народу по здравомысленности и прямодушію глубоко проникшему самые истинны его, нѣкоторые инстинктивно угадывая его недоброкачественность по этому весьма недолюбливаютъ его. Кратко, но ясно, обозначаются здѣсь два положенія 1., единовѣріе святое, спасительное и, безъ упрека древле православное 2., единовѣріе платоническое искаженное, безжизненное, безсмысленное, пустое, лживое, которое усиливается это соединеніе обозвать не православнымъ, обратить въ мѣру временную, въ латино-іезуитскую унію; положеніе противное истинѣ и совѣсти и здравому смыслу, положеніе оскорбительное для единовѣрцевъ и для апост. церкви, которымъ однакожъ митрополитъ Платонъ и Синодъ и Архипастырство, усиливаются ихъ утоптать въ грязь въ тихомолку, съ насиліемъ. Мы видимъ еще одно обстоятельство, что соединенцы превращенные въ единовѣрцевъ, по мѣстамъ до того сжились съ Платоновскимъ единовѣріемъ, до того запутались въ сплетеніяхъ ложно-Платоновской дипломатики, что дошли до рогатой увѣренности, будто они сами въ лицѣ ихъ предковъ были, а нынѣшніе старообрядцы суть противники св. апостольской церкви и отступники отъ ея православія. Обжившись въ единовѣріи, успѣли отупѣть, когда предковъ своихъ старообрядцевъ считаютъ противниками св. церкви и отступниками отъ православія, сами

стоятъ на той же дорогѣ, на которой стояли отцы ихъ и нынѣ стоятъ старообрядцы. Поразительно прискорбное зрѣлище, когда архипастырство, вразумляя свою церковь и свой народъ, говоря что смѣшиваніе обряда съ догматомъ въ ихъ силѣ и смыслѣ, есть заблужденіе, сами увлечены обрядовѣріемъ—и въ лицѣ Никона и греко-московскаго собора—разсорившись съ своимъ народомъ и со своею церковію изъ-за обрядовыхъ разностей и изъ-за обрядовыхъ привязанностей, и успѣвъ сбить съ толку царей, обращаютъ ихъ въ вооруженныхъ послушниковъ своей невѣжественной, но облеченной въ доспѣхъ господства, отсталости отъ своихъ пасомыхъ.

Единовѣрцы, быть можетъ, считаютъ Платона благодѣтелемъ старообрядства и воздвигаютъ ему вѣчный памятникъ, но въ своихъ сердцахъ забывая тѣхъ, кому они подлинно обязаны, это вѣчной благодарной памяти своихъ государей мудрой Екатерины и благочестиваго Павла. Своимъ царямъ вы обязаны, и тѣми ощипанными и оплеванными, архипастырствомъ льготами, коими владѣете нынѣ. Но вотъ 15 сентября 1763 г. на общей конференціи Сената и Синода опредѣлено: „тѣхъ, кои св. церкви не чуждаются, и таинства церковныя отъ православныхъ священниковъ пріемлютъ, а только двуперстнымъ сложеніемъ по своему неразумѣнію, крестятся... отъ входа церковнаго и таинствъ не отлучать". И указомъ, отъ 3 марта 1764 года мудрая Екатерина между прочимъ пунктомъ 4-мъ повелѣваетъ Свят. Синоду: «что касается до тѣхъ, кои православной церкви не чуждаются и таинства церковныя отъ православныхъ священниковъ пріемлютъ, и только въ закоснѣлыхъ, нѣкоторыхъ по суевѣрію, остаются обычаяхъ не развращающихъ ни слова Божія ниже догматовъ и правилъ церковныхъ: то они не только отъ входа и таинствъ ея святѣйшимъ Синодомъ не отлучаются,

но и за раскольниковъ тѣмъ же Синодомъ не признаваемы". Такимъ образомъ на всегда отмѣнены постановленія Св. Синода и повелѣнія: „мірянъ за одно двуеперстное сложеніе изгнать изъ ихъ церквей и писать въ расколъ, не взирая ни на что". Такъ же священниковъ за вѣнчаніе бракомъ раскольничествующихъ лицъ, лишать сана и бить плетьми, и за совершеніе молебна для записнаго раскольника въ православной церкви „лишать сана и бить кнутомъ". (См. собр. пост. по части раскола книга I, 15 Мая 1722 и 21 Октября 1724 г. г.) слѣдовательно и запрещенія на старый обрядъ и клятвы и анаѳемы 1667 г. на держащихся этаго обряда свои вышеупомянутыя синодскія постановленія, были строго сообразованы, изъ коихъ они вытекали какъ логическое послѣдствіе; какъ развитіе и исполненіе, которыя если и не отмѣнены гласно и торжественно съ указательствомъ, но очевидно лишены юридическаго значенія, и приведены въ бездѣйственность; знамя, подъ коимъ духовныя власти сто лѣтъ ратовали противъ стараго обряда и старообрядцевъ, отнесено къ прочей исторически почтенной, но уже негодящейся къ употребленію разной ветхости.

Актомъ соединенной конференціи, и Высочайшимъ указомъ отъ 3 Марта 1764 г. явственно обозначается поворотъ правительственной политики въ отношеніи къ старообрядству отъ мѣръ подавительныхъ и карательныхъ къ—примирительнымъ. Вслѣдъ за этими актами Екатерина II разрѣшила Екатеринославскому Епископу Амвросію, устраивать по желанію старообрядцевъ церкви, для отправленія въ нихъ службы Божіей, по старымъ книгамъ и обрядамъ, на единственномъ условіи зависимости отъ Епархіальнаго Архіерея, чего до тѣхъ поръ не бывало, что было московскимъ соборомъ проклято, за что до 1763 года правительствующіе Архипастыри

гнали православный народъ изъ своихъ церквей, священниковъ лишали сана и били кнутомъ, предавали огнесожженію и разнымъ смертнымъ казнямъ. Такихъ церквей, въ томъ краю по 1795 г. устроено было 12; а Государь Императоръ Павелъ I 12 Марта 1798 г. а потомъ 27 Октября 1800 г. Высочайше повелѣлъ Св. Синоду разрѣшить на томъ же основаніи устроеніе старообрядческихъ церквей на всемъ пространствѣ Имперіи.

И такъ ваше соединенство, сокращенное въ послѣдствіи, Платону ли обязано своимъ началомъ и своимъ утвержденіемъ, гдѣ этотъ, по вашему мнѣнію, вселенскій шагъ для старообрядцевъ, коимъ будто бы никто другой а Платонъ актуально допустилъ исполненіе обрядовъ по старопечатнымъ книгамъ. Нѣтъ! Высочайшимъ указомъ Синоду отъ 27 Октября 1800 г. изображено: „Попрошенію Московскихъ старообрядцевъ объ устроеніи въ Москвѣ церкви, представленіе Московскому Митрополиту, находя сообразнымъ указу нашему въ 12 день Марта (1798 г.) коимъ дозволили мы, по всѣмъ епархіямъ, таковое старообрядческихъ церквей устроеніе. Повелѣваемъ: старообрядцамъ церковь дать, и впредь дозволить устроеніе на подобномъ основаніи".

Указъ 12 марта 1798 г., на который гражданское правительство здѣсь ссылается, гласитъ слѣдующее: „разсмотрѣнъ докладъ поднесенный намъ отъ Синода, по представленіи въ оный Епископа Нижегородскаго, повелѣваемъ: всѣмъ жительствующимъ въ тамошней Епархіи старообрядцамъ позволить имѣть у себя церкви и особенныхъ священниковъ, рукоположенныхъ отъ Епархіальнаго Архіерея, для отправленія службы Божіей по старопечатнымъ книгамъ сходственно съ представленіемъ помянутаго Епископа, котораго собственному усмотрѣнію представить и исправленіе тѣхъ священниковъ, въ случаѣ какихъ-

либо учиненныхъ ими преступленій духовной епитиміи. На семъ основаніи, Синодъ можетъ равномѣрное дозволеніе давать по другимъ епархіямъ, когда изъ оныхъ поступать будетъ подобное отъ старообрядцевъ представленіе и прошеніе". И такъ 12 Марта 1798 г.,—вотъ мѣсяцъ и день, въ которыхъ права дарованы старообрядцамъ великой Екатериною. Самое представленіе Митрополита Платона, Государь почитаетъ представленіемъ епископа Нижегородскаго; утверждаетъ его на томъ основаніи, что оно сообразно прежнему Высочайшему указу отъ 12 Марта 1798 года. И такъ Платонъ-ли представленіемъ своимъ новую дорогу пролагаетъ старообрядцамъ къ исполненію, повидимому, законныхъ ихъ желаній? Нѣтъ! Спрашиваемъ: Платонъ и Синодъ и кто-бы не былъ, могъ ли остановить дѣйствіе и дальнѣйшее движеніе закона Высочайше утвержденнаго въ 12 день Марта. Послѣ этого закона, кто могъ возбранить или запять устроеніе старообрядческихъ церквей, по всему пространству Имперіи? Никто. Но увы! сочувствіе и привязанности духовныхъ властей къ собору 1667 г. навсегда оставались при прежнемъ ихъ значеніи; почему даже это рѣшительное движеніе самодержавной власти къ примиренію господствующаго Архипастырства съ старообрядствующимъ народомъ, выразилось правилами М. Платона, коими шаги самодержавія на его примирительномъ пути спутаны и дальнѣйшее развитіе благодѣтельнѣйшихъ для церкви и русскаго отечества примирительныхъ мѣръ остановлены,—и вотъ уже сто лѣтъ слишкомъ стоятъ какъ геркулесовы столбы.

Постановленію Синода 1722 года, противопоставивъ постановленіе общей конференціи 15 Сентября 1763 г., убѣдимся, что общая конференція понадобилась самодержавію не для другаго, какъ для того, чтобы сложить, наконецъ, вѣковое и невѣжественное

упрямство Синода, и что же объ этомъ замѣчательнѣйшемъ, объ этомъ начальнѣйшемъ актѣ перемирія русской церкви съ старообрядствомъ, узнала своевременно православная Россія? Нѣтъ. Почему нѣтъ? Да потому что, вопреки проявившемуся было проявленію самодержавія примирить враждующія обрядства, Архипастыри остались при прежнихъ закоренѣлыхъ стремленіяхъ подавить и уничтожить старообрядство, а не мириться съ нимъ, и въ 1800 г. Синоду невозможно было открыто стать противъ примирительныхъ мѣръ благочестивѣйшаго изъ государей. И вотъ, Синодъ платоническими пунктами сбилъ съ примирительнаго пути и государей и прежнія мѣры, начиная съ 15 Сентября 1763 г., и спуталъ и исказилъ, лишивъ подлиннаго начальнаго ихъ смысла, такъ что, нынѣ Государи уже едва-ли и придаютъ какой нибудь смыслъ прежнимъ мудрымъ мѣропріятіямъ Екатерины и Павла, почитая двухсмысленныя правила Платона послѣдствіемъ своихъ благодѣяній старообрядству. Въ этомъ ли заслуга Платона старообрядству? Сыны православной церкви (т. е. старообрядцы) должны ожидать себѣ справедливости не отъ Архипастырей. Молитвы наши должны быть, что бы Государи поняли наконецъ свое ввѣренное имъ и св. апост. церк. православное старообрядчество, и скорѣе перестали-бы вѣрить въ благоразсудительность и добросовѣстность своего Архипастырства отъ Никона, Платона, Филарета и др. дабы наши цари и сами возвратились на путь указанный имъ Екатериною и Павломъ, но — подъ давленіемъ на нихъ пунктовъ Митр. Платона ими оставленный и забытый, и Архипастырей возвратили къ обязательному для нихъ повиновенію обряду ихъ церкви; чтобы убѣдились, что при спорахъ между народомъ и представителями его церкви изъ за обрядовыхъ привязанностей они обязаны стоять никакъ

ни за властительскія обрядо-измѣненія Архипастырства, а за народъ (какъ въ такомъ случаѣ поступалъ, Великій князь Іоаннъ Васильевичъ III четыре года споривщій съ всероссійскимъ Митрополитомъ Геронтіемъ, который покусился на нарушеніе однаго стараго обряда), за самое тѣло церкви и быть хранителями отеческаго благочестія и его старообрядчества.

Возвратимся къ акту 13 Мая 1667 года. Когда на соединенной конференціи 15-го Сентября, обѣ власти гражданская и церковная (первая дѣятельно, а вторая страдательно) признали погрѣшительность запретительныхъ мѣръ и неправедность клятвъ и анаѳемъ, то и не можетъ быть инаго вывода, какъ тотъ, что запретительныя постановленія собора 1667 года, вѣчно и безвозвратно обращенныя на старый обрядъ, и старообрядцевъ, и, послѣдовавшія за тѣмъ подавительныя мѣры были ошибочны, не праведны, что онѣ были внушены архипастырствомъ, самодержавію, заблужденіями невѣжественныхъ и насильственныхъ временъ. Если запретительныя постановленія московскаго собора бывъ отмѣнены на практикѣ, а Синодская, de-facto, привязанность къ нимъ продолжаютъ имѣть силу; если онѣ (клятвы) на практикѣ господствуютъ надъ Синодомъ, а чрезъ него и надъ русской церковью, то это отъ того, что самодержавіе недовольно внимательно контролируетъ дѣйствія Св. Синода, что слишкомъ довѣряетъ его святительской добросовѣстности, и архипастырской благоразсудительности; а эта невнимательность, и эта довѣрчивость къ дѣйствіямъ архипастырства, слишкомъ предубѣжденнаго и въ своей непогрѣшительности, и въ правѣ неудержимаго властительства надъ обрядовыми привязанностями народа и своей церкви, возбудивъ въ архипастырствѣ поползновеніе уклониться отъ примиренія съ старообрядствомъ, отъ программы, разъ на всегда самодержавіемъ ему указанной,

дали возможность Св. Синоду, самое постановленіе конференціи 15 Сентября 1763 г. и высочайшій указъ 3 Марта 1764 г. какъ какую нибудь контрабанду, на цѣлыя сто лѣтъ скрыть, подъ глубокимъ секретомъ, не только отъ своей церкви, но и отъ самыхъ государей. Но это нисколько не ослабляетъ вывода, что греко-московскія клятвы, и на нихъ постоянныя Синодскія постановленія ошибочны, не разсудительны, не праведны и не обязательны.

Это если дозволеніе и благословеніе со стороны Св. Синода было дѣйствіемъ не свободнымъ, то, съ другой стороны, Св. Синодъ никогда и не протестовалъ противъ такого принудительнаго вмѣшательства самодержавной власти. По этому несвободность дозволенія, есть признакъ отсталости, застарѣлости и предубѣжденности русскаго архипастырства, и молчаніе его—доказательство законности и праведности самодержавнаго вмѣшательства, свидѣтельствомъ отвращенія св. Синода, а теперь примирительнымъ, свидѣтельствомъ упрямаго отстаиванія имъ его обрядовой исключительности и нетерпимости, а слѣдовательно и отсталости церковнаго правительства отъ правительства гражданскаго. Если св. Синодъ внимая М. Платону, или же Платонъ, давленіемъ на него Синода, обстановили это разрѣшеніе разными стѣсненіями, ограниченіями и оговорками то все это нисколько не ослабляетъ того факта, что старообрядство, послѣ столѣтнихъ запрещеній и преслѣдованій, наконецъ дозволено, и разрѣшено; и послѣ столѣтнихъ проклинаній, наконецъ благословлено. Для насъ и то не лишено значенія, что само архипастырство, при всемъ отвращеніи къ старообрядству и предубѣжденіи даже противъ единовѣрія—все таки признаетъ единовѣріе благодѣтельнѣйшею мѣрою противъ раскола.

Вся эта странность доказываетъ во 1-хъ то, о чемъ

мы не перестаемъ глубоко сожалѣть, что самодержавіе до днесь не объясняло сущности обрядовыхъ раздоровъ въ русской церкви, между пастырями и пасомыми, между преосвященными архипастырями и мужиками; что оно сдѣлало нѣсколько шаговъ къ примиренію старообрядчества съ господствующей церковію, и остановилось; что въ возрѣніяхъ на старообрядчество, и въ мѣрахъ противъ него, дозволяетъ св. Синоду управляетъ собою. А во 2-хъ то, что архипастырство русской церкви, въ лицѣ Синода, ни какъ ни признается въ погрѣшительности соборнаго акта 13 мая и своей, не отказывается отъ права подавительно господствовать надъ привязанностію своей церкви къ старому обряду, почему вынуждено отстаивать ошибки прежнихъ невѣжественныхъ и насильственныхъ временъ, и съ ущербомъ для святительской добросовѣстности провозглашать ихъ священными и на всегда обязательными для себя и для русской церкви. Но высочайшее вмѣшательство для умиротворенія между господствующимъ и старымъ обрядами, какъ не были противны убѣжденіямъ россійскаго архипастырства привыкшаго свое обрядство примѣнять къ восточному апостольскому православію, а разрѣшеніе стараго обряда какъ ни было предосудительно для безусловныхъ и безвозвратныхъ запрещеній стараго обряда, Греко-Московскимъ соборомъ и, правительствовавшимъ въ Россіи до 1763 года, Архипастырствомъ; для насъ важенъ тотъ фактъ, что святѣйшій Синодъ послѣ столѣтнихъ преслѣдованій разрѣшилъ, и, слѣдовательно послѣ столѣтнихъ проклятій сталъ благословлять наконецъ употребленіе стараго обряда, проклятаго Греко-Московскимъ Соборомъ.

Что жъ это за безвозвратное постановленіе? Что это за праведныя клятвы, когда Государи своими указами разрушаютъ ихъ одну за другой? Когда самъ святѣйшій Синодъ, соглашаясь съ государями на та-

кое безусловное ихъ разрушеніе, сего дня по ихъ указамъ, разрѣшаетъ и благословляетъ то, что самъ онъ запрещалъ, проклиналъ и преслѣдовалъ вчера и третьяго дня. Когда Архипастырство, восхваляя мѣры принимаемыя самодержавіемъ противъ Синодской обрядо-исключенности и не терпимости, само рукоплещетъ симъ дѣйствіямъ самодержавной власти, само прославляетъ собственныя свои пораженія, само подтвержаетъ, низпровергаетъ, собственныя его вѣковыя и любимѣйшія для него заблужденія; когда само оно въ лицѣ авторитетнѣйшихъ своихъ первосвятителей, признается наконецъ, что и та и другая буква одинаково ведетъ къ единой цѣли царствія Божія; когда самъ святѣйшій Синодъ («въ увѣщаніи старообрядцамъ» изданнымъ въ 1765 г. по Высочайшему повелѣнію) вопреки Московскому собору 1667 г. и прежнимъ собственнымъ постановленіямъ, провозглашаетъ, что для него все равно какъ бы не ходить, по солнцу, или противъ солнца, что онъ въ этомъ великой силы не находитъ, что хорошо ходить и по солнцу, лишь бы только не ходить изъ церкви, тогда какъ за два года, до изданія по Высочайшему повелѣнію „увѣщанія“, въ полной силѣ существовали постановленія, что бы по всему истинно православныхъ христіанъ, за одно двуперстіе изгнать изъ церквей, и писать въ расколъ „не взирая ни на что“, а священниковъ, за истинное пастырское снисхожденіе къ обрядовымъ убѣжденіямъ и привязанностямъ ихъ духовнымъ дѣтей, лишать сана и бить кнутомъ и плетьми; когда нынѣ сами Архипастыри, личными служеніями въ церквахъ единовѣрческихъ, открыто заявляютъ, что Московскихъ запрещеній и анаѳемъ дѣйствительными они не признаютъ, и никакого значенія имъ не придаютъ; когда, наконецъ, развитѣйшіе изъ россійскаго Архипастырства, начинаютъ нынѣ даже отпираться отъ нихъ, утверждая,

будто текстъ этого мѣста въ „соборномъ повелѣніи“ должно читать не простымъ, обыкновеннымъ способомъ, а какимъ то выворотнымъ, какъ и говоритъ ученый профессоръ С.-Петербугской Духовной Академіи, г. Нильскій; (прот. общест. люб. дух. просв. 1872 г. стр. 249). Но какимъ способомъ? Послѣ всего этого, какого еще надобно доказательства, что запрещенія, положенныя Московскимъ соборомъ на старый обрядъ и, клятвы его на держащихся сихъ обрядовъ, несостоятельны и недѣйствительны, а слѣдовательно неправедны и неразсудительны!

На слова одного А. Д. Петрова старообрядца, что клятвы Московскаго собора неразсудительны—Московскій митрополитъ Филаретъ строго отвѣчалъ 28 іюня: какъ вы осмѣлились святый соборъ называть неразсудительнымъ? На это осмѣливаемся прежде всего замѣтить, что не соборъ называли неразсудительнымъ, а клятвы его на священный и совершенно православный обрядъ. Митрополитъ Филаретъ называетъ соборъ 1667 года святымъ,—и мы не отрицаемъ за нимъ сего наименованія въ томъ безспорномъ смыслѣ, какой самъ М. Филаретъ даетъ сему слову въ своемъ пространномъ катихизисѣ. Тамъ говорится: „Слово: „святый“ значитъ посвященный Богу, освященный Богомъ“. Соборы 1666 и 1667 гг. повидимому, были созваны для умиротворенія русской церкви и для очищенія ея кое отъ какихъ непорядковъ. Слѣдовательно, соборы эти были созваны съ цѣлію послужить Богу и его церкви, иначе, были посвящены Богомъ, а слѣдовательно, были святы. Если въ нѣкоторыхъ статьяхъ соборъ 1667 г. уклонился отъ этаго призванія, которое давало ему право на наименованіе святымъ, то очевидно въ этихъ статьяхъ, и только въ нихъ однихъ, и именно въ запрещеніяхъ и клятвахъ на старый обрядъ,—а объ одномъ этомъ мы и рѣчь ведемъ,—онъ пересталъ быть

святымъ. Каждое освященное лице мы называемъ святымъ и справедливо, потому что каждое изъ нихъ и посвящено Богомъ, и освящено Богомъ. Мало того, каждый православный христіанинъ есть святый потому, что святымъ крещеніемъ, миропомазаніемъ и пріобщеніемъ тѣла и крови Господнихъ, не только посвященъ Богомъ, даже въ обыденной жизни, преисполненой мелкихъ заботъ, суетъ, искушеній— каждый изъ насъ остается святъ, пока поступки свои соображаетъ съ обѣщаніями, данными имъ при святомъ крещеніи, иначе, при своемъ посвященіи Богомъ, и когда соединеніе свое со Христомъ въ таинствѣ причащенія, иначе, свое освященіе соблюдаетъ въ неприкосновенной цѣлости; но когда сему своему посвященію онъ измѣняетъ, когда освященіе отъ себя онъ отдаляетъ, тогда въ этихъ именно случаяхъ и настолько, на сколько эти случаи важны, онъ перестаетъ быть святымъ и превращается въ грѣшника. Раскаявшись и исправившись, и вновь освятившись, мирянинъ вновь возвращаетъ себѣ святость и право на наименованіе святымъ. Такъ и Московскій Соборъ, во всемъ томъ, что онъ постановилъ сообразно своему призванію, былъ бы святъ; но въ томъ, въ чемъ онъ этому призванію и посвященію измѣнилъ, въ чемъ отъ нихъ отступилъ и противъ нихъ согрѣшилъ, Московскій Соборъ не имѣетъ права притязать на наименованіе его святымъ, когда онъ своими запрещеніями и клятвами на старый обрядъ и старообрядцевъ, отступилъ не только отъ духа и преданій св. апостольской церкви и истинно христіанской древности, но и отъ инструкціи константинопольской церкви, данной ему еще въ 1655 г. въ лицѣ П. Никона; когда онъ оскорбилъ россійскую церковь во всемъ, что для сей церкви было священнѣйшаго и драгоцѣннѣйшаго, и когда воздвигая вѣковыя раздоры и расколы, ввергалъ русское отечество въ

бездну заключеній!. „Слово „святый“ значитъ освященный Богомъ“. И про соборъ 1667 г. мы не отрицаемъ, что во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ Богоугодныхъ и церкви полезныхъ, онъ освященъ Богомъ, слѣдовательно и святъ; но, что бы его клятвы и анаѳемы на старый обрядъ и на держащихся сихъ обрядовъ освятилъ Богъ—такого богохульства мы и вообразить не въ состояніи. Митрополитъ Филаретъ расчитывалъ поразить старообрядцевъ „святостію“ Московскаго Собора и, слѣдовательно, святостію его клятвъ и анаѳемъ. Но старообрядцы не дѣти, что бы ихъ можно было испугать рогатою козою. Филаретъ долженъ былъ понять самъ: куда влекутъ его притязанія на безусловную святость Московскаго Собора!.. Московскій Соборъ, положилъ запрещенія и клятвы, на крестящихся двуперстно и держащихся прочихъ, тому подобныхъ особенностей, отечественно церковной обрядовой практики временъ до Никоновскихъ; а старообрядцы, оставаясь вѣрными преданіямъ отечественной церкви, и храня достоинство и независимость сей церкви, какъ отъ латинянъ, такъ и отъ грековъ—фанаріотовъ, этимъ запрещеніямъ не покорились, и не покоряются, и клятвъ этихъ не признали и не признаютъ. Чтожь? И церковное, и гражданское правительство, въ первыя, по соборѣ, сто лѣтъ, за это непокореніе ихъ жестоко преслѣдовали; нынѣ же имъ старый обрядъ дозволенъ и благословленъ. Изъ чего ясно, что если этимъ дозволеніемъ и благословеніемъ, само правительство и русская церковь, имъ дозволили и благословили не покоряться Московскому собору (1667 г.) и его запрещеніямъ и клятвамъ, то очевидно, что запрещенія и клятвы эти признавать необязательными, не дѣйствительными, ничтожными; а если ничтожными, то и неправедными; неправедными, слѣдовательно ошибочными; ошибочными, слѣдовательно и неразсудительными. Такимъ образомъ

если запрещенія и клятвы Московскаго Собора старообрядцы называютъ неразсудительными, не праведными, ничтожными, то очевидно все это дѣлаютъ нынѣ съ дозволенія правительства и съ благословенія Свят. Синода, слѣдовательно нѣтъ никакой надобности, и нѣтъ никакихъ причинъ для непризнанія старообрядцевъ православными; если же они православны, то нѣтъ причинъ ихъ называть раскольниками и, вмѣстѣ съ тѣмъ, презирать ихъ или стѣснять.

Да, первыя по соборѣ, сто лѣтъ господствующая нынѣ въ россіи церковь и правительство соединенно —дружно старообрядцевъ преслѣдовали, а поэтому они не могли клятвы Московскаго Собора безнаказанно называть ничтожными, неправедными и неразсудительными. Но другія сто лѣтъ (исключая царствованія Николая) правительство отъ подавительныхъ и карательныхъ мѣръ—перешло къ примирительнымъ, а въ 1800 г. заставило, на сколько само оно тогда было способно, идти за собой и Св. Синодъ. Но если запрещенія и клятвы Московскаго Собора на старый обрядъ и на держащихъ его, они, старообрядцы, не могли безнаказанно называть неправедными и не разсудительными;—то очевидно не потому, что бы они были праведны и разсудительны, а потому что правительство внимая Архипастырству, въ то время ошибалось въ оцѣнкѣ истиннаго ихъ достоинства.

Да, самодержавіе въ продолженіе ста лѣтъ, и Архипастырство господствующей въ Россіи церкви и до днесь вотъ уже 200 слишкомъ лѣтъ въ этомъ ошибалось и ошибается. Но старообрядчество, никогда. Самодержавіе поняло несправедливость и не разсудительность Московскихъ клятвъ и анаѳемъ, но должно быть поняло смутно; оно хотя и догадывается что справедливость должна быть на сторонѣ старообрядчества, но и до днесь не составило себѣ яснаго понятія, что такое старообрядчество?

И такъ по невниманію Самодержавія къ старообрядчеству, (вотъ за что, а не за какую другую вину старообрядчества) оно и прежде было и нынѣ находится у правительства въ незаслуженной опалѣ (немилости).

Совершенно недоумѣваемъ, какимъ образомъ Митрополитъ Филаретъ или кто бы нибылъ, могъ въ недавнее время, бросать въ носъ такой вопросъ: „какъ вы смѣете клятвы и анаѳемы Святаго Собора называть неразсудительными?“ Спрашивать такъ, не значитъ-ли и нынѣ послѣ явственныхъ разоблаченій несостоятельности греко-московскихъ запрещеній и анаѳемъ, оглашать ихъ дѣломъ Св. Апост. Церкви, и святость, непогрѣшимость и неизмѣняемость ея св. постановленій, приравнивать къ этимъ извержен іямъ невѣжества и изувѣрства. Такъ спрашивать нынѣ, не значитъ ли самому вопрошателю становиться въ ряды проклинателей, и слѣдовательно отодвигаться назадъ отъ своего мѣста не на сто, а на цѣлыя 200 лѣтъ!

Въ своихъ Бесѣдахъ 1844 года, Митрополитъ Филаретъ называетъ старообрядцевъ „глаголемыми“ т. е. ложными старообрядцами, самозванно носящими имя старообрядцевъ. Но старый обрядъ, есть дѣйствительно старый и, старообрядцы суть не глаголемые а дѣйствительные старообрядцы. Въ этой бесѣдѣ онъ употребилъ это имя, чуть ли не тысячу одинъ разъ. Слѣдуя его авторитету и прочія мелкія порицатели старообрядства, вотъ уже 36 лѣтъ повторяютъ это имя, и только самостоятельнѣйшіе изъ нихъ осмѣливаются видоизмѣнять его и вмѣсто „глаголемые“ употребляютъ прилагательное „называемые“, что въ сущности одно и тоже. На стран. 13 и 14 своихъ бесѣдъ, Митрополитъ Филаретъ самъ дѣлаетъ различіе между именованіями: обрядъ старый, и обрядъ древній, существованіе стараго обряда начиная современи стоглаваго собора, а древнему, (т. е. Ни-

коновскому) приписывая происхожденіе отъ временъ древнихъ, вѣроятно, апостольскихъ. И такъ Филаретъ высказалъ, что старые обряды получили силу, значитъ получили утвержденіе (санкцію) освященіе, уставность, обязательность. И мы согласны съ исторіей и Филаретомъ, что русская церковь до временъ Никона, употребляла именно тѣ обряды, которые современи никоновскаго собора получили наименованіе старыхъ. Только не соглашаемся съ нимъ (Филаретомъ) во первыхъ въ томъ, что старые обряды, какъ онъ говоритъ получили силу т. е. вошли въ практику рус. церкви около времени стоглаваго собора, и утверждаемъ, что они приняты рус. церковію вмѣстѣ съ христіанствомъ. Неможемъ также соглашаться съ Филаретомъ, что „старые обряды" какъ говоритъ онъ, „тщательно изслѣдованы кіевскими учеными и въ ближайшую сообразность съ древностію приведены" старые обряды въ то время изслѣдованы поверхностно, а не тщательно, и приведены въ сообразность съ весьма сомнительною древностію.

Въ бесѣдѣ пятой и во второмъ дополненіи къ ней (стр. 118. 119. 130), старый обрядъ и, что одно и тоже, обрядъ русской церкви до времени Никона, М. Филаретъ называетъ обрядомъ измѣненнымъ, погрѣшительнымъ и неправильнымъ, эти названія повторяютъ за нимъ и прочіе порицатели старообрядства. Послѣдніе именуютъ его раскольническимъ и неправославнымъ. Всѣмъ и каждому извѣстно, что старый обрядъ былъ и есть тотъ самый обрядъ, который употребляла русская церковь до Никона, и слѣдовательно, сравнительно съ обрядомъ послѣ Никоновскимъ, опять же былъ и есть обрядъ прежній, обрядъ старый и держащіеся этого обряда и при Никонѣ были, и послѣ него остались старообрядца-

ми. Старый обрядъ носитъ имя такого признака, [1]) которое служитъ ручательствомъ древности его, и которое даетъ своему обрядству, передъ обрядствомъ преобразованнымъ (т. е. Никоновскимъ), то преимущество, что пока древность его и правильность не будетъ опровергнута ясно и доказательно, до тѣхъ поръ, одно имя его обрядъ „старый“ обезпечиваетъ за нимъ право на его неприкосновенность. Отсюда ясна несостоятельность и безсиліе обрядства преобразованнаго, подчинить себѣ и поглотить собою обрядство старое; несостоятельность котораго несмотря на могущественнѣйшую поддержку его правительствомъ, на блескъ оффиціальной обстановки, и дѣятельное употребленіе всѣхъ силъ, и при всемъ томъ, его господство безсильно противъ обрядства, связаннаго, подавленнаго, лишеннаго свободы слова, но при всей его непризнанности, оно сильно своей исторіей, и однимъ своимъ именемъ „старое“ старообрядство—оно поражаетъ обрядство преобразованное. Поэтому и не удивительно, что этому именованію старообрядства завидуютъ его враждебники, посягаютъ на его уничтоженіе, запрещаютъ и сами избѣгаютъ употреблять его оффиціально и стараются присвоить себѣ. Вопіющая несправедливость! Но исторія и ея истины стоятъ неизвратимо и на этой неизвратимости—старообрядство основываетъ свою непоколебимость. Въ первой бесѣдѣ своей М. Ф. дѣлаетъ различіе между старообрядствомъ господствующимъ, первое назвавъ старымъ, а послѣднее древнимъ. Но рѣшаясь раздѣлить между этими обрядами наименованіе древній и старый, онъ между прочимъ, принялъ остроумность признать старый обрядъ—старымъ, желая ослабить дѣйствительность этого признанія: „Послушай“ говоритъ

1) См. въ концѣ книгѣ въ снимкахъ.

онъ къ старообрядцу „какъ тебя назвать"? (на листѣ 12) Старообрядецъ? Пусть такъ: старообрядецъ! Знаю, что нравится тебѣ сіе названіе, и не желаю огорчить тебя названіемъ, которое тебѣ не нравится." И такъ М. Филаретъ, называя старообрядцевъ подлиннымъ ихъ именемъ, изъ опасенія огорчить ихъ, но, отнимая у нихъ ихъ собственность— ихъ имя, не страшился оскорбить истину. Уступая имъ это имя потому „что они его любятъ, но какже подлинное ему имя? Имъ нравится именованіе старообрядецъ. Они любятъ это имя, не ясно ли, что оно принадлежитъ имъ. Зачѣмъ же бы они стали любить чужое!

Далѣе М. Ф. продолжаетъ: „только я долженъ о семъ объясниться, чтобы не произошло недоразумѣнія. По великому милосердію Божію, мнѣ позволено называться православнымъ христіаниномъ сыномъ святыя апостольскія каѳолическія восточныя греко-россійскія церкви." И такъ, вотъ ему имя (Филарету) „христіанинъ." Но старообрядцы-то по его мнѣнію что такое? Нехристи, что ли? Мы однакожъ съ готовностью принимаемъ оговорку, что сила его опредѣленія состоитъ не въ имени „христіанинъ," которое есть общее и ему, и старообрядцамъ, а въ имени „православный христіанинъ." И такъ себя одного только единообрядствующихъ съ нимъ, только свое господствующее обрядство, онъ удостоиваетъ признавать православнымъ, а старообрядство лишаетъ этого именованія. Но если старообрядцы не православны: то они еретики, а такъ какъ у каждой ереси есть имя, то пусть-бы онъ указалъ это имя своимъ сынамъ Святой Апостольской Церкви! И такъ по мнѣнію Филарета, только держащіеся одного обряда съ нимъ, суть сыны святой Апостольской церкви! Мы желаемъ довести до конца оправданіе старообрядства отъ напраслины, будто они не дѣй-

ствительные а ложные, облыжные „глаголемые“ старообрядцы! „Только знай“ продолжаетъ М. Ф. „что мы, которые иногда терпѣливо уступаемъ тебѣ сіе securities названіе, отнюдь не новообрядцы“. Вотъ тебѣ и разъ! Имя, старообрядцамъ и старому обряду собственно принадлежащее, онъ имъ „уступаетъ.“ не спрашиваемъ, по какому праву, онъ то отнимаетъ у нихъ, то уступаетъ имъ ихъ собственность, собственное ихъ имя. Это право надъ старообрядцами дало ему господство. Но такое право и такое обхожденіе съ чужою собственностью можетъ-ли оправдываться такими пріемами? Собственное ихъ имя онъ имъ уступаетъ „иногда“! Когда-же это? Когда бесѣдуетъ съ старообрядцами лично, когда говоритъ съ ними съ глазу на глазъ т. е. когда господство его обязываетъ быть воздержаннымъ въ выраженіяхъ, и дѣлаетъ это „терпѣливо“ и притомъ „иногда“. Не скроемъ нашей скорби, слыша изъ устъ высокаго представителя русской церкви, признаніе, что трудно было для него оказать старообрядцамъ справедливость, справедливость, которая чужда духу его господства!

На чемъ же онъ основывалъ свое положеніе, что онъ и приверженцы его не новообрядцы? Онъ говоритъ старообрядцу: „ты старообрядецъ, потому что любишь старые обряды.... но и мы не новообрядцы, потому что мы держимся обрядовъ вселенскія церкви древнихъ, которые издревле содержала церковь греческая“. Отвергая отъ себя именованіе „новообрядца“, онъ основаніемъ этому отрицанію, выставляетъ безприкладную древность своего обряда. Но самъ же онъ въ началѣ своей бесѣды, признаетъ разность между именованіями „старый обрядъ“, и „древній обрядъ“ и первый изъ нихъ, снисходительно уступаетъ старообрядцамъ, а второй, властію присвоиваетъ для себя, и вотъ черезъ нѣсколько страницъ уже жалѣ-

етъ о своей уступкѣ имъ, обнаруживаетъ намѣреніе отнять у нихъ имя старообрядцевъ на томъ основаніи, что онъ древлеобрядецъ, и тѣмъ отступаетъ отъ начальныхъ своихъ признаній, и опять онъ, слѣдовательно, вопреки самому себѣ, теперь утверждаетъ, что между понятіями, разности нѣтъ, что если онъ владѣетъ именованіемъ древлеобрядца, то ему, будто бы, по праву принадлежитъ именованіе старообрядца. Удивляемся непослѣдовательности, жалѣемъ о его коловратности. Старообрядецъ есть послѣдователь обрядства бывшаго въ Россіи до-Никоновскаго и завершеннаго Соборомъ 1667 г. Новообрядцами слѣдовало бы назвать сторонниковъ преобразованнаго обрядства, изъ-за котораго имени спорятъ уже болѣе двухъ вѣковъ. Но пока исключительная, или преимущественная древность котораго либо изъ нихъ, не будетъ доказана несомнѣнно, образовавшаяся для нихъ исторически, на основаніи неизвратимой логики внѣшнихъ, но за то ясныхъ и неоспоримо принадлежащихъ имъ признаковъ, дотолѣ оба они должны терпѣливо оставаться каждый при своемъ имени. Но М. Ф. оставивъ почву исторической дѣйствительности, перенесъ вопросъ этотъ въ область софистическихъ сплетеній. Допустимъ (несправедливость), что преобразованное господствующее обрядство, есть древнее въ церкви греческой. Но для русской церкви не знавшей его, оно въ извѣстный моментъ все-таки было ново; таковымъ оно было при раздѣленіи и таковымъ должно навсегда остаться. Пусть господствующее обрядство доказываетъ свою безприкладную древность; мы слушаемъ и будемъ слушать тому доказательства съ тѣмъ вниманіемъ, какого они заслуживаютъ. Но коль скоро настоитъ надобность провѣрить правильность именъ, данныхъ исторіей, то мы просили бы всѣхъ обличителей старины, эту повѣрку производить по указаніямъ исторіи и требованіямъ логики. „Самое

имя старообрядца" говоритъ М. Ф. „было изобрѣтено для того, чтобы укорить церковь въ мнимомъ новообрядствѣ". (Стр. 16,). Отъ чего одного еще не доставало! Если старообрядцы нестарообрядцы, то почему онъ не указалъ имъ другое имя, именно такое, которое не было бы произведеніемъ брани, а вытекло бы изъ самой сущности разногласія съ нимъ, опредѣляло бы сущность борьбы, русскаго староотечественнаго обрядства противу обрядства господствующаго въ Россіи, для русской церкви—обрядства новаго. Старообрядцы твердо и основательно стоятъ за то, что было прежде, за прежнее старообрядство, т. е. до Никоновское.

По этой сущности старообрядческаго дѣла и ихъ разности съ господствующей церковью, имя—старообрядцевъ —дано имъ и закономъ, (логикой) и исторіей. Они любятъ это имя, потому, что любятъ свой старый обрядъ и обязанностію поставляютъ любить староотечественную старину. Они, наконецъ, носятъ это имя потому, что надобно же имъ имѣть какое-нибудь имя. А митрополитъ Филаретъ обмолвился, будто они его изобрѣли не потому, что ихнему дѣлу нужно соотвѣтствующее имя, а будто для того, чтобы только спорить съ новообрядцами, не думая о своемъ дѣлѣ, о своемъ старообрядчествѣ. Это-ли его прославляемая послѣдовательность, это ли его восхваляемыя терпимость и уступчивость!?

Имя „старообрядчество" для М. Филарета казалось укорительнымъ. Не ясно-ли, что дѣло имъ защищаемое (т. е. новообрядство) заслуживаетъ укоризнъ, что эти укоризны даже слышатся ему самому. Но напрасно онъ обратилъ ихъ на старообрядцевъ. Эти укоризны указываетъ ему исторія, логика и высказала собственная его совѣсть. Въ этой напраслинѣ

1) И такъ по этой логикѣ нужно полагать, что старый обрядъ изобрѣтенъ послѣ Никоновской реформы.

на старообрядцевъ, ясно высказалась его неправость и зависть къ ясности и побѣдительности ихъ имени. Не ясно-ли, что завидуя старообрядческому имени, онъ усиливается отнять его у нихъ и присвоить себѣ! Зачѣмъ дѣло стало? Пусть бы онъ взялъ себѣ ихъ имя, но вмѣстѣ съ нимъ взялъ бы и ихъ дѣло, чего именно и ожидали отъ него, и старообрядчество и церковь.

Старообрядство не обманываетъ себя надеждою, чтобы россійское архипастырство когда либо согласилось признаться, что клятвы собора 1667 г. неправедны и безразсудны, и, что слѣдовательно оно виновно предъ старообрядчествомъ. Старообрядцы никакъ не надѣялись и не надѣются, чтобы Архипастырство, признавъ по своей доброй волѣ равночестность и равноправность старообрядства, исправило свои греко - московскія ошибки со всѣми ихъ послѣдствіями; но они (старообрядцы) знаютъ и то, что самодержавные государи, суть прирожденные представители народа въ дѣлахъ церкви, Богомъ помазанные посредники между народомъ и его пастырями, имѣющіе отъ Бога святое помазаніе и полномочіе—какъ свой народъ удерживать въ повиновеніи пастырямъ, такъ и пастырей удерживать отъ посягательства на обрядовыя убѣжденія народа. Мы видѣли блистательный тому примѣръ въ четырехлѣтнемъ спорѣ великаго князя Іоанна Васильевича III съ митрополитомъ Геронтіемъ (1478—1482 г.) и въ актѣ соединенной конференціи Сената и Синода 15 сентября 1763 г., коимъ не разсудительныя постановленія 1667 г. противу двуперстія, противу всего старообрядчества—приведены въ ничтожность. Въ благодарныхъ сердцахъ чувствуется, чего это стоило самодержавной волѣ того же Богомъ просвѣщеннаго и Богомъ управляемаго посредничества въ именныхъ Высочайшихъ повелѣніяхъ россійскому Си-

ноду „давать старообрядцамъ церквей и священниковъ для служенія по старопечатнымъ книгамъ и старымъ обрядамъ“. Что до архипастырства, то это глубокій секретъ, коимъ оно старается привести въ бездѣйствіе примирительное вмѣшательство самодержавной власти и правилъ М. Платона, противуположныя примирительнымъ намѣреніямъ самодержавія, и, за всѣмъ тѣмъ, будто бы высочайше утвержденныя 27 октября 1800 г., свидѣтельствуютъ о тѣхъ препятствіяхъ, кои архипастырство старается ставить, благодѣтельнаго для церкви и отечества, но не переносимаго для архипастырскаго въ церкви властительства, примирительному посредству самодержавныхъ государей. Если 1763 годъ и ближайшій къ нему, явили старообрядцамъ во всемъ блескѣ самостоятельность и могущество самодержавнаго посредничества за народное старообрядство, противу оффиціальнаго господственнаго обрядства, то старообрядцы могли надѣяться, что нынѣ, чрезъ сто лѣтъ, самодержавіе еще болѣе умудренное опытомъ, закончитъ дѣло умиротворенія россійской церкви, такъ рѣшительно начатое мудрою Екатериною продолженное благочестивѣйшимъ Павломъ, но запутаное на полдорогѣ синодальными правилами такъ называемаго единовѣрія.

Подобно старообрядцамъ и единовѣрцы, всегда лелѣяли мысль о законномъ старообрядческомъ епископствѣ, что бы оно помогло соединить подъ собою все старообрядчество, единовѣріе, поповцевъ и безпоповцевъ; дѣло объединенія, на всегда обезпечить старообрядство отъ посягательствъ на него враждебныхъ ему властей, синода и Архипастырства, и, полагая еще цѣлью весьма естественное желаніе, имѣть надъ собою архипастырство одного обрядства а не другаго. Послѣ Екатерины, съ воцаренія Александра II, осіяло русскій народъ радостное предчувствіе, то предчувствіе, что правительство пойметъ

наконецъ, что сила имперіи и твердость трона, заключаются не въ насильственномъ пересаживаніи иноземщины на несвойственную ей, русскую почву, а въ признаніи развитія и возвышеніи русскаго народнаго духа, въ чемъ одномъ жизнь и сила отечества. Тогда и единовѣрцамъ-примиренству казалось благовременнымъ, сдѣлать попытку къ испрошенію у самодержавія признанія равноправности и равночестности обрядства старонароднаго, съ обрядствомъ нынѣ господствующимъ, указно народу навязаннымъ, казеннымъ, построеннымъ на началахъ чуждыхъ русскому уму и духу. Выраженіемъ этого признанія было бы установленіе старообрядческой Іерархіи и каждый шагъ въ этомъ смыслѣ, долженъ быть желателенъ для правительства и, долженъ явиться по правительственной инициативѣ.

Единовѣрцы соскучились ждать правительственной инициативы. Въ 1864 г., проживавшіе въ Петербургѣ казанскій купецъ Петровъ и Московскій Шестовъ, понуждаемые единовѣрцами Казани и Екатеринбурга, явились для объясненій по этому предмету, прежде всѣхъ правительственныхъ чиновъ, къ члену св. Синода, Рижскому Архіепископу Платону. Платонъ сочувственно отнесся къ предположенію единовѣрцевъ. Дарованіе старообрядчеству самостоятельной Іерархіи, онъ призналъ наилучшею мѣрою для возсоединенія старообрядства съ своею церковію. Онъ указалъ на унію. Не будь у уніатовъ самостоятельной Іерархіи, православная церковь никогда не имѣла бы утѣшенія, видѣть столь единодушное соединеніе ихъ въ 1833 г., съ православіемъ. И это понятно, что правительству нѣтъ возможности вести переговоры съ каждымъ священникомъ и каждымъ приходомъ. А при Іерархіи у уніатовъ—Правительство сошлось съ архіереями, архіереи поговорили съ священниками, священники съ прихожанами и—все это единодуш-

но тронулось на соединеніе. Архіепископъ Платонъ, посовѣтовалъ Петрову съ Шестовымъ обратиться къ министру внутреннихъ дѣлъ Валуеву, котораго обѣщался предупредить. Бывъ допущены къ Министру, ходатаи народной идеи поднесли ему проэктъ всеподданнѣйшей просьбы и просили его какъ посредника между народомъ и государемъ, прочитавъ, сдѣлать указанія, не слѣдуетъ ли что пояснить, дополнить или выпустить. На разсмотрѣніе проэкта употреблено не менѣе мѣсяца. Очень вѣроятно, что Министръ, въ ожиданіи Петрова съ Шестовымъ, вошелъ лично или чрезъ г. Оберъ-Прокурора въ сношеніе по этому предмету съ митрополитомъ Московскимъ Филаретомъ—только Валуевъ, чрезъ мѣсяцъ возвращая подателямъ проэктъ, отозвался, что въ этомъ видѣ проэктъ не можетъ быть принятъ, что онъ оскорбителенъ для церкви россійской, въ особенности для митрополита Филарета, а правительству огорчать старика не желательно. Ходатаи, этого отзыва не почли послѣднимъ словомъ правительства, и, одушевленные духомъ возрожденія и первымъ ободреніемъ лучшаго изъ россійскихъ Архіереевъ, Платона рижскаго, обратились съ предложеніемъ, подать просьбу о старообрядской Іерархіи къ Московскимъ единовѣрцамъ, которыми встрѣчены были съ восторженнымъ одушевленіемъ. Въ Москвѣ какъ и въ Петербургѣ, первый форменный шагъ, ходатаи объ Іерархіи сдѣлали къ своему архипастырю, Филарету. Отъ Филарета Московскіе единовѣрцы не ожидали покровительства и одобренія ихъ дѣлу, но какъ сыны церкви, не хотѣли мимо идти безъ представителя. Кромѣ того, ходатаи весьма интересовались услышать возраженія митрополита, коихъ ожидали непремѣнно, что тѣже самыя возраженія, митрополитъ представилъ бы правительству. А они намѣрены были, прежде чѣмъ правительство услышитъ разъясненіе на поданной еди-

новѣрцами просьбѣ—митрополита, на каждое изъ возраженій послѣдняго, написать свои возраженія въ формѣ письма къ нему, письмо послать митрополиту, а копіи съ нихъ приложить къ всеподданнѣйшей просьбѣ.

Но случилось не такъ какъ желали Московскіе единовѣрцы. Депутаты отъ нихъ въ числѣ пяти членовъ (между ними Лебедевъ, одинъ непримиримый старообрядецъ-окружникъ) послали Н. М. Аласина (единовѣр. попечителя) который ѣздилъ къ митрополиту въ киновію, съ восторгомъ отъ проэкта, возвратился отъ митрополита съ чрезъ мѣру расширенными порицаніями его. Ходатаи были у митрополита въ Москвѣ двукратно; Митрополитъ на первомъ собесѣдованіи настойчиво допрашивалъ представителей единовѣрія: для [illegible] имъ нужна особая іерархія? Представители ед[illegible]рія вынуждены были высказать, что теперешніе россійскіе архипастыри въ одно и тоже время и благословляютъ и проклинаютъ ихъ названныхъ единовѣрцевъ; благословляютъ—когда разрѣшаютъ служить по старымъ книгамъ и обрядамъ, и, сами по нимъ служатъ и—проклинаютъ—когда клятвы собора 1667 года на эти самыя книги и обряды и на ихъ держателей, признаютъ правильными и вѣчнодѣйствительными. Митрополитъ прямо отрицалъ существованіе такихъ клятвъ. Но на второмъ собесѣдованіи, на другой день самимъ митрополитомъ начатое разъясненіе соборной клятвы, онъ вынужденъ былъ признаться, что онѣ существуютъ, вину ихъ (этихъ клятвъ) сложивъ на жестокость тогдашнихъ временъ.

Тогда-то митрополитъ Филаретъ подтвердивъ представителямъ сказанное имъ вчера, что и мысли о старообрядческой іерархіи правительство не допускаетъ, рекомендовалъ имъ лучше ходатайствовать объ уничтоженіи клятвы собора 1667 года, потому поводу, что единовѣрцы если и не признаютъ ихъ дѣйстви-

ными, но какъ видно ими смущаются, что вообще онѣ уже не соотвѣтствуютъ духу и потребностямъ времени. При этомъ митрополитъ потребовалъ, чтобы ходатаи, прежде чемъ предъявятъ просьбу обществу для подписанія, поднесли ему для просмотра. Ходатаи поняли эту дипломатическую тонкость, поняли, что онъ добивается только того, чтобы одушевленныхъ единовѣрцевъ отвлечь отъ всестарообрядческой іерархіи въ другую сторону, и, тѣмъ его потоптать и погасить въ началѣ.

На послѣдовавшемъ собраніи, единовѣрцы созванные ходатаями, большинство которыхъ не одобривая проэкта объ іерархіи, настаивало, что безпремѣнно [illegible]ы уважить предложеніе митрополита, просить [illegible] рѣшеніи клятвъ. Московскими единовѣрцами [illegible]дительствовалъ Аласинъ; составилась аласинская партія, которая стала кричать въ уши каждаго единовѣрца, что по осужденіи митрополитомъ проэкта о старообрядческой іерархіи, нужно повиноваться митрополиту, а гласныя совѣщанія и противленія будутъ равносильны бунту противъ правительства, что единовѣрцы прямо съ собранія будутъ посажены въ кибитку и будутъ отправлены въ Сибирь. Это навело такой страхъ на московскихъ желателей іерархіи, что каждый изъ предлагавшихъ прежде квартиру для собранія, по очереди, отказывали теперь въ этомъ Петрову съ Шестовымъ. Собраніе состоялось только тогда, когда одинъ изъ высшихъ чиновниковъ московской полиціи бывъ спрошенъ, завѣрилъ единовѣрцевъ въ ложности застращиваній. Разумѣется, Аласинъ принялъ мѣры, чтобы на собраніе пришло побольше имъ обманутыхъ и потомъ собраніе кончилось почти—ничѣмъ. Когда такимъ образомъ общество московскихъ единовѣрцевъ явственно раздвоилось на сторонниковъ іерарховъ и клятвенниковъ, Петровъ и Шестовъ рѣшились писать двѣ просьбы одну объ

іерархіи, другую о клятвахъ; желающіе могли подписать любую и даже обѣ потому, что они не были одна другой враждебны. Если бы притомъ руководство этимъ дѣломъ до конца осталось въ рукахъ Петрова и Шестова, то они разсчитывали изъ двухъ уже подписанныхъ просьбъ, подать только одну, объ іерархіи.

Когда просьбы были составлены, должно было просьбу о клятвахъ поднести Митрополиту для просмотра; безъ того Аласинскіе клятвенники не стали бы подписывать и другую объ Іерархіи. Просьбу о клятвахъ Петровъ и Шестовъ поднесли митрополиту, онъ потребовалъ двѣ недѣли просмотра. Когда проэктъ оставался еще у митрополита, какъ Аласинъ, печатными билетами съ благословенія Его Преосвященства, приглашаетъ значительнѣйшихъ изъ единовѣрцевъ Москвы или своихъ единомышленниковъ (на бездарность коихъ онъ могъ разсчитывать) къ себѣ въ домъ, на собраніе по весьма важному церковному дѣлу, предметъ котораго онъ не соглашался открыть до самаго собранія. Встревоженные этимъ, старатели Іерархіи явились къ митрополиту для полученія обратно поданнаго проэкта о клятвахъ, но имъ сказано, что владыка не совсѣмъ здоровъ и принять ихъ не можетъ. На объясненія, что владыку лично безпокоить они не желаютъ, но ежели у него готова просьба, то не благоугодно ли ему будетъ ее возвратить—келейникъ принесъ отъ митрополита отвѣтъ, что просьба не готова и владыка проситъ ихъ его извинить. А между тѣмъ, въ тотъ же день вечеромъ, Аласинъ на своемъ собраніи предложилъ московскимъ единовѣрцамъ просьбу о клятвахъ, якобы ими (единовѣрцами) составленную и митрополитомъ одобренную, а на самомъ дѣлѣ сочиненную митрополитомъ и въ его канцеляріи рукою его письмоводителя переписанною. Эта-то искуственно мудрая

просьба, подписанная Аласинскими клятвенниками и подана митрополиту. Митрополитъ при письмѣ послалъ ее къ г. Оберъ-Прокурору св. Синода, которымъ поднесена Государю. — Присутственнымъ порядкомъ, предлагать къ подпису просьбу объ Іерархіи Петровымъ и Шестовымъ, очевидно стало невозможно; это было бы сочтено нарушеніемъ общественнаго спокойствія и возбужденіемъ гражданъ противъ правительства.

Прежде чѣмъ получилъ гибельный конецъ проэктъ объ Іерархіи въ Москвѣ, Екатеринбургскіе единовѣрцы, въ числѣ шести обществъ, подали свою о томъ же всеподданѣйшую просьбу, и, впослѣдствіи получили отказъ (съ отобраніемъ письменныхъ обязательствъ—незатруднять впредь правительство подобными просьбами), на томъ основаніи, что во первыхъ это противно мнѣніямъ митрополита Платона 1800 г. и во вторыхъ, что московскіе единовѣрцы не желаютъ своихъ епископовъ а просятъ не лишать ихъ пасенія такихъ Іерарховъ, какъ Филаретъ. По Москвѣ пошли между московскими единовѣрцами различные толки. Всѣ знали, что просьба подана о клятвахъ, но въ какомъ именно смыслѣ, никто сказать не могъ. Зналъ это одинъ Аласинъ и ближайшіе къ нему два или три клеврета, но копіи съ просьбъ они у себя не оставили и по заповѣданію своего Архипастыря, содержаніе до днесь хранятъ въ глубочайшемъ секретѣ. Одни изъ единовѣрцевъ торжествовали, полагая, что просьба подана объ уничтоженіи клятвъ, объ осужденіи ихъ— другіе—просто объ ихъ отмѣнѣ, какъ устарѣвшихъ, или не соотвѣтствующихъ понятіямъ вѣка,—третьи— о разрѣшеніи т. е. отнятіи проклятія съ обряда единовѣрцевъ. А Аласинъ съ товарищами послѣ представленія Государю Императору 6-го Декабря 1864 г. для поздравленія съ Августѣйшимъ имянинникомъ

(покойнымъ государемъ наслѣдникомъ цесаревичемъ) и съ выборомъ невѣсты, напечатали въ „сѣверной почтѣ", что ими подана просьба „о церковномъ разъясненіи нѣкоторыхъ постановленій собора 1667 года къ вразумленію недоумѣвающихъ къ вящему благу единой нераздѣльной православной церкви", т. е. что просьба подана не объ осужденіи клятвы не о снятіи ихъ, а о подверждeніи всею церковію и Россійскою и Греческою—Филаретовскаго толкованія, якобы клятвъ на старый обрядъ и его держателей не было. По поводу этой-то просьбы свят. Синодъ и дѣлаетъ митрополиту Филарету свои вопрошенія, которыхъ всего двѣнадцать, по крайней-мѣрѣ мы столько ихъ знаемъ. Отвѣты митрополита Филарета помѣчены 26 іюля 1865 года. Число и мѣсяцъ Синодскихъ вопросовъ ему, (Филарету) мы не знаемъ.

На эти-то вопросы Синода и отвѣты митрополита, мы ниже дѣлаемъ подробный анализъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, но для удобнѣйшаго обозрѣнія и провѣрки, считаемъ не лишнимъ предварительно представить ихъ читателю, въ подлинномъ ихъ видѣ.

I (вопросъ Синода). «Прошеніе Московскихъ старообрядцевъ не есть ли только приступъ? Не кроется-ли иной, болѣе глубокій смыслъ, въ ходатайствѣ единовѣрцевъ»?

(Отвѣтъ митрополита). «Нѣтъ и нѣтъ.»

«Сіе отрицаніе основывается на извѣстности духа Московскихъ единовѣрцевъ—и тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ родилась просьба о разрѣшеніи клятвы. Московскіе единовѣрцы суть искренніе единовѣрцы. Они держатся обрядовъ единовѣрческой церкви по привычкѣ отъ предковъ, а нѣкоторые, чтобы не слишкомъ рѣзко отдѣляться отъ родственниковъ, находящихся въ расколѣ, но совершенно признаютъ великороссійскую церковь православною, къ Архипастырямъ относятся также, какъ обще православные и

ходятъ въ обще православныя церкви, къ архіерейскому служенію и по другимъ причинамъ.»

«Нѣкоторые раскольники, видя, что правительство попускаетъ существованіе Австрійской и русской лже-іерархіи, но будучи не довольно ея распрями и безпорядками, составило проэктъ все-старообрядческой церкви, которая не только не порицала бы православной церкви, но и сама почиталась бы православною, которая поглотила бы поповщину и безпоповщину, единовѣріе и самое имя единовѣрія уничтожила; которая получила бы первыхъ трехъ епископовъ отъ православнаго рукоположенія, а далѣе имѣла свою полную Іерэрхію, совершенно отдѣльную отъ великороссійской съ патріархомъ ли или митрополитомъ и своими соборами, относясь къ Государю Императору чрезъ особое лице, подобно синодальному прокурору. Проэктъ сей составленъ лицемъ извѣстнымъ, значительнымъ раскольникомъ отъ Сибири до С.-Петербурга, гдѣ высокопоставленныя лица и даже нѣкорыя изъ духовныхъ, представлены были благопріятствующими оному. Съ нимъ обратился къ Московскимъ единовѣрцамъ, казанскій купецъ Петровъ и нѣкоторые, менѣе разсудительные, начали прельщаться мыслію—имѣть своихъ архіереевъ, лучше Австрійскихъ. Но разсудительнѣйшіе сказали, что не рѣшатся на то безъ митрополита и привели къ нему Петрова, и, заставили прочитать благовидно составленное извлеченіе изъ проэкта, якобы одобреннаго въ Петербургѣ. Включенная въ проэктѣ мысль, просить разрѣшенія клятвы собора 1667 года, нравилась единовѣрцамъ. Предстояла опасность, что бы Петровъ своимъ проэктомъ и надеждами не увлекъ значительной части единовѣрцевъ, чтобы не разстроилъ ихъ общество. Въ сихъ то обстоятельствахъ митрополитъ отвѣчалъ, что проэктъ не можетъ быть принятъ; но что если единовѣрцы жела-

ютъ просить, чтобы разрѣшеніе отъ клятвы данное св. Синодомъ, подтверждено было патріархами, то сіе можетъ быть допущено. Такимъ образомъ просьба единовѣрцевъ есть не приступъ а исходъ изъ затрудненія и не заключаетъ въ себѣ никакого утаеннаго смысла и, она уже принесла плодъ тѣмъ, что охранила единовѣрцевъ отъ всестарообрядческаго проэкта и разсѣяла его обаяніе. Разсудительнѣйшіе раскольники обратили теперь вниманіе и ожиданіе на просьбу единовѣрцевъ.»

II вопросъ (Синодъ). «Какимъ образомъ обряды не православные не проклинаются а люди пріемлющіе ихъ проклинаются? За что же клятвы соборныя какъ не за обрядъ, котораго раскольники не захотѣли оставить, а церковь не могла принять? Обрядъ есть прямая и единственная причина отступленія и, отступленіе—соборной клятвы?»

(Митрополитъ). „Чтобы отвѣтъ на сіе былъ ясенъ, требуется не мало подробностей съ прямымъ указаніемъ на документы.

Въ подлинномъ дѣяніи собора 1667 года подъ общимъ заглавіемъ: „Предѣлъ освященнаго собора“ и пр.. во первыхъ излагается мнѣніе раскольниковъ, какъ то:“ нарицаху книги печатныя, новоисправленныя при Никонѣ бывшемъ патріархѣ, быти еретическія и отъ совершеннаго своего невѣденія пріимаху точію просфоры, на нихъ же изображенъ бысть крестъ съ подножіемъ и главою адамовою; и соблазнишася же и о исправленіи святаго символа, и о трегубой аллилуія, и о знаменіи креста, о сложеніи трехъ перстовъ, и о Іисусовѣ имени“ и проч.

„Затѣмъ слѣдуетъ „изрѣченіе“, т. е. собственное разсужденіе и опредѣленіе собора.

Соборъ говоритъ: повелѣваемъ покориться во всемъ, безъ всякаго сомнѣнія, святой восточной и апостольской церкви Христовѣ, книги, якоже совѣтомъ свя-

тѣйшихъ патріарховъ исправишася и напечаташася при при Никонѣ бывшемъ патріархѣ и послѣ его отшествія за благословеніемъ освященнаго собора служебники, потребники и прочія пріимати; — аллилуія въ общественномъ пѣніи въ учиненныхъ мѣстахъ глаголати трижды и пр.".

„Изложивъ церковное ученіе, въ исправленіи погрѣшительныхъ раскольническихъ мнѣній происшедшихъ отъ „совершеннаго невѣденія", наконецъ соборъ произноситъ свое рѣшительное опредѣленіе:

„Сіе наше соборное повелѣніе и завѣщаніе ко всѣмъ вышереченнымъ чинамъ православнымъ передаемъ и повелѣваемъ всѣмъ неизмѣнно хранити (и покорятися святѣй восточнѣй церкви) аще ли же кто не послушаетъ повелѣваемыхъ отъ насъ и не покорится св. церкви и сему освященному собору или начнетъ прекословити и противлятися намъ, и мы таковаго противника, данною властію отъ всесвятаго и животворящаго духа, аще ли отъ священнаго чина, извергаемъ и обнажаемъ всякаго священнаго дѣйствія и проклятію предаемъ. Аще же отъ мірскаго чина будетъ, отлучаемъ и чужда сотворяемъ отъ Отца и Сына и Святаго Духа, и проклятію и анаѳемѣ предаемъ, яко еретика и непокорника, и отъ православнаго всесочлененія, и стада, и церкви Божія отсѣкаемъ, яко гнилъ и непотребенъ удъ, дондеже уразумится и возвратится въ правду, покаяніемъ и пребудетъ въ упрямствѣ своемъ: да будетъ и по смерти отлучаемъ".

„Вотъ, отлучены отъ церкви и проклятію подвергнуты условно „дондеже уразумятся" а въ противномъ случаѣ рѣшительно прекословящіе и противляющіеся противники, яко еретики и непокорники, т. е., какъ равные еретикамъ, или даже еретики, потому самому, что противляются церкви и это согласно съ кореннымъ закономъ церковныхъ отлуче-

ній,—съ реченіемъ Христа Спасителя (Матѳ. VIII, 13), оно отлучаетъ отъ церкви за одно преслушаніе, не указуя другой вины.

Но вмѣстѣ съ проклятіемъ на непокорныхъ не прокляты ли и обряды ими содержимые? Соборъ не сказалъ сего; и это основательно и осторожно.

Особенные обряды, содержимые раскольниками опираются преимущественно на, такъ называемый, стоглавый соборъ, посему бывшій соборъ 1667 г. не могъ не коснуться своимъ сужденіемъ стоглаваго собора, чтобы показать нетвердость опоры раскольниковъ и сокрушить ее. Онъ говоритъ: „А соборъ, иже бысть при благочестивомъ великомъ государѣ и великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ и всея Россіи самодержцѣ, отъ Макарія митрополита московскаго, и что писаша о знаменіи честнаго креста, сирѣчь о сложеніи двою перстовъ и о сугубой аллилуіи и проч. еже писано не разсудною простотою и невѣжествомъ, въ книзѣ Стоглавѣ и клятву, иже безъ разсужденія и неправильно положиша: Мы, православніи патріархи Киръ Паисій, папа и патріархъ александрійскій, и Киръ Макарій патріархъ антіохійскій и всего востока, и Киръ Іоасафъ патріархъ московскій и всея Россіи, и весь освященный соборъ, тую непроповѣданную и не разсудную клятву Макаріеву и того собора разрѣшаемъ: и той соборъ не въ соборъ и клятву не въ клятву вмѣняемъ, яко же и не бысть; зане той Макарій митрополитъ и иже съ нимъ, мудрствоваша невѣжествомъ своимъ безразсуду, яко же восхотѣша сами собою, не соглашаясь съ греческими и древними харатейными, со вселенскими патріархами о томъ совѣтоваша и ниже совопросишася съ ними“.

„Вотъ соборъ стоглавый обличенъ въ невѣжествѣ, опредѣленія его отмѣнены, проклятіе имъ произнесенное уничтожено; онъ признанъ ничтожнымъ. Но при семъ соборъ 1667 г. не произнесъ своего прок-

лятія ни на стоглавый соборъ, ни на его опредѣленія, ни на обряды, стоглавымъ соборомъ одобренные и не долженъ былъ сдѣлать сего. Напримѣръ: православная церковь для крестнаго знаменія употребляетъ троеперстное сложеніе въ знаменіе св. троицы, раскольники отвергаютъ и хулятъ сіе, и, употребляютъ двуперстное сложеніе въ знаменіе Божескаго и человѣческаго естествъ во Христѣ. Можетъ ли православная церковь сказать: кто крестится двумя перстами въ знаменіе Божескаго и человѣческаго естествъ, тотъ проклятъ?.. Очевидно это было бы безмѣрно неразсудительно и не справедливо. Сіе разсужденіе надлежитъ приложить и къ прочимъ отличительнымъ обрядамъ раскольниковъ. Итакъ справедливо и основательно проклятіе произнесено не на противящихся и хулящихъ православную церковь, но на ихъ обряды, хотя въ сравненіи съ общеправославными менѣе древніе, менѣе правильные, однако требующіе снисходительнаго воззрѣнія. Не излишне при семъ вспомнить, что одобренные стоглавымъ соборомъ обряды, безъ изслѣдованія были приняты и употребляемы первыми пятью россійскими патріархами. Итакъ если бы на сіи обряды было произнесено проклятіе, то оно упало бы и на пять первыхъ россійскихъ патріарховъ ихъ времени“.

„Если затѣмъ обратить вниманіе на единовѣрцевъ, дѣло ихъ представится въ слѣдующемъ видѣ. Они, по выраженію собора, вразумились, узнали что россійская церковь православная, не хулятъ ее, не противляются ей и пріемлютъ отъ нея священство. Итакъ проклятіе въ отношеніи къ нимъ достигло своего предѣла, и кончилось. Но при семъ они просятъ, какъ снисхожденія—и церковь соглашается—чтобы у нихъ оставили обряды стоглаваго собора и пяти первыхъ россійскихъ патріарховъ“.

„Хотя такимъ образомъ проклятіе кончилось само

собою, но нѣкоторымъ единовѣрцамъ, а еще болѣе нѣкоторымъ раскольникамъ, которые не удовлетворены расколомъ, но еще въ недоумѣніи, церкви, кажется, что то недостаетъ. Проклятіе положили два восточныя патріарха и третій россійскій, а разрѣшилъ оное св. Синодъ, который имѣетъ значеніе одного патріарха; дѣло было бы совершеннѣе, если бы восточные патріархи изъявили согласіе на то, что опредѣлилъ россійскій Синодъ".

„Хороша ли такая логика или нѣтъ, но единовѣрцы находятъ ее въ силѣ у нѣкоторыхъ изъ среды своей и у раскольниковъ; а какъ ихъ не надежно вразумить логически, то нельзя ли успокоить канонически"?

III. (Синодъ) „Исполненіе прошенія единовѣрцевъ не дастъ имъ, какъ кажется, ни какого новаго преимущества, ни какой новой силы въ глазахъ раскольниковъ; послѣдніе столь же мало почитаютъ нынѣшнихъ патріарховъ восточныхъ сколько святѣйшій Синодъ нашъ."

(Митрополитъ) „Можетъ быть исполненіе просьбы единовѣрцевъ не окажетъ значительной силы; но можетъ быть и то, что пренебреженіе просьбою единовѣрцевъ не допустило бы открытія значительной силы. Уваженіе къ восточнымъ патріархамъ, есть только частное у нѣкоторыхъ раскольниковъ; но когда они предприняли устроить у себя Іерархію, они, митрополиту своему Амвросію, испросили у вселенскаго патріарха благословеніе на священнодѣйствіе; слѣдовательно, признавали его внѣшнюю Іерархическую силу—дѣйствительною."

IV. (Синодъ) „Прошеніе (единовѣрцевъ) требуетъ по видимому, чтобъ патріаршій отвѣтъ содержалъ въ себѣ болѣе, нежели заключалось въ синодальномъ рѣшеніи; подобный результатъ не мыслимъ..."

(Митрополитъ) „Болѣе въ выраженіяхъ, нежели

въ существѣ дѣла. Св. Синодъ разрѣшилъ архiереямъ совершать для единовѣрцевъ таинство священства, по старопечатнымъ книгамъ: теперь единовѣрцы просятъ о совершенiи таинства евхаристiи, или иначе литургiи, архiреями, въ ихъ церквахъ.

Просятъ они сего какъ разрѣшенiя по снисхожденiю, а не какъ обязанности, налагаемой на архiереевъ.

И могутъ Архiереи не погрѣшительно совершать произнося: во вѣки вѣкомъ, вмѣсто: во вѣки вѣковъ и проч....“

V. (Синодъ) „Ни одинъ восточный патрiархъ не благоволитъ двуперстное крестное знаменiе, сугубой аллилуiи и хожденiя по солонно, и, другiя обрядовыя различiя, требуемыя старообрядцами.“

(Митрополитъ) „Сего дѣйствительно можно опасаться, если будутъ судить по первому взгляду и не прiимутъ труда вникнуть въ дѣло. Но кажется не надобно терять надежду, что благоразсудительнѣйшiе могутъ вникнуть и указать терпимость если имъ сказано будетъ.“

„Напримѣръ: мы налагаемъ на себя крестное знаменiе тремя перстами въ знаменiе св. Троицы, единовѣрцы полагаютъ оное на себя слагая три крайнiе персты, въ знаменiе пресвят. Троицы, и простирая два среднiе въ знаменiе Божескаго и человѣческаго естествъ въ Iисусѣ Христѣ. Окажите имъ снисхожденiе и не осуждайте ихъ, и, не почитайте ихъ проклятыми за то, что они отъ предковъ держатся сего обыкновенiя. Симъ снисхожденiемъ они приведены въ послушанiе православной церкви, и другiя приведены быть могутъ. Можетъ ли отказать въ семъ судья благоразсудительный и милосердный, любящiй миръ церковный?“

VI (Синодъ). „Исполненiемъ прошенiя единовѣрцевъ не даетъ ли Синодъ поводъ раскольникамъ къ

безчисленнымъ діалектическимъ выводамъ въ родѣ слѣдующихъ: 1, „итакъ восточнымъ патріархамъ все равно тотъ или другой обрядъ церкви.“ 2, „и такъ служеніе по старымъ книгамъ не погрѣшительно, старые книги не ошибочны въ такой степени, какъ это прежде полагали въ православной церкви т. е. соборъ 1667 года или же для Патріарховъ и Архипастырей все равно; вѣрно-ли или ошибочно переведены тѣ, или другія, священныя книги и т. д.“

(Митрополитъ) „Шестьдесятъ лѣтъ видятъ раскольники единовѣрческія церкви и не видно, что бы они изъ сего явленія дѣлали діалектическій выводъ, что для православной церкви все равно—тотъ или другой обрядъ и что служеніе по старымъ книгамъ, по собственному ея признанію, непогрѣшительно. Они знаютъ и признаютъ, что допущеніе старыхъ обрядовъ не есть полное ихъ одобреніе, что это снисхожденіе и уступка, сдѣланная для привлеченія къ православной церкви, а потому, что бы насмѣшкою внушить своимъ единомысленникамъ отвращеніе отъ единовѣрческой церкви и не допустить ихъ въ оную, они называли ее ловушкою. Нѣкоторые изъ раскольниковъ присоединяются къ единовѣрческой церкви по привычкѣ къ обрядамъ, а нѣкоторые предпочитаютъ присоединеніе къ общеправославной церкви болѣе совершенное.“

„Нѣтъ такъ же повода къ заключенію, что старыя книги не ошибочны въ такой степени, какъ это прежде полагали въ православной церкви. Можетъ быть суровѣе и выражались о ихъ недостаткахъ нѣкоторыя лица прежняго времени, по духу времени, но православная церковь, какъ на соборѣ не одобрила старопечатныхъ книгъ и мнимо старыхъ обрядовъ, но судила о нихъ снисходительно—также точно и нынѣ.“

VII (Синодъ) „Выраженіе въ прошеніи „по обря-

дамъ того храма" и т. д. таитъ какъ будто заднiй смыслъ, потому, что можно было бы сказать: по обрядамъ единовѣрія".

(Митрополитъ) „Нѣтъ причины къ такому подозрѣнію. Просто хотѣли сказать; чтобы Архіереи служа въ обще-православной церкви по новопечатнымъ книгамъ въ единовѣрческой—не сомнѣвались служить по старопечатнымъ."

VIII (Синодъ) „Обращеніе къ восточнымъ Патріархамъ, открывая раны русской церкви предъ первыми, едва-ли принесетъ ощутительную пользу, едва ли согласятся безъ затрудненія и нѣкотораго колебанія восточныя патріархи, на наше предложеніе."

(Митрополитъ). „Это замѣчаніе справедливое и призывающее къ остроумности. Посему то прежде оффиціальнаго сношенія съ вселенскимъ патріархомъ, нужно частно испытать мнѣніе и расположеніе нѣкоторыхъ лицъ восточной Іерархіи, которыхъ и позднѣйшіе характеры могутъ указывать вліяніе на дѣло."

IX (Синодъ). „Можетъ быть тотъ или другой Патріархъ, узнавъ оффиціально о снятіи въ 1800 году съ единовѣрцевъ соборной клятвы 1667 г., пожелаетъ узнать, отъ чего въ свое время участвовавшіе въ опредѣленіяхъ собора, престолы, не были спрошены свят. Синодомъ; были ли они покрайней мѣрѣ увѣдомлены?"

(Митрополитъ) „Священно начальникъ ходящій въ духѣ любви, тщащійся хранить миръ церковный, не будетъ доискиваться, сдѣлано ли какое опущеніе въ другой области священноначалія, въ прошедшее время, людьми уже умершими, когда нѣтъ въ виду церковнаго вреда или вины, которыя нужно бы судить или врачевать. Восточные патріархи не имѣютъ причины сомнѣваться въ православной церкви россійской, какая же имъ нужда доискиваться, почему предлагаемый имъ нынѣ частный каноническій вопросъ,

не былъ представленъ за 80 лѣтъ предъ симъ? Довольно разрѣшить его.“

„Присно помянутому покойному Патріарху Константію съ толикою надеждою можно было представить настоящее дѣло; такъ ли и нынѣшній не можетъ отвѣчать: кто не знаетъ сихъ, какъ знать того?“

„Но пусть спросятъ: почему предлагаемое имъ нынѣ, не предложено въ 1800 г.? Изъ вышесказаннаго можно усмотрѣть, что св. Синодъ можетъ дать удовлетворительный отвѣтъ на основаніи точныхъ словъ Собора 1667 г. Соборъ сей отлучилъ отъ церкви и подвергнулъ проклятію не покоряющихся церкви „дондеже уразумятся.“ Явились люди изъ раскола, которые уразумились что церковь права; прекратили непослушаніе и вошли въ ея послушаніе „дондеже“ достигли своего предѣла и—клятва, ограниченная симъ предѣломъ—кончилась. Свят. Синоду надобно не новое опредѣленіе о томъ, что дѣйствіе клятвы въ отношеніи къ явившимся единовѣрцамъ, кончилось, а объявить ихъ свободными отъ оной. Здѣсь видно почему въ 1800 г. св. Синодъ не находилъ нужнымъ входить въ сношеніе съ патріархами. Впослѣдствіи времени, нѣкоторымъ искусственнымъ образомъ воздвигнуто противъ сего недоумѣніе, но оно усилилось и потому нынѣ оказалось полезнымъ, согласнымъ съ сужденіями патріарховъ о прекращеніи клятвы не надъ раскольниками а надъ послушными церкви единовѣрцами, недоумѣніе было уничтожено.“

X. (Синодъ). „Не дадимъ ли мы также поводъ тому или другому патріаршему престолу, сдѣлать запросъ св. Синоду относительно каноническаго права соглашаться на введеніе въ область православнаго богослуженія, обрядовъ, чуждыхъ ему или непріятныхъ на востокѣ?“

(Митрополитъ) „Наименованіе обрядовъ единовѣрческихъ, чуждыми, сурово до несправедливости, об-

ряды единовѣрцевъ въ сравненіи съ общеправославными, менѣе древни, менѣе православны, не общецерковны—но не чужды!

„Если бы кто, напримѣръ, отвергалъ иконостасъ и почиталъ правильнымъ открытый престолъ. Этотъ обрядъ благословенія можно было бы назвать чуждымъ, какъ употребляемый въ римской и армянской церквахъ, тѣмъ болѣе, что въ семъ можно было-бы подозрѣвать наклонность отъ православія къ единовѣрію (sic!...?). Не терпимо ли въ Палестинѣ служеніе православной литургіи, на открытомъ престолѣ, безъ иконостаса? Если восточные имѣютъ право допустить, почему могутъ оспаривать право россійской церкви—допускать единовѣрческіе обряды? Во времена первыхъ россійскихъ патріарховъ, восточные Іерархи, посѣщая Москву, видѣли сіи обряды и не протестовали противъ нихъ. Но скажутъ-ли что сугубое аллилуія есть чуждое и антидогматическое? Надобно и справедливость требуетъ взять оное въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ оное единовѣрцы, и, тогда окажется, что и это не чуждое и не антидогматическое.“

„Вотъ славословіе православное; а), аллилуія в), аллилуія г), аллилуія слава тебѣ, Боже! Вотъ единовѣрческое: а), аллилуія в), аллилуія г), слава тебѣ, Боже; они полагаютъ, что части славословія „слава тебѣ, Боже“, имѣютъ туже силу какъ общеправославныя“.

XI. (Синодъ) „Не можетъ-ли случиться и то, что восточная церковь въ недоумѣніи св. Синода; на основаніи какихъ актовъ соборъ 1667 г. вывелъ заключеніе, что она не осудила обрядовъ, за которые такъ упорно держатся раскольники?...“

На сіе отвѣтъ подъ числомъ II.

XII. (Митрополитъ). „Взвѣсить каждое слово синодальной грамоты къ восточнымъ патріархамъ, совер-

шенно необходимо, предосторожность требуетъ еще прежде грамоты, составить въ опредѣляющемъ вопросѣ точную и ясную записку, и, черезъ нее, точнымъ и яснымъ образомъ испытать мнѣніе нѣкоторыхъ мужей духовнаго разума и силы на востокѣ.“

Итакъ изъ приведенныхъ нами вопросовъ и отвѣтовъ становится ясно, какъ день, до какой степени несообразно разглагольствіе высокихъ представителей русской церкви, съ духомъ и ученіемъ св. апостольской церкви относительно защищаемаго ими своего новообрядства; но что бы можно было представить себѣ болѣе ясное понятіе о софистическомъ ученіи этихъ представителей церкви русскаго народа, мы приступаемъ къ послѣдовательному разсмотрѣнію этихъ вопросовъ и отвѣтовъ.

I. (Синодъ) „Прошеніе Московскихъ единовѣрцевъ не есть ли только приступъ? (и Синодъ начинаетъ пускаться въ переговоры на подобіе Ватиканской коллегіи, и, какъ всякій дипломатъ, боится самыхъ простыхъ вещей). Не кроется-ли иной, болѣе глубокій смыслъ, въ ходатайствѣ Московскихъ единовѣрцевъ?“ отвѣтъ митрополита Филарета: „Нѣтъ и нѣтъ.“ Онъ продолжаетъ:

„Сіе отрицаніе основывается на неизвѣстности духа Московскихъ единовѣрцевъ и тѣхъ обстоятельствъ, отъ которыхъ родилась просьба о разрѣшеніи клятвы.“

Митрополитъ далѣе признается, что просьба о клятвахъ есть дѣло его, митрополита, что имъ самимъ оно внушено Московскимъ единовѣрцамъ, и, что поэтому Синоду нѣтъ повода подозрѣвать въ ней ни приступа къ чему либо враждебному, противъ Синода, ни какого либо утаеннаго смысла въ противность ему; что напротивъ для самаго Синода и Архипастырства она есть исходъ изъ затрудненія, въ которое поставилъ ихъ проэктъ всестарообряд-

ческой Iерархiи съ его толико тяжкими и неотразимыми обличенiями.

Московскiе единовѣрцы суть искренніе единовѣрцы". говоритъ митрополитъ. Поучительно знать, въ чемъ Филаретъ видитъ „искренность единовѣрности". Московскiе единовѣрцы, поясняетъ онъ далѣе „держатся обрядовъ единовѣрной церкви по привычкѣ отъ предковъ, а нѣкоторые, что бы не слишкомъ рѣзко отдѣляться отъ родственниковъ, находящихся въ расколѣ."

Въ отвѣтѣ V, митрополитъ проговорился, что единовѣрiе дѣйствительно есть ловушка, поставленная старому обряду, для уловленiя и поглощенiя его обрядамъ указно - казеннымъ; что какъ раскольники, такъ и единовѣрцы очень хорошо это понимаютъ и потому тѣ изъ нихъ, которые свободны отъ влiянiя родственниковъ, первые не идутъ въ единовѣрiе, а другiе не остаются въ немъ. „предпочитая присоединенiе къ обще-православной церкви, какъ болѣе совершенное."

Итакъ, по Филарету, именованiе „искреннихъ" надлежитъ тѣмъ только примиреннымъ старообрядцамъ, которые древняго обряда свято-отечественной церкви держатся по одной привычкѣ не осмысленной ни какимъ разсужденiемъ и пониманiемъ, или же тѣмъ, которые стараго обряда и единовѣрческаго общества держатся изъ одного лицемѣрiя предъ родственниками. Поздравляемъ съ этой привычкою или лицемѣрiемъ, Аласина съ его товарищами... Къ „искреннимъ" же въ Филаретовскомъ смыслѣ единовѣрцамъ, должно причислить присоединившихся отъ старообрядства поповцевъ, Онуфрiя, и безпоповцевъ, Павла прусскаго, Константина Голубева и всѣхъ которые съ ними, которые шли прямо въ обще-православную, т. е. казенно-обрядствующую церковь, но Митрополитомъ Филаретомъ направлены

были въ единовѣріе для вящаго блага и казеннообрядства. Но если въ этомъ притворномъ и лицемѣрномъ держаніи стараго обряда, состоитъ „искренность“ и въ единовѣріи подписателей и подателей Филарету, Филаретомъ и Филаретовски составленной просьбы о клятвахъ, то мы попросили бы ихъ позволить сказать: нравственно-ли, подписать и подавать всеподданнѣйшія просьбы отъ имени примиренцевъ, прямодушно и открыто ревнующихъ о старомъ обрядѣ; прямодушныхъ и открытыхъ непокорниковъ и противниковъ въ обрядѣ, синоду и Архипастырству? Нравственно-ли, говоримъ, этимъ подписателямъ облыжно называющимъ себя ревнителями стараго обряда, съ обманно составленной и обманно подписанной просьбой, явиться предъ особой Государя Императора, въ качествѣ представителей примиренства ревнующаго о старообрядствѣ? Не есть ли это подвигъ заслуживающій названія подлога?

„Сіе отрицаніе основывается на извѣстности духа Московскихъ единовѣрцевъ.“ говоритъ Митрополитъ.

Не слишкомъ-ли сказано, что духъ Аласина съ товарищами, духъ толико „извѣстный,“ и толико любезный Митрополиту, духъ лицемѣрнаго и притворнаго ревнованія о старомъ обрядѣ, духъ самозванства и предательства, всего московскаго единовѣрія?!

„Московскіе единовѣрцы суть искренніе единовѣрцы.“

По законамъ логики намъ слѣдовало бы слышать, что говоря объ искренней единовѣрности извѣстнаго общества, Митрополитъ разумѣетъ искреннюю единость этаго общества въ вѣрѣ съ собою и синодомъ. Ни чуть небывало. Подъ искреннею единовѣрностью, онъ разумѣетъ лицемѣрное держаніе стараго обряда, готовность отдавать совѣсть свою на любодѣяніе съ

нею—Владыкамъ земнымъ, готовность продать и предать свое общество, подписывая и подавая фальшивыя прошенія отъ имени общества, противу желанія и вѣдома послѣдняго, даже отъ имени людей не существующихъ. Прославленый логистъ все это называетъ искреннею единостью въ вѣрѣ. Похвальна-ли у Митрополита Филарета такая логика, предоставляемъ судить читателямъ.

„Московскіе единовѣрцы держатся обрядовъ единовѣрческой церкви.“ говоритъ Митрополитъ. „но совершенно признаютъ великороссійскую церковь православною, къ Архіереямъ относятся также какъ обще-православные и ходятъ въ обще-православныя церкви къ Архіерейскому служенію и, по другимъ причинамъ.“

Признаваніе великороссійской церкви православною, и все здѣсь поименованное, приписанное, Митрополитомъ Аласину съ товарищами, не есть ли признакъ лицемѣрія и представительства чрезъ Аласина, навязываемое Митрополитомъ обществу московскихъ единовѣрцевъ?

„Московскіе единовѣрцы признаютъ великороссійскую церковь Православною.“

Написавъ свою церковь православной съ прописной буквы, онъ, прилогъ качественный, обращаетъ въ собственное имя. Безспорно, что русская церковь отъ князя Владиміра получила названіе православной, безспорно и то, что по раздѣленіи Вселенской церкви на западную и Восточную, православіе осталось на сторонѣ послѣдней и сдѣлало ее отличною т. е. своими обрядами, почему Восточная церковь правильно можетъ быть называема православною, т. е. вмѣсто полнаго имени церкви, можно говорить: Православная церковь, чрезъ прописную букву, но церковь россійская—одна часть Восточной церкви, а взятая одиночно не есть самая Восточная церковь,

почему и не можетъ быть названа православною, чрезъ прописную букву. Мы не остановились бы на такой мелочи, но во первыхъ у Митрополита, какъ сказали мы, ничего не дѣлалось не смысленно, и во вторыхъ, всѣ предубѣжденія противъ старообрядцевъ слагаются изъ множества именно такихъ мелочей, совокупность которыхъ дѣлаетъ незамѣтное но не отразимое впечатлѣніе на сердце и разсудокъ читателя, въ ущербы истины.

„Они держатся обрядовъ единовѣрческой церкви“ (т. е., онъ хочетъ сказать: обрядовъ единовѣрческой, но не православной церкви). Послѣ извѣстныхъ обличеній безсмысленности, назвавши общество примиренцевъ—церковію, иначе, безсмысленно-единовѣрною съ россійскою православною церковію, назвать „церковію“ безъ прилога православною, онъ упрямо продолжаетъ употреблять это неправильное имя. Понятно, почему. Если общество примиренцевъ не назвать церковью—особою отъ православной, иначе, если назвать ее православною, то и обрядъ котораго держится это общество придется признать обрядомъ православной церкви, хотя и употребляемымъ въ одной изъ помѣстныхъ церквей. Но такое справедливое, святительское, безпритязательное отношеніе къ обряду древней отечественной церкви (осужденное послѣднимъ соборомъ ея архипастырства), лишило бы, теперешнихъ ея пастырей, внѣшняго оффиціальнаго оправданія ихъ непріязни къ этому обряду и такого же права притѣснять и искоренять его. Вотъ почему митрополитъ продолжаетъ за знаемо коварственно называть примиренцевъ—церковію.

„Московскіе единовѣрцы суть искренніе единовѣрцы“.

Во всѣхъ предлежащихъ отвѣтахъ, митрополитъ строго и не безнамѣренія вездѣ отличаетъ единовѣрцевъ отъ единовѣрцевъ. Различіе—пропитанное характеромъ іезуитства. Единовѣріемъ называется въ

Россіи во первыхъ, общество примиренныхъ старообрядцевъ, во вторыхъ, правила данныя митрополитомъ Платономъ этому обществу. Единость вѣры примиренства, есть единое съ россійскою церковью тѣло, а по обряду, считается оно отдѣльное отъ общества той же церкви, казенно обрядствующей (т. е. господствующей). Такимъ образомъ единовѣрецъ россійскаго синода (т. е. православной господствующей церкви христіанинъ), не есть еще казенно-платоновскій единовѣрецъ. Это безспорно справедливо, потому, что россійское архипастырство не называетъ единовѣрцевъ митрополита Платона православными, поэтому синодальный (великороссійскій) единовѣрецъ не можетъ быть членъ примиренства. Но если православный не есть еще единовѣрецъ, то примиренецъ прямо и положительно не есть православный, слѣдовательно неправославный. Это ужь ни на что не похоже, это путаница, нелѣпость, безсмыслица. Вся вина здѣсь въ томъ, что извѣстному обществу, обществу примиренно-старообрядцевъ, дано имя не отъ признаковъ существенно отличающихъ его отъ общества россійской церкви, чѣмъ оно отличается обрядами своими и почему бы слѣдовало и назвать его: старообрядческая православная церковь, а отъ сходства съ послѣднимъ, отъ единости его въ вѣрѣ, вотъ и названо единовѣрческою церковью, почему же не православною? Тогда какъ имя каждаго предмета берется отъ признака отличительнаго ему одному свойственнаго. Здѣсь нарицательное имя обращено въ собственное, нарицательное: единовѣрность, въ собственное: единовѣріе, и—нарицательное: единовѣрный, въ собствен.: единовѣрческій; понятія поставлены вверхъ ногами, выворочены наизнанку. Фальшь явствуетъ во первыхъ, изъ того, что этого различія нельзя уловить ухомъ, а непремѣнно нужно изобразить письменно. Во вторыхъ выходитъ то, что при-

миренецъ, иначе единовѣрецъ не есть православный, т. е. не есть членъ казенно-обрядствующаго общества. И дѣйствительно, тѣ изъ отечественныхъ нынѣшнихъ архипастырей, которые слѣдуютъ казенному обряду, какъ вятскій Аполлосъ, простодушно убѣждены и печатаютъ во всей Имперіи, что единовѣріе не есть православіе; и, другіе—какъ г. Нильскій недавній докторъ раскола—преклоняясь предъ палкою, всякими софизмами и діалектическими изворотами стараются подтвердить и уяснить сознательную ложь и нелѣпость, что примиренство по самой вещи неправославно, т. е. единовѣрцы, единовѣрные съ синодомъ христіане, не суть православные. М. Филаретъ благоразсудительно (по своему) и осторожно держится оффиціальной неточности и безсмысленницы. Выписавъ сейчасъ слова одного изъ почтенныхъ органовъ русской мысли („Моск. Вѣд. 1867 г. № 255) не можемъ не закончить сказаннаго его же словами: „преосвященный Филаретъ вполнѣ соотвѣтствовалъ требованіямъ эпохи своего пятидесятилѣтія въ архіерействѣ и вполнѣ принадлежалъ ей", т. е. другими словами хранилъ дипломатическое свое положеніе и, съ большою охотою этимъ положеніемъ—кормилъ свою церковь.

Такъ какъ въ устахъ соотечественниковъ каждое слово покойнаго митрополита Филарета было и будетъ авторитетомъ не подлежащимъ оспариванію, то мы не боимся показаться привязчивыми, если не оставимъ безъ замѣчанія названія имъ своихъ церквей „обще православными." Называя такъ свои церкви митрополитъ даетъ право и примиренскія церкви называть (хотя бы съ прилогомъ) „частно православными." Выше митрополитъ Филаретъ говоритъ: „(единовѣрцы) къ архіереямъ относятся также какъ обще православные," т. е. обще православные, суть всѣ сыны господствующей церкви, а единовѣрцы, по его

мнѣнію, есть частно православные. Если такъ, прилогъ „обще" не разрушаетъ и не ослабляетъ именованія и понятія православности, то и здѣсь должно быть также, т. е. если тѣ „обще" а сіи „частно." То тѣ и другія церкви одинаково суть православны.

Далѣе митрополитъ Филаретъ говоритъ: „Нѣкоторые раскольники видя, что правительство попускаетъ существованіе Австрійской и Россійской лже-Іерархіи, но будучи недовольны ея распрями и безпорядками, составили проэктъ всестарообрядческой церкви.

Составленіе проэкта, митрополитъ приписалъ старообрядцамъ-поповцамъ, тогда какъ ему очень хорошо извѣстны не только составитель его, но и тѣ обстоятельства, при которыхъ проэктъ составленъ. Не раскольники, а единовѣрцы Петровъ съ Шестовымъ, являлись съ нимъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, по рекомендаціи пр. Рижскаго Платона. Митрополиту нужно было уронить мысль о всестарообрядческой Іерархіи, приписавъ происхожденіе ея затѣямъ раздора, тогда какъ оно есть плодъ искренней ревности возсоединенія невѣжественно и безразсудно — архипастырствомъ разсыпаной,—отечественной церкви, возсоединенія, только инымъ путемъ, чѣмъ желали митрополитъ Филаретъ и архипастыри. Не подъ давленіемъ и не искорененіемъ старообрядства, что крайне невѣжественно и антихристіанственно, несправедливо, безразсудно, противоестественно,—но путемъ свободы и справедливости, путемъ просвѣщеннаго отношенія къ обряду, путемъ признанія равности и равноправности стараго обряда съ обрядомъ казеннымъ. Что проэктъ дѣло не раскола, не раздорныхъ идей, а выраженіе ревности и возсоединенія только путемъ своеобразнымъ, это доказывается самымъ содержаніемъ проэкта, самимъ митрополитомъ охарактеризованнымъ.

„Раскольники, говоритъ онъ, составили проэктъ всестарообрядческой церкви, которая не порицала бы православную церковь, но и сама почиталась бы православною, которая поглотила бы поповщину, безпоповщину, единовѣріе и самое имя единовѣрія уничтожила; которая получила бы первыхъ трехъ епископовъ отъ православнаго рукоположенія, а далѣе имѣла бы свою полную Іерархію, совершенно отдѣльную отъ великороссійской, съ патріархомъ ли или митрополитомъ, и, съ своими соборами относясь къ Государю Императору, чрезъ особое лице, подобное синодальному оберъ-прокурору."

Просимъ читателя тщательно вникнуть въ характиристику проэктированной старообрядческой церкви, самимъ митрополитомъ изъ проэкта извлеченную и спросить, что здѣсь раздорнаго, раскольническаго, противнаго церкви и ея православію? По признанію самого митрополита, всестарообрядческая церковь должна была первыхъ епископовъ получить отъ рукоположенія православнаго т. е. господственнаго архипастырства. Что же въ этомъ раскольническаго или неправославнаго? Раскольническая ли эта мысль просить епископовъ отъ русскаго положенія православнаго? Второе, всестаробрядческая церковь, получивъ первыхъ епископовъ отъ православія, сими епископами начала бы свою Іерархію, полною самостоятельностью отдѣльную отъ великороссійской. Но если бы эту первоначальную Іерархію, всестарообрядческая церковь получила отъ православной, положимъ, при посредствѣ самодержавія, что, въ этомъ, могъ указать митрополитъ раскольническаго или не православнаго? Если нынѣшніе притязатели отечественной церкви, мнятъ достигнуть возсоединенія искореніемъ старообрядства, можно ли укорять въ раскольничествѣ тѣхъ, кои того же возсоединенія предлагаютъ достичь инымъ путемъ, путемъ примиренія

обоихъ обрядствъ. Третье, церковь всестарообрядческая, по проэкту должна была имѣть полную Іерархію съ патріархомъ или митрополитомъ.

Проэктъ говоритъ: „что старѣйшаго изъ епископовъ представляетъ наименовать самому правительству.“ „Но“ говоритъ проэктъ далѣе „какимъ бы саномъ нибылъ отличенъ сей старѣйшій епископъ, мы ни какимъ нарочитымъ саномъ не возвышаемъ однаго епископа надъ другимъ, тѣмъ менѣе надъ церковью, кромѣ чести и той власти которая довѣряется ему соборомъ.“ Итакъ проэктъ говоритъ о „старѣйшемъ епископѣ:“ нельзя же безъ старѣйшаго. Но сану его не придаетъ ни какого значенія. Мы знаемъ (изъ № 255 М. В. 1867 г.), что митрополитъ „какъ подобаетъ стоящему выше,—зналъ предѣлы и мѣру того, что находится ниже.“ Знавшему предѣльность и мѣрность между собою и тѣмъ, что ниже, не нравилось (митрополиту) въ проэктѣ уравненіе всѣхъ между собою. Но, спросимъ совѣсть читателя, кто ближе къ духу Апостольскаго православія митрополитъ или составители проэкта? Четвертое, митрополитъ говоритъ „съ своими соборами относясь къ Государю Императору.“ Да между отличительными достоинствами проэктированной церкви, противу церкви великороссійской, проэктъ въ соборѣ—отъ собора исходитъ и—къ собору возвращается.

Всѣ дѣла церкви епархій и приходовъ по проэкту, должны были рѣшиться соотвѣтствующимъ симъ тремъ степенямъ (градаціямъ), Іерархическими лицами, съ участіемъ народа, въ чемъ состоитъ непогрѣшимость, жизненность, твердость, могущество и неодолимость церкви; это не то, что палка въ рукахъ разныхъ случайностей, которая умѣетъ только бить и—шуба, которая можетъ извращенную совѣсть терпѣть. Митрополиту, соборность церкви представляется идеею раскольничества а не православія, само-

чинія и буйства, но каждому просвѣщенному сану она вселюбезна. Именно этой соборностью и старообрядцы надѣялись (подавить), преодолѣть, подавительное и гасительное господство надъ отечественною церковью, котораго Митрополитъ былъ „крайній хранитель.“ Разумѣется, кто-бы изъ здравомыслящихъ остался тогда въ обществѣ, которое выражаетъ или раздѣляетъ свои мысли палкой и шубой. Пятое. Все-старообрядческая церковь по проэкту „которая не порицала-бы православ. церкви.“ Что же здѣсь раскольническаго? Шестое, „и сама почиталась-бы православною.“ говоритъ Митрополитъ. Зачѣмъ Митрополитъ отказываетъ въ православности церкви, которая и іерархію и благодать и самостоятельность свою получила бы отъ такъ называемой церкви Православной, и которая всю свою дисциплину строжайше выполняла-бы сообразно со всѣми требованіями Апостольскаго Православія, съ канонами великихъ соборовъ и православными Св. отцами. „Почиталась-бы православною.“ Если-бы старообрядцамъ, въ дипломатическомъ признаніи ихъ церкви православною, не только Филаретомъ, но и цѣлымъ свѣтомъ въ ихъ совѣсти не зазиралось сомнѣнія, то и тогда Филарету не слѣдовало-бы по своей совѣсти писать, „почиталась-бы православною.“ Въ проэктѣ мы читаемъ это такъ: „православною“ просто пишемую. Но у Митрополита поставлена буква: „Православная,“ что означаетъ всю восточную церковь или церковь един. св. собор. и Апостольскую. Если прописная буква здѣсь не ошибка писца, или Митрополита, то мы обязаны заявить, что проэктъ не предъявлялъ нелѣпаго притязанія на присвоиваніе восточной старообрядческой церкви, значенія символьской церкви. Напротивъ, въ 9 пунктѣ онъ говоритъ: „наши старообрядческіе епископы (старообрядческой церкви), бывъ соединены съ епископ-

ствомъ господствующей церкви единою вѣрою и пребывая въ единой, истинной, святой соборной апостольской церкви... и проч. Не ясно ли различіе между апостольской церковью и частными помѣстными церквами, и, не ясно-ли, проэктированной церкви, указывалось мѣсто между послѣдними? Седьмое, „которое поглотило бы поповство, безпоповство и единовѣріе". Митрополита устрашаетъ воображеніе и вооружаетъ легкомысліе читателя, противъ старообрядческой церкви, изобразивъ ее всепоглощающимъ чудовищемъ. Что же бы оно поглотило? Да поповство, безпоповство, единовѣріе угрожаемыя быть поглощенными. Но не понимаемъ страховъ за поповство и безпоповство, за послѣднее, въ особенности. Нынѣ для этого отдѣла старообрядства нѣтъ ни церкви ни благодати. Что же это за страхъ, чтобы безпоповство необратилось къ таинствамъ и священству, чтобы оно не вошло въ составъ церкви, которая все свое получила бы отъ апостольской и была бы съ нею въ соединеніи? По проэкту, всестарообрядческая церковь должна была имѣть все, что имѣетъ нынѣ единовѣріе и получить многое, чего единовѣріе не имѣетъ. Итакъ, проэктированная церковь не была ли бы тѣмъ же единовѣріемъ, и православнымъ, дополненнымъ? Слѣдовательно, что же бояться и за единовѣріе, о чемъ страхъ, о чемъ печаль и слезы? Не того ли и нынѣ архипастыри желали бы отъ единовѣрія? Въ седьмый разъ спросимъ митрополита: что же нашелъ онъ здѣсь раскольническаго и неправославнаго? Восьмое, говоритъ митрополитъ: „которое и самое имя единовѣрія уничтожило бы". Единовѣрія въ обыкновенномъ его смыслѣ, какъ понятіе единовѣрности, о единости вѣры кого либо, съ съ кѣмъ либо, уничтожить нельзя. Объ этомъ митрополиту безпокоиться нечего. А митрополитъ, пиша единовѣріе съ простой буквы если только не описка

его или писца, разумѣетъ здѣсь лексикологическое единовѣріе. Что до единовѣрія черезъ прописную букву, какъ имени извѣстнаго общества (т. е. если единовѣріе потеряло имя чрезъ прописную букву), то и по немъ митрополиту скучать бы нечего. И что жалѣть о имени, когда само общество преобразовалось бы другимъ началомъ, что жалѣть о единовѣріи, когда оно бывъ именемъ, не выражало характерныхъ отличностей общества, когда оно, бывъ навязано примиренству, вопреки логикѣ и въ поруганіе совѣсти, болталось на немъ, какъ пугало и било по глазамъ и ушамъ каждаго входящаго въ него старообрядца, если только у этого старообрядца были глаза и уши (или иначе слѣпой и глухой идетъ въ единовѣріе). Митрополитъ очевидно тревожится здѣсь тѣмъ, что проэктируемая церковь получила бы имя свойственное отъ обряда, которымъ она отличалась бы отъ церкви великороссійской. Онъ боится, чтобы споръ и раздоръ между ними и иными епископами и народомъ не сталъ на слѣдуемую ему почву. Тогда, какъ нынѣ вотъ уже третье столѣтіе, архипастырство коварственно внушаетъ самодержавію и народу, что старообрядцы не хотятъ покоряться св. церкви. А единовѣріе, какъ имя, хорошо служило и служитъ архипастырству, вотъ уже 80 лѣтъ, въ этой миссіи надувательства.

Изъ характеристики всестарообрядческой церкви, начертанной самимъ митрополитомъ, не видимъ, что именно смущаетъ мысль и совѣсть митрополита? Противъ такой церкви, мы знаемъ только одно возраженіе. Это существованіе въ одномъ государствѣ двухъ, одна отъ другой независимыхъ, православныхъ церквей, при скученномъ сожительствѣ членовъ той и другой церкви по всей имперіи, при чемъ во многихъ мѣстахъ и городахъ проявились бы по двѣ епископіи. Мы спросимъ, какимъ же образомъ въ

Турецкой имперіи существуетъ болѣе четырехъ Автокефальныхъ православныхъ церквей, [1]) которыя и въ Россіи, управляясь независимо одна отъ другой, могли бы наблюдать другъ за другомъ и, при случаяхъ, поправлять одни другую; а въ вопросахъ общихъ соединились бы посредствомъ соборовъ въ единую, всероссійскую церковь, по примѣру церкви и церквей греческихъ?

Скажутъ, это противуканоническое скучиваніе въ одной мѣстности членовъ той и другой церкви. Но это смѣшеніе только тогда противно Канонамъ, когда выражаетъ собою раздоръ и раздѣленіе; но не тогда, когда оно ведетъ къ погашенію двухвѣковыхъ раздоровъ и расколовъ. Св. Церковь полновластно принимаетъ всѣ мѣры къ созиданію церкви, власть, которую ограничивать не могутъ прежнія ея постановленія—постановленія, которыя были нужны, мудры и святы, когда ими созидалось зданіе церкви. Примѣръ этому мы видимъ на древней церкви, въ Африкѣ, на примиреніи ею донатистовъ, съ собою. Такъ какъ главною цѣлью и намѣреніемъ сего закона было то, чтобы предупреждать расколъ, то нѣкоторые вселенскіе епископы охотно допускали къ своему престолу товарища (переходящаго къ нимъ раскольника) и раздѣляли съ нимъ епископскую власть въ извѣстныхъ затруднительнныхъ обстоятельствахъ. Тогда это было единственнымъ средствомъ къ прекращенію долговременнаго и застарѣлаго раскола. Такое условіе предлагалъ Мелетій, епископъ Антіохій-

[1]) Въ особенности изъ арабской Антіохійской патріархіи. Кромѣ Турецкихъ владѣній, еще и въ католическихъ государствахъ можно найти подобныя церкви напримѣръ: въ Австріи, въ Лембергѣ, существуютъ. Одинъ митрополитъ и одинъ епископъ, Польскіе, одинъ митрополитъ и одинъ епископъ Русскіе т. е. уніатскіе, но вѣра и догматы у нихъ однѣ и тѣже т. е. Католическіе; а между тѣмъ это имъ не препятствуетъ быть въ мирѣ и любви церковной.

скій Павлину, своему противнику, который хотя и исповѣдывалъ ту же вѣру, однако имѣлъ отдѣльную отъ Мелетія церковь. Другое подобное условіе предложено отъ всѣхъ каѳолическихъ епископовъ Африки епископамъ—донатистамъ, предъ начатіемъ извѣстнаго Карфагенскаго собора; они искренно обѣщали имъ оставить за ними епископскую печать и донатистовъ, если съ покорностью обратятся къ единству и общенію церкви, и, если бы, по тогдашнимъ обстоятельствамъ церкви, нельзя было обойтись безъ двухъ епископовъ въ одномъ и томъ же городѣ, то сверхъ того имъ предлагаемо было, что каждый каѳолическій епископъ выберетъ изъ нихъ товарища, позволяя ему сидѣть на той же каѳедрѣ... и такимъ образомъ вручая ему свою церковь съ тою же къ нему любовію; такъ что бы оба воздавали другъ другу взаимную честь и каждый по своему чину предсѣдательствовалъ бы въ церкви до смерти котораго нибудь изъ двухъ, и—тогда первое преемство по прежнему обычаю, предоставить одному только епископу. Сей обычай продолжался въ Африкѣ болѣе ста лѣтъ.“ (Памятники древности Вѣтринскаго томъ первый глава 13-я). Правило Карѳагенскаго собора говоритъ: „Сіе дѣлается не въ нарушеніе собора, бывшаго о семъ предметѣ въ странахъ лежащихъ за моремъ, но чтобы сіе сохраненіе было въ пользу желающихъ симъ образомъ перейти къ Каѳолической церкви, дабы не поставляемы были никакія преграды къ ихъ единенію... тѣмъ да не будетъ препоною опредѣленіе поставленное... за моремъ, ибо, спасеніе не заграждено ни отъ какого лица, т. е.... да небудутъ лишены принятія... по опредѣленію бывшаго за моремъ собора, но паче да примутся.“

И проэктъ, предлагая все старообрядцамъ Церкви и не имѣя намѣренія ввести раздѣленія въ отечественную церковь, а только древнее и укоренившее-

ся, уже давно существующее раздѣленіе, обратить въ единство посредствомъ дарованія старообрядству—закономъ признанной – Іерархіи. Да и возможное-ли дѣло чтобы въ такомъ сильномъ государствѣ какъ Россія, вѣковѣчно состояли другъ противъ друга и не сливались во едино, двѣ Іерархіи, совершенно единыя по своему вѣрованію. Именно въ видахъ помощи этому слитію, проэктъ проситъ объ одномъ, о свободномъ съ обѣихъ сторонъ касательно уничтоженія всѣхъ причинъ, которыя нынѣ препятствуютъ соединенію. Не скроемъ и это, что составители проэкта, одушевлены увѣренностію, что порядки все старообрядческой церкви восторжествуютъ надъ нынѣшними порядками великороссійской церкви и то—при свободѣ выбора, между церковью и—церковью; послѣдняя должна будетъ слившись съ первою, возстановить въ отечествѣ древнюю церковь съ ея соборностію и прочими забытыми нынѣ отличіями восточнаго апостольскаго православія. Но допустимъ, что порядки проэктированной церкви восторжествовали бы надъ порядками угнетающими нынѣ отечественную церковь, какая была бы бѣда въ этомъ? А худшее было бы то, что отличительности стараго обрядства сдѣлались-бы общеупотребительнѣйшими предъ нынѣшнимъ, казеннымъ обрядствомъ. Но этимъ неприлично смущаться высокопреосвященнѣйшимъ личностямъ, какимъ желали бы знать покойнаго митрополита Филарета и остальное архипастырство.

Увы! Умъ и совѣсть нашихъ пастырей извращены латинствомъ. Если не боялись бы они справедливыхъ и неотразимыхъ обличеній проэкта, то почему бы не огласить всѣхъ его неправильностей, если бы таковые оказались, чѣмъ прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, чтобы задавить его, увы! Палка и шуба,—вотъ до сихъ поръ сокращенное воображеніе русскаго господствующаго архипастырства! „Проэктъ

сей" продолжаетъ митрополитъ Филаретъ „сдѣланъ значительнѣйшими раскольниками отъ Сибири до С.-Петербурга."

Подъ именемъ раскольниковъ, оффиціально разумѣются безпоповцы, тогда какъ тою же оффиціальностью и поповцамъ присвоивается имя старообрядцевъ. Но проэктъ былъ дѣломъ исключительно однихъ единовѣрцевъ. Митрополиту все хочется представить проэктъ дѣломъ раскола. Конечно, цѣлью проэкта было возсоединеніе съ церковью все старообрядчества, потому и проэктъ имѣлъ въ виду не единовѣріе, котораго возсоединять нечего, а старообрядчество и—прежде всего—поповство какъ отдѣлъ ближайшій къ церкви и исчерпалъ все, что могла дать старообрядству любвеобильная мать, св. апостольская (но не помѣстная россійская) церковь. Ходатаямъ проэкта естественно интересно искать одобренія и сочувствія между поповцами, чтобы правительству явственнѣе доказать достоинство и практичность проэкта. И правительственныя лица, сочувствовавшія въ началѣ проэкту, говорили Петрову и Шестову, что просьба ихъ имѣла бы неисчислимо — большее значеніе, еслибы она была дѣломъ старообрядства (т. е. поповцевъ). [1]) По этому Петровъ съ Шестовымъ старались познакомить съ проэктомъ нѣкоторыхъ поповцевъ Петербурга и Москвы. Старообрядцы, однакожъ, хотя и отнеслись къ проэкту сочувственно, но, по понятному въ нихъ недовѣрію къ единовѣрію, остались сторонними зрителями. О сношеніяхъ же съ безпоповцами не могло быть и рѣчи.

„Проэктъ сдѣланъ значительнѣйшими раскольниками отъ Сибири до С.-Петербурга."

[1]) Поповство конечно желаетъ имѣть въ Россіи свою Іерархію, признанную русскими законами, но, не на такихъ началахъ, какъ просили единовѣрцы, а на такихъ, которыя у нихъ сей часъ существуютъ.

Митрополитъ бросаетъ слова на удачу. сибирскіе единовѣрцы въ 1864 г. не понимали существенной мысли проэкта, которая есть возсоединеніе на основаніяхъ свободы, мира и любви.

Екатеринбургцамъ мерещилась борьба, побѣда и торжество надъ поповствомъ. Но обжившись въ единовѣріи, Екатеринбургцы поддались отупляющему вліянію единовѣрія, потеряли разсудительность ихъ отцовъ на ихъ глазахъ подвизавшихся за старообрядство. По первымъ благопріятнымъ вѣстямъ изъ Петербурга, Екатеринбургцы стали торжествовать побѣду надъ старообрядцами-поповцами, которые по этому, съ первыхъ случаевъ, стали въ враждебное положеніе къ ихъ просьбѣ. И когда на эту просьбу, сибирскіе единовѣрцы получили отказъ, то вмѣсто сочувственнаго сожалѣнія отъ поповцевъ, они, конечно по заслугамъ, подвергались насмѣшкамъ и отъ столичныхъ единомысленниковъ упрекамъ—въ недальновидности, не любовности, превозношеніи; что они внесли грязь въ ихъ святое дѣло. И такъ, говоримъ, ходатаи Іерархіи своего проэкта не дѣлали извѣстнымъ старообрядцамъ, покрайней мѣрѣ такъ, какъ говоритъ митрополитъ „отъ Сибири до С.-Петербурга,“ а „раскольниками“ т. е. безпоповцами онъ даже не былъ и подозрѣваемъ.

„Отъ Сибири до С.-Петербурга“ митрополитъ Сибирь ставитъ на первомъ планѣ и тѣмъ намекаетъ, будто проэктъ и мысль объ Іерархіи прежде всего появились въ Сибири и оттуда дошли до Петербурга, а между тѣмъ онъ очень хорошо знаетъ всѣ обстоятельства составленія проэкта.

„Отъ Сибири до С.-Петербурга, гдѣ высокопоставленныя лица и даже нѣкоторые изъ духовныхъ представлены были благопріятствующими оному проэкту.“

Петровъ и Шестовъ могли не безъ основанія и

не безъ гордости разсказывать о Петербургскомъ пріемѣ ихъ архіепископомъ (рижскимъ) Платономъ и министромъ Внутреннихъ дѣлъ Валуевымъ, честнѣйшимъ изъ начальныхъ іерарховъ и, лучшимъ въ то время, мужемъ, изъ государственныхъ людей.

„Съ нимъ (проэктомъ) обратился къ Московскимъ единовѣрцамъ Казанскій купецъ Петровъ.“

Митрополитъ замѣчаетъ одного Петрова, чтобы дѣло проэкта приписать одному лицу и опять прималчиваетъ что Петровъ единовѣрецъ.

„И нѣкоторые, менѣе разсудительные, начали прельщаться мыслію имѣть своихъ Іерарховъ.“ По словотеченію отвѣтовъ Митрополита, можно подумать, что мысль о законномъ старообрядческомъ Епископствѣ, возникшая въ Сибири и именно около 1864 г. и, занесена какъ зараза, однимъ Казанскимъ купцомъ Петровым.ъ Это искаженіе исторіи не стоитъ опроверженія.

„Имѣть своихъ архіереевъ лучше Австрійскихъ.“

Мѣнять своихъ архіереевъ—на лучшихъ, могутъ только тѣ, кои уже ихъ имѣютъ. Петровъ, какъ говоритъ самъ-же Митрополитъ, обратился къ Московскимъ единовѣрцамъ, которые Австрійскихъ епископовъ никогда не называли своими. У единовѣрцевъ епископы, правда, не совсѣмъ свои и которыхъ они поэтому желали-бы перемѣнить на лучшихъ, но, эти епископы суть великороссійцы. На первомъ собесѣдованіи 28 Іюля Митрополитъ допрашивалъ единовѣрцевъ: „Чего они находятъ нехорошаго въ великороссійскомъ епископствѣ?“ Получивъ отвѣтъ (ему уже извѣстный), что нынѣшніе архипастыри двоедушны и лукавственны, а мужъ, „двоедушенъ“ по канонамъ церкви „Епископъ да не бываетъ“—Митрополиту приходилось говорить, что единовѣрцы желаютъ епископовъ и, такъ какъ они ихъ имѣютъ въ лицѣ всероссійскихъ, то слѣдовало-

бы Митрополиту сказать, что они желаютъ лучшихъ, чѣмъ великороссійскіе. А чѣмъ не хороши настоящіе этого, Митрополиту, разъяснять даже своему собрату, Синоду, было уже очень зазорно. Чѣмъ Австрійскіе нехороши, допрашивать Митрополиту единовѣрцевъ, не зачѣмъ. Позвольте, однакожъ, преп. Отецъ! По вашему дѣло идетъ о перемѣнѣ Австрійскихъ епископовъ на лучшихъ, слѣдовательно о перемѣнѣ поповцами, лучшими Австрійскими епископами. Откуда же вы на сцену вывели, когда съ проэктомъ Петровъ обратился къ единовѣрцамъ?

Далѣе продолжаетъ Митрополитъ: „Но разсудительнѣйшіе сказали, что ни на что не рѣшаются безъ Митрополита т. е. Филарета. Этого, поповцы Австрійцы, никогда не могли сказать.

„Желаютъ имѣть своихъ архіереевъ лучше Австрійскихъ,“ (но лучше нынѣшнихъ Россійскихъ),—но разсудительнѣйшіе сказали.... и пр. Кто не желалъ-бы этой перемѣны, единовѣрцы-ли или старообрядцы, но что же тутъ неразсудительнаго?

„Разсудительнѣйшіе сказали, что ни на что не рѣшаются безъ Митрополита.“ (Филарета). Мысль о старообрядческой іерархіи встрѣчена была съ восторгомъ, пока Митрополитъ не поставилъ ей запинанія. Самъ Аласинъ (впослѣдствіи начальнѣйшій противникъ и порицатель проэкта), съ восторгомъ стремился къ Митрополиту въ Киновію, для испрошенія аудіенціи депутатамъ, и, только по возвращеніи отъ Митрополита, повернулся спиною къ этому дѣлу. Увы! Вѣка рабства!

„И привели къ нему (Митрополиту) Петрова.“

Депутація была у митрополита двукратно, 28 и 29 Іюля и, оба раза, въ числѣ 5 человѣкъ: Петровъ, Шестовъ, Кабановъ, Гучковъ, единовѣрцы и Лебедевъ—старообрядецъ окружникъ. На вторую бесѣду Лебедевъ не пошелъ а былъ Аласинъ. Но Аласинъ,

какъ мы уже сказали, на первомъ бесѣдованіи не былъ, а на второе пошелъ по одушевленнымъ просьбамъ Петрова, надѣявшагося, что хотя Аласинъ и приверженецъ Митрополита, но, въ разъясненіи съ Митрополитомъ Московскихъ клятвъ, совѣсть его (Аласина) пробудится. Кто-же могъ Петрова привести къ Митрополиту? И кто могъ вести Шестова, Кабанова, Гучкова и Лебедева?

Выше мы объяснили, почему надобно было ходатаямъ проэкта быть у митрополита, и, что слѣдовательно представленіе ихъ ему было совершенно свободное. Имъ нужно было выслушать митрополита для того, чтобы къ просьбѣ объ іерархіи приложить свои, противъ митрополита, опроверженія.

„И заставили его (Петрова,) прочитать благовидно составленное извлеченіе изъ проэкта, якобы одобреннаго въ Петербургѣ.“

Никакого извлеченія изъ проэкта не читано митрополиту и составляемо не было. Ходатаямъ проще было приносить самый проэктъ и прочитать изъ него что нужно. „Прочитать“ почему не „подать?“ Если бы точно была такая выписка, то конечно она была составлена для митрополита, и, конечно, не съ тѣмъ чтобы читать ему ее, и, прочитавши, спрятать въ карманъ.

На первой бесѣдѣ, когда митрополитъ упорно отрицалъ существованіе клятвъ на крестящихся двумя персты и д. Петровъ, по приглашенію одного изъ товарищей, подалъ митрополиту въ обличеніе его неправды, выписку изъ соборнаго свитка (актъ 13 мая 1667 года). Все искусство въ этой выпискѣ состояло въ томъ, что выписана была самая сущность акта, а слова не существенно нужныя, выпущены, а на мѣстѣ пропусковъ, какъ и слѣдуетъ, поставлены были точки. Митрополитъ пробѣжавъ глазами выписку, употребилъ къ оправданію своему дипломатическій

маневръ, объявивъ эту выписку неправильною. Онъ указалъ депутатамъ на точки и говорилъ: „зрите, эти точки означаютъ выпущенныя рѣчи.“ И вотъ въ этихъ то мѣстахъ, гдѣ поставлены точки и написано, что соборъ крестящихся двумя перстами не проклинаетъ: „приходите ко мнѣ завтра, я покажу вамъ подлинный соборный свитокъ и тогда вы сами увидите, что соборъ васъ не проклинаетъ.“ Выписку изъ свитка, митрополитъ называетъ выпиской изъ проэкта. Но такъ исказить фактъ митрополиту не слѣдовало бы, а почему онъ такъ дѣйствовалъ, рѣшать не беремся.

„Заставили прочитать благовидно-составленное извлеченіе.“ Назвавъ небывалое извлеченіе благовидно-составленнымъ, митрополитъ даетъ понять, будто оно было составлено лукавствомъ, и, что содержаніе его не было согласно съ проэктомъ: Но еслибы и была составлена выписка изъ проэкта, то составителямъ и безполезно и не безопасно было лукавить и обманывать митрополита на нѣсколько дней. Нельзя же, чтобы самый проэктъ не былъ ему доставленъ. Ходатаямъ нечего было стыдиться своего проэкта. Не лукавственное извлеченіе изъ него, а полную копію доставили они Министру Внутреннихъ Дѣлъ и члену св. Синода, Платону.

„Включенная въ проэктѣ мысль, просить разрѣшенія клятвы собора 1667 года, нравилась единовѣрующимъ,“ продолжаетъ митрополитъ.

„Прежде всего копія съ проэкта была поднесена Петровымъ и Шестовымъ, какъ мы сказали, Министру В. Д. и члену отъ Синода архіепископу Рижскому Платону. Копія это сообщена и прочимъ членамъ.

Приглашаемъ же всѣхъ и каждаго провѣрить показаніе митрополита, будто въ проэктѣ была включена мысль просить разрѣшенія клятвы собора 1667

г. Мы торжественно объявляемъ, что митрополитъ высказался неточно!

Почитатели авторитета Филарета преклоняются передъ неточностью его потому, что она окружена блескомъ сана и оффиціальнаго господства! Но неточность мы говоримъ, въ столь важномъ дѣлѣ и у такого великаго сановника и логиста, какъ митр. Филаретъ, непростительна. Но, развѣ необходимо для проступковъ и преступленій изобрѣтать нарочитыя, установленныя ласкательныя именованія, если они совершаются іерархами?! Развѣ вводить въ заблужденіе, есть привиллегія архипастырей?

Св. Синодъ приглашаетъ митрополита разсказать ему все, что знаетъ онъ о происхожденіи и цѣли просьбы единовѣрцевъ. Митрополитъ, между прочимъ, признается, что мысль о просьбѣ—есть дѣло его и—только. И это свое признаніе обставляетъ столькими сложными показаніями, что самое признаніе, изъ бесѣды архіерея съ соборомъ своей церкви, превращается въ сомнительный союзъ со стороны Синода. Оказалось что осторожность митрополита была неосновательна. Синодъ отвергъ затѣю митрополита.

Маловажная ли ложь, когда цѣль ея оправдать громаднѣйшую безразсудность и несправедливость своихъ предшественниковъ, возстановить надменное торжество грубѣйшей правительственной ошибки, укрѣпить систему насильства и подавительства, оклеветать всероссійскій народъ предъ самодержавіемъ въ небывалыхъ преступленіяхъ, свою вину сложить на невинный народъ и, наконецъ, не только не способствовать погашенію отечественно-церковныхъ раздоровъ, но и подновить ихъ при внесеніи новаго матеріала, который старообрядцы справедливо отвергали и оплевывали и, наконецъ, со стыдомъ самимъ архипастырствомъ заброшеннымъ, какъ напримѣръ, подложное небывалое „Дѣяніе соборное“ въ XII вѣкѣ. Зри 131 стр.

Такъ и затѣянное митрополитомъ Филаретомъ, съ тѣмъ различіемъ, что тамъ обманъ вынужденъ у іерарховъ насильствомъ, а здѣсь самъ Филаретъ вызывается на сознательный обманъ, тамъ обманули одинъ русскій народъ, а здѣсь, кромѣ его и восточную церковь. Вотъ какъ жалуются государю старообрядцы-примиренцы (въ проэктѣ) на митр. Платона: „преосвященный Платонъ уклонился отъ прямаго отвѣта на первый и главный пунктъ прошенія московскихъ старообрядцевъ (1800 г.) дабы Святѣйшій Синодъ разрѣшилъ „прежде-положенныя клятвы на и двуперстное сложеніе и другіе подобные ему обряды" положивъ мнѣніемъ: „отъ клятвы разрѣшить", но не двуперстное сложеніе и другіе обряды о чемъ шла рѣчь и о чемъ просили старообрядцы (1800 г.), а отъ клятвы разрѣшилъ самихъ просителей старообрядцевъ, которые, однакожъ, клятвъ московскаго собора праведными и обрядовыхъ повелѣній его для себя обязательными не признавали и непризнаютъ, почему и разрѣшенія отъ нихъ никогда не просили и не просятъ, и—просить о томъ — считаютъ безсмыслицей.

Бывъ убѣждены, какъ мы уже сказали, „что неправедная клятва, не касаясь проклинаемыхъ, всецѣло обращается на проклинателей (Патер. Иноч. лис. 63). Старообрядцы полагаютъ, что самое архипастырство россійское связанное тѣми же клятвами, кои Моск. соборъ 1667 г. неправедно изрыгнулъ на священную древность..... посему-то старообрядцы, опасаясь, и, не безъ основанія, черезъ общеніе съ архипастырствомъ, подлежащимъ самому и собственному на соборѣ произнесенному проклятію и самимъ — по силѣ сообщенія—не подпасть клятвамъ. Старообрядцы (1880 г.) поставили первымъ условіемъ соединенія, „дабы архипастырство уничтожило положенные на нихъ и на священную древность клятвы, и, тѣмъ дало старообрядцамъ возможность войти съ нимъ въ со-

общеніе". Просимъ преосвящен. митрополита Филарета внемлить, что разумѣютъ старообрядцы подъ „разрѣшеніемъ клятвъ". Архипастырство, въ лицѣ Платона, показало видъ, будто не понимаетъ о чемъ идетъ рѣчь и навязываетъ разрѣшеніе старообрядцамъ. Филаретъ не хочетъ слышать, что говорятъ старообрядцы, а берется вмѣсто ихъ высказывать ихъ убѣжденія.

„Что включенная въ проэктъ мысль просить разрѣшенія клятвы собора 1667 г., нравилась единовѣрцамъ".

Кого просить, о чемъ просить? Россійскихъ архипастырей, чтобы они сняли съ себя самопроклятіе? Что за странное поведеніе? Архипастыри попали въ безвыходную пропасть и требуютъ, чтобы паства, которую они не перестаютъ язвить проклятіями, покорнѣйше просила ихъ—выйдти изъ этой пропасти. Да наслаждайтесь, преосвященные отцы, вашимъ лежаніемъ, если оно вамъ во вкусѣ, только постарайтесь истощить весь смакъ, потому что недалеко то время, когда спасающая отъ потопленія рука самодержавія коснется вашей священной главы, что и было съ вами при Екатеринѣ и Павлѣ.

Въ заключеніе проэктъ говоритъ вотъ что: „такъ какъ господствующее нынѣ архипастырство отвергло, въ 1880 году, предлагавшееся ему отъ старообрядцевъ соединеніе и клятвы 1667 г., неправедно положенныя на священную древность, до днесь признаютъ правильными и вѣчнодѣйствующими, то мы нынѣ не желаемъ утруждать архипастырство предложеніями о соединеніи съ ними, изъ опасенія, на наши чистосердечныя предложенія, вновь услышать уклончивыя, двусмысленныя и притворныя мнѣнія и положенія." А митрополитъ говоритъ, будто въ проэктъ была включена мысль просить о разрѣшеніи клятвы. Вотъ способъ говорить съ церковью, съ самодержавіемъ, съ русскимъ народомъ, способъ, под-

линно, дипломатическій и за всѣмъ тѣмъ, ни какъ не святительскій! „Мысль о разрѣшеніи клятвъ нравилась единовѣрцамъ“ говоритъ митрополитъ. Не смотря на то, что Аласинъ пригласилъ на (помянутое выше) свое собраніе, съ разборчивостью, и, не смотря на настаиваяія знакомыхъ и родныхъ, не согласился пригласить ни Петрова, ни Шестова, ни единовѣрныхъ съ ними (съ Петровымъ и Шестовымъ); за всѣмъ тѣмъ и на этомъ собраніи нашлись люди, которые отказались подписать Филаретовскую просьбу, на томъ основаніи, что не считаютъ себя проклятыми.

„Предстояла опасность“ говоритъ Филаретъ „чтобы Петровъ своимъ проэктомъ и надеждами не увлекъ значительной части единовѣрцевъ и чтобы не разстроилъ ихъ общество.“

Митрополитъ признаетъ силу и важность движенія въ пользу старообрядческой іерархіи. Только не Петровъ этой идеѣ далъ важность и силу; напротивъ—эта сила самого Петрова выдвинула дѣйствовать. Съ воцареніемъ Александра II, какъ сказали мы выше, на русскій народъ съ высоты трона повѣяла жизнь и духъ освобожденія отъ всякаго рода безсмыслицъ и несправедливостей, связавшихъ мощь и самодѣятельность русскаго народа. Чутье народное отчасти не обмануло народа. Къ сожалѣнію, воскресеніе и оживленіе не коснулось вопросовъ церкви. Порицатели старообрядства обвиняютъ и примиренцевъ, что они, будто не слыша голоса своего царя, но—съ познаніями вѣка и по чутью народному — радостно тронулись ему на встрѣчу. Если шагъ русскаго народа къ своему царю, въ лицѣ Сибирскихъ примиренцевъ, оказался рановременнымъ, если ложь и обманъ, клевета, несправедливость и безсмыслица восторжествовали—то тѣмъ стыднѣе Филарету, руководству коего довѣрилось самодержавіе. Но, повторимъ, ни Петровъ

ни Шестовъ, ни кто либо другой неповинны въ томъ, что еще не убитъ русскій умъ, русскій духъ и русская совѣсть. Мы сейчасъ обличимъ митрополита. Петровъ и Шестовъ граждане: одинъ—Казани, другой Москвы. Ни Казань, ни Москва, ни Петербургъ—въ которомъ они сдѣлали первые шаги въ пользу Іерархіи—не тронулись за ними, а тронулась дальняя Сибирь. Они ли подняли и на ноги поставили этотъ вопросъ?

Въ сихъ то обстоятельствахъ митрополитъ отвѣчалъ „что проэктъ не можетъ быть принятъ, но что если единовѣрцы желаютъ просить, чтобы разрѣшеніе отъ клятвы, данное св. Синодомъ подтверждено было патріархами, то сіе можетъ быть допущено.“ Митрополитъ признается, что обстоятельства были для него трудныя и что самъ онъ предложилъ единовѣрцамъ просить разрѣшенія клятвъ. Только теперь онъ самъ заблудился въ лабиринтѣ своихъ противорѣчій. Строкой выше—онъ навязывалъ единовѣрцамъ желаніе просить разрѣшенія отъ клятвъ 1667 года. Теперь—представляетъ ихъ (единовѣрцевъ) воздыхающими—не о разрѣшеніи, а только о подтвержденіи будто бы уже даннаго (Синодомъ) разрѣшенія. „Если единовѣрцы желаютъ“ говоритъ онъ, „то сіе можетъ быть допущено.“

Читатель, конечно, не посѣтуетъ если мы шагъ за шагомъ слѣдуя за Митрополитомъ, на этотъ разъ забѣжимъ впередъ и изъ втораго пункта отвѣта его Св. Синоду выпишемъ, чего именно, по его показанію „желаютъ единовѣрцы.“ „Когда“ говоритъ онъ тамъ, „противники 1667 г. уразумились и покорились собору: проклятіе кончилось само собою (слушайте). Хотя такимъ образомъ проклятіе кончилось само собою, но нѣкоторымъ единовѣрцамъ кажется чего-то не достаетъ. Проклятіе положили два во-

сточные патріарха и третій россійскій; разрѣшилъ оное Св. Синодъ, который имѣетъ значеніе однаго патріарха. Дѣло было-бы совершеннѣе, если-бы восточные патріархи изъявили согласіе на то, что опредѣлилъ россійскій Синодъ. [1]) Хороша-ли такая логика? „но.“ и т. д. Итакъ Митрополитъ самъ избралъ нелѣпость, самъ и глумится надъ ней, хвастаетъ предъ Синодомъ ловкостію съ какою онъ эту нелѣпость навязалъ примиренцамъ. Къ стыду изобрѣтателя, эта нелѣпость, оказывается старческимъ изверженіемъ уже одряхлѣвшаго смысла. Ни примиренцы ни остальные старообрядцы обрядовыхъ повелѣній и клятвы 1667 года—какъ мы сказали—дѣйствительными никогда не признавали и не признаютъ. Но митрополиту Филарету, по его разсчетамъ, непремѣнно нужно увѣрить Синодъ и восточныхъ патріарховъ что старообрядцы, всѣхъ трехъ отдѣловъ, тяготятся клятвами собора, слѣдовательно, въ глубинѣ своей совѣ-

1) Напрасно, Митрополитъ Филаретъ лелѣялъ мысль, что восточные патріархи изъявятъ согласіе на то, что опредѣлилъ россійскій Синодъ т. е. чтобы Патріархи согласились разрѣшить старый обрядъ, съ 1667 года, положенныхъ ими клятвъ. Мы уже выше сказали, что греческіе патріархи, осудивъ Никона, не могли осудить собственныя свои дѣла. Доказательствомъ сего служитъ слѣдующее: Когда царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, по смерти Никона, возъимѣлъ мысль возвратить ему патріаршій санъ, снятый съ него соборомъ 1667 года, мѣстная власть русской церкви не сочла себя вправѣ отмѣнить опредѣленіе, поставленное не ею одною, а совокупно съ предстоятелями единовѣрныхъ церквей. Вслѣдствіе сего признало необходимымъ просить о разрѣшеніи Никона всѣхъ четырехъ восточныхъ патріарховъ, которые и прислали свои разрѣшительныя грамоты, присовокупивъ при этомъ:

„Къ симъ изглашаемъ: *да прочая вся яже отъ священнаго Собора того содѣянная* останутся *нерушима и крѣпка*, ибо Соборъ той безпричиненъ и праведенъ и твердъ есть.“ См. проток. общ. люб. дух. просвѣщ. стран. 325. Вотъ вамъ, читатели, опять подтвержденіе голоса и выраженія св. апостольской церкви. Послѣ этихъ подтвержденій, могутъ-ли согласиться восточные патріархи съ русскимъ Синодомъ снять клятвы отъ стараго обряда? Или вправѣ-ли наши апологеты сказать что клятва не была, или была, но теперь уже снята? Кто снялъ, Синодъ? Митрополитъ Платонъ? Это неправда! это быть неможетъ, чтобы Синодъ, или Платонъ могъ разрѣшить то, что вязалъ соборъ патріарховъ!

сти признаютъ россійскихъ архипастырей—праведными. Заставивъ единовѣрцевъ подать себѣ прошеніе объ разрѣшеніи клятвъ, а еще лучше—о подтвержденіи этого небывалаго разрѣшенія—митрополитъ заручился бы оффиціальнымъ документомъ что старообрядцы считаютъ клятвы собора праведными, а слѣдовательно, виновными въ расколѣ не тѣхъ, кто извергъ эти клятвы, а старообрядцевъ, которые имъ не покорились. Эта поддѣлка требовала тщательности и осторожности, митрополитъ, составивъ фальшивый документъ, взялся самъ за такой подвигъ. Но вотъ затрудненіе: просьба о клятвахъ должна быть написана отъ имени тѣхъ, которые считаютъ клятвы праведными, слѣдовательно себя—проклятыми. Но такихъ олуховъ даже среди Московскихъ „искреннихъ" единовѣрцевъ не отыскалось. Пришлось роль этихъ олуховъ Аласину съ товарищами—принять на себя. Но даже и сіи „искренники" не готовы были заклать свою совѣсть въ угожденіе митрополиту, и тѣ не оказались настолько осмысленными, чтобы предъ потомствомъ, и, пожалуй и современниками, показать себя—набитыми мусоромъ—дураками. Митрополиту ни какія затрудненія нипочемъ, онъ изобрѣтаетъ небывалыхъ олуховъ и дураковъ, которые ни подъ какимъ предлогомъ не соглашаются покориться постановленіямъ 1667 года; а между тѣмъ требованія его и клятвы на непокорниковъ, почитаютъ святыми и дѣйствительными и просятъ о разрѣшеніи не сами они, а сжалившись надъ ними, Аласинъ съ товарищами, просятъ о томъ, что бы Синодъ—соединенно съ восточными патріархами—успокоилъ этихъ небывалыхъ олуховъ. Митрополитъ былъ увѣренъ, что ни Синоду ни самодержавію не придетъ мысль усомнится въ существованіи такихъ нравственныхъ дураковъ и потребовать у министра хотя однаго изъ нихъ для повѣрки. Итакъ изобрѣтаются небывалыя личности

и выводятся на сцену дѣйствія предъ самодержавіемъ, Синодомъ и восточною церковію. На этихъ не существующихъ людей лгутъ въ своемъ прошеніи что хотятъ Аласинъ и его учитель. Эту просьбу митрополита преподносятъ чрезъ г. Оберъ-Прокурора самодержавію и св. Синоду. Что же это какъ не составленіе фальшиваго документа, подлогъ?

„Если единовѣрцы пожелаютъ!" Составивъ просьбу отъ людей никогда не существовавшихъ, митрополитъ прикидывается совершенно невинной стороной и будто не участвовавшій при зарожденіи, составленіи и выхожденіи фальшиваго документа до Высочайшаго престола."

„Такимъ образомъ просьба единовѣрцевъ есть не приступъ" продолжаетъ митрополитъ, „а исходъ изъ затрудненія и не заключаетъ въ себѣ никакого утаеннаго смысла."

Въ затрудненіи, по поводу просьбы, былъ митрополитъ а не единовѣрцы, слѣдовательно и исходъ изъ затрудненія былъ для митрополита, а не для единовѣрцевъ. Такимъ образомъ самъ митрополитъ признается, что единовѣрцы подали свою просьбу, чтобы выручить своего Архипастыря изъ затрудненія; слѣдовательно между единовѣрцами и митрополитомъ состоялась сдѣлка, слѣдовательно просьба эта была дѣломъ не единовѣрія а клевретовъ митрополита, предстателей примиренства и предателей своей совѣсти. Но что просьба „не заключаетъ въ себѣ ни какого утаеннаго смысла," въ этомъ митрополитъ никого не увѣритъ. Правда, утаеннаго смысла со стороны единовѣрцевъ въ ней быть не можетъ, потому что оно не ихъ дѣло, но самимъ митрополитомъ утаенный отъ Синода смыслъ заключается, во первыхъ, въ томъ что онъ не прямо говоритъ Синоду, а только заставляетъ догадываться, что просьба о клятвахъ есть дѣло собственное его, а не единовѣр-

цевъ; во вторыхъ, онъ не прямо предлагаетъ Синоду обмануть за одно съ нимъ восточныхъ патріарховъ, и прикровенно завлекаетъ ихъ—какъ въ игрѣ въ шашки—въ уловимое мѣсто! Митрополитъ въ просьбѣ единовѣрцевъ говоритъ одно, а разумѣетъ другое; говоритъ, что клятвы на обряды и его держателей не бывало, но доказываетъ это такъ что клятвы, эти именно—были; напримѣръ, онъ читаетъ (далѣе во второмъ пунктѣ) текстъ акта 13 мая и говоритъ что это безразсудно и нелѣпо. Такимъ образомъ митрополитъ поставилъ Синодъ въ необходимость, или признавши существованіе клятвъ, признаться въ безразсудности въ этомъ дѣлѣ собора 1667 г., а слѣдовательно признать и свои собственныя ошибки, или же, избѣгая этаго шага, шествовать въ уготовленое митрополитомъ занимательное мѣсто, обмануть и Государя и восточныхъ патріарховъ. При такомъ ходѣ митрополита, Синоду не о томъ слѣдовало вопрошать его: „какимъ образомъ обряды неправославные не проклинаются а люди, пріемлющіе ихъ—проклинаются.“ (Извлеченіе изъ II пункта). А почему и для чего митрополитъ—читавши актъ 13 мая, дошелъ до выводовъ совершенно противоположныхъ его тексту—мы лучше скажемъ правду. Вопросами Синода митрополитъ былъ приведенъ въ затрудненіе: прямо предложить Синоду обмануть патріарховъ было рискованно. Что, если не согласятся? Выйдетъ очень безславно. Сказать же правительству и Синоду всю правду, значитъ наложить собственную руку на издавна проводимую и лелѣяную имъ затѣю—дать акту 13 мая иной смыслъ—на что онъ потратилъ столько генія и усердія. Въ лучшемъ, для митрополита, случаѣ, Синодъ могъ принять предложеніе его войти въ его смыслъ, сойтись съ его совѣстію; могло быть и то, что Синодъ, умывая руки, поручилъ бы самому митрополиту представить патріархамъ это

дѣло не въ настоящемъ его видѣ а въ томъ, какой ему приданъ митрополитомъ (т. е. надуть патріарховъ какъ онъ знаетъ), чего онъ и добивался. Можетъ быть св. Синодъ и готовъ былъ сойтись съ митрополитомъ, если бы совѣщанія между ними были лично; тогда пускай бы совѣсть Архипастырей немножко погрязнилась, но этой грязи Синодъ не можетъ допустить по своей внѣшности, т. е. въ дѣлахъ повѣряемыхъ бумагъ.

„Просьба единовѣрцевъ не заключаетъ въ себѣ никакого утаеннаго смысла" говоритъ митрополитъ Филаретъ.

Самъ Митрополитъ едва-ли не затерялся, едва-ли не утаилъ смыслъ ея отъ самаго себя подъ грудой софистическихъ хитросплетеній. Въ просьбѣ его (судя по его отвѣтамъ) есть вотъ какой смыслъ: Единовѣрцы не состоятъ и никогда не состояли подъ клятвой 1667 г. Второй смыслъ: по тупости-ли или вслѣдствіе постороннихъ—какъ говоритъ Митрополитъ—злонамѣренныхъ внушеній, они почитаютъ себя проклятыми или, какъ идіоты, просятъ себѣ разрѣшенія. Третій смыслъ: единовѣрцы понимаютъ, что они разрѣшены, но желали-бы только что-бы это разрѣшеніе подтвердили патріархи. Четвертое, единовѣрцы просятъ не о разрѣшеніи клятвы и не о подтвержденіи этаго разрѣшенія, а объ разъясненіи нѣкоторыхъ постановленій 1667 года. Пятое, просятъ искренніе только единовѣрцы—а не притворные, не лукавные—и просятъ не для себя а для этихъ притворниковъ и лукавцевъ. Поэтому (шестое) обо всемъ просятъ не тѣ, которые во всемъ этомъ нуждаются и, слѣдовательно, которымъ однимъ принадлежитъ поводъ и право просить, а самозванцы—начальники этихъ людей. Положимъ мы добились толку въ этомъ хаосѣ, знаемъ, что всѣ старанія Митрополита направлены къ тому что бы актъ 13 Мая

истолковать въ превратномъ смыслѣ и, это выворотное толкованіе, канонизовать всею восточною церковію. Но не всякій имѣетъ возможность понять эту продѣлку, Положимъ, что Митрополитъ не путается самъ въ лабиринѣ своихъ хитросплетеній, а идетъ прямо къ своей цѣли—превратному истолкованію акта 13 Мая и, что этими сплетеніями, надѣется или самый Синодъ сбить съ толку, или же—если Синодъ будетъ догадливъ—то самому Синоду облегчить задачу выворотнаго истолкованія и канонизаціи его своими софистическими сплетеніями. Но, въ этихъ обоихъ случаяхъ, не утаены-ли и тѣ разумѣнія Митрополита, что имя этимъ продѣлкамъ—обманъ!

„И она (просьба единовѣрцевъ о клятвахъ) принесла плодъ тѣмъ, что сохранила единовѣрцевъ отъ всестарообрядческаго проэкта и разсѣяла его обаяніе“ продолжаетъ Митрополитъ.

Признавшись, что цѣль просьбы: двойное надувательство, отвлеченіе единовѣрцевъ отъ Іерархіи въ другую сторону и превратное разъясненіе патріархамъ сущности нашихъ раскольниковъ—Митрополитъ разсказываетъ объ успѣхѣ этой дипломатической продѣлки въ отношеніи къ единовѣрцамъ — „что мѣра эта имѣла успѣхъ.“ Митрополиту хвастать нечего. На его сторонѣ и правительственная власть и правительствомъ установленные исправники, и прочіе чиновники, которые были пугалами нашего забитаго народа. Форменное, въ видѣ всеподданнѣйшихъ просьбъ, обнаруженное стремленіе къ устройству законной старообрядческой Іерархіи—конечно въ Москвѣ—подавлено частію насильствомъ и частію предательствомъ, а Екатеринбургскіе единовѣрцы на свою просьбу получили отказъ съ отобраніемъ отъ нихъ письменныхъ обязательствъ не безпокоить впередъ правительство подобными просьбами. Но Фи-

ларетовская просьба охранила и на будущее время будетъ охранять единовѣрцевъ отъ дальнѣйшихъ ходатайствъ объ Іерархіи. А прискорбная увѣренность между старообрядцами—что еще не настало время освобожденія отечественной церкви отъ латинскихъ двоедушныхъ оковъ—сжимается все крѣпче и крѣпче со времени акта 13 мая 1667 года. Но божественная правда, обитающая въ старообрядскомъ народѣ и исполненная духа любви и терпимости, заслуживаетъ честь и славу. Напрасно митрополитъ хвастаетъ своимъ дѣломъ, небывалыми подвигами своего произведенія.

„Но разсѣяла его обаяніе.“ Покрайней мѣрѣ, мысль о всестарообрядческой Іерархіи могла быть обстоятельною для примиренцевъ. Но какимъ образомъ просьба о разрѣшеніи клятвъ можетъ разсѣять эти обаянія?

Митрополитъ говоритъ: „Разсудительнѣйшіе раскольники обратили теперь вниманіе и ожиданіе на просьбу единовѣрцевъ.“ По простому понятію трудно было бы указать, кого разумѣетъ митрополитъ здѣсь подъ раскольниками—просто и подъ раскольниками—разсудительнѣйшими? Раскольниками зоветъ онъ, какъ мы видѣли, Петрова съ товарищами; подъ именемъ „искреннихъ“, единовѣрцевъ разумѣетъ онъ людей—готовыхъ за ласку начальства—продать и общество свое и совѣсть свою. Но здѣсь недоумѣнію нѣтъ мѣста. Просьба Филаретовская подана Филарету „самыми разсудительнѣйшими“ изъ единовѣрцевъ какими и сами они отрекомендовали себя отечеству—въ сѣверной почтѣ отъ 7 декабря 1864 г.,—поясняя, что они просятъ о разъясненіи акта 13 мая „для недоумѣвающихъ“ слѣдовательно для дураковъ, а они люди умные и разсудительные. Итакъ Петрова съ желателями Іерархіи хотя митрополитъ и относитъ къ числу разумниковъ, но по елику здѣсь онъ гово-

ритъ о разсудительнѣйшихъ раскольникахъ—слѣдовательно Петрова съ прочими считаетъ раскольниками просто—то остается догадываться что онъ говоритъ про дѣйствительныхъ старообрядцевъ, конечно поповцевъ. Не разспрашивая болѣе—какихъ именно, поповцевъ митрополитъ разумѣетъ подъ именемъ „разсудительнѣйшихъ" и кого подъ именемъ „рядовыхъ" раскольниковъ—позволимъ себѣ спросить его: съ какой стати митрополитъ бросился на раскольниковъ, когда проэктъ объ Іерархіи былъ дѣломъ единственно единовѣрцевъ и, когда по собственнымъ словамъ митрополита, опасность грозила ему со стороны единовѣрцевъ, именно когда Петровъ обратился съ просьбою объ Іерархіи именемъ единовѣрцевъ и когда именно—въ огражденіе единовѣрцевъ отъ проэкта—пущена въ ходъ просьба о клятвахъ? Вывожденіе Филаретомъ ни съ того ни съ сего раскольниковъ на сцену дѣйствія—просто хитрость, продѣлка, чтобы сбить съ толку читателей, напустить на нихъ туманъ и бросить въ проэктъ лишнюю горсть грязи.

„Раскольники обратили теперь вниманіе и ожиданіе на просьбу единовѣрцевъ."

Что старообрядцы всѣхъ трехъ отдѣловъ (и не только они но и всѣ интересующіеся дѣлами церкви сыны отечества) обратили усиленное вниманіе на то, какой конецъ будетъ имѣть просьба Московскихъ единовѣрцевъ о клятвахъ. Эта новая величественная (грандіозная) затѣя Филаретовской дипломатіи. Удастся-ли митрополиту обмануть св. Синодъ или же согласить его на сознательное обманываніе—вмѣстѣ съ нимъ—восточныхъ патріарховъ? Въ крайнемъ случаѣ, какъ отнесется къ дѣлу соборъ восточныхъ Іерарховъ и такъ далѣе?.. Что касается до ожиданія отъ Филарета раскольникамъ приписаннаго, то ни старообрядцы всѣхъ трехъ отдѣловъ, ни даже примиренцы кромѣ Филаретовскихъ искреннихъ, никогда

ничего добраго отъ Филарета старообрядству не ожидали, тѣмъ менѣе могли они чего-либо ожидать кромѣ новыхъ тягчайшихъ обвиненій и—соотвѣтственно тому—новыхъ стѣсненій и прижимательствъ отъ Филаретовскаго „разъясненія нѣкоторыхъ постановленій собора 1667 г.“ и отъ канонизованія этого разъясненія россійскою и восточною церковію. А Екатеринбургскіе единовѣрцы тогда же поздравили Московскихъ съ огромнымъ правиломъ для нихъ усердіемъ ихъ Владыки Филарета и тогда же твердили, что просьба о клятвахъ есть обманъ, отводъ, что она никогда не будетъ и неможетъ быть предметомъ переговоровъ между церквами отечественными и восточными.

II.

„Какимъ образомъ“ спрашиваетъ митрополита Филарета Синодъ „обряды неправославные не проклинаются, а люди принимающіе ихъ проклинаются? За что же клятва соборная какъ не за обрядъ, котораго раскольники не хотѣли оставить и церковь не могла принять? Обрядъ есть прямая и единственная причина отступленія, а отступленіе—соборной клятвы!“

Обряды отечественной церкви до Никона патріарха св. Синодъ называетъ здѣсь „неправославнымъ,“ а въ (X отв.) прошенія „чуждыми православному богослуженію,“ слѣдовательно св. Сергій, Алексѣй митрополитъ Московскій, пять первыхъ россійскихъ патріарховъ и множество другихъ святителей и государей русской церкви, по мнѣнію Синода, держались обрядовъ чуждыхъ православію. Замѣтимъ на это слово, словами самого митрополита Филарета (отв. X). Наименованіе обрядовъ единовѣрческихъ „чуждыми“ (и неправославными, прибавимъ мы; ибо „чуждый“ и „неправославный“ одно и тоже) „сурово

до несправедливости. Обряды единовѣрцевъ въ сравненіи съ обще православными, менѣе древни, менѣе православны, не обще церковны,—не чужды.

Напримѣръ, говоритъ митрополитъ въ II отвѣтѣ... „раскольники... употребляютъ двуперстное сложеніе въ знаменіе божескаго и человѣческаго естествъ во Христѣ. Можетъ-ли православная церковь сказать... кто крестится двумя перстами въ знаменіе божескаго и человѣческаго естествъ во Христѣ—тотъ проклятъ? Очевидно это было бы чрезмѣрно неразсудительно и несправедливо. Сіе разсужденіе надлежитъ приложить и къ прочимъ отличительнымъ обрядамъ раскольниковъ".

Остановимся надъ Синодской редакціей на вопросы митрополиту: „какимъ образомъ обряды неправославные не проклинаются, а люди принимающіе ихъ проклинаются? За что же клятва соборная какъ не за обряды?"

Очевидно клятвы собора 1667 г. Синодъ понимаетъ въ подлинномъ ихъ смыслѣ, понимаетъ (какъ понимаютъ ихъ всѣ старообрядцы) что актъ 13 мая 1667 года проклинаетъ тѣхъ, кои продолжаютъ держать старый обрядъ послѣ соборнаго запрещенія, проклинаетъ держателей стараго обряда за это держаніе, и слѣдовательно и самый обрядъ. Какъ бы ни старались современные защитники троеперстія превратно истолковывать соборный актъ 13 мая, что будто онъ не проклиналъ стараго обряда, все таки инаго смысла ни какъ не возможно извлечь изъ предложеннаго сейчасъ вопрошенія Синода. Но поставивъ вопросъ такъ прямо и ясно, Синодъ самъ какъ будто испугался своей прямоты и ясности и продолжая развивать вопрошеніе, какъ будто подражаетъ митрополиту въ дипломатической неточности, которою и замѣняетъ далѣе свою печальную прямоту и ясность.

„За что же" вопрошаетъ онъ „клятвы соборныя

какъ не за обрядъ, котораго раскольники не хотѣли оставить а церковь не могла принять"? Здѣсь три неточности. Первая, что лицъ подвергшихся клятвѣ. Синодъ называетъ здѣсь раскольниками, какъ будто клятва была изречена противъ раскольниковъ и отступничества отъ церкви—тогда какъ падала на православныхъ чадъ церкви—которые осмѣлились бы употреблять старый обрядъ послѣ осужденія его соборомъ. Вторая неточность, что церковь россійскую Синодъ представляетъ поставленную въ необходимость принять старый обрядъ („котораго раскольники нехотѣли оставить а церковь немогла принимать") какъ нѣчто для нея небывалое, тогда какъ ей слѣдовало только удержать то, (что старообрядцы нехотѣли оставить) что ею уже было установлено прежде. Третья неточность, что церковь россійскую, точнѣе сказать тогдашнихъ ея властителей, назвавъ просто церковью безъ пояснительнаго прилога, Синодъ ставитъ на ея мѣсто церковь апостольскую, символьную и—сей церкви навязываетъ актъ 13 мая. Свои пастырскія грѣхи и ошибки навязывать св. апостольской церкви—есть слабость вошедшая въ плоть и кости россійскаго архипастырства. Вопрошеніе митрополиту Синодъ заключаетъ такъ: „Обрядъ есть прямая и единственная причина отступленія и отступленіе—соборной клятвы." По прямому же и ясному смыслу соборнаго акта и послѣдовавшихъ по соборѣ дѣйствій затѣмъ, мѣропріятій Синода, не отступленіе отъ обряда и его держаніе было предметомъ клятвы. Самъ Павелъ Прускій (въ 17 книжкѣ истинны лист. 40 на оборотѣ) признается, что соборъ 1667 г. при произношеніи клятвъ, имѣлъ въ виду также людей хотя и не отдалявшихся еще отъ церкви, но и не признававшихъ ея уставовъ." Разъ признавшись—что клятва положена на старый обрядъ и его держателей—Синоду поздно и напрасно поправлять себя слѣ-

дуя Филаретовской дипломатикѣ, будто клятва положена не на обрядъ и старообрядцевъ а на отступленіе и на отступниковъ. Если бы Синодъ на самомъ дѣлѣ отступленіе почиталъ предметомъ клятвы, то зачѣмъ бы ему и митрополита спрашивать: „какимъ образомъ обрядъ не проклятъ, когда держатели его прокляты?...“

Читателю, надѣемся, знакомо Филаретовское „изъясненіе о проклятіи положенномъ отъ собора,“ напечатанное между прочимъ въ V книжкѣ Голубовскаго „истинны.“ Въ этомъ „изъясненіи“ показываетъ митрополитъ читателямъ соборный актъ и съ боковъ и сзади, но тщательно недопускаетъ заглянуть ему въ лицо и за тѣмъ утверждаетъ что клятвъ— на старый обрядъ и на его держателей—не бывало а прокляты только отступники и хульники церкви. Съ Синодомъ митрополитъ бесѣдуетъ нѣсколько иначе. Онъ читаетъ ему коротко самую сущность соборнаго повелѣнія, напутствуя свое извлеченіе нѣсколькими затемнительными поясненіями; затѣмъ повторивъ букву а смыслъ ея оставивъ въ сторонѣ, митрополитъ приглашаетъ Синодъ подтвердить свой выводъ, будто клятвы ни на обрядъ ни на держателей—не бывало. „Соборъ“ говоритъ онъ „повелѣваетъ... Аллилуія въ божественномъ пѣніи... и проч. Аще ли же кто не послушаетъ повелѣваемыхъ отъ насъ... или начнетъ прекословити и противлятися намъ: и мы таковаго противника... чужда сотворяемъ отъ Отца и Сына и Святаго Духа и проклятію и анаѳемѣ предаемъ, яко еретика и непотребника.

Вопросъ Синода: „какимъ образомъ... и проч., остается однакожъ во всей силѣ... Какимъ образомъ? Какимъ образомъ? Какимъ образомъ?!! т. е. по Синоду выходитъ немыслимо, что бы обрядъ остался не проклятымъ когда держатели этого обряда—прокляты? Но развѣ дозволительно спрашивать Синоду

(Филарета) такъ „неосмотрительно“ и „неосторожно!“ Почему? Почему? Почему? вотъ какъ по Филарету слѣдовало бы Синодомъ поставить вопросъ т. е. почему, соборъ не проклиналъ старый обрядъ, когда держателей этого обряда онъ проклялъ? Итакъ почему соборъ 1667 г., не проклялъ обрядовъ и старообрядцевъ? Во первыхъ потому, поучаетъ митрополитъ, „что воздержась (будто бы) отъ проклятій, соборъ поступилъ основательно и осторожно, справедливо и осмотрительно. Во вторыхъ потому, продолжаетъ митрополитъ что соборъ 1667 года не долженъ былъ сдѣлать этаго. Въ третьихъ, таковое проклятіе обрядовъ было бы чрезмѣрно неразсудительно и несправедливо. Напримѣръ: раскольники для крестнаго знаменія употребляютъ двуперстное сложеніе въ знаменіе божескаго и человѣческаго естествъ во Христѣ. Можетъ-ли православная церковь сказать: кто крестится двумя перстами въ знаменіе Божескаго и человѣческаго естествъ во Христѣ—тотъ проклятъ? Сіе разсужденіе надлежитъ приложить и къ прочимъ отличительнымъ обрядамъ раскольниковъ. Въ четвертыхъ, что стоглавымъ соборомъ одобренные а соборомъ 1667 г. проклятые, старые обряды... были приняты и одобряемы первыми пятью Россійскими патріархами. Итакъ если бы на сіи обряды было произнесено проклятіе, то оно упало бы и на пять первыхъ россійскихъ патріарховъ и на россійскую церковь ихъ времени.“ Синодъ долженъ сгорѣть со стыда. Синодъ обличенъ митрополитомъ въ добросовѣстности, наказанъ митрополитомъ за добросовѣстность которая, увы! и на самомъ дѣлѣ въ нынѣшнія плачевныя времена не совмѣстна съ обязанностями россійскихъ архипастырей—наипаче же членовъ Синода—въ вопросахъ, касающихся старообрядчества.

Обозрѣвъ сущность второго вопроса Синодомъ митрополита, остановимся на его подробностяхъ.

1) „Чтобы отвѣтъ на сіе былъ „ясенъ говоритъ митрополитъ Синоду" требуется не мало потребностей съ прямымъ указаніемъ на документы." Вотъ они эти подробности и это указаніе. Въ подлинномъ дѣяніи собора 1667 года... во первыхъ излагается мнѣніе раскольниковъ, какъ-то: „нарицаху книги"... и проч. Во вторыхъ, затѣмъ слѣдуетъ изреченіе и опредѣленіе собора: „повелѣваемъ"... и проч. Наконецъ въ третьихъ, соборъ произноситъ свое рѣшительное опредѣленіе: „Сіе наше соборное повелѣніе и завѣщаніе предаемъ и повелѣваемъ всѣмъ неизмѣнно хранити... Аще же кто преслушаетъ... и т. д.

Не понимаемъ въ разумности митроп. Филарета дѣленіи соборнаго акта на три члена, изъ которыхъ вторый членъ „опредѣленіе собора" и третій „опредѣленіе собора". Но поговоримъ о цѣли этаго дѣленія. Актъ 13 мая состоитъ изъ трехъ членовъ: повелѣніе, казнь за преслушаніе и запечатаніе. 1) (Повелѣніе) „Мы, милостію Божіею православные вселенскіе патріархи Киръ Паисій Папа и патріархъ Александрійскій и Киръ Макарій патріархъ Антіохійскій и всего востока, и Киръ Іоасафъ патріархъ Московскій и всея Россіи и весь освященный соборъ: во имя великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа соборнѣ заповѣдуемъ всѣмъ..... Аллилуія.... и т. д. 2) (Казнь за преслушаніе) „Аще ли же кто не послушаетъ... и т. д. 3) (Запечатлѣніе) „Сіе соборное нами узаконеніе и изреченіе подписахомъ и утвердихомъ нашими руками и положихомъ въ дому пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго Ея успенія въ вѣчное утвержденіе и присное воспоминаніе Бога слова 1667 индикта 5 мѣсяца мая 13 день."

Какъ видите, читатели, актъ 13 мая есть самостоятельное вполнѣ законченное постановленіе съ тор-

жественными и началомъ и заключенiемъ, которое одно и по формѣ и по содержанiю могло быть названо соборнымъ дѣянiемъ, такъ что смыслъ его не измѣнить всѣмъ остальнымъ постановленiямъ того собора 13 мая. Такимъ образомъ подставивъ, подъ клятву 13 мая, хульниковъ о которыхъ и рѣчи не было, митрополитъ заручился жалкою возможностiю извращать по своему смыслъ акта 13 мая. Уступимъ условно митрополиту, пусть клятвы 13 мая лежатъ на хульникахъ. Но слова собора: Повелѣваемъ.... Аллилуiя... глаголати трижды... и проч. Аще ли же кто... и т. д. остаются въ полномъ ихъ смыслѣ. Здѣсь, въ отвѣтѣ Синоду, съ актомъ 13 мая митрополитъ связалъ подъ именемъ 1-го члена предшествовавшiй отдѣльный актъ. Въ своемъ изъясненiи „о проклятiи" онъ поступилъ рѣшительнѣе. Разъясненiе акта 13 мая онъ начинаетъ съ приписки къ нему неизвѣстнаго времени: А соборъ, иже бысть.., и проч., которую онъ и привелъ здѣсь, но не ввелъ въ составъ акта 13 мая.

2) Продолжаетъ Филаретъ: „Вотъ проклятiю подвергнутые, прекословящiе и противляющiеся противники, яко еретики и непокорники т. е. какъ равно еретики или даже сущiе еретики, потому что противляются церкви." Но соборъ говоритъ не такъ, какъ говоритъ Филаретъ. Тамъ сказано: „Во имя великаго Бога и Спаса нашего, соборнѣ заповѣдаемъ покорятися"... Въ чемъ покорятися? „Аллилуiя глаголати трижды, знаменiе честнаго креста творити на себѣ тремя персты... и т. д. Аще же кто не покорится и мы таковаго противника.. проклятiю и анаѳемѣ предаемъ яко еретика." Слѣдовательно противлявшихся обряду соборъ проклиналъ «яко еретиковъ.» Ревнуя о достоинствѣ собора, митрополитъ поправляетъ его разъясняя, что соборное проклятiе „яко еретика," не должно понимать „сущаго еретика а

равнаго еретика.“ Но онъ сряду же допускаетъ это слово и въ подлинномъ его смыслѣ „сущихъ“ еретиковъ, потому самому поясняетъ онъ „что противляются церкви.“ Итакъ по митрополиту, въ чемъ-бы ни было противляющійся церкви, есть еретикъ? Для чего же ему и за оправдательное поясненіе приниматься!

Соборъ говоритъ: „аще-ли же кто начнетъ прекословити и мы таковаго... и проч. Вотъ соборъ наложилъ проклятіе—поясняетъ митрополитъ, на возражающихъ ему; а это не только выходитъ изъ предѣловъ „мѣрности,“ это „не осмотрительно,“ это „не осторожно.“ Почему же этого слова не коснулся митрополитъ по правительственнымъ разъясненіямъ, а даже подтверждаетъ его: „вотъ“ говоритъ онъ „проклятію подвергнуты прекословящіе.“

3) Продолжаетъ Филаретъ: „и это согласно съ кореннымъ закономъ церковныхъ отлученій, съ изреченіемъ Христа Спасителя (Матѳ. 28, 17) оно отлучаетъ отъ церкви за одно преслушаніе, не указуя другой вины.“ Преслушаніе нельзя принимать въ отвлеченномъ смыслѣ, отрѣшеннымъ отъ сущности. Скажите, что именно повелѣвается ими по сущности, а не почему либо другому, отъ лица или мѣста повелѣвающаго, хотя то былъ бы и нарочитый соборъ Іерарховъ?

Поймемъ, чье это повелѣніе: святой-ли церкви или заблужденцевъ восхищающихъ имя церкви? И здѣсь пусть митрополитъ скажетъ, что преслушаніе московскому собору состояло въ какомъ либо догматѣ, и мы поймемъ что клятвы праведны, что это клятва церкви. Но актъ 13 Мая проклялъ держаніе и держателей православныхъ обрядовъ. Эта уже клятва не церкви, а невѣжества. Заповѣдь 28 главы Матѳея вмѣняетъ преслушниковъ церкви яко языч-

никовъ и мытарей, но оно не обязываетъ изверженія невѣжества—принимать за дѣяніе церкви. Клятву 13 Мая 1667 года, называть согласною съ указаннымъ изреченіемъ Христа Спасителя есть немыслимо. И Синодъ и читатели ждутъ отъ митрополита отвѣта „какимъ образомъ обрядъ не проклятъ, когда держатели его прокляты?“ А митрополитъ не останавливаясь увѣряетъ, что клятва та (1667 г.) согласна съ заповѣдію Христа Спасителя!

4) „Вотъ“ поясняетъ митрополитъ „отлученію отъ церкви и проклятію подвергнуты условно, дондеже вразумятся, а въ противномъ случаѣ, рѣшительно, прекословящіе...“ и т. д. Митрополитъ какъ на особенную мудрость собора указываетъ на то, что онъ держателей стараго обряда проклялъ временно „дондеже уразумятся,“ тогда какъ и не могъ проклинать ихъ иначе, т. е. пока они не покинутъ этотъ проклятый старый обрядъ и не примутъ Никоновскій. Самое указаніе митрополита на условность клятвъ, есть по меньшей мѣрѣ пустословіе.

5) „Но вмѣстѣ съ проклятіемъ непокорныхъ не прокляты-ли и обряды или держатели (этихъ обрядовъ)?“ спрашиваетъ Синодъ—„соборъ не сказалъ сего“ отвѣчаетъ митрополитъ! Дѣйствительно во всемъ опредѣленіи собора, нѣтъ прямаго проклятія на двуперстное сложеніе, двоеніе аллилуія, хожденіе посолонь и т. д. Но ясно и рѣшительно прокляты держатели этихъ обрядовъ. „Соборъ не сказалъ сего,“ говоритъ митрополитъ, то есть не проклялъ обрядовъ прямыми словами! Но здравый смыслъ не допускаетъ чтобъ проклятіе, павшее на извѣстныя лица за ихъ дѣянія, въ тоже время не падало на самыя ихъ дѣянія. „Какимъ же образомъ двуперстіе, двоеніе аллилуія, посолонь и т. д. остаются не проклятыми, когда держатели ихъ за это держаніе проклинаются?“ Въ этомъ „какимъ образомъ“ сущность

и синодскаго вопроса, который такъ затрудняетъ митрополита. „Соборъ не сказалъ сего." Но это во многихъ опредѣленіяхъ церкви, коими она отсѣкала отъ своей истинны еретиковъ, не указываетъ буквальнаго поименованія ересей. Ужели же, по Филарету, еретики праведно осуждены, а ереси ихъ остаются не осужденными?!

6) „Вотъ прокляты прекословящіе и упорствующіе... Но вмѣстѣ съ нимъ не прокляты-ли и обряды и держатели?" говоритъ митрополитъ. Не ясно-ли, что въ обрядахъ и въ держаніи самъ митрополитъ видитъ единость, что и онъ соглашается съ Синодомъ, что прокляты не хульники, а держатели извѣстныхъ обрядовъ и именно за это держаніе!

7) Говоритъ митрополитъ: „Особенные обряды, содержимые раскольниками, опираются преимущественно на такъ-называемый стоглавый соборъ, который одобрилъ оные." Только три или четыре, не болѣе, особенности стараго обряда подтверждены стоглавомъ; почему и не слѣдуетъ говорить, будто старообрядцы опираются преимущественно на стоглавый соборъ. У старообрядцевъ болѣе твердая опора: древній обычай и древнее преданіе отечественной церкви. Старый обрядъ не потому уважается, что его одобрилъ стоглавъ, но самый соборъ стоглавый потому уважается, поколику постановленія его согласны съ древнимъ преданіемъ церкви. Стоглавый соборъ осуждаетъ въ символѣ прилогъ „истины," но поелику это личное рѣшеніе собора не согласно съ принятымъ преданіемъ церкви, то и стоглавый соборъ, въ этомъ пунктѣ, старообрядцами пренебрегается. Митрополитъ для того такое чрезмѣрное значеніе приписалъ здѣсь стоглаву, чтобы возбудить мысль что на него, какъ преимущественнаго виновника, слѣдовало бы греко-московскому собору обратить клятвы и анаѳемы, на которыя онъ былъ такъ щедръ для

людей будто-бы введенныхъ въ заблужденіе стоглавымъ соборомъ, и потомъ указавъ на то, что не смотря на громадность вины „соборъ 1667 года не произнесъ своего проклятія ни на стоглавый соборъ ни на его опредѣленіе“ и тѣмъ хотѣлъ представить соборъ (1667) нравственно неспособнымъ проклинать обрядъ и его держателей.

8) „Вотъ стоглавый соборъ обличенъ въ невѣжествѣ“ говоритъ митрополитъ, „опредѣленія его отмѣнены,“ проклятіе имъ произнесенное уничтожено, онъ признанъ ничтожнымъ. Но при семъ, соборъ 1667 г., не произнесъ своего проклятія ни на стоглавый соборъ, ни на его опредѣленія, ни на обряды стоглавымъ соборомъ одобренные.“ Тѣмъ, что въ словѣ о стоглавомъ соборѣ не положено проклятіе на старый обрядъ, другими словами тѣмъ, что онъ не проклялъ стоглавый соборъ, разумно-ли и состоятельно-ли доказывать, что этого проклятія, т. е. на старый обрядъ не было, нѣтъ и не могло быть въ актѣ 13 мая?

9) „Итакъ“, утверждаетъ Филаретъ, „проклятіе произнесено на противящихся и хулящихъ православную церковь, (что на противящихся въ обрядѣ—это вѣрно и ясно, но на хулящихъ—и слова нѣтъ въ актѣ 13 мая), но не на ихъ обряды. Вотъ митрополитъ сказалъ: „особенные обряды содержимые раскольниками,“ какъ будто они суть изображеніе раскольниковъ, какъ будто одни раскольники и держатъ и держали ихъ; а здѣсь эти обряды называютъ „обрядами хульниковъ церкви.“ Что можно бы подумать про обряды, коими хульники церкви отличаются отъ нея, если бы мы не были знакомы съ діалектическими пріемами Филарета и его односторонниковъ.

10-е, Митрополитъ говоритъ: „Въ сравненіи съ общеправославными менѣе древними.“ Толпа естественно стоитъ за то, что было прежде. Но ежели обрядъ есть божественное откровеніе (конечно такіе

обряды которые выражаютъ собою вѣроисповѣдную мысль), и конечно спасаетъ не самъ собою обрядъ, но соединенно съ нимъ и вѣра и любовь; какъ мы уже сказали, что спасаетъ не осмиконечный крестъ и ни число его концевъ, а православіе, коего осмиконечный крестъ издревле выражаетъ противъ западной церкви, то разумно ли и похвально ли пастырямъ церкви разрушать единство мира и любви— ломая уже освященный и вѣками употребленный обрядъ затѣмъ, чтобы на мѣсто его поставить хотя бы и греческій но совершенно не древній, вѣрнѣе новообрѣтенный.

11-е, „Менѣе православные.“ Любуясь распустившимся цвѣткомъ, мы признаемъ его совершенство въ своемъ родѣ, но назовемъ ли мы несправедливостью его бутонъ или начальный ростокъ? Такъ и относительно обряда. Цвѣтокъ выростила природа отъ Бога даннымъ ей благословеніемъ которое было совершенно во всѣ фазисы развитія цвѣтка, начиная зерномъ; а обрядъ внушила и развивала и совершила божественная благодать, которая есть и была и будетъ совершенна, и сама въ себѣ и въ своихъ проявленіяхъ, слѣдовательно—про обрядъ, созданный и освященный Богомъ любовію и проникнутый догматической православной мыслію говорить, что онъ менѣе правиленъ, чѣмъ другой ему противуположный—скажемъ словами Филарета „сурово до несправедливости.“

12-е „Однако требующіе снисходительнаго воззрѣнія,“ изъясняетъ митрополитъ. Если въ обрядѣ выражается неправославная или неблагочестивая мысль, то онъ никогда не можетъ надѣяться на снисхожденное воззрѣніе церкви.“ Если же обрядъ въ своей сущности православенъ и благочестивъ, то у церкви для него есть благословеніе, при которомъ онъ не нуждается въ Филаретовскомъ снисхожденіи. Церковь

не допускаетъ въ себѣ никакой погрѣшительности, и какъ бы не была мала погрѣшность противъ истины и святости, то снисхожденіе къ неправославному обряду было бы дипломатической сдѣлкой истины съ ложью, а это недостойно церкви.

13-е „Если затѣмъ обратить вниманіе на единовѣрцевъ“ продолжаетъ Филаретъ: „дѣло ихъ представится въ слѣдующемъ видѣ:“ т. е. ежели синодъ усвоитъ Филаретовское изъясненіе клятвъ 13 мая, то дѣло единовѣрцевъ дѣйствительно представится въ иномъ видѣ, чѣмъ оно есть въ сущности. Сущность дѣла не измѣняется, а представленіе о немъ синоду измѣнится. А если такъ, то рекомендуемое митрополитомъ представленіе не будетъ ли сознательно ложнымъ, сознательно обманнымъ. О святая истина! Гдѣ ты? А напротивъ какъ ни практикованна, какъ ни осмотрительна неточность Филарета, но онъ на каждомъ шагу роняетъ признанія, что онъ говоритъ не такъ какъ слѣдовало бы говорить.

14-е Митрополитъ говоритъ: „Они по выраженію собора вразумились...., не противятся россійской церкви и покоряются ей.“ Когда синоду, поучаемому митрополитомъ, актъ 13 мая будетъ представляться въ иномъ видѣ, тогда и выраженія акта: „дондеже вразумятся“ представятся въ извращенномъ смыслѣ, хотя самое-то дѣло конечно не измѣнится. Церковь россійская актомъ 13 мая повелѣла: креститься тремя перстами и—подъ угрозой анаѳемы—возбранила креститься двуперстно. И нынѣ она поступаетъ точно также, исключая анаѳемъ. А примиренцы и до примиренія и теперь этому повелѣнію не покорялись и не покоряются—противлялись и противляются. У митрополита готова уловка. Онъ, пожалуй, сознается подъ разными прикровеніями, что до 1801 г. россійская церковь воспрещала креститься двуперстно; но съ торжественностію укажетъ на то что нынѣ съ 1800

года для нѣкоторыхъ „благоснисходительно того не возбранено.“ Поэтому, дескать, до 1800 г. держатели стараго обряда были противниками россійской церкви, поелику держались обряда вопреки ея запрещенія; но съ этого года они держатъ его съ вѣдома и разрѣшенія сей церкви, слѣдовательно уже не противятся ей, а покоряются ей.“ Не послѣдуемъ сейчасъ за митрополитомъ до коловратностей къ которымъ ведетъ такая логика, но спросимъ: „кто же уразумится? Примиренцы-ли, которые не перестали держаться того чего всегда держались, или архипастыри, которые перестали запрещать что прежде запрещали? „Уразумились, познали, что россійская церковь православна, не хулятъ ее, не противятся ей, а покоряются ей и пріемлютъ отъ нея священство.“ Все это наборъ словъ, неимѣющій другой цѣли, какъ затемнить подлинный смыслъ клятвъ 13 мая.

15-е „И такъ проклятіе въ отношеніи къ нимъ (единовѣрцамъ) достигло своего предѣла и кончилось.“ Ежели предѣломъ проклятія взять по митрополиту 1880 г. а по нашему 1763 (отъ времени Екатерины), то съ 1667 года, по митрополиту въ продолженіи 133 а по нашему 96 лѣтъ—проклятіе лежало надъ старообрядцами не касаясь ихъ, но оплевываемое ими и погасло по Филарету на 133 а по нашему на 96 верстѣ отъ его жерла, недостигнувъ предѣла, положеннаго соборомъ безвозвратной вѣчности „въ вѣчное утвержденіе и присное воспоминаніе.“

16-е „Но при семъ они просятъ какъ снисхожденія и—церковь соглашается—чтобы у нихъ оставались обряды стоглаваго собора и пяти первыхъ россійскихъ патріарховъ.“ Не справедливо! Они просили, чтобъ у нихъ остались обряды древней отечественной церкви, а не пяти первыхъ патріарховъ и не

стоглаваго собора, которые самые эти старые обряды наслѣдовали отъ древнихъ временъ. „Просятъ какъ снисхожденія.“ Опять неправда. Вотъ какъ изъясняетъ это дѣло синоду въ 1802 году инокъ Герасимъ, настоятель высоковскаго старообрядческаго скита, Костромской губерніи: „Они (иноки) желаютъ принять законныхъ священниковъ единственно потому, что синодъ и архипастыри, по бывшихъ отъ лѣтъ Никона старообрядствующихъ отягощеній, напослѣдокъ (не старообрядцы а сами архипастыри) „уразумились“ признали отправленіе богослуженія по прежде печатнымъ книгамъ за святое и спасительное и что (поэтому) нынѣ не предвидится уже причинъ для коихъ бы избѣгать священниковъ отъ господствующихъ архипастырей.“ То есть, церковь россійская уразумилась, перестала гнать старообрядцевъ и старообрядцамъ нестало причины отъ нея бѣжать, они остановились и пошли къ ней. Надобно признаться, что синоду такъ не понравилось христіански простодушное объясненіе старца, что онъ высоковскихъ иноковъ назвалъ „нераскаянными и ожесточенными“ заблужденцами и отказалъ въ просимомъ ими присоединеніи.

17-е „И церковь соглашается“ говоритъ митрополитъ. Не церковь соглашалась,—а дѣло было иначе; соборъ 1667 года, проклялъ старый обрядъ и его держателей, но весь старый обрядъ остался въ рукахъ народа и, противу этого, архипастыри ополчались до 15 сент. 1763 г., когда самодержавіе возбранило архипастырямъ гнать русскій народъ за употребленіе стараго обряда. За актомъ 15 сентября послѣдовали другія распоряженія самодержавія, даровавшія старообрядцамъ возможность исполнять старый обрядъ. Теперь ту благодарность, которою старообрядцы обязаны самодержавію за дарованіе имъ свободы, архипастыри стараются присвоить се-

бѣ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ эта свобода вышла изъ рукъ самодержавія.

„И церковь согласилась по снисхожденію.“ Съ 1667 г. по 1763 и по 1800 годъ черезъ 96 и 133 года церковь россійская расщедрилась для старообрядцевъ на снисхожденіе. Что-то ужъ очень долго она медлила. Снисхожденіе-ли это? Мы знаемъ одно, что церковь это при наругательномъ низверженіи старотечественнаго обряда была стороною дѣйствующей, стороною запинающею, она согласилась, не возбранила, но притворно, по неволѣ, съ огорченіемъ, съ омерзеніемъ.

18) „Хотя такимъ образомъ проклятіе кончилось само собою, но нѣкоторые единовѣрцы а болѣе раскольники, не удовлетворены, еще въ недоумѣніи о церкви, имъ, кажется, чего то не достаетъ.“ Что старообрядцамъ и примиренцамъ чего то недостаетъ въ нынѣшнемъ Филаретовскомъ скончаніи клятвы 1667 г. это совершенно справедливо, но чего же имъ недостаетъ? Недостаетъ дѣйствительнаго уничтоженія клятвы 13 мая, котораго никогда не замѣнитъ ложное толкованіе, что яко бы клятвъ этихъ не было, или будто бы эти клятвы достигли своего предѣла, кончились. Клятва неправедная никого не вяжетъ, но она произнесена и существуетъ и будетъ существовать пока другой актъ, равносильный акту 13 Мая, прямыми словами ее не осудитъ и не упразднитъ. Правда, примиренцамъ дано благословеніе исполнять богослуженіе по старымъ книгамъ и обрядамъ, дано то, что простыми словами проклялъ соборъ 1667 г., но не замѣняетъ канонической отмѣны предшествовавшаго акта. И проклятіе и благословеніе по этому акту рядомъ, и раздѣляется съ одинаковою щедротою архипастырями русской церкви. Можетъ-ли же здравый смыслъ и неповрежденная совѣсть старообрядцевъ войти въ общеніе съ такой безсмысленной не-

лѣпостью, признать своими пастырями и вождями ко спасенію, такихъ неустроенныхъ и разсужденіемъ и совѣстью россійскихъ архипастырей, и которые, прикрываясь покровительствомъ самодержавія благословляютъ старый обрядъ, сами въ единовѣрческихъ церквахъ служатъ по старымъ книгамъ, а въ тайнѣ, про себя, клятвы 13 Мая положенныя на этотъ обрядъ считаютъ праведными и, слѣдовательно, и старый обрядъ праведно проклятымъ. Нѣкоторые изъ архипастырей, напримѣръ, митрополитъ Филаретъ, поняли наконецъ, что въ старомъ обрядѣ нѣтъ ничего противнаго православному исповѣданію, что актъ 13 Мая есть самая прискорбная ошибка. Но устрашаемые послѣдствіями прямой отмѣны, прямаго осужденія этаго акта, также дрожатъ за его неприкосновенность и также какъ и первые, недоброжелательствуютъ и старообрядцамъ и примиренцамъ. Отъ такихъ-ли архипастырей и въ будущемъ ждать праваго правленія слова божественной истины, возстановленія справедливыхъ, достойныхъ церкви отношеній къ старому обряду и исправленій прежнихъ грубѣйшихъ ошибокъ и главнѣй всего, акта 13 Мая 1667 года? Сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ самодержавіе актомъ 15 Сентября 1763 г. (Екатериною II) поставило было архипастырей русской церкви на прямую дорогу, но въ сто лѣтъ архипастыри не сдѣлали ни шагу далѣе того, на что направило ихъ самодержавіе. Сначала примиренцы не могли предполагать такой спутанности понятій, такой двойственности въ архипастыряхъ, но во время просвѣщенія, вѣяніе разумной свободы Александра II наконецъ коснулось и ихъ (примиренцевъ). Прошло время, что или архипастыри должны осуждать клятвы 1667 г. прямо и явственно; или самодержавіе дать старообрядцамъ право, законнымъ путемъ искать себѣ истинныхъ пастырей на мѣсто двоедушныхъ и

нравственно-неспособныхъ держать кормило. Вотъ чего не достаетъ и старообрядцамъ и примиренцамъ.

19) „Проклятіе," продолжаетъ митрополитъ „положили два восточныхъ патріарха и патріархъ россійскій, а разрѣшилъ оное св. Синодъ, который имѣетъ значеніе одного патріарха. Дѣло было бы совершеннѣе, еслибы восточные патріархи изъявили согласіе на то, что опредѣлилъ св. Синодъ." Еслибы дѣло шло объ осужденіи и отмѣнѣ акта 13 Мая, то это было бы такъ. Но у Филарета здѣсь рѣчь идетъ ни объ уничтоженіи акта 13 Мая каноническимъ порядкомъ а о превратномъ его истолкованіи, потомъ и о лукавственномъ навязаніи этого толкованія единовѣрцамъ; о таковомъ же навязаніи примиренцамъ желанія просить разрѣшенія, отъ этой извращенной Филаретомъ, въ ея смыслѣ, клятвы; и наконецъ, чтобы это толкованіе и небывалое но навязываемое примиренцамъ разрѣшеніе засвидѣтельствовать подписью нѣсколькихъ, обманутыхъ Филаретомъ, примиренцевъ, якобы всѣ единовѣрцы клятвы 13 мая понимаютъ такъ, какъ толкуетъ Филаретъ, что предковъ своихъ считаютъ праведно-проклятыми не за держаніе стараго обряда а за другія вины, за еретичество и хулы противъ церкви, что хотя эта клятва сама собой кончилась присоединеніемъ проклятыхъ еретиковъ къ церкви, т. е. будто бы множество такихъ дураковъ которые этому окончанію вѣрятъ, и будто бы желаютъ подтвержденія этого разрѣшенія восточными патріархами. А это все выдумка и изобрѣтеніе Филарета, это во первыхъ все ложь, а во вторыхъ клевета на примиренцевъ. И самъ митрополитъ глумится надъ изобрѣтенными имъ дураками: „Хороша-ли такая логика"? Логика достойная и ученика и его генія о. Лойлы. (Французскій монахъ Игнатій Лойола, изобрѣвшій Іезуитскій орденъ).

20-е) „Хороша ли такая логика“ продолжаетъ митрополитъ „или нѣтъ, единовѣрцы находятъ ея въ силѣ у нѣкоторыхъ изъ среды своей.“ Эти, по митрополиту, острозоркіе единовѣрцы, выдающіе то, что и не бывало, должны быть никто иные какъ тѣ „искренники,“ которые совѣсть свою отдали на любодѣяніе своихъ владыкъ. „Находятъ въ силѣ изъ среды своей.“ Митрополитъ дѣлаетъ уступку и истиннѣ, сокращая число изобрѣтенныхъ имъ и на дѣлѣ не существующихъ людей и вмѣстѣ усиливаетъ изобрѣтеніе, подтверждая, будто это логика сильна зѣло въ совѣсти этихъ нѣкоторыхъ. „И у раскольниковъ.“ У не примиренныхъ старообрядцевъ еще менѣе возможности отыскать сочиняемыхъ митрополитомъ *олуховъ*. Да если бы и сущая была правда, что нашлись бы такіе, которыхъ выводитъ на сцену митрополитъ, то изъ за этихъ немногихъ идіотовъ стоило-ли поднимать на ноги и самодержавіе и синодъ и восточныхъ патріарховъ?

21-е) „И какъ не надежно вразумить ихъ логически, то нельзя ли успокоить канонически?“ Логически старается митрополитъ вразумлять и старообрядцевъ и примиренцевъ своимъ „изъясненіемъ о проклятіи.“ Такъ какъ логическій способъ его вразумленія требовалъ, чтобы русскій народъ свой природный здравый смыслъ выворотилъ на изнанку, чтобы прямыя слова собора „проклятію и анаѳемѣ предаемъ,“ читать и понимать такъ, какъ толкуетъ мит. Филаретъ: „Разрѣшаемъ и благословляемъ.“ То такой способъ логическаго вразумленія, разумѣется, не могъ имѣть успѣха. Теперь что значитъ „успокоить канонически“? Что это за фокусъ, который рекомендуетъ митрополитъ Синоду, за ненадежностью вразумить русскій народъ логически? По предположенію митрополита, извращенное имъ „изъясненіе“ соборнаго акта 13 мая слѣдуетъ канонизовать подтвержденіемъ его

всею восточною церковью. Канонизованное такимъ способомъ его „изъясненіе“ должно быть обнародовано отъ Синода съ Высочайшаго соизволенія къ свѣденію и исполненію его русскимъ народомъ. Послѣ этого каждый, кто осмѣлился бы впредь оспаривать правильность этого „изъясненія“ понимать актъ 13 мая въ прямомъ смыслѣ, тотъ становился бы противникомъ церкви и Высочайшей воли. Чтобы весь русскій народъ съ негодованіемъ отвергъ эту продѣлку митрополитъ, очевидно, не ожидалъ. А что до передовыхъ людей, которые бы осмѣлились открыто высказывать противорѣчіе, то ихъ можно было бы смирить и исправить административнымъ порядкомъ: ссылкою въ отдаленныя мѣста имперіи, заключеніемъ въ суздальскій и соловецкій монастыри и т. д. Это на языкѣ покойнаго дипломата Филарета называлось „успокоивать“ публику и русскій народъ „канонически.“

III.

(Синодъ) „исполненіе прошенія единовѣрцевъ, не дастъ имъ никакой новой силы въ глазахъ раскольниковъ. Послѣдніе столь же мало почитаютъ нынѣшнихъ патріарховъ восточныхъ какъ и Св. Синодъ нашъ.“

Синодъ весьма основательно высказываетъ сомнѣніе, чтобы канонизованіе патріархами затѣйнаго Филаретовскаго „изъясненія“ нѣкоторыхъ постановленій собора 1667 года, сообщило единовѣрію какую либо новую притязательностъ для старообрядцевъ. Сомнѣніе свое Синодъ основываетъ на маломъ уваженіи старообрядцевъ къ патріархамъ; но ему ближе было бы указать митрополиту на суетность его расчетовъ, на нетупость русскаго народа и внушить ему, какъ

недостойно архипастырей церкви обманывать паству и государей и патріарховъ, этими затѣйными „изъясненіями" фактовъ, по ясности не требующихъ поясненія. Ежели Синодъ понялъ затѣйность Филаретовскаго „изъясненія" и щадитъ митрополита въ своемъ вопросѣ, то такая галантерейность обращенія неумѣстна въ столь священномъ вопросѣ и для присутственнаго мѣста, носящаго имя святѣйшаго. Ежели Синодъ не понялъ, то остается пожалѣть о церкви которой кормило въ такихъ рукахъ. Митрополитъ, однакожъ, доволенъ благонравіемъ Синода и возраженіе его принимаетъ за подлинную монету, и старается успокоить его, увѣряя во всеобщемъ, будто-бы, уваженіи старообрядцевъ къ патріархамъ, и что неуваженіе къ нимъ есть только частное у нѣкоторыхъ, такъ называемыхъ, раскольниковъ. Но кто же не знаетъ, что старообрядцы самаго послѣдняго своего попа не промѣняютъ на цареградскаго патріарха, какъ онъ теперь есть.

Въ потверждeніе своего показанія, митрополитъ не стѣснился изобрѣсть неслыханный фактъ: будто-бы старообрядцы, устроивая у себя іерархію, „митрополиту своему Амвросію испросили у Греческаго патріарха благословеніе на священнодѣйствіе." Здѣсь митрополитъ отступилъ отъ правды. И искателямъ старообрядческой іерархіи непремѣнно нужно было показать своему обществу документальное свидѣтельство о томъ, что съ Амвросія не снятъ санъ епископа, что онъ сосудъ не безъ святаго содержанія. Они достали это засвидѣтельствованіе въ Константинопольской патріаршей канцеляріи въ видѣ дозволенія, митрополиту Амвросію, отслужить литургію въ извѣстной церкви Константинополя. [1])

1) Митропол·тъ говоритъ, что будто старообрядцы испросили у патріарха благословеніе для священнодѣйствія въ Бѣлой Криницѣ.

Но, можно-ли это дозволеніе и самый способъ пріобрѣтенія называть испрошеніемъ у патріарха благословенія на священнодѣйствіе митрополиту Амвросію у старообрядцевъ въ Бѣлой Криницѣ?“ А что именно послѣдній смыслъ придаетъ митрополитъ помянутому документу, очевидно изъ того, что по Филарету просятъ раскольники тогда, когда просили (благословеніе) греки. 2) просили своему митрополиту; 3) просили на священнодѣйствіе вообще и на не однократное служеніе литургіи. Въ прежнія времена старообрядцы, отъ являвшихся къ нимъ изъ русской церкви священниковъ, всегда требовали ставленныхъ грамотъ объ утвержденіи ихъ въ санѣ. По Филаретовскому способу толковать факты, выйдетъ, что въ прежнія времена, старообрядцы всегда испрашивали у россійскихъ епископовъ благословенія, удалившимся отъ нихъ священникамъ на священнодѣйствіе у нихъ. Но старообрядцы требовали грамотъ не потому, что они уважали россійс. архіереевъ, а потому чтобы они дѣйствительно знали, что онъ священникъ и, по 8-му правилу втораго вселенскаго собора, черезъ исправленіе могъ остаться при своемъ санѣ.

„Можетъ быть исполненіе просьбы единовѣрцевъ не окажетъ значительной силы.“ Филаретъ не настаиваетъ и не имѣетъ надежды, чтобы исполненіе просьбы единовѣрцевъ прибавило единовѣрію обаяніе, но напоминаетъ, что исполненіе ее для самаго Синода есть единственный выходъ изъ затрудненія отъ просьбы всестарообрядческой іерархіи и отъ небывалаго протеста единовѣрцевъ противъ двуличности архипастырей въ правительственной дипломатикѣ, внушая Синоду, что сочиненная имъ просьба есть единовѣрческое средство, замять (хотя бы на время) протестъ. Митрополитъ даетъ понять, что въ противномъ случаѣ онъ не ручается за послѣдствія.

„Но можетъ быть и то что не допустило-бы...и проч.“ Такое построеніе рѣчи не простительно.

IV.

Синодъ: „Прошеніе единовѣрцевъ требуетъ повидимому, чтобы патріаршій отвѣтъ содержалъ въ себѣ болѣе, нежели заключалось въ синодальномъ рѣшеніи. Подобный результатъ немыслимъ.“

Подъ синодальнымъ рѣшеніемъ Синодъ разумѣетъ, очевидно, правило митрополита Платона 1809 года) (на пун. II въ которомъ воспрещается переходъ отъ великороссійской церкви въ единовѣрческую) для такъ называемаго единовѣрія. Выше мы помянули, что просьба о клятвахъ подана но, въ какомъ смыслѣ, никто сказать не могъ и, по приказанію митрополита Филарета, копіи съ просьбы они у себя не оставили, слѣдовательно содержаніе ея и до днесь хранится въ секретѣ. Поэтому не читавши прошенія не можемъ знать, что требовало для себя единовѣріе, въ лицѣ Филарета, отъ настоящихъ просвѣщеннѣйшихъ временъ и посягало-ли оно, и на сколько посягало на правила Платоновскія 1800 года?

Постараемся разгадать этотъ вопросъ способомъ невѣдѣнія. Намъ извѣстно, что просьба всестарообрядческой іерархіи, протестуя противъ двоедушности теперешнихъ своихъ пастырей, требуетъ для старообрядства—или самостоятельной іерархіи, ничѣмъ не связанной съ теперешней россійской, или же дарованія старому обряду—полной и безусловной свободы, т. е. предоставленіе каждому лицу и приходу права въ осужденіе клятвы 13 мая. Права для осужденія этихъ клятвъ и собора, архипастырство недопускаетъ, но старается увѣрить будто этой клятвы не бывало. Обѣ стороны очевидно согласны въ конечномъ стремленіи торжественно провозгласить: нѣтъ

клятвы! Разность въ томъ, что первая сторона ищетъ этого „нѣтъ“ съ прибавкою „болѣе“ (т. е. было, но нѣтъ болѣе), а другая сторона ищетъ того же „нѣтъ“ съ прибавкою „и не бывало“. Положимъ, что это стремленіе достигнуто, что усердно-искомое обѣими сторонами „нѣтъ“ подтверждено со всею торжественностью. Нѣтъ клятвы на старый обрядъ, слѣдовательно, нѣтъ ни осужденія, ни запрещенія. Если же нѣтъ запрещенія, слѣдовательно, разрѣшеніе въ устахъ церкви (повторяемъ сотый разъ) не можетъ не быть благословеніемъ для всѣхъ и каждаго. Только дипломатикъ можетъ вступать въ мировыя сдѣлки съ заблужденіемъ, т. е. можетъ согласиться съ заблужденіемъ; для церкви же и для истины и святости несвойственно благоснисходительное возбраненіе того, чего не можетъ одобрить и благословить ея истинность и святость, иными словами, церковь не можетъ одобрить и благословить ересь. При благословеніи же стараго обряда немыслимо коварственное дѣленіе отечественной церкви на православную и единовѣрческую, не мыслимо запрещеніе стараго обряда и перехода отъ одного обрядства къ другому для лицъ, для приходовъ и для епархіи. Словомъ, провозглашеніе „нѣтъ клятвы на старый обрядъ,“ провозглашеніе столь торжественное, какого добивается митрополитъ, немыслимо безъ столь же торжественнаго признанія полнѣйшей и безусловной равночестности и равноправности обѣихъ обрядовъ. Не думаемъ, чтобы Филаретъ (въ своемъ прошеніи Синоду) былъ нравственно способенъ внушить россійскимъ іерархамъ мысль объ обрядовой свободѣ въ такихъ размѣрахъ, столь непереносныхъ для новшества и властительства, въ чемъ митрополитъ считаетъ для себя священно-обязательнымъ. Не можетъ быть, что онъ (если не во имя святительства, то во имя себя,

какъ мыслителя и передоваго дѣятеля) внушилъ московскимъ единовѣрцамъ мысль, если не прямо просить дозволенія на переходъ отъ такъ называемаго православія къ единовѣрію, то по крайней мѣрѣ, намекнуть Синоду о справедливости, необходимости и благонамѣренности этого дозволенія. Появившіеся вслѣдъ за просьбою о клятвахъ, толки, между московскими единовѣрцами „о разрѣшеніи правъ единовѣрія“ подтверждаютъ это предположеніе. Самая фраза „разрѣшеніе правъ единовѣрія“ свидѣтельствуетъ о стараніи митрополита этимъ замаскировать подлинный смыслъ ошибки митрополита Платона въ 11-мъ пунктѣ его „мнѣній.“ Теперь, ежели въ прошеніи прямо говорится о разрѣшеніи перехода, то смыслъ Синодскаго вопрошенія будетъ таковъ: подъ переходомъ отъ православія къ единовѣрію не скрывается-ли требованіе, чтобы сами патріархи по собственной инщіативѣ разрѣшили употребленіе стараго обряда для всѣхъ общеприходскихъ церквей? Ежели же въ прошеніи нѣтъ прямаго слова объ этихъ разрѣшеніяхъ, то вопрошенія можно будетъ понять такъ: подъ всецерковнымъ провозглашеніемъ, что клятвы нѣтъ и не бывало, не подразумѣвается-ли требованіе, чтобы патріархи разрѣшили помянутый переходъ?

Синодское выраженіе: „подобный результатъ немыслимъ“ (т· е. не можетъ быть допускаемъ) одинаково приложимо къ тому и другому подразумѣвающемуся требованію. Указаніе Синода на прежнее свое „Синодское рѣшеніе даетъ вопросу именно послѣдній смыслъ“ „подобный результатъ немыслимъ“ допустивъ актъ соединенной конференціи Сената и Синода 15 Сентября 1763 года, Синодъ безвозвратно осудилъ соборный актъ 13 Мая 1667 г. Самая сущность акта конференціи содержитъ разрѣшеніе стараго обряда для каждаго лица и прихода, на всемъ

пространствѣ имперіи, на правахъ полной равночестности и равноправности обоихъ обрядовъ (какъ доказываетъ подтвержденіе на прошеніе императора Павла). Развитіе этого разрѣшенія въ доказанныхъ сей часъ актахъ, есть дѣло времени; архипастыри могутъ содѣйствовать этому развитію, могутъ запинать его, но совершенно отстранить, уничтожить, подавить его—никогда. Каждый шагъ архипастырства, каждая его резолюція, постановленіе по этому вопросу, какъ и каждое слово литераторовъ, все равно поступательны-ли они или воспятны, неизбѣжно подвигаютъ вопросъ къ разрѣшенію въ интересахъ обрядовой свободы. Самая воспятность уже тѣмъ помогаетъ рѣшенію, что высказываетъ заблужденіе и нелѣпость на занимающее разрѣшеніе, вызываетъ противъ нихъ протестъ обличенія и осужденія, которымъ эти высказанныя запинанія и устраняются. Есть-ли же какой смыслъ въ восклицаніи (Синода) „такой результатъ не мыслимъ." Почему не мыслимъ? Потому-ли, что единство Никоновскаго обряда обязательно для всей вселенной и что привязанность старообрядцевъ къ старootечественному обряду противно ученію и духу апостольской церкви? Потому-ли, что Синодъ не допускаетъ старообрядцевъ просить восточныхъ патріарховъ о дарованіи имъ въ Россіи канонически принадлежащей имъ свободы? Но кнута и плетей нѣтъ болѣе въ распоряженіи архипастырей. Или же потому что архипастыри прервутъ общеніе съ патріархами, произведутъ расколъ въ православной церкви на сѣверную и восточную, ежели тѣ (сѣверные) осмѣлятся быть разсудительными и справедливыми къ старому обряду? Но тогда и въ настоящемъ самодержавіи окажется духъ Екатерины, вызвавшій актъ 15 Сентября 1763 года. Какъ же отвѣчаетъ митрополитъ? Исповѣдуетъ-ли онъ предъ Синодомъ: что это и характерно, и народныя

обрядовыя отличительности отъ западной церкви, образуемыя исторически-общимъ и согласнымъ воздѣйствіемъ русской староотечественной церкви и ея народа и ея пастырства, должны быть священны и обязательны и для того и для другаго. 2) Что каждый народъ властенъ имѣть своихъ архипастырей по чину, обычаю и обряду и что народное право, при каждомъ избраніи епископа, выражается подтвержденіемъ этого избранія самодержавіемъ прирожденнымъ представителямъ народа въ дѣлахъ его церкви. 3) Что отреченіе отъ епископа за привязанности къ обряду чужеземному есть отреченіе отъ самаго избранія, епископъ, не привязанный къ народному обряду, промѣнявшій его изъ пристрастія къ чужеземному, обязанъ оставлять каѳедру при помощи государственныхъ властей. Онъ уже не есть пастырь, входящій дверьми во дворъ овчій. 4) Что властительское— вопреки привязанностямъ народнымъ—ломаніе святоотеческаго обряда осуждается св. церковью какъ возбужденіе раздоровъ и ежели изъ за этаго расколъ послѣдовалъ, то вина его и имя „раскольникъ" должны пасть не на народъ, а на архипастырей. 5) Что такимъ образомъ, актъ 13 Мая 1667 года, есть тяжкій грѣхъ архипастырства и прискорбная ошибка самодержавія. 6) Если архипастырство настолько не догадливо, что не можетъ понять своего грѣха, или настолько упрямо, что не хочетъ исправить своей ошибки, то самодержавіе (которому свойственно иногда ошибаться, но которое не можетъ обманывать свой народъ) обязано возвратить архипастырей къ ихъ народу. 7) Что соединенная конференція 15 Сентября 1763 года есть именно первый шагъ самодержавія къ возстановленію правильныхъ отношеній архипастырства къ народу и возстановленія попранной обрядовой свободы. 8) Что этотъ актъ, 15 Сентября,

совершенно разрушающій прискорбный актъ 13 Мая, въ самой сущности содержитъ признаніе равночестности и равноправности обѣихъ у насъ (въ Россіи) обрядовъ. 9) Что разширять развитіе акта 13 Мая до его послѣднихъ выводовъ, значитъ сознательно поддерживать раздоръ и расколъ, и не смотря на временное торжество, готовить себѣ въ будущемъ и въ будущемъ недалекомъ, осужденіе и современниковъ и потомства. 10) А что всего хуже для архипастырства это то, что при теперешней, даже довольно связанной свободѣ печатнаго слова, протестъ старообрядцевъ пробудитъ вниманіе самодержавія къ забытымъ нынѣ имъ обязанностямъ прирожденнаго представительства за народъ и подвигнетъ ихъ довершить то, что начато при Екатеринѣ актомъ 15 Сентября 1763 года. Вмѣсто всего этого, что дѣлаетъ митрополитъ? Онъ какъ будто не понимаетъ самодержавной мысли, высказавшейся актомъ 15-го Сентября, не предвидитъ логически неизбѣжныхъ послѣдствій его и, какъ крѣпкій „хранитель“ и присяжный ретроградъ, соглашается съ синодомъ что „подобный результатъ немыслимъ“ и въ частномъ тайномъ намекѣ, чтобы патріархи безъ синода и вопреки синодскому рѣшенію, дозволили переходъ изъ великороссійской церкви въ единовѣріе. Митрополитъ, какъ школьникъ пойманный въ шалости, оправдываетъ себя тѣмъ, что этотъ результатъ заключается „болѣе“ въ выраженіяхъ нежели въ существѣ „дѣла,“ т. е. ежели просьба, какъ важное слово о клятвахъ 13 мая, заключаетъ въ себѣ новый шагъ къ разрѣшенію двухъ-вѣковаго вопроса и разрѣшенію не въ интересахъ синода и что онъ, митрополитъ, противъ этого результата принялъ мѣры такъ, что это разрѣшеніе изъ существеннаго сдѣлалось призрачнымъ „болѣе въ выраженіяхъ, нежели въ существѣ дѣла.“ Жалкое трясодрожаніе въ такомъ

велемощномъ сановникѣ и святителѣ предъ отсталостью, сказавшеюся въ фразѣ синода „такой результатъ немыслимъ."

Трясодрожательно продолжаетъ митрополитъ разъяснять синоду, будто Московскіе единовѣрцы просятъ синодъ объ одномъ: о разрѣшеніи архіереямъ совершать литургію въ единовѣрческихъ храмахъ, по старопечатнымъ книгамъ. Но развѣ этого разрѣшенія не подразумѣвается въ самомъ принятіи старообрядцевъ въ общеніе съ ихъ старопечатными книгами. Развѣ архіереи не служатъ въ единовѣрческихъ церквахъ безъ ходатайства о немъ Московскаго Единовѣрія? И развѣ перестанутъ они служить теперь, когда это ходатайство вмѣстѣ съ недоброю затѣей митрополита заключено въ Синодскомъ Архивѣ? Рѣшительно не хочется вѣрить, чтобы это было написано въ прошеніи, хотя въ этомъ увѣряетъ и самъ сочинитель (Митрополитъ.) Такъ это нелѣпо! Нелѣпо, и потому отказываемся вѣрить; но это до подлинности слѣдовательно свойственно мѣропріятіямъ Архипастырства и потому не сомнѣваемся. Въ чемъ же тутъ безсовѣстность?—Объяснимся.

Старый обрядъ, дарованный старообрядцамъ первоначально 15 сентября 1763 г. и окончательно 12 марта 1798 г., и—дарованъ какъ мы уже доказали—на правахъ равночестности и равноправности съ обрядомъ казеннымъ, хотя эта равночестность и равноправность были только въ зачаткахъ. Въ этихъ церковно-государственныхъ актахъ не было слова о запрещеніи перехода отъ обрядства казеннаго къ обряду староотечественному. Но архипастыри, своими правилами митрополита Платона 1800 года, успѣли замять значеніе и смыслъ помянутыхъ актовъ, успѣли между обрядомъ и обрядомъ поставить раздѣлительную стѣну, успѣли старый обрядъ отдѣлить отъ своей церкви въ какую-то единовѣрческую. Этими

то Платоновскими правилами переходъ отъ обрядства казеннаго къ обрядству старонародному—строжайше возбраненъ. И служеніе архіереевъ въ церквахъ примиренныхъ по духу самодержавія (15 сен. и 12 марта), закончилось въ самомъ принятіи стараго обряда въ общеніе, что есть разумно, справедливо и свято; но по духу Платоновскихъ правилъ это было равносильно оскорбленію истины и чистоты церкви, похваленію и благословенію заблужденій. Но съ теченіемъ времени, предубѣжденія архипастырей стали ветшать а истина болѣе приниматься ими въ уваженіе и вотъ, по мѣстамъ, стали являться факты архіерейскихъ служеній въ церквахъ соединенскихъ по обряду старому, а потомъ эти служенія приняли характеръ безспорнаго обычая и канона. Ежели же такое отношеніе архіерея къ старому обряду было совершенно въ духѣ самодержавія, но—какъ мы замѣтили выше—ни какъ не согласно съ духомъ синода и его Платоновскихъ правилъ. Какъ же митрополиту поправить эту оплошность архипастырей, какъ ему сдѣлать этотъ проломъ о Платоновскихъ правилахъ въ этой стѣнѣ-оградительницѣ архипастырскаго велемощія? А какъ „Хранитель" крѣпкій хранитель, хранитель по преимуществу, митрополитъ считаетъ это своей обязанностью. Способъ одинъ: служеніемъ архипастырскимъ навязать синодское разрѣшеніе; и тогда изъ служенія по праву истины обратится въ служеніе по разрѣшенію изъ снисхожденія къ заблуждающимъ и заблужденіямъ, и то, что было почитаемо истинной, было бы тогда разрушено, а духъ синодскаго велевластія, духъ Платоновскихъ правилъ былъ бы возстановленъ въ его силѣ. Какъ же это разрѣшеніе навязать? Объ этомъ Московское единовѣріе и проситъ синодъ подъ диктовку митрополита:

Мая 13 день 1856 года (въ бесѣдѣ) къ братіямъ

св. храма святителя Николая (что въ Рогожской) митрополитъ говоритъ примиренцамъ: „Поелику въ церковныхъ книгахъ вами чтимыхъ, вижу единую и ту же какъ и въ исправленныхъ вѣру, таинство и церковь; то по благословенію святой апостольской церкви, въ мирѣ вашей и моей совѣсти, читаю въ вашей церкви ваши церковныя книги и исполняю принадлежащія особенности священно-служебнаго чина и обрядовъ;" и не обинуясь говоритъ: „Никогда не мнимъ видѣть раздѣленіе въ томъ, что въ церкви вашей слышатся нѣкіе особенные звуки слова, видятся нѣкоторыя особенности обрядовъ." „Иногда я," говоритъ митрополитъ синоду, „служу въ старообрядческой церкви по старому обряду съ благословенія св. Апостольской церкви; а твое, синодъ, благословеніе я чту не только тогда когда оно согласно съ духомъ и ученіемъ св. Апостольской церкви, но и тогда когда оно согласно съ здравымъ смысломъ; а запрещенія твоего—служить по старымъ книгамъ—я знать не хочу, потому что оно неправедно и безразсудно." Вотъ смыслъ теперешнихъ архіерейскихъ служеній въ церквахъ примиренскихъ, пока онъ еще не развращенъ разрѣшеніемъ Синода.

Но если въ устахъ митрополита, 13 Мая 1856 года, слышится самая святая истина, которая все твердитъ „по праву" не требуя разрѣшеній и даже вопреки прещеній и угрозъ заблуждающихся властей хотя-бы это былъ Синодъ и даже соборъ патріарховъ (какъ напримѣръ соборъ 1667 г.), то какимъ образомъ митрополитъ изъ проповѣдника и исповѣдника истинны обратился въ затѣйнаго дипломата? Вопросъ не касающійся разбираемаго вопроса. Но остановимся на немъ на минуту. Не имѣемъ свѣдѣній кто, первый, изъ архипастырей по благословенію св. Апостольской церкви, вопреки прещеній

Синода, рѣшился отслужить литургію въ примиренскомъ храмѣ. Если Филаретъ не первый, то исповѣданіе его объясняется просто: фактъ архипастырскаго служенія не могъ не обратить вниманія такого передоваго дѣятеля. Митрополитъ долженъ былъ отдѣлить фактъ и по положенію своему и по характеру, или потребовать отъ Синода его сужденія, или же честь начина предвосхитить себѣ. Послѣднее онъ сдѣлалъ исповѣданіемъ 13 Мая 1856 года. Если же и первый онъ произвелъ фактъ, первый произвелъ его осмысленно и разумно. Превращеніе же впослѣдствіи изъ святителя и исповѣдника въ дипломата и веле-властителя объясняется неискренностію исповѣданія. Еслиже на самомъ дѣлѣ изъ архипастырей первый, Филаретъ, далъ примѣръ служенія по старому обряду, то послѣдняя метаморфоза поразительнѣе, такое превращеніе изъ святителя и исповѣдника—въ администратора — для митрополита весьма предосудительно.

„Просятъ они его," (митрополита) добавляетъ Фил.1) какъ разрѣшенія по снисхожденію, а не какъ обязанности налагаемой на архипастырей." Но если епископъ согласился быть пастыремъ примиренскаго стада, то онъ обязанъ служить въ его храмѣ по старому обряду ежели это стадо о томъ его проситъ, если же онъ отказывается отъ того, то онъ не пастырь онаго болѣе а лиса, взявшаяся быть игуменьей надъ курами.

Къ концу этого IV вопроса, митрополитъ какъ будто опомнился, какъ будто спохватился какъ низко онъ палъ и яко левъ, отъ зуды, рыкнулъ на синодъ грознымъ упрекомъ: „и могутъ архіереи непогрѣшительно совершать литургію, произнося: во вѣки вѣкомъ, вмѣсто во вѣки вѣковъ и проч." Т. е. и безъ твоего, Синодъ разрѣшенія и даже вопреки твоего прещенія, могутъ архіереи, съ благо-

словенія св. Апостольской церкви, служить по старымъ обрядамъ гдѣ и когда захотятъ, хотя-бы въ примиренской церкви, хоть-бы въ своей крестовой, хоть-бы въ Успенскомъ Московскомъ соборѣ или Исакіевскомъ соборѣ въ Петербургѣ. „Могутъ архіереи!“ Но если архіереи имѣютъ право противъ запрещеній Синода протестовать къ св. Апостольской церкви, ежели пренебрегая и разрѣшеніями и прещеніями Синода, властны исполнять обязанности „по благословенію св. Апостольской церкви,“ то почему же этого права лишены всероссійскіе священники? Ужели одни епископы имѣютъ привиллегію на благословеніе св. Апостольской церкви, а священники обречены на безразсудительное исполненіе Синодскихъ указовъ? Ежели священники не могутъ быть подъ благословеніемъ св. Апостольской церкви, ежели указамъ заблужденнаго синода, священники не могутъ противупоставить благословеній св. Апостольской церкви, то это право митрополитъ долженъ взять у епископовъ. „Могутъ архіереи произносить во вѣки вѣкомъ“.. А могутъ-ли креститься двумя перстами? Разумѣется, если могутъ, то почему бы митрополиту не высказать прямо: и могутъ епископы служить по всѣмъ старымъ книгамъ и обрядамъ. Гдѣ и въ какихъ церквахъ могутъ епископы служить по старому? Ежели могутъ, ежели имѣютъ на то право и по благословенію св. Апостольской церкви, то очевидно во всякомъ храмѣ, не только въ примиренскомъ. Ежели епископы имѣютъ право съ благословенія св. Апос. церкви пренебрегать прещеніями Синода и служить постарому обряду въ примиренской церкви, то не имѣетъ ли этого права каждый, такъ называемый, православный священникъ? А если такъ, то почему бы Митрополиту не высказать все это прямо, и—до послѣднихъ выводовъ—ясно?! Онъ этого не сдѣлалъ. Что же значитъ

послѣдняя его выписка („и могутъ архіереи произносить во вѣки вѣкомъ.“)? Не есть-ли это выстрѣлъ на вѣтеръ и—холостымъ зарядомъ? Эта выписка доказываетъ накипѣвшую на сердцѣ митрополита досаду на всѣ и прежнія и нынѣшнія ошибки архипастырства по вопросу о старыхъ обрядахъ. Но увы! вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ оказалось и безсиліе, но—замять эти ошибки для него было легко, а открыто стать противъ нихъ (ошибокъ),—немогло безсиліе этого высокаго ума.

V.

Синодъ: „Ни одинъ восточный патріархъ не благословитъ двуперстное крестное знаменіе, сугубую аллилуія, хожденія посолонь и другія обрядовыя различія, требуемыя старообрядцами.

Не требуется лучшаго мѣрила, чѣмъ эти строки, чтобы понять какъ сильны и нынѣ у насъ, въ церковно-правительственной практикѣ, преданія московсковскаго собора 1667 года. Синодъ очевидно увѣренъ въ томъ что патріархи поступятъ просвѣщенно и справедливо, отказавъ въ благословеніи двуперстія и т. д. А когда такъ, праведно ли и просвѣщенно ли поступилъ Синодъ, самъ допустивъ въ свое общеніе старообрядцевъ и, слѣдовательно, благословивъ этотъ обрядъ?

„Сего дѣйствительно можно опасаться“ отвѣчаетъ Синоду митрополитъ „если будутъ судить по первому взгляду и не примутъ труда вникнуть въ дѣло. Но, кажется, ненадобно терять надежды что благоразсудительнѣйшіе могутъ вникнуть и оказать терпимость.“ Слѣдовательно отказа, благословить старый обрядъ, митрополитъ опасается отъ непоспѣшности, отъ невниманія, отъ неразсудительности восточныхъ іерар-

ховъ, но высказываетъ надежду встрѣтить между ними „благоразсудительнѣйшихъ,“ которые вразумятъ и остальныхъ. Въ этомъ опасеніи и въ этой надеждѣ митрополитъ осудилъ увѣренность Синода въ отказѣ патріарховъ, какъ слѣдствіе поспѣшности, невниманія и неразсудительности. Но не долго митрополитъ стоялъ прямо, по святительски, предъ Синодомъ и сряду же обнаружилъ хромоту свою и смысломъ и совѣстью. Онъ надѣется что благоразсудительнѣйшіе, вникнувъ, могутъ оказать терпимость. Итакъ, къ чему было митрополиту обличать Синодъ въ неразсудительности его увѣренности, что восточные патріархи не благословятъ стараго обряда, когда самъ отъ благоразсудительности послѣднихъ ждетъ не благословенія, а оказанія только терпимости. „Благоразсудительнѣйшіе могутъ оказать терпимость,“ слѣдовательно митрополитъ хлопочетъ именно въ духѣ платоновскихъ правилъ, хлопочетъ вовлечь патріарховъ въ участіе съ русскимъ Синодомъ въ этихъ правилахъ, въ этой латынской уніи, мнимаго православія съ старымъ обрядомъ; имѣющій цѣлію черезъ мирожитіе, надѣяніе потопить и искоренить послѣднее.

Митрополитъ надѣется, что патріархи могутъ оказать терпимость, если имъ сказано будетъ: „напримѣръ: мы полагаемъ на себѣ крестное знаменіе тремя перстами въ знаменіе Пресвятой Троицы; единовѣрцы полагаютъ оное на себѣ, слагая три крайніе перста въ знаменіе Пресвятой Троицы и простирая два средніе въ знаменіе Божескаго и человѣческаго естествъ во Іисусѣ Христѣ, окажите имъ снисхожденіе и не осуждайте ихъ, и не считайте ихъ проклятыми за то, что они отъ предковъ держатся сего обыкновенія.“ Кажется, вся эта рѣчь митрополита обращена не къ патріархамъ которые въ такихъ вразумленіяхъ не нуждаются, а къ нашему Синоду очень, очень ихъ требующему.

„Симъ снисхожденіемъ (этой дипломатической сдѣлкой) они приведены въ послушаніе православной церкви (въ общеніе съ пастырями русской церкви) и другія приведены быть могутъ. Можетъ ли отказать въ семъ благоразсудительнѣйшій, милосердый, любящій миръ церковный?“ Митрополитъ предъ Синодомъ и патріархами ставитъ однихъ примиренцевъ, объ нихъ однихъ ходатайствуетъ чтобы Синодъ и патріархи не считали бы ихъ проклятыми за то, что они крестятся двуперстно. Но ежели примиренцы свободны отъ осужденія и проклятія и т. д., то праведно ли и разумно-ли за тоже держаніе считать проклятыми непримиренныхъ старообрядцевъ? Ежели держаніе двуперстія и тому под. обрядовъ праведно заслуживаетъ проклятія, то зачѣмъ митрополитъ выговариваетъ только примиренцамъ. Ежели же не праведно, зачѣмъ считаетъ и самъ и другимъ допускаетъ считать проклятыми остальныхъ не примиренныхъ старообрядцевъ? Не ясно ли, что митрополитъ озабоченъ совсѣмъ не тѣмъ, чтобы правительственную практику или архіереевъ своей церкви поставить на прямой путь, на исправленіе тѣхъ ошибокъ коими порожденъ и поддерживается расколъ, не объ умиротвореніи отечественной церкви, а объ одобреніи, подтвержденіи, канонизованіи правилъ платоновскаго единовѣрія, этого произведенія невѣжества и недобросовѣстности. Православный іерархъ, искренно ревнующій о чистотѣ православія, какъ бы ни былъ благоразсудителенъ, милосердъ, любящій миръ церковный, никогда не дастъ и не долженъ подать руки на примиреніе съ неправославіемъ, какъ напримѣръ съ неправославнымъ единовѣріемъ.

VI.

Синодъ: „Исполненіе прошенія единовѣрцевъ, не дастъ ли повода раскольникамъ къ безчисленнымъ діалектическимъ выводамъ въ родѣ слѣдующихъ: а) Итакъ восточнымъ патріархамъ все равно, что тотъ или другой обрядъ церкви. б) Итакъ служеніе по старымъ книгамъ непогрѣшительно, старые обряды не ошибочны въ такой степени, какъ это прежде полагали въ православной церкви (т. е. послѣ Никона; или для патріарховъ и архіереевъ все равно, вѣрно или ошибочно переведены тѣ или другія священныя книги“) и т. д.

„Восточнымъ патріархамъ все равно!“ Для теперешнихъ патріарховъ какъ грековъ лично, и какъ представителей извѣстной національности, не можетъ не быть пріятно чтобы хотя и не древле православный, но національный ихъ обрядъ, обязательно чтился церквами иныхъ народностей, но для святой Апостольской церкви именно все равно что тотъ или другой обрядъ, ежели они оба православны. Заявивъ что изъ двухъ обрядовъ, святоотечественнаго и греческаго, для него сердечнѣе именно обрядъ греческій чужеземный, чѣмъ отечественный, Синодъ обнаружилъ не уваженіе къ отечественности а пристрастіе къ чужеземности.

„Итакъ“ говоритъ Синодъ къ митрополиту „служеніе по старымъ книгамъ не непогрѣшительно!“ А чѣмъ оно погрѣшительно? Какъ же самъ Синодъ допускаетъ внутри своей церкви богослуженіе погрѣшительное, и сами архіереи мараютъ себя богослуженіемъ погрѣшительнымъ? „Старыя книги не ошибочны въ такой степени какъ это прежде полагали!“ Въ сравненіе текста литургіи старопечатнаго и синодально-греческаго, составленнаго по при-

глашенію архіепископа рижскаго Платона изъ 300 параграфовъ, указываютъ на погрѣшительности служебника, исправленнаго 30 §, на погрѣшительность старопечатнаго 45 §, остальные параграфы какъ синодальные такъ и старопечатные оказались безошибочны. Одно это сравненіе можетъ дать правильное понятіе, „въ какой степени ошибочны старыя книги" и правильно-ли „полагали въ такъ называемой православной церкви," когда съ такою азартностью извлекали ихъ изъ употребленія. Этимъ сравненіемъ подтверждается и та мысль, что церковно-начальственныя власти греко-никоновскихъ временъ, не книги, собственно, преслѣдовали за небывалую поврежденность, а заключающееся въ этихъ книгахъ двуперстіе, двоеніе алиллуія, седми просфоріе, посолоніе и т. п., что не входитъ въ область редакціонныхъ погрѣшностей. Никоновская реформа самымъ именемъ своимъ даетъ понять, что сущность состояла въ мнимомъ исправленіи обрядовъ а не текста, хотя и послѣдній былъ пересмотрѣнъ. Противъ исправленій текста никогда не возражалъ русскій народный смыслъ, но духъ народа не могъ и не долженъ былъ не протестовать противъ мнимыхъ исправленій Никономъ обрядовъ. Никонъ виноватъ предъ отечественною церковью не исправленіемъ а перемѣною книгъ для обрядо-уничтоженій. И Никону, подъ предлогомъ исправленія книгъ, удобно было прикрыть и оправдать обрядо-ломку, и нашему Синоду, этимъ исправленіемъ книгъ удобно замаскировать ошибки и Никона, и греко-московскаго собора. Но эти „исправленія" въ устахъ Никона и Синода, есть намѣренная неправильность. И теперь ежели Синодъ утверждаетъ, что староотечественныя книги по ихъ тексту именно тѣмъ ошибочны, какъ о томъ полагали Никонъ и московскіе милостыне-собиратели греки, то это или

заблужденіе, или сознательныя напраслины на старыя книги.

Но откуда возникла у Синода такая заботливость о добромъ мнѣніи старообрядцевъ о восточныхъ патріархахъ, которыхъ, по сознанію его самого „уважаютъ они (старообрядцы) также мало, какъ и нашъ Синодъ?"

Самъ Синодъ думалъ-ли, какъ о немъ самомъ будутъ говорить старообрядцы, когда согласился принять въ свое общеніе обрядъ проклятый московскими греками? Если, какъ думаетъ Синодъ что онъ разрѣшилъ этотъ вопросъ удовлетворительно, то почему же нынѣ этого разрѣшенія не предложить патріархамъ? Мы уже знаемъ, съ какимъ отвращеніемъ вступило архипастырство въ общеніе съ старымъ обрядомъ, начиная съ 15 Сентября 1763 года, по настоянію самодержавія. Можно представить ужасъ, какимъ было поражено невѣжество и заблужденіе, услышавъ это слово самодержавія, какими громовыми раскатами отзывалось оно въ ушахъ архипастырства, пронеслось отъ одного края Имперіи къ другому. Но, лѣтъ черезъ 40, ужасъ заблужденнаго архипастырства на чистосердечное невѣжество, не могъ не перейти въ страхъ латино-іезуитства дрожащаго за свою непогрѣшимость и велевластіе. Архипастырство понимало, что допустивъ къ сообщенію проклятый соборомъ обрядъ, оно давало полное право говорить, что или соборъ погрѣшилъ, проклявъ старый обрядъ, или само архипастырство погрѣшило тѣмъ, что отъ временъ Екатерины и послѣдующихъ, приняло его въ сообщеніе. Архипастыри въ лицѣ Платона рѣшили, что виноваты они, архипастыри; виновны въ крайнемъ снисхожденіи къ неправильному, праведно-проклятому обряду. Де-скать, если лжи пришлось принимать удары, то не той стороной которой больно, а той, на которой эти удары будутъ отзываться ласкатель-

нымъ, невыразило сладостнымъ щекотаніемъ, упреками въ безграничномъ и беззавѣтномъ снисхожденіи, въ неизмѣримо-глубокой любви къ меньшей, заблуждающейся братіи, въ готовности самимъ попасть подъ проклятіе, самимъ лишиться царства небеснаго, лишь-бы испытать всѣ мѣры, всевозможныя средства—спасти согрѣшающихъ, словомъ, упреками въ едва-ли,—человѣческимъ естествомъ вмѣстимой—чистотѣ намѣреній и святости дѣлъ. Какія, подумаешь, величественные (грандіозные) размѣры и какое умилительное сочетаніе всевозможныхъ христіанскихъ доблестей въ каждомъ изъ нашихъ архипастырей и но.... но (думаетъ Синодъ) ежели патріархи подтвердятъ соборнѣ именно все-то, чего боится наше велевластіе и недобросовѣстность, подтвердятъ, что Св. апостольская церковь, признаетъ старый обрядъ святымъ, богоугоднымъ и спасительнымъ, что, де-скать, Богъ васъ благословитъ православные христіане, мужички и бояре, міряне и владыки, креститесь, какъ васъ научили ваши отцы. Что тогда станется съ нашимъ Синодомъ, въ какой прахъ обратятся всѣ его напускныя доблести съ непогрѣшительностью и велевластіемъ! Вотъ разность между „благоснисхожденнымъ невозбраненіемъ" стараго обряда, нашимъ Синодомъ—и между благословеніемъ патріархами. Синоду очень и очень слѣдуетъ позаботиться о не благословеніи патріарховъ, чтобы не уронить ихъ во мнѣніи, такъ называемыхъ, раскольниковъ. И Синодъ провозгласилъ тако: „хотя и нынѣ не можетъ быть (о старомъ обрядѣ) о всемъ томъ (прочемъ) иная церкви мысль которая ею доселѣ за истинную признана и признается (т. е. обряды, проклятые соборомъ 1667 г. остаются проклятыми), однако церковь яко мать сердобольная... разсудила за благо учинить, нѣкоторое, таковымъ въ невѣдѣніи погрѣшаю-

щимъ снисхожденіе, однако безъ соблазна православныхъ“ и т. д. Что же отвѣчаетъ Синоду, чѣмъ успокоиваетъ умнѣйшій изъ нашихъ омофороносныхъ Іерарховъ, митрополитъ Филаретъ? Онъ утѣшаетъ его тѣмъ, „что старообрядцы 60 лѣтъ видятъ единовѣрческія церкви, и не видно, чтобы они изъ сего явленія дѣлали діалектическій выводъ, что для православной церкви все равно, тотъ или другой обрядъ и что служеніе по старымъ книгамъ, по собственному ея признанію, непогрѣшительно. Они знаютъ и признаютъ, что допущеніе старыхъ обрядовъ не есть полное ихъ одобреніе, что это снисхожденіе и уступка, сдѣланная для привлеченія къ православной церкви, а потому чтобы насмѣшкою внушить своимъ единомышленникамъ отвращеніе отъ единовѣрческой церкви и не допускать ихъ въ оную, они назвали ее ловушкою. Нѣкоторые изъ раскольниковъ присоединяются къ единовѣрческой церкви по привычкѣ къ обрядамъ, а нѣкоторые предпочитаютъ присоединеніе къ обще-православной церкви болѣе совершенное. Т. е. Филаретъ утѣшаетъ Синодъ тѣмъ, что старообрядцы очень хорошо понимаютъ, что разрѣшивъ богослуженіе по старымъ обрядамъ, Синодъ, вопреки и какъ бы въ насмѣшку надъ собственнымъ благословеніемъ, признаетъ погрѣшительнымъ; что такимъ образомъ примиреніе обряда съ обрядомъ — Синодъ обратилъ въ дипломатическую сдѣлку лжи съ истиною, въ ловушку для простыхъ сердецъ. Итакъ дескать, если мы, Синодъ, 60 лѣтъ умѣли скрывать истину, умѣли обманывать самодержавіе и народъ, то зачѣмъ отчаяваться въ успѣхѣ въ будущемъ, даже и въ томъ мало-вѣроятномъ случаѣ, ежели намъ не удастся обмануть восточныхъ патріарховъ.

Винимся передъ читателями. Послѣдняго вывода митрополитъ не предложилъ Синоду въ своемъ отвѣтѣ. Мы дополнили его рѣчь, сдѣлавъ выводъ по

крайнему разумѣнію. Просимъ читателя провѣрить насъ или составить свой выводъ.

Не станемъ разрушать потаенныхъ представленій Филарета, но протестуемъ противъ его увѣренія, будто нѣкоторые старообрядцы (по Филарету раскольники) присоединяются къ единовѣрческой церкви по привычкѣ къ обрядамъ, слѣдовательно изъ его вывода можно заключить, что старообрядцы находятъ праведнымъ и справедливымъ сужденіе россійскихъ архипастырей о старомъ обрядѣ по старопечатнымъ книгамъ и богослуженіе по этимъ книгамъ, что будто старый обрядъ правиленъ и праведно проклятъ, книги крайне повреждены, а богослуженіе по этимъ книгамъ—погрѣшительно. Почему присоединяющіеся старообрядцы если идутъ въ единовѣріе, то не по убѣжденію въ большой правильности стараго обряда, а по несмысленной привычкѣ къ нимъ, но ежели идутъ въ общеприходскія церкви, то потому, что указно-Никоновскій обрядъ почитаютъ болѣе совершеннымъ и—такимъ образомъ — заблужденцы всегда и вездѣ и были и будутъ. Но держать старый обрядъ, ревновать по немъ и считать его неправильнымъ, это такая напраслина на старообрядцевъ, какую досихъ поръ никто не осмѣлился изрыгнуть. Де-скать выдавать себя ревнителями стараго обряда, а въ душѣ имъ пренебрегать, свойственной только такимъ примиренцамъ, коихъ митрополитъ называетъ „искренними единовѣрцами (какъ напримѣръ Аласина съ товарищами). Но до этой искренности дозрѣваютъ примиренцы только подъ тщательными обольщеніями властей, и—въ одномъ Московскомъ единовѣріи. Правда, Павелъ Прусскій, Константинъ Голубевъ, Парфеній, Филаретъ и подобные, признаютъ старый обрядъ погрѣшительнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, по указанію митрополита Филарета, идутъ въ единовѣріе, но по этимъ личностямъ нельзя су-

дить о прочихъ старообрядцахъ. Предатели всегда были и будутъ.

Въ послѣднихъ строкахъ этого VI-го—митрополита Филарета - отвѣта, Синодъ встрѣтилъ неожиданный отпоръ или взрывъ (камфелетъ), а читатель съ изумленіемъ слышитъ отъ митрополита своеобразный оборотъ діалектики, онъ говоритъ: „нѣтъ также повода къ заключенію, что старыя книги не ошибочны въ такой степени, какъ это прежде полагали въ православной (Никоновской) церкви.“

Слѣдуя логикѣ, и Синодъ въ свое время, и мы сейчасъ, готовились выслушать здѣсь отъ митрополита успокоительное для Синода разъясненіе почему (т. е. и послѣ исполненія патріархами прошенія единовѣрцевъ) Синодъ по прежнему будетъ имѣть полную невозбранность обзывать старыя книги крайне, будто-бы, поврежденными, такъ поврежденными какъ это прежде полагали въ православной церкви, т. е. какъ судилъ о нихъ Никонъ, соборъ 1667 года и Синодъ—до сего времени. Почему же? А потому, успокоительно разъясняетъ Синоду митрополитъ, что такое (нехорошее) мнѣніе ошибочно сурово до несправедливости (онъ говоритъ въ X отвѣтѣ). „Можетъ быть, „говоритъ онъ,“ иногда суровѣе (чѣмъ требовала справедливость) выразились о ихъ недостаткахъ нѣкоторыя лица прежняго времени (*нѣкоторыя лица*, а православная церковь и то въ прежнее невѣжественное время) по духу времени (слыши Синодъ! по духу времени невѣжественнаго и суроваго до несправедливости) но православная церковь, какъ на соборѣ неодобрила старопечатныхъ книгъ и обрядовъ, но судила о нихъ снисходительно!“ По мнѣнію митрополита, православная церковь есть соборъ 1667 года, слѣдовательно этотъ соборъ судилъ о нихъ снисходительно; кто же суть тѣ лица, которыя выразились о старыхъ книгахъ сурово до не-

справедливости. Конечно, тотъ самый соборъ. Можетъ быть митрополитъ относитъ эту суровость не къ собору, а къ ближайшимъ послѣ собора архипастырямъ; но развѣ эти архипастыри исключаются изъ числа великороссійской церкви? „Также точно“ говоритъ митрополитъ (снисходительно судитъ и онъ) „и нынѣ.“ Поздравляемъ Синодъ съ успокоительнымъ утѣшеніемъ. Такой оборотъ рѣчи—не цѣломудренный смыслъ діалектики. Однакожъ и обличеніе Синода у Филарета вышло равносильно выстрѣлу холостымъ зарядомъ и защита старопечатныхъ книгъ— услугой медвѣдя. Не думаемъ, чтобы Синодъ унизилъ себя продолжая бесѣду съ митрополитомъ; но онъ (Синодъ) могъ бы выразить (митрополиту) „что не нѣкоторыя лица“ выразились только суровѣе, чѣмъ слѣдовало, а соборъ 1667 г. изрекъ прямое осужденіе старопечатныхъ книгъ, изъявъ ихъ изъ употребленія съ клятвами противъ ослушниковъ, а это ужь не то, что говоритъ митрополитъ, что православная церковь только неодобрила старопечатныхъ книгъ и стараго обряда и судила о нихъ снисходительно. Спросимъ митрополита: неодобреніе чего либо церковію, далеко ли стоитъ отъ осужденія? А главное по митрополиту, неодобреніе старопечатныхъ книгъ произнесено все-таки апостольскою церковью, а незаблужденнымъ велевластіемъ, какъ это выходитъ по существу дѣла. И обличеніе, и защита митрополитомъ Филаретомъ тогда только были бы дѣйствительны, когда митрополитъ сказалъ бы прямо, по долгу святительства, что соборъ 1667 г. при осужденіи старопечатныхъ книгъ и обрядовъ, не былъ голосомъ святой апостольской церкви, что осужденіе ихъ произнесено не всею церковью, а, по грѣхамъ нашимъ, заблужденіемъ и насиліемъ тогдашнихъ временъ. „Нѣкоторыя лица!“ говоритъ митрополитъ. Св. апостольская церковь, которая свята и непогрѣшима, мы

умѣемъ узнавать въ дѣяніяхъ ея—но гдѣ намъ можно отыскивать непогрѣшимость въ нашей россійской церкви, которая можетъ ошибаться и погрѣшать, если указы и ея соборныя дѣянія будутъ называть—какъ сейчасъ (назвалъ митрополитъ)—дѣяніями и провозглашеніями „нѣкоторыхъ частныхъ лицъ?"

VII.

Синодъ. „Выраженія прошенія: по обрядамъ того храма и т. д." таитъ какъ будто задній смыслъ, потому, что можно бы было сказать прямо: по обрядамъ единовѣрія."

Филаретъ. „Нѣтъ причины къ такому подозрѣнію. Просто хотѣли сказать: „чтобы архіерей, служащій въ общеправославной церкви по новопечатнымъ книгамъ, въ единовѣрческой—не сомнѣвался служить по старопечатнымъ книгамъ."

Сочинителю просьбы, конечно лучше всякаго другаго знать, что онъ хотѣлъ этимъ сказать. Однако же выраженіе митрополита „по обрядамъ того храма" такъ значительно, что остановило на себѣ другое вниманіе Синода и вызвало послѣдній на вопрошеніе. Поэтому и мы скажемъ нѣсколько словъ по поводу „обрядовъ того храма.": Въ просьбѣ всестарообрядческой церкви и другой „умиротворенія отечественной церкви, дарованія полной обрядовой свободы и лицамъ и приходамъ, изложенной въ всеподданнѣйшей просьбѣ Мирона Фролова о иконѣ ему принадлежавшей Т. Б. М. въ Москвѣ 1859 года, что нынѣ находится въ московскомъ соборѣ; въ § 7 первой просьбы прочитайте „извѣстный обрядъ исторически утвердившись въ какой либо церкви и даже приходѣ, становится обязательнымъ для членовъ ея отъ мірянина до епископа." По просьбѣ Мирона сказано: „Причты должны быть властны по просьбѣ прихожанъ, народный обрядъ

замѣнять указнымъ, и указной—народнымъ—безъ разрѣшенія епархіальныхъ властей.“ Тогда образовались бы не только приходы но и епархіи, частно или народно или указно-обрядствующіе, и епископы народно-обрядскіе и указно-обрядскіе, первый служа въ народно-обрядскомъ, второй въ указно-обрядскомъ храмѣ, обязанъ служить по обрядамъ того храма, въ которомъ совершается богослуженіе. Предложенный (проэктомъ) мірянину способъ умиротворенія обрядства другому обрядству, не только въ цѣлой отечественной церкви или епархіи, но даже приходѣ, храмѣ, не сдѣлалъ впечатлѣнія на умъ и совѣсть митрополита т. е. онъ, повидимому, на это согласился. Иначе откуда бы взялась у него мысль объ обрядахъ храма, неизбѣжно предполагающая свободу каждаго прихода выбирать обряды и обычаи, и нелѣпость для архіереевъ т. е. Синода, подчиняться обрядамъ того храма, въ которомъ служитъ. Равно и въ другой его фразѣ: „Архіерей, служащій въ общеправославной церкви по новопечатнымъ книгамъ,“ не разумѣетъ-ли именно казеннообрядствующій Епископъ, предложенное проэктомъ допущеніе раздѣленія Епископовъ въ отечественой церкви, на казеннообрядствующихъ и народнообрядствущихъ. Повторимъ: не даромъ слова „по обрядамъ того храма“ бросились въ глаза Синоду; не даромъ же митрополитъ проговорился этой фразой.

VIII.

Синодъ: Обращеніе къ восточнымъ патріархамъ открывая раны русской церкви предъ первыми, едва ли принесетъ ощутительную пользу. Едва-ли согласятся безъ затрудненія и нѣкотораго колебанія восточные патріархи на наше предложеніе.“

Не читавши Филаретовской просьбы московскихъ единовѣрцевъ приходится прибѣгать къ догадкамъ: что, именно, разумѣлъ Синодъ подъ ранами русской церкви и въ чемъ именно долженъ состоять проэктъ и равное митрополитомъ предложеніе Синода восточнымъ патріархамъ? По крайней мѣрѣ, мы слышимъ признаніе Синода, что въ отечественной русской церкви существуетъ рана и такая рана, о которой не догадывается востокъ. Чтожъ это за рана? Расколъ? Но эту рану русской церкви востокъ давно знаетъ, и эту рану отъ восточныхъ патріархсвъ Синоду скрывать нечего. Нѣтъ ли, подлинно, въ Россіи такой раны про которую, именно, не знаетъ востокъ? Но если это клятва отъ 13 мая 1667 года подлинно рана, которая въ 200 слишкомъ лѣтъ разрослась въ злокачественную гангрену (сухой ракъ или антоновъ огонь), которой избыть нельзя иначе какъ чрезъ операцію, весьма и весьма для Синода болѣзненную и позорную, о чемъ едва-ли догадывается востокъ, а которой архипастырство наше какъ стыдливая женщина, дѣйствительно, не рѣшается открыть не только посторонним восточнымъ патріархамъ, но и домашнему врачу-оператору—самодержавію, даже себѣ самимъ не желаютъ сознаться. Въ самомъ дѣлѣ наша русская церковь, въ лицѣ митрополита Филарета и другихъ, не изыскиваетъ ли всѣ средства какъ бы залечить эту рану, какъ бы уничтожить актъ 13 мая не открывая сущности его ни народу, ни самодержавію. По крайней мѣрѣ, истолковать этотъ актъ въ превратномъ смыслѣ. Въ началѣ, въ первые по соборѣ 100 лѣтъ, архипастырство хвасталось этимъ актомъ, этой раной, но съ 15 сен. 1763 года, когда обнаружилась злакачественность этой раны, архипастыри стали было отказываться, отпираться (игнорировать) эту рану и про себя вспоминать объ ней только по нуждѣ, въ постные для себя дни.

старались замазывать и залечивать ее домашними снадобьями, нынѣ—чрезъ 200 лѣтъ—Архипастырству пришлось не въ мощь и не въ терпежъ. Только вмѣсто того, чтобы рѣшиться на операцію, вмѣсто того, чтобы прибѣгнуть къ домашнему оператору—самодержавію, архипастырство желаетъ попробовать послѣднюю мѣру—скрыть язву отъ самодержавія и показать ее своей сестрѣ и матери восточной церкви; поговорить не съ тѣмъ, чтобы выслушать дѣйствительный совѣтъ, а чтобы потолковать о новыхъ компромиссахъ и компрессахъ, о новыхъ мазяхъ и примочкахъ, о новыхъ нашептываніяхъ и наговорахъ. Какъ всестороняя легкомысленная женщина, митрополитъ совѣтуетъ это Синоду; но Синодъ имѣетъ основаніе опасаться отъ Патріарховъ прямаго приглашенія къ снятію отъ него язвеннаго члена (чрезъ ампутацію), что было бы для него непереносно. И митроп. не споритъ противъ этого а находитъ это замѣчаніе Синода справедливымъ и призывающимъ къ „осторожности и осмотрительности.“ „Посему то“ подтверждаетъ онъ „прежде оффиціальнаго сношенія съ восточными патріархами, нужно частно испытать мнѣніе и расположеніе нѣкоторыхъ лицъ восточной іерархіи, которыхъ познанія и характеръ могутъ оказывать вліяніе на это дѣло.“ Самое приглашеніе къ осторожности и осмотрительности и вмѣстѣ къ зондированію (т. е. изслѣдованіи раны посредствомъ зонда) характеръ въ вліятельнѣйшихъ лицахъ восточной іерархіи, не рекомендуетъ уже честности и чистоты митрополита Филарета. Первое, чистое и святое дѣло всегда и безъ приготовленій, готово стать передъ судомъ всего свѣта: испытываніе мнѣній и расположенія лицъ въ дѣлѣ церкви, не равносильно ли освѣдомленію о стоимости ихъ совѣсти?

IX.

Синодъ: „Можетъ тотъ или другой патріархъ, узнавъ оффиціально о снятіи въ 1800 г. съ единовѣрцевъ соборной клятвы 1667 г., пожелаетъ узнать, отчего, въ свое время участвовавшіе въ опредѣленіяхъ собора престолы, не были спрошены св. Синодомъ, были ли они по крайней мѣрѣ увѣдомлены?"

Филаретъ „священноначальникъ, ходящій въ духѣ любви и тщащійся хранить миръ церковный, не будетъ доискиваться, сдѣлано ли какое упущеніе въ другой области священноначалія въ прошедшее время, людьми уже умершими, когда нѣтъ въ виду церковнаго вреда или вины, которыя можно бы судить или врачевать".

Напрасно митрополитъ приписалъ здѣсь Синоду опасеніе вторженія, котораго либо изъ патріарховъ въ область россійской церкви, съ дѣйствіями какихъ либо неопредѣленныхъ упущеній. Синодъ разумѣетъ здѣсь извѣстное и самимъ митрополитомъ на судъ патріархамъ рекомендуемое упущеніе, упущеніе своевременно увѣдомить востокъ объ уничтоженіи—однимъ Синодомъ— клятвы положенной имъ соединенно съ восточными патріархами. „Сдѣлано-ли упущеніе, въ прошедшее время, людьми уже умершими „говоритъ митрополитъ. Церковь не умираетъ, не умираетъ и канонъ ея. „Сдѣлано-ли?" У славяно-русскихъ для подобныхъ вопрошеній есть болѣе мягкая форма: Не сдѣлано-ли?

„Когда нѣтъ въ виду церковнаго вреда или вины, которыя бы нужно судить и врачевать!" Въ соизволеніе Синода на разрѣшеніе клятвы 1667 г., самодержавіемъ въ 15 день сентября 1763 начатое и 12 марта 1798 продолженное (хотя и до нынѣ еще не совершенное), дѣйствительно, нѣтъ вреда ни вины потому, что

клятва эта не разсудительна и не праведна, и хотя и признана представителями нѣсколькихъ церквей, но не есть дѣло самой православной церкви. Все же Синодъ обязанъ былъ объ этомъ своемъ дѣяніи своевременно увѣдомить тѣ церкви, представители коихъ участвовали въ произношеніи той клятвы, тогда бы самое дѣло уничтоженія и разрѣшенія пошло инымъ путемъ, не такимъ кривымъ и косымъ, коимъ оно идетъ теперь, какъ говорится на чистоту. Тогда разъяснилось бы, что правы не творцы отцы (собора 1667 г.) клятвы, а (правы) дѣти (старообрядцы). Протестъ и дѣло умиротворенія отечественной церкви подвинулось бы впередъ немного и не мало, только на 150 лѣтъ считая съ 1763 года и кончая настоящимъ благословеннымъ царствованіемъ Александра II. Въ дѣлѣ умиротворенія этимъ упущеніемъ вбить клинъ на цѣлыя полтараста лѣтъ, въ этомъ—по Филарету,—нѣтъ ни церковнаго вреда ни вины.

„Священноначальникъ ходящій въ духѣ любви и мира и тщащійся хранить миръ церковный, не будетъ доискиваться," говоритъ Филаретъ. Но, провидя дѣйствіе разрушающее эту любовь (напр. гоненіе и преслѣдованіе старообрядцевъ) и этотъ миръ—и недоискиваться—значитъ подтверждать и одобрять эту разрушающую любовь и миръ церковный. Но именно этой-то любви и во имя этого-то мира, пренебреженныхъ какою либо церковію или іерархомъ помянутый Филаретомъ „священноначальникъ" вопроситъ о сдѣланномъ опущеніи не въ осужденіе уже почившимъ, а въ остереженіе и назиданіе настоящимъ и будущимъ.

Филаретъ говоритъ: „восточные патріархи не имѣютъ причины сомнѣваться въ православіи церкви россійской: какая же имъ нужда доискиваться почему, предлагаемый имъ нынѣ частный, каноническій вопросъ, не былъ представленъ за 60 лѣтъ предъ нимъ? Довольно разрѣшить его." Рѣчь идетъ здѣсь не о

православіи русской церкви, а объ канонической ошибкѣ русской церкви, о клятвѣ 13 мая произнесенной во имя православія. И восточные патріархи до сихъ поръ объ этой клятвѣ того мнѣнія, что она вызвана была именно по необходимости оградить православіе отъ вторженія въ него заблужденій равносильныхъ ересямъ (какъ мы выше сказали, что Никонъ хитро писалъ къ патріарху Паисію). Понимая такъ клятву 13 мая, могутъ ли патріархи неосвѣдомиться, почему разрушено постановленіе 1667 года? Добросовѣстные патріархи обязаны были бы всестороннe разсмотрѣть вопросъ—нынѣ стоящій предъ нами въ видѣ іероглифовъ или неразрѣшимой загадки.

„Патріархи не будутъ доискиваться" говоритъ Филаретъ! Но недоискиваться, есть уже чрезмѣрно неосмотрительно, неосторожно для добросовѣстнаго патріарха.

„Частный каноническій вопросъ." Но если этотъ частный вопросъ предложенъ на обсужденіе всесоборной церкви, то, изъ частнаго онъ дѣлается вопросомъ всецерковнымъ."

Митрополитъ уступаетъ Синоду и говоритъ: „Но пусть спросятъ, почему предлагаемое имъ нынѣ—не предложено въ 1800 году?" И затѣмъ вкратцѣ повторяетъ здѣсь то, что болѣе спутано и пространно повѣствуетъ онъ Синоду въ II своемъ отвѣтѣ, и что мы разсмотрѣли тамъ въ пунктахъ съ 1 по 20. „Въ 1880 году," говоритъ митрополитъ: „тогда какъ это разрушеніе со всѣми его дальнѣйшими послѣдствіями совершилось въ 15 день сентября 1763 года, а 27 октября 1800 г., Архипастыри, въ лицѣ Платона и Синода, успѣли вбить клинъ въ дѣлѣ примиренія церкви отечественной, предпринятаго Самодержавіемъ, съ примирительными тенденціями, успѣли поставить геркулесовы столбы и обманывать государей что буд-

то бы 27 октября 1800 г. т. е. Платоновскія мнѣнія — есть вѣнчаніе предначертаній Екатерины и Павла. Митрополитъ подтверждаетъ это обманное изложеніе дѣла предъ государями. Синодъ говоритъ о „снятіи клятвы съ единовѣрцевъ.“ Это очевидная неточность. Митрополитъ подтверждаетъ „что клятва снята съ послушныхъ церкви единовѣрцевъ.“ У митрополита единомысліе (съ Синодомъ) въ логическихъ неточностяхъ, скромное количество которыхъ входитъ въ обвинительные аргументы противъ старообрядцевъ.

Воротимся къ самому Синодальному вопрошенію, высказавъ опасеніе вопроса со стороны патріарховъ касательно разрѣшенія имъ однимъ соборнѣ съ патріархами наложенной клятвы, Синодъ очевидно сознаетъ неправость такого своего единичнаго разрѣшенія. Но если это разрѣшеніе разумѣть такъ какъ толкуетъ его митрополитъ, что дескать разрѣшенъ не обрядъ, и дескать обряда соборъ не проклиналъ, а разрушены человѣки, которые были праведно прокляты и опять таки не за держаніе обряда, а за запрерыванія сообщенія съ архипастырями изъ-за обряда: тогда намъ придется вмѣстѣ съ самимъ митрополитомъ поставить на одну доску и тѣхъ идіотовъ которые по митрополиту „логически вразумились но не надежно,“ т. е. явились у единовѣрцевъ недоумѣнія которыя такъ нелѣпы, что ихъ нѣтъ на самомъ дѣлѣ, а существуютъ только въ воображеніи митрополита и которыя такъ безтолковы и безсовѣстны, что даже сами Филаретовскіе „искренники“ Аласинъ съ товарищами не согласились принять на себя ихъ роли, когда согласились подать митрополиту — имъ самимъ сочиненное — прошеніе о клятвахъ. Напротивъ, опасеніе Синода запроса патріарховъ о разрѣшеніи клятвъ, положенныхъ на обрядъ совмѣстно съ патріархами, разумно и естественно. Клятва на человѣковъ всегда бываетъ условная съ предѣломъ (какъ

выразилъ соборъ 1667 г.) „дондеже уразумится.“ И когда человѣки проклятые соглашаются съ тѣми распоряженіями, противленіе коимъ прежде подвигло ихъ клятвѣ, то для этихъ человѣковъ готово разрѣшеніе (если они каются) во всякое время дня и ночи. Напротивъ, клятва на предметъ—на обрядъ по существу—бываетъ безвозвратна; если она положена соборнѣ, то она не можетъ быть отмѣнена канонически правильно, не иначе, какъ соборомъ важнѣйшимъ или по крайнѣй мѣрѣ равносильнымъ ее положившему. Итакъ высказанное Синодомъ опасеніе запроса со стороны патріарховъ, мы въ полномъ правѣ принять за признаніе его (Синода) что онъ, клятву, о которой говоритъ, почитаетъ положенною именно на обрядъ и на человѣковъ, и именно задержаніе этаго обряда. Сбивать столько Синодъ, убѣждать его въ печальныхъ послѣдствіяхъ признанія прямаго смысла клятвъ 1667 г. и выгоду Филаретовскаго толкованія „логически вразумились,“ мы не беремся, а предоставляемъ Павлу Прусскому, Филарету (теперь инокъ въ Казани) и Константину Голубеву съ коммиссіей.

X.

Синодъ: „Не дадимъ ли мы поводъ тому или другому патріаршему престолу, сдѣлать запросъ св. Синоду относительно каноническаго права соглашаться на введеніе въ область православнаго Богослуженія, обрядовъ чуждыхъ ему или не принятыхъ на востокѣ?“

Синодъ назвалъ здѣсь старые обряды „чуждыми православному Богослуженію“, слѣдовательно противными, враждебными православію, какъ сряду поправляетъ себя Синодъ и говоритъ; что будто бы,

„не принятыхъ на востокѣ.“ Противъ перваго, митрополитъ святительски замѣчаетъ Синоду, что такое его понятіе „безмѣрно неразсудительно, сурово до несправедливости“, т. е. иными словами: несправедливо, заблужденно и невѣжественно. Рѣчь объ этомъ полнѣе была у насъ въ началѣ II митрополитова отвѣта.

Усиливая защиту предъ Синодомъ стараго обряда, митрополитъ противу обыкновенія высказался за право старообрядчества въ ущербъ казеннаго.

„Произношеніе имени Господа чрезъ „Ісусъ“ говоритъ онъ, „единовѣрцы и поповцы считаютъ болѣе правильнымъ, что же тутъ чуждое?“

А что читатель, не есть ли оправданіе обрядовой исключительности стараго обряда, не есть-ли подтвержденіе, что обрядовая исключительность въ пасомыхъ—должна быть покровительствуема, а въ пастырствѣ — возбраняема, недопускаема и осуждаема. Къ сожалѣнію митрополитъ остался здѣсь вѣренъ себѣ, вѣренъ правилу своей тактики, прибѣгать къ діалектическимъ неточностямъ. Митрополитъ удостоиваетъ своей защитой обряды, именно и единственно „единовѣрцевъ“. Но развѣ у единовѣрцевъ обряды другіе, и удостоительнѣе чѣмъ у старообрядцевъ? По Филарету выходитъ именно такъ, читатель! Въ безсмертной статьѣ: „нѣсколько словъ относительно единовѣрія“ (Православ. Обозр. февраля 1867 года стр. 266). Митрополитъ говоритъ: „для имѣющаго очи видятъ (т. е. для надѣвавшаго Филаретовскіе очки, видно), что обряды раскола и обряды единовѣрія не одни и тѣже по своему внутреннему значенію, слѣдовательно, по своему существу хотя и представляются одинаковыми по внѣшнему виду, но по сему, что говорится (т. е. что говорилъ соборъ 1667 г. и нынѣ говорятъ архипастыри) противъ обрядовъ раскола, не должно быть съ недальновиднымъ смущеніемъ прилагаемо

къ обрядамъ единовѣрія.“ Итакъ, что на первый взглядъ у Филарета показывается неточность въ выраженіяхъ, въ послѣдствіи можетъ созрѣть въ намѣренный софизмъ.

Митрополитъ обращаетъ пытливый взоръ на востокъ и поражаетъ Синодъ указаніемъ на то, что „въ Палестинѣ терпимо служеніе православной литургіи на открытомъ престолѣ безъ иконостаса,“ тогда какъ по понятіямъ, приписываемымъ Синоду митрополитомъ, это обыкновеніе (по митрополиту: обрядъ) „благословеннѣе можно было бы назвать чуждымъ православному богослуженію, если восточные имѣютъ право допускать; почему же они имѣютъ право допускать; почему же они могутъ оспаривать право россійской церкви—допускать единовѣрческіеобряды?“ Подтверждаетъ это митрополитъ, повидимому, съ тѣмъ одушевленіемъ, которое сама истина внушаетъ своимъ исповѣдникамъ. Однакожъ читатель не поторопится причислить митрополита къ симъ исповѣдникамъ. На чемъ основалъ митрополитъ допущеніе стараго обряда? Онъ основываетъ его на тираническомъ правѣ преосвященныхъ Владыкъ только терпѣть и то, по снисхожденію, которымъ ихъ церковь стремится выразить свою самонародность; а между тѣмъ, митрополитъ защиту свою начинаетъ словомъ украдчивымъ у истинныхъ правилъ русской церкви, а потомъ это право русской церкви пожираетъ своимъ архипастырскимъ велевластительствомъ.

„Нетерпимо-ли въ Палестинѣ, «говоритъ митрополитъ,» служеніе православной литургіи на открытомъ престолѣ?“ [1]) Итакъ, повторимъ, вмѣсто того, чтобы защиту свою утверждать на камнѣ, на истинно-церковномъ и древле православномъ исповѣданіи, мит-

1) Такое служеніе — чисто латынское, а Греція допускаетъ такое богослуженіе.

рополитъ основываетъ ее на правѣ русской церкви только терпѣть безпорядки, если подобные нашимъ безпорядкамъ, терпятся на востокѣ. Что на востокѣ терпимы церковные безпорядки, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія [1]). Но держаніе стараго обряда можно ли назвать церковными безпорядками? Такая аргументація терпима только у базарныхъ. „Во времена пяти россійскихъ патріарховъ «говоритъ онъ далѣе» восточные, посѣщая Москву, видѣли сіи обряды и не протестовали противъ нихъ.“ Это уже другими словами, это подходитъ къ истиннѣ, а что митрополитъ прежде объ этомъ молчалъ? Митрополитъ говоритъ, что допущеніе въ Палестинѣ служенія на открытомъ престолѣ, безъ иконостаса; „можно было бы назвать чуждымъ, какъ употребляемый въ римской и армянской церквахъ, тѣмъ болѣе, что въ семъ можно было бы подозрѣвать наклонность отъ православія къ единовѣрію.“ Но что это въ ушахъ не вмѣстимая митрополитомъ, у грековъ подмѣченная наклонность отъ православія къ единовѣрію т. е. къ армяно-латинству? Что это у грековъ за единовѣріе? Недосмотръ-ли это самаго митрополита, или ошибка писца? Ни то ни другое. Эта фраза проникнута смысломъ, разумѣется..... читатель! Объ единовѣрческихъ обрядахъ у грековъ подтверждается и послѣдующая фраза митрополита: „если восточные имѣютъ право допускать (у себя) единовѣрческіе обряды“ т. е. армяно-латинскіе. Въ чемъ же здѣсь суть Филаретовской діалектики? Единовѣріе, видите ли, по митрополиту—есть православность соединенная съ держаніемъ своеобразнаго обряда, есть „единовѣріе,“ и пока она не признана у нихъ оффиціально, то остается наклонность отъ православія къ единовѣрію. По

1) А теперь, въ Болгаріи, стали уже входить въ церковь, стоя въ шапкахъ.

крайней мѣрѣ, по митрополиту, и на востокѣ есть тоже самое, что мы зовемъ единовѣріемъ т. е. дозволеніе тамъ армяно-латинскаго обряда, служеніе на открытомъ алтарѣ безъ иконостаса. Никому не придетъ въ голову усумниться на такой оборотъ рѣчей; объ этомъ призадумается читатель, встрѣтясь съ указаніемъ митрополита на „наклонность отъ православія къ единовѣрію у грековъ.“

Авторъ „бесѣдъ къ глаголемому старообрядцу“ дѣлаетъ третій опытъ благоснисходительнаго истолкованія особенностей стараго обряда въ лицѣ двукратной аллилуія. „Надобно, „говоритъ онъ далѣе“ и справедливость требуетъ взять оное въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ оное единовѣрцы, и тогда окажется что это не чуждое и не противудогматическое. Вотъ славославіе православное: 1) аллилуія, 2) аллилуія, 3) аллилуія, слава тебѣ Боже. Вотъ и единовѣрческое (но полно... не единовѣрческое только, а всѣхъ старообрядцевъ) 1) аллилуія, 2) аллилуія 3) слава тебѣ Боже. Они полагаютъ, что часть славословія: слава тебѣ Боже, имѣетъ туже силу (смыслъ), какъ аллилуія съ дополненіемъ слава тебѣ Боже; славятъ пресвят. Троицу какъ обще православные.“ Но для оправданія обряда или славословія—недостаточно одного пониманія ему усвоеннаго, ежели сама форма обряда или славословія противорѣчитъ ему; напримѣръ, армяне къ пресвятой пѣсни прилагаютъ „распныйся за ны“ и т. д. и думаютъ оправдать себя тѣмъ, что эту пѣснь относятъ они не къ Троицѣ а ко Христу. Но православная церковь не принимаетъ такого оправданія и, 18-мъ правиломъ 6-го вселенскаго собора, осудила армянское приложеніе. не за равенство обычая, а потому, что приписываніе Трисвятому лицу Господа противорѣчитъ самой формѣ этаго славословія: Святъ, Святъ, Святъ отъ небесныхъ силъ не престанными и немолчными

усты приносимаго пресвят. Троицѣ. Такъ и двоеніе аллилуія—какъ не растягиваетъ его митрополитъ въ троеніе, остается всегда двоинственнымъ и въ этой формѣ не отвѣтствуетъ приписыванію его пресвят. Троицѣ. А что Аллилуія смысленно и достойно приложенію въ славословіи къ лицу Христа (въ противность указаннаго выше, армянскаго приложенія къ лицу Господа Трисвятой пѣсни), это свидѣтельствуется всецерковной практикой, на антифонахъ, въ началѣ литургіи и въ заключительномъ аллилуія въ литургійской пѣсни, на входъ съ Евангеліемъ малаго выхода; пріидите поклонимся. Если при томъ взять во вниманіе, что Аллилуія поется обыкновенно между, среди и послѣ псалмовъ, а въ псалмахъ вездѣ относятся слова не къ св. Троицѣ а къ Спасителю, то и защита двукратнаго аллилуія будетъ совершенная.

XI.

Синодъ: „Не можетъ-ли случится и то, что Восточная церковь запроситъ въ недоумѣніи св. Синодъ: на основаніи какихъ актовъ собора, 1667 г., вывели заключеніе, что она не осудила обрядовъ за которые такъ упорно держатся раскольники?“

Настоящій вопросъ Синода подтверждаетъ, что проклятіе собора положено на обрядъ. Этого мало. Синодъ высказываетъ опасеніе, что патріархи придутъ въ недоумѣніе—услышавъ, что они не проклняли стараго обряда, и сдѣлаютъ (восточные патріархи) Синоду запросъ, съ чего онъ (Синодъ) взялъ это говорить (что соборъ не проклялъ старый обрядъ.)? Этотъ вопросъ тождественъ съ II къ которому митрополитъ отослалъ Синодъ. Послѣдуемъ за митрополитомъ; здѣсь же сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній касательно синодской редакціи.

„На основаніи какихъ актовъ вывели заключеніе, что восточная церковь не осудила обрядъ?"

Всякому изслѣдователю свойственно требовать актуальныхъ доказательствъ не тому, что не бывало, а тому, что, когда и какъ было. Синоду слѣдовало бы спросить митрополита: какимъ образомъ мы убѣжимъ отъ непріятности—сообщить патріархамъ актъ 13 мая, и какими другими актами мы замѣнимъ его? Но Синодъ очевидно брезгуетъ этимъ актомъ, находитъ его недостойнымъ назвать по имени,

„Восточная церковь не осудила!" Актъ 13 мая, Синодъ выдаетъ за актъ всей восточной церкви, всего православія. Ежели соборъ нѣсколькихъ церквей постановилъ какое либо опредѣленіе касательно обряда помѣстной церкви, какъ это случилось въ Россіи, то постановленіе его все таки осталось бы помѣстнымъ и, какъ говоритъ митрополитъ „неосторожно" актъ 13 мая навязывать всему восточному православію. Довольно и того, что онъ загрязнилъ и грязнитъ русскую отечественную церковь.

„Восточная церковь запроситъ въ недоумѣніи!" говоритъ Синодъ.

Восточная церковь дѣйствительно не знаетъ сущности нашего раскола. Никонъ, о нашихъ обрядахъ— какъ мы уже сказали — писалъ ей превратно; дѣянія 1666 - 1667 г.г. къ ней несообразны, и нынѣшній Синодъ не все говоритъ патріархамъ, что слѣдовало бы.

„Держатся раскольники!"

Раскольниками слѣдовало бы назвать не держателей стараго обряда, не представителей русской народности, русскихъ—ума и совѣсти, а какихъ нибудь другихъ, хотя бы самихъ архипастырей русской церкви. И стараго обряда держатся не одни мысленные раскольники, даже не одни примиренцы, а весь русскій народъ по мѣрѣ силъ и возможности.

„Упрямо держатся.“

Упрямствомъ называется стоянiе на томъ, что дурно, а стоянiю на томъ — что истинно и честно — есть другое имя: твердость, мужество, доблесть. Если бы поставить рядомъ и власть и народъ, власть, которая уже два вѣка насилуетъ народную совѣсть, ломая то что для народа священно; а народъ, который подъ тяжестью казней и церковныхъ и гражданскихъ два вѣка отстаиваетъ то, что для предковъ его было священно: тогда на чьей сторонѣ окажется упрямство и на чьей твердость?

XII.

Митрополитъ: „Взвѣсить каждое слово синодальной грамоты къ восточнымъ патрiархамъ — совершенно необходимо. Предосторожность требуетъ еще прежде грамоты составить о предлежащемъ вопросѣ точную и ясную записку и чрезъ нее точнымъ и яснымъ образомъ испытать мнѣнiе нѣкоторыхъ мужей духовнаго званiя и силы, на востокѣ.“

Синодъ предупреждаетъ митрополита о невѣроятности успѣха — еслибы Синодъ согласился на предложенiя митрополита, или надуть восточную церковь, или — подкупить грековъ какъ это случилось при Никонѣ. Но митрополитъ, подтверждая предъ Синодомъ исполнимость своей затѣи, рекомендуетъ однакожъ ему чрезвычайные предварительные осторожности. Но изъ-за чего же все это, и на какой конецъ?

„Только для того“ говоритъ митрополитъ (отв. II) „чтобы канонически успокоить“. Но кого? Людей существующихъ единственно въ его воображенiи; на самомъ же дѣлѣ, чтобы добиться канонизованiя Восточной церковiю его, iезуитски-затѣяннаго „изъясненiя клятвъ собора 1667 г.“, чтобы показать свѣту омер-

зительный примѣръ того, на что бываетъ способна совѣсть священноначальниковъ извращенныхъ властительствомъ и притязаніями на непогрѣшимость, чтобы самодержавіе привязать къ колесницѣ своего властительства узами, позорнѣйшими тѣхъ, коими они связали себя—утвердивъ актъ 13 мая, чтобы на другой же день по обнародованіи канонизаціи изворотливаго „изъясненія" поднять протестъ всего въ русскомъ народѣ, что имѣетъ смыслъ и совѣсть; чтобы запятнать честь и славу россійскихъ монарховъ (какъ уже было—начиная царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и—кончая императоромъ Николаемъ), поставивъ ихъ въ необходимость карать и совѣсть и имя русскаго народа за непокореніе архипастырскимъ несправедливостямъ и безсмыслицамъ, чтобы въ отечественную церковь внести новые элементы, новый матеріалъ для обрядовыхъ раздоровъ и расколовъ, и безъ того уже третье столѣтіе смущающихъ и отечество, и его церковь, и въ концѣ концовъ, чтобы на всѣ грядущія времена предъ западомъ и цѣлымъ свѣтомъ—осрамить вмѣстѣ съ самодержавіемъ не только свою отечественную—но и все-восточную церковь.

„Требуется составить о предлежащемъ вопросѣ точную и ясную записку, и чрезъ нее точно и ясно испытать"... Ни точность ни ясность ни искуство ни въ одномъ изъ современныхъ нашихъ Іерарховъ, не могли соединиться въ требуемой отвѣтами мѣрѣ, какъ въ составителѣ этихъ отвѣтовъ. Можно догадаться, съ какимъ нетерпѣніемъ нашъ знаменитый священно-начальникъ Филаретъ „ходящій въ духѣ любви и тщащійся хранить миръ церковный" ждалъ точной и ясной запиской, точно и ясно испытать мужей востока, сирѣчь надуть восточныхъ патріарховъ какъ обманулъ Никонъ патр. Паисія. Къ чести, однакожъ, Синода митрополиту солгала эта надежда Асмодея (верховный ангелъ или сатана).

О святая истина! Когда шествуешь ты по обширной территоріи русской церкви то, пожалуйста, ступай осторожнѣе, не такъ какъ тебѣ ступать свойственно, а какъ указываютъ тебѣ архипастыри русской церкви, иначе ты своимъ шествіемъ надѣлаешь бѣдъ, поломаешь дисциплину, унизишь церковь, оскорбишь православіе (конечно, не восточное апостольское православіе а настоящее, такъ называемое православіе — русской церкви) потрясешь основы государствъ и престолы государей... не вѣришь?.. спроси преосвященнаго Филарета. „Нѣтъ" отвѣчаетъ истина (Филаретовская). „Если подъ моими стопами что и сокрушится, то совѣсть – нѣтъ," на что указываютъ преосвященные архипастыри... чтобы сбить съ толку и устрашить самодержавіе, будто бы въ неблагоустроенности обществъ, неблагоденствіи народовъ, и чтобы поддержать заблужденіе архипастырей, ложь и обманъ, и съ ними—всѣ поводы къ церковнымъ раздорамъ и государственнымъ потрясеніямъ.

О святая истина! Шествуй тебѣ обычнымъ путемъ, и не слушай преосвященныхъ владыкъ. О сколь блаженны вы, старообрядцы, что повинуясь инстинкту этому (истинному) генію-хранителю, вы отказали имъ (архипастырямъ) въ повиновеніи, когда они двѣсти лѣтъ назадъ, покровительствуемые заблужденностью, невѣжествомъ и насильствомъ вѣка, сдѣлались властными въ своей церкви, съ единственною тогда цѣлію обезчестить свою великую церковь, лишивъ ея славяно-русскаго характера, отразившагося въ ея священныхъ обрядностяхъ; вашимъ противленіемъ россійскимъ пастырямъ—вы служите истинѣ, которую оспаривать свойственно одному невѣжеству, насильству, одной или тупости или недобросовѣстности. Посмотримъ на преосвященныхъ владыкъ. Они хвастаютъ, что будто строго отличаютъ обрядъ отъ догмата; за всѣмъ тѣмъ, вотъ уже болѣе двухъ вѣковъ, всѣми

зависящими отъ нихъ способами стараются, во имя православія, преслѣдовать и искоренять староотечественный и святоотечественный славяно-русской обрядъ и на мѣсто его поставить новый греко-никоновскій обрядъ. Что же остается у нихъ въ итогѣ? Фальшь и обманъ, прямое отступленіе отъ истины.

Окончивъ разсмотрѣніе вопросовъ и отвѣтовъ—мы опять таки послѣдуемъ за м. Филаретомъ. Несомнѣнно знаемъ, какую силу имѣетъ авторитетъ, исходящій отъ блеска сана; знаемъ и то, какъ глубоко вкоренился авторитетъ митрополита Филарета въ сердцахъ русскаго народа. А посему и мы съ своей стороны не имѣемъ въ виду и даже не вправѣ сколько-нибудь ослабить или отнимать у этого высокопоставленнаго геніальнаго ума; но въ томъ лишь, безспорно, случаѣ когда этотъ высокій умъ говорилъ и училъ въ духѣ достойнаго его сана; ежели же тамъ гдѣ требовалась справедливость и прямота его святительства, онъ говорилъ противоположно, то не боимся быть осужденными за то лишь, что будемъ идти шагъ за шагомъ за митрополитомъ и выскажемъ слово правды, вопреки формулѣ оффиціальной неправды.

Согласны, что митрополитъ Филаретъ есть и святитель и администраторъ; понимаемъ, что ему какъ администратору извѣстнаго цвѣта и знамени, отстаивающему во что бы то ни стало интересы и господственное Statu quo, свойственно и очень выгодно держать самодержавіе въ заблужденіи на счетъ подлиннаго смысла его раздора съ старообрядцами, ядромъ русскаго и хранителемъ его народности. Но для чего, пресвященному отцу, нужны особенные интересы, особенный цвѣтъ, особое знамя— отъ интересовъ, отъ знамени и отъ цвѣта св. истинны? Къ чему эта особенность его административныхъ воззрѣній отъ его же святительской совѣсти?!...

Какъ администраторъ—допуская фальшь въ администраціи, не можетъ-ли митрополитъ не внести этой фальши и въ область святительства, этой политичности и дипломатичности этой неправды и этого обмана—не примѣшать къ числу служенія святой истиннѣ? Просимъ покойнаго преосвященнаго Филарета припомнить посѣщеніе его единовѣрческихъ церквей 8 сентября 1840 г. и 13 мая 1856 г., когда онъ, при отверстыхъ вратахъ алтаря, съ пастырскимъ жезломъ въ рукѣ, оградилъ себя знаменіемъ св. креста и предупредилъ, что будетъ бесѣдовать къ нимъ (единовѣрцамъ) во имя Отца и Сына и Святаго Духа. (Какое мѣсто, какія минуты, какой свидѣтель)!!!

И вотъ онъ начинаетъ раскладывать сѣти своей догматики: что за медорѣчіе, что за мягкость и елейность врачеваній, что за искренность признаній, у не искусившейся простоты такъ и играетъ сердце, бросается въ его объятія... Что же изъ этого выходитъ? То что эти, по видимому, святительскія признанія на то только и допущены, что бы пользуясь ихъ (единовѣрцевъ) простотою, надежнѣе оболгать, оклеветать и засудить ни въ чемъ неповинное старообрядчество; а дѣйствительныхъ виновниковъ раскола,—Никона, греко-московскій соборъ и все и прежнее и нынѣшнее архипастырство—во всемъ оправдать и въ концѣ концовъ, укрѣпить и возвеличить торжество своего обрядства, своей обрядовой исключительности и нетерпимости, а съ ними и господство всѣхъ преосвященствъ надъ отечественной церковію.

Митрополитъ Филаретъ, 8 сентября и 13 мая, поставилъ себѣ задачей дозволеніе и благословеніе имъ (единовѣрцамъ) стараго обряда подъ предлогомъ и именемъ „единовѣрія,“ согласить съ безвозвратными запрещеніями этого обряда и съ клятвами, противу держателей его положенными греко-московскимъ соборомъ, который этой единовѣрности съ собой въ

старомъ обрядѣ не признавалъ, а напротивъ видѣлъ въ немъ прямое уклоненіе отъ православія и прямое противорѣчіе св. апостольской церкви. Митрополитъ Филаретъ принудилъ себя къ этому соглашенію, конечно не для старообрядцевъ, потому что они этихъ запрещеній для себя — обязательными и клятвъ — дѣйствительными не признавали и не признаютъ, почему и соглашать ихъ съ чѣмъ бы то ни было не имѣли надобности, а для единообрядствующихъ съ нимъ сыновъ великороссійской церкви которые, по наслышкѣ отъ него же самаго, еще вѣруютъ въ обязательность обрядовыхъ постановленій и въ праведность клятвъ собора 1667 г. и вѣруя такъ—недоумѣваютъ, какимъ же образомъ св. Синодъ могъ разрѣшить и благословить то, что запрещено и проклято великимъ соборомъ и зачѣмъ сами архіереи идутъ къ нимъ, ревнителямъ и держателямъ стараго обряда, что бы служа въ ихъ церкви по старымъ книгамъ и обрядамъ, и ихъ утвердить въ противленіи собору и себя поставить въ прямое противорѣчіе съ нимъ съ собственными увѣреніями, что запрещеніе и клятвы его праведны, святы и вѣчно неотложимы. „Знаю братія св. храма сего" говоритъ Филаретъ въ своей бесѣдѣ „что единовѣріе ваше не для всѣхъ понятно."

Прекрасно сказано, *Преосвященный отецъ*, что единовѣрность примиренцевъ съ ними (великороссійцами) не для всѣхъ понятна; но непонятна она только для однихъ-ли единовѣрцевъ и сыновъ отечественной церкви? Понятна-ли она самому преосвященному архипастырю? Не будемъ говорить о клятвахъ 1667 г. не будемъ говорить о священнической присягѣ 1679 г. подъ заглавіемъ „изложеніе св. патріарха Іоакима," не будемъ говорить и о постановленіяхъ св. Синода отъ 15 мая 1722 года. Оставимъ въ покоѣ и правила платоновскаго единовѣрія 1800 г. про все это могутъ сказать, что это времена прошедшія и давно

прошедшія. Возмемъ ближайшія къ намъ времена въ 1859 и 1861 годахъ; а это почти тоже, что вчера и третьяго дня; самъ Синодъ называетъ оскорбительнымъ и весьма оскорбительнымъ для церкви и православія—переходъ отъ обрядства преосвященныхъ архипастырей къ обрядству старому; переходъ повидимому внутри одной и той же церкви и того же православія. Итакъ для митрополита Филарета, для россійскихъ архипастырей и Синода,—вотъ для кого единовѣрность соединенцевъ съ великороссійцами, къ прискорбію и стыду архипастырей—доселѣ остается непонятною; и вотъ къ кому прежде всего слѣдовало бы обратить слово своего вразумленія и назиданія.—„Единовѣріе“! Мы осмѣлились поправить митрополита. „Единовѣріе ваше“ назвавъ единовѣрностью, потрудился-ли онъ понять разъясненіе между этими словами? Единовѣрность есть единость въ вѣрѣ на старообрядствующихъ чадъ св. апостольской церкви съ архипастырями—господственно обрядствующими. „Единовѣріемъ“ принято въ Россіи называть во первыхъ: общество присоединенныхъ старообрядцевъ съ господственно-обрядствующими сынами церкви, и во вторыхъ, сводъ правительственныхъ постановленій объ отношеніяхъ въ которыхъ присоединенцы поставлены къ архипастырству и къ ихъ обряду—правилами митрополита Платона. Думаемъ, что между тѣми и другими существенная разница. Единовѣрность очевидна каждому понимающему т. е. единовѣрность въ вѣрѣ и въ догматахъ но „единовѣріе“ т. е. сводъ платоническихъ правилъ—навсегда останется не согласнымъ противорѣчіемъ и логикѣ и совѣсти. Единовѣріе это существуетъ въ 1800 года, но единовѣрность съ господствующей россійской церковью ведетъ начало и не прерывалось отъ самаго просвѣщенія Руси православною вѣрою. Она (единовѣрность) была несомнѣнна, когда россійскіе архипастыри были съ старообрядцами

единообрядцами и осталась таковою и тогда, когда архипастырямъ разсудилось—обрядность своей отечественной церкви преобразовать по образцу иноземному; даже и тогда, когда имъ (архипастырямъ) угодно было свое поправленное обрядство провозгласить восточнымъ апостольскимъ православіемъ, а старообрядственное, древнее отечественное и святоотечественное обрядство—не православіемъ, но и тогда когда не согласившись съ ними—старообрядцы сдѣлались противниками имъ и ихъ глаголанному, мнимому православію. Они старообрядцы ни отъ единой іоты или черты не отступили отъ древняго православія, слѣдовательно вопреки обмана ихъ архипастырями якобы въ неправильности обряда, пребыли имъ единовѣрны. Преосвященные архипастыри русской церкви,—за вѣрность старообрядцевъ къ старому обряду—прокляли ихъ своимъ соборомъ, гнали ихъ изъ своихъ церквей, писали въ расколъ, ополчались на нихъ и церковными и гражданскими казнями и истязаніями, а старообрядцы вынуждены были отъ отъ нихъ бѣжать, но бѣжали они (старообрядцы) никакъ не отъ святой апостольской церкви а ихъ (архипастырей) насильно имъ, старообрядцамъ, навязаннаго обряда, отъ ихъ клятвъ и анаѳемъ; а потому и въ этомъ вынужденномъ бѣгствѣ, которое они обзывали расколомъ, старообрядцы пребыли имъ единовѣрны; „единовѣрцы“ были имъ единовѣрны еще тогда, когда небыли глаголемыми единовѣрцами; равно и не примиренные держатели стараго обряда, хотя не суть такъ называемые „единовѣрцы,“ но неоспоримо суть имъ единовѣрны. Единовѣрность „единовѣрцевъ“ или старообрядцевъ, есть древній актъ, въ которомъ для нихъ, старообрядцевъ, грядущее оправданіе а для архипастырей неминуемое осужденіе; „единовѣріе“ же есть этого акта поддѣлка, которымъ архипастыри стараются государей ввести въ заблужденіе, будто

единовѣрными имъ, архипастырямъ т. е. православными они сдѣлались только тогда, когда помирились съ ними и будто соборъ 1667 г. проклялъ ихъ (старообрядцевъ) за не православіе и, слѣдовательно, проклялъ праведно. Единовѣрность и единовѣріе, говоримъ это два акта: первый—подлинный, второй—подмѣнный. Восхваляя единовѣрность, называя ее единовѣріемъ, митрополитъ Филаретъ недопустилъ сознательнаго подмѣна понятій, сознательнаго подлога съ тѣмъ, что бы правдой единовѣрности прикрыть кривду своего единовѣрія и этой правдой замаскироватъ не правду его преосвященства.

„Единовѣріе ваше“ говоритъ митрополитъ Филаретъ! Нѣтъ, преосвященный отецъ! Единовѣрность такъ наша; но единовѣріе—Ваше!

Берите его себѣ все и владѣйте имъ одни безъ раздѣла.

„Во вторыхъ“ продолжаетъ митрополитъ (единовѣріе ваше не для всѣхъ понятно) „потому, что держащіеся сихъ обрядовъ нѣкогда были подвержены осужденію, когда держались оныхъ и съ преслушаніемъ отъ церкви и съ отторженіемъ отъ единства Ея.“

На эту выдержку осмѣливаемся замѣтить митрополиту, что держаніе стараго обряда не есть вина или преступленіе, когда оно не соединено съ отторженіемъ отъ единства церкви, то очевидно держаніе этого не есть вина и тогда, когда оно соединено съ этимъ отторженіемъ?... Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ виноваты предъ митрополитомъ не мирствующіе съ нимъ старообрядцы? Тѣмъ-ли, что держатъ старый обрядъ? Никакъ!... А тѣмъ только, что не мирують и не идутъ въ сообщеніе съ нимъ, митрополитомъ.

Фраза митрополита: „когда держались съ отторженіемъ отъ единства церкви“ звучитъ софизмомъ. Слѣдовательно по Филарету выходитъ, что за отторже-

ніемъ послѣдовало отверженіе. Но такъ какъ держатели стараго обряда не сами охотно отторглись, а сами архипастыри съ проклятіями ихъ извергли: то (послѣ опыта Филарета съ единовѣрностью и единовѣріемъ) не будетъ-ли это новымъ подмѣномъ однаго понятія другимъ: изверженіемъ отторженія. Мы попросили бы Филарета, замѣнить во имя православности подлогъ—подмѣнностью: слово „отторженіе" словомъ „изверженіе," тогда софизмъ его фразы уступить мѣсто правды его изображенію факта: держатели стараго обряда были нѣкогда подвержены осужденію, когда архипастырства извергли ихъ изъ своего сообщенія. Но, преосвященный Филаретъ, кто тогда будетъ повиненъ осужденію исторіи и потомства: тѣ, кои желали бы держаться стараго обряда и не отторглись отъ сообщенія съ архипастырями или же архипастыри, которые извергли ихъ за одно это держаніе?" Нѣкогда были осуждены." Нѣтъ! Осужденіе архипастырей еще впереди, а теперь пока судитъ и казнитъ ихъ—ихъ совѣсть. „Когда держались оныхъ съ преслушаніемъ и отторженіемъ отъ единства ея" продолжаетъ митрополитъ.

Нельзя не пожалѣть что митрополитъ Филаретъ думаетъ разрѣшить увѣреніемъ, якобы держащіеся старыхъ обрядовъ, нѣкогда были подвержены осужденію не за держаніе старыхъ обрядовъ, а за отторженіе отъ церкви за расколъ, т. е. будто бы нѣкогда можно было и обрядъ старый держать и отъ сообщенія съ архипастырями не отторгаться. Но Филарету, конечно, лучше насъ извѣстно что соборъ 1667 г. проклялъ самое держаніе стараго обряда и его держателей, именно, за это держаніе и ни за что другое, а архипастыри въ первое, по соборѣ, время, т. е. до 15 сентября 1763 года,—мірянъ, осмѣлившихъ оставаться вѣрными старому обряду, за одно только держаніе его (что говоримъ: за держаніе ста-

раго обряда; нѣтъ: за одно двуперстіе!)—лишало таинствъ, гнало изъ церквей, записывало въ расколъ „не взирая ни на что“ (подлинныя слова опредѣл. Св. Синода отъ 15 мая 1722 года), а священниковъ, иногда за отслуженіе молебна на старопечатной книгѣ—обнажали священства и отдавали палачамъ на поруганіе кнутомъ и плетьми на гражданскихъ площадкахъ! Весьма было бы поучительно слышать отъ митрополита Филарета разъясненіе, какимъ образомъ при такихъ жестокихъ гоненіяхъ или такихъ порядкахъ можно было, по его мнѣнію, и обрядъ старый держать и отъ сообщенія съ архипастырями не отторгаться, а архипастырство какимъ образомъ могло держаніе и держателей стараго обряда, въ одно и тоже время и проклинать, и терпѣть въ своемъ сообщеніи? Если же митрополитъ Филаретъ думаетъ свое подметное показаніе подтвердить ссылкою на единовѣріе, т. е. провести также мысль, будто держаніе стараго обряда и въ прежнія времена всегда было бы допущено на основаніяхъ подобныхъ нынѣшнему единовѣрію, еслибы держатели его просили о томъ правительство, но что будто-бы не было желающихъ.

То мы остановимъ вниманіе митрополита на слѣдующія обстоятельства. Когда въ 1721 году, нѣкоторые (отъ сильныхъ преслѣдованій) старообрядцы пожелали соединиться съ господствующей церковію, съ удержаніемъ у себя старыхъ обрядовъ, св. Синодъ призналъ что принять ихъ въ общеніе на такихъ условіяхъ, невозможно.

Такимъ образомъ, отказъ старообрядцевъ отъ перемѣны перстосложенія и отъ произнесенія на двуперстіе клятвы, былъ въ глазахъ св. Синода уже достаточною причиною для того чтобы не допустить ихъ въ церковь господствующую. А въ указѣ св. Синода отъ 15 мая 1722 г. изображено: „которые хотя святѣй церкви и повинуются, и вся церковныя таинства

пріемлютъ а крестъ на себѣ изображаютъ двѣма персты, а не троеперстнымъ сложеніемъ: тѣхъ, кои съ противнымъ (кому противнымъ?) мудрованіемъ и которые хотя по невѣжеству и отъ упорства то творятъ *на обоихъ писать въ расколъ, не взирая ни что*". Далѣе: когда въ Грановитой палатѣ, въ присутствіи патріарха Іоакима поднялся бунтъ и когда патріархъ сказалъ имъ что „мы за крестъ и молитву не мучимъ и не вяжемъ, но за то, яко насъ еретиками называете и святѣй церкви не повинуетесь... Тогда Савва отвѣчалъ ему: „Правду ли, глаголете, яко за крестное знаменіе и за молитву не мучите? То чесо ради—егда приведутъ предъ вами коего христіанина и съ первыхъ словесѣхъ истязуете его како крестится и како молитву творитъ? И аще отвѣщаетъ оный: крещуся и молитву творю по старому, яко святая церковь пріяла отъ святыхъ богоносныхъ отецъ... и вы за то того вяжете его и мучите и въ тюрьму вринете на смерть. И нынѣ у тебе въ Нижнемъ-Новгородѣ сѣдятъ три человѣка за крестъ и молитву въ ямѣ, которая ископана глубиною саженей десять, подъ башнею Ивановскою. По твоему же указу приходилъ къ нимъ попъ Евѳимій мироносицкій и изведъ ихъ изъ ямы, вопрашивалъ: повинуются ли церкви во всемъ и архіерею?"

„*Они же пріявше отъ него благословеніе* отвѣщаша: *По всѣмъ повинуемся и волю вашу безпрекословія будемъ творити, точію уволите намъ крестное знаменіе и молитвы по старому имѣти; и оный попъ тебѣ возвѣстилъ: ты же паки повелѣлъ въ туже яму бросити* [1]). Все это ясно доказываетъ, что послѣ изрыгнутыхъ клятвъ и анаѳемъ Грекомосковскимъ соборомъ 1667 года, церковь

[1]) См. Прот. общест. люб. духов. просвѣщ. книга перв. 1872 года стран. 114—115 и 292—293.

господствующая—до примирительныхъ тенденцій самодержавія 1763 года—ни какъ не согласилась принимать въ общеніе съ собою старообрядцевъ съ старымъ обрядомъ.

Митрополиту, и его дальнѣйшимъ подражателямъ и пространнѣйшимъ истолкователямъ, должно быть ясно какъ день, что даже и нынѣ, даже и при восхваляемомъ нынѣшнемъ единовѣріи не представляется никакой возможности и—обрядъ старый держать и—отъ общенія съ россійскими Архипастырями не отторгаться. Единовѣріемъ т. е. правилами Митрополита Платона, старый обрядъ дозволенъ однимъ примирившимся съ Архипастырями—старообрядцамъ, и въ особыхъ и нарочито на то устроенныхъ церквахъ; но неслыханное дѣло, чтобы Архипастыри въ обще-приходскихъ церквахъ,дозволили—хотя бы что нибудь—изъ старообрядства.

Что же Митрополитъ морочитъ старообрядцевъ разсказывая, будто даже въ первые 100 лѣтъ по Московскомъ соборѣ, можно было и обрядъ старый держать и отъ общенія съ Архипастырями не отторгаться?

Но, прозрительнѣйшій Архипастырь Филаретъ, путается и говоритъ про держащихся стараго обряда „будто они нѣкогда были подвержены осужденію за то, что отторглись отъ единства церкви". Какъ: нѣкогда? Когда это? Эту несправедливость читатель сейчасъ уже видѣлъ. Положимъ условно—въ первые 100 лѣтъ по соборѣ т. е. до 15 сентября 1763 года. Но нынѣ они—за это отторженіе—развѣ не подлежатъ болѣе осужденію? Прежде, чѣмъ продолжать бесѣду свою, митрополиту слѣдовало бы поправить ошибку, что дескать, держатели стараго обряда не только—нѣкогда, т. е. въ извѣстный періодъ времени подлежали, но и во всѣ времена будутъ подлежать осужденію—когда...

и проч. Но ахъ Боже мой, какія мы простяки! Только сейчасъ спохватилися, что вызывая митрополита на поправленіе своей ошибки, мы покушаемся заставить его произнести, противу самого себя, обвинительный приговоръ.

„Держащіеся стараго обряда“ говоритъ митрополитъ „были подвержены осужденію.“ Въ дѣлѣ разсужденія такого спутаннаго вопроса, какъ нашъ русскій православный расколъ, необходима самая тщательная точность въ выраженіяхъ. Сказать, что извѣстные воры, разбойники, еретики и т. д. осуждены—значитъ сказать—что осужденіе этихъ людей послѣдовало именно за то ихъ извѣстное воровство, разбойничество, еретичество и т. д. Сказать, что держащіеся стараго обряда были нѣкогда осуждены—значитъ сказать что осужденіе постигло ихъ именно за это держаніе. Если бы мы сказали, что такой то буянъ арестованъ, тогда какъ этотъ человѣкъ арестованъ не за буйство—а за воровство—развѣ митрополитъ не вправѣ былъ бы упрекнуть насъ въ неточности выраженія, въ искаженіи факта?

„Держаніе стараго обряда было подвержено осужденію!“ Не смотря на очевидную придуманность роли, Филаретъ какъ видно не совсѣмъ заглушилъ въ своей совѣсти голосъ истинны, почему и обмолвился невольнымъ и быть можетъ для самаго себя незамѣтнымъ признаніемъ, коимъ могъ обмолвится развѣ обличитель, а не апологетъ греко-никоновскаго московскаго собора. Св. апостольская церковь осудила и осуждаетъ отторженіе и отторженцевъ, но никакъ не старый обрядъ и не держателей его—старообрядцевъ—какъ обмолвился митрополитъ Филаретъ. А когда такъ, просимъ митрополита внушить намъ, что де-скать, держащіеся стараго обряда никогда не были осуждены, т. е. не проклинаемы, не изгоняемы, ни какимъ либо другимъ способомъ насилуемы, пре-

слѣдуемы и притѣсняемы; мы такъ и записали бы на память. Что же онъ замялся? То-то и есть: замялся! Взявшись доказать, что клятвы московскаго собора не были ошибкою и погрѣшительностью, а были праведны и святы, Филарету пришлось изъ клятвъ изгонять, выжимать благословеніе, соглашать несоглашаемое.

„Держащіеся старыхъ обрядовъ, были подвержены осужденію!“ Болтнувъ это выраженіе, митрополитъ спохватился и тотчасъ прибавляетъ „когда держались оныхъ съ отторженіемъ отъ единства церкви.“ Но если осужденіе постигло русскихъ предковъ не за держаніе, а за отторженіе—какъ прибавилъ и спохватился митрополитъ—то зачѣмъ было ему и поминать объ этомъ держаніи, зачѣмъ это держаніе связывать съ проклятіями и преслѣдованіями, какъ вину и причину? Правда, митрополитъ поправляетъ первую фразу во вторую; зачѣмъ ему—поправлять, не лучше-ли бы совсѣмъ не ошибаться? Чѣмъ митрополиту вертѣться между правдой и ложью, не лучше-ли бы ему покориться и истиннѣ и совѣсти?

„Дознано испытаніемъ не кратковременнымъ“ говоритъ митрополитъ Филаретъ. Слѣдовательно Филаретъ, нѣкогда, сомнѣвался въ православности старыхъ обрядовъ и обычаевъ, иначе зачѣмъ было ему испытывать? Прискорбное заблужденіе, жалкое невѣжество! Но осужденіе митрополита Филарета дѣло не наше, а исторіи. Мы же—при этомъ новомъ признаніи митрополита, при этой новой обмолвкѣ—осмѣлимся предложить вопросъ: сомнѣваясь, нѣкогда, въ православности старыхъ обрядовъ, стали бы и могли-ли бы—россійскіе архипастыри—терпѣть эти обряды въ церковной практикѣ? Никакъ и никогда! А митрополитъ хотѣлъ бы давиче одурачить насъ да и себя вмѣстѣ съ нами, будто даже въ тѣ невѣжественныя и насильственныя времена, когда архипастыри старый

обрядъ признавали за злѣйшими еретиками, можно было и старый обрядъ держать и отъ общенія съ архипастырями не отторгаться; другими словами, будто бы во всѣхъ приходскихъ церквахъ по выбору прихожанъ, съ вѣдома и благословенія архипастырей, можно было служить и по старымъ и по новымъ книгамъ, обрядъ держать и старый и новый, тогда какъ этого нѣтъ и нынѣ во времена—сравнительно—свободнѣйшія и просвѣщеннѣйшія.

Допустимъ, что подъ преслушаніемъ—митрополитъ разумѣетъ держаніе, слѣдовательно это держаніе архипастырями было запрещаемо, запрещаемо—слѣдовательно было преступно само по себѣ безъ отторженія, и отрѣшено отъ другихъ винъ, а держатели были преступны предъ архипастырями тогда, если бы и не думали отторгаться отъ сообщенія съ ними. Безъ всякаго сомнѣнія придется же, наконецъ, архипастырямъ сознаться въ этомъ. О какъ благодарна была бы св. церковь, какъ прославила бы ихъ исторія, если бы они—вмѣсто того, что бы тормозить свой вѣкъ—не отставали отъ него; если бы они это признаніе безъ дипломатическихъ уклончивостей прямо и твердо повѣдали и самодержавію и потомству, и вмѣстѣ съ ними потщились исправить прежнія свои ошибки и несправедливости! Но въ томъ-то и несчастіе, что имъ и на мысль не приходило очистить свое святительство отъ подавляющихъ его—лжи и фальши—на извращенномъ языкѣ сего міра называемыми искусствомъ администраторства. Въ самомъ дѣлѣ, если держаніе стараго обряда было преслушаніемъ, то очевидно оно было запрещено, изгоняемо изъ церковной практики, а сопротивленіе этому запрету, 100 или 200 лѣтъ назадъ—по духу тѣхъ временъ,—могло-ли обойтись безъ казней церковныхъ и гражданскихъ? Никакъ! Теперь дозволимъ себѣ спросить: по какимъ винословіямъ архипастыри вчера за-

прещали то, что нынѣ разрѣшаютъ, вчера проклинали то, что нынѣ—благословляютъ? Не есть-ли это неустроенность понятій и коловратность мѣропріятій, неустроенности и коловратности которыхъ — именно имъ (архипастырямъ) а не другому чину—отечественная церковь одолжена расколомъ?

„Съ преслушаніемъ церкви!..“ Непокореніи старообрядцевъ неустроенности и коловратности архипастырства, митрополитъ Филаретъ изволилъ назвать преслушаніемъ церкви. Но, архипастырь! ужели онъ готовъ въ самомъ дѣлѣ отстаивать нелѣпую богохульную мысль, будто эта ихъ неустроенность и коловратность со всѣми ихъ казнями и преслѣдованіями стараго обряда и старообрядцевъ—свойственны св. соборной апостольской церкви?!

Соединимъ теперь преслушаніе съ отторженіемъ; съ дозволенія митрополита Филарета допустимъ, что преслушаніемъ онъ назвалъ—отторженіе отъ церкви; но—такое постановленіе рядомъ преслушанія и отторженія—не будетъ-ли смѣшиваніемъ двухъ самостоятельныхъ и совершенно различныхъ понятій и—послѣ опыта (митрополита) съ единовѣрностью и единовѣріемъ, съ изверженіемъ и отторженіемъ—подмѣномъ втораго понятія первымъ и перваго—вторымъ, втораго акта первымъ а перваго—вторымъ, второй вины первою а первой—второю, подмѣномъ—которому противится логика и совѣсть. Но пусть Филаретъ смѣшиваетъ эти два понятія, назвавъ отторженіе преслушаніемъ, а преслушаніе отторженіемъ, и приложитъ хотя бы свое „изъясненіе о проклятіи,“ что загрянетъ тогда въ голову его послушателей? Не то ли, что—подъ преслушаніемъ, противленіемъ, непокореніемъ—соборный актъ разумѣлъ одно отторженіе, а ни какъ не держаніе, въ чемъ именно и хотѣлось бы архипастырямъ увѣрить самодержавіе. Тогда какъ въ этомъ актѣ и помину нѣтъ объ оттор-

женіи, но напротивъ самъ отсѣкалъ, извергалъ, проклиналъ именно за это держаніе и—ни за что другое. Пусть намъ Филаретъ укажетъ правило церковное, что—держаніе стараго обряда—было ли когда либо преслушаніемъ или не было? Если было, то поздравляемъ митрополита: онъ изрекъ свое осужденіе. Если же не было то очевидно потому, что она (церковь) его никогда на запрещала. Позвольте же узнать, въ какомъ качествѣ архипастыри гнали православный народъ изъ его церквей, лишали таинствъ, писали въ расколъ, а священниковъ—за одно служеніе молебна по старопечатному требнику,—обнажали отъ священства и били кнутомъ на гражданскихъ площадяхъ? Если держаніе стараго обряда не бывало преслушаніемъ, то и нынѣ не должно быть. Отъ чего же, съ нѣкотораго времени—даже и теперь—переходъ изъ обще-приходскихъ церквей въ такъ называемыя единовѣрческія—рѣшительно запрещенъ? Въ актѣ 15 мая 1722 г. и въ правилахъ Платона и ему подобныхъ, и на спинахъ русскихъ предковъ, и мирянъ и священниковъ и—между ними—и одного епископа (Павла Коломенскаго) это запрещеніе ясно изображено. Мы читали запрещеніе держать старый обрядъ начертанное (архипастырями) руками палачей; однакожъ это держаніе, по Филаретову медорѣчію „не было преслушаніемъ.“ Удивительно! удивительно!

Митрополитъ говоритъ: „что нѣкоторое разнообразіе въ обрядахъ не есть раздѣленіе тамъ, гдѣ есть единый духъ вѣры.“ „Нѣкоторое разнообразіе,“ т. е. ничтожное. А если такъ что это разнообразіе—ничтожно—то изъ-за чего гремѣлъ клятвами и анаѳемами соборъ 1667 г.? Изъ-за чего бился Никонъ и бьется самъ Филаретъ съ архипастырями? Изъ-за чего, до сихъ поръ, и—онъ и они—подымаютъ эти раздѣлительныя между ними и старообрядцами пререкословія, запросы, раздоры и хулы?

„Гдѣ есть единый духъ вѣры и единство въ духѣ любви и послушанія,“ говоритъ митрополитъ Филаретъ „тамъ разнообразіе въ обрядахъ не есть раздѣленіе, а послушаніе.“

Осмѣлимся спросить: на какую потребу понадобилось здѣсь митрополиту наше послушаніе? Слово идетъ о единомысліи въ вѣрѣ и единодушіи въ общеніи—какъ крѣпчайшихъ узахъ связующихъ каждую церковь съ другими и—всѣхъ—съ единою апостольскою, членовъ каждой церкви другъ съ другомъ, пастырей съ пасомыми и пасомыхъ съ пастырями. Но что такое послушаніе? Послушаніе—есть отреченіе отъ своей воли и разсужденія въ дѣлахъ касающихся внѣшняго человѣка, его житейскихъ дѣлъ и его заботъ и—есть существенный знакъ монашества, коимъ послѣднее отличается отъ остальнаго христіанства, образующагося въ мирѣ и съ міромъ. Если таковое послушаніе разумно и спасительно для избранныхъ, какъ чрезвычайный подвигъ и путь къ Богоугожденію, то оно немыслимо въ приложеніи къ цѣлымъ народамъ и на такое послушаніе себѣ народъ—кромѣ папъ—не изъявилъ притязанія и, ни одна Іерархія въ мірѣ. Между нами сей-часъ слово о вѣрѣ и обрядѣ, слѣдовательно подъ послушаніемъ, въ единомъ случаѣ, митрополитъ разумѣетъ отреченіе отъ собственной воли и разсужденія въ собственныхъ дѣлахъ, касающихся не внѣшняго человѣка а спасенія его души; но такое притязаніе Іерархіи свойственно не восточному православію, а латынствующему западу. Тамъ іезуитству надлежитъ грандіозная (величественная) мысль, приписать папѣ непогрѣшимость въ дѣлахъ спасенія, отобравъ у народовъ міра въ собственномъ ихъ спасеніи—свободу воли и разсужденія, которая имъ и не нужна при непогрѣшимости ихъ папъ и, такимъ образомъ—изъ народовъ міра—образовать обширнѣйшую лавру, которой и воля

и разсужденіе сосредоточены въ папѣ — ѳеократическомъ обладателѣ совѣсти своихъ послушниковъ, а съ совѣстію—конечно—и ихъ внѣшнихъ благъ, всего елика суть у нихъ, и перечисленнаго въ десятой заповѣди, разумѣется не все для настоятеля а—чрезъ него и ради его для—послушнѣйшихъ изъ его послушниковъ, распинающихъ совѣсть свою за непогрѣшимость своего идола, т. е. для тѣхъ же отцевъ іезуитовъ. Но и въ самомъ Римѣ мысль о существованіи такого сооруженія остается лишь въ вожделѣніяхъ папы и его подвижниковъ.

Безспорно, въ дѣлѣ вѣры пастырямъ надлежитъ вождѣленіе т. е. преподаваніе и истолкованіе догматическихъ истинъ, а пасомымъ—сослѣдованіе т. е. приниманіе, усвоеніе. Но послушаніемъ въ дѣлѣ вѣры мы, пасомые, обязаны не имъ, пастырямъ, а истиннѣ т. е. единой, св. соборной апостольской церкви, паче же Духу Святому, исполняющему свою церковь и—по мѣрѣ дара—на всѣхъ святыхъ слѣдовательно и на мірянахъ, а не на однихъ преосвященствахъ—почивающему, обязаны этимъ послушаніемъ не одни а вмѣстѣ, и на равнѣ съ архипастырями.

Мы слушаемъ нашихъ пастырей—но не по обязанности послушанія имъ—а по свободно-любезной обязанности вѣровать во святую истинну, любить ее и умереть за нее. Мы слушаемъ нашихъ пастырей—но не потому и не соображаясь съ тѣмъ на сколько они титулованы и орденованы а потому—на сколько ученіе ихъ согласовано съ ученіемъ и преданіемъ св. апостольской церкви. Пастыри насъ учатъ, но мы — ни на слово, а съ разсужденіемъ—должны принимать ихъ ученіе. А это уже не послушаніе, а именно то единомысліе, которое связуетъ—какъ мы сказали—и прихожанъ съ прихожанами и паствы съ ихъ пастырями и церкви одну съ другою, а всѣхъ ихъ—въ

единую святую апостольскую недѣлимую и непогрѣшимую церковь.

Тоже самое и въ отношеніи обряда. Обрядъ святоотечественной церкви установился исторически, вѣками, никакъ не вопреки, а слѣдовательно не безъ благословенія церкви — неотрѣшимо присущаго самому духу и ученію христіанства, установился не насильно, не властнымъ повелѣніемъ какого либо царя, епископа, патріарха, собора или другаго какого авторитета, а по свободному избранію его всѣмъ народомъ—сообразно духу и характеру св. апостольской церкви; [1]) по этому само Архипастырство—и единолично и въ совокупности—обязано послушаніемъ обряду и обычаю той церкви, которою и для которой оно избирается. Но послушаніемъ въ обрядѣ мы не обязаны архипастырямъ, да и требовать отъ насъ его они не имѣютъ права. Единовѣрцы придерживаются стараго обряда не въ силу въ 1800 г., якобы Высочайше утвержденныхъ правилъ митрополита Платона, а по силѣ вселенской истинны, на основаніи духа и преданій истиннаго христіанства, прямѣе—не потому—якобы самодержавіе даровало имъ (единовѣрцамъ) поблажку, въ какую либо противность преданіямъ и въ ущербъ священной власти св. апостольской церкви, а потому что оно—архипастырямъ—возбранило уклонство отъ духа и преданій сей церкви. Самодержавіе только возвратило имъ (что принадлежитъ церкви) право имѣть свою обрядность, свои обрядовыя особенности—право, которое слѣдовательно принадлежало русской отечественной церкви, по неизмѣннымъ преданіямъ восточнаго православія; оспаривать лишь это могутъ только папами, а еще у Россіи—по грѣхамъ нашимъ—и архипастырями, право

[1]) См. въ приложеніи въ концѣ книги древнихъ изображеній иконъ.

отъ котораго архипастырство—два вѣка назадъ—съ поруганіемъ отреклось. Тѣмъ стыднѣе для нихъ! А старообрядцы—съ благословеніемъ св. апостольской церкви—его сохранили и надѣются, при помощи Божіей, сохранить и на грядущія времена. А у архипастырства самодержавіе лишь отобрало то—что они присвоили себѣ властительски, въ несчастныя, для отечественной церкви, времена, насильственно и невѣжественно пользуясь слабостью и неумѣренной къ нимъ довѣренностью нѣкоторыхъ государей.

Тѣ отношенія, которыя современъ Екатерины и Павла Высочайше постановлены между старообрядцами и архипастырями, не суть послушаніе самодержавію на власть и независимость отъ церкви; а суть отношенія истинно православныя и христіанскія (говоримъ о начальной мысли выразившейся въ актѣ 15 сентября 1763, 11 марта 1784 и 12 марта 1798 годовъ; а не о правилахъ митрополита Платона исказившихъ Высочайшія предначертанія) отношенія, которыя—по примѣру русскихъ предковъ—непремѣнно будутъ возстановлены и въ господственныхъ нынѣ русскихъ церквахъ, какъ только самодержавіе восприиметъ прирожденныя но забытыя имъ обязанности—къ церкви и народу.

Русскій народъ—съ понятною гордостію имянущій себя старообрядцами—съ праведнымъ негодованіемъ слушаетъ отъ архипастырей оболганіе и оклеветаніе ихъ глаголемыми т. е. ложными самозванными старообрядцами, съ сознаніемъ своего права, своего достоинства и превосходства предъ всѣми, терпятъ ругательное именованіе ихъ раскольниками и нисколько нескрываютъ, что они дѣйствительные ихъ ослушники, непокорники, противники въ ихъ иноземномъ обрядѣ. Они—старообрядцы—несомнѣнно убѣждены, что время опыта и просвѣщенія откроетъ глаза и самодержавію; тогда-то и противленіе старообрядцевъ архипастырямъ, и непослушаніе другихъ ихъ невѣ-

жеству и насильству, ихъ неустроенности и коловратности—оцѣнитъ оно (самодержавіе) по достоинству.

„Отсюда отъ произнесеннаго на непокорниковъ по справедливости не освобождаются,“ говоритъ митрополитъ.

Послушниками Филаретъ называетъ очевидно присоединенцевъ, а непокорниками—русскихъ предковъ и не мирствующихъ съ архипастырями—старообрядцевъ. Но такъ какъ весь споръ и раздоръ у архипастырей съ старообрядцами идетъ единственно изъ-за обряда, въ обрядѣ же старообрядцы послушными имъ (архипастырямъ) не бывали, а предки ихъ—кромѣ обряда—никогда ни въ чемъ другомъ съ архипастырями не расходились—то не ясно ли—что дѣйствительное ихъ послушаніе преданіямъ св. церкви Филаретъ извращаетъ въ небывалое у нихъ послушаніе Никону и московскому собору и—архипастырямъ; а непокореніе ихъ обряду—клевещетъ онъ—только не единовѣрцевъ а ихъ предковъ и старообрядцевъ—небывалымъ у нихъ непокореніемъ св. апостольской церкви. Митрополитъ этому дѣлу усиливается дать такой толкъ, будто раздоръ и расколъ архипастыри произвели не изъ-за обряда, а изъ-за чего-то болѣе важнаго—примѣрно—изъ-за уклоненія предковъ примиренцевъ и старообрядцевъ въ неправославіе, чего, однакожъ митрополитъ Филаретъ прямо высказать не осмѣлился, а будто за держаніе стараго обряда и это—подразумѣваемое „что то“ и „нѣчто“ было осуждено соборомъ. И все это для того, чтобы вину раскола—съ своей виновной головы—сложить на неповинную, увѣривъ самодержавіе, будто держаніе стараго обряда никогда не было запрещено, и держатели его никогда изъ церквей изгоняемы не были, а бѣжали сами охотно, и для этой-то, по Филаретовски, благой цѣли, ему и нужно было и стоило только обозвать единовѣрцевъ—его послушниками.

„Единовѣріе" вотъ было слово, которымъ предмѣстникъ митрополита Филарета охарактеризовалъ сущность примиренія старообрядцевъ съ архипастырями: старообрядцы преобразуются въ единовѣрцевъ, дѣлаются единой вѣры съ ними; вотъ съ чѣмъ въ 1800 г. Митрополитъ Платонъ могъ поздравить св. Синодъ, а Синодъ—Платона, а оба они—самодержавіе. Старообрядцы отрекаются отъ прежней своей вѣры, принимаютъ вѣру православную... трактовали платоновцы; вотъ дескать цѣна, которую пріобрѣтаютъ они (единовѣрцы) въ общеніе съ ними и дозволеніе оставаться при своемъ старомъ обрядѣ. „Святая церковь..." (Архипастыри не знаютъ и никакъ не допускаютъ различія между собою и между св. апостольской церковію).

„Могла-ли св. церковь „говорятъ они" поступить въ этомъ вопросѣ достойнѣе себя и снисходительнѣе къ братіямъ, правда — въ обрядѣ все еще заблуждающимъ, но въ вѣрѣ—оставляющимъ это заблужденіе, принимающимъ православіе." Итакъ отреченіе старообрядцевъ отъ прежней ихъ и—очевидно—не отъ православной вѣры и принятіе ими православія—вотъ въ чемъ, по Платону—состояло въ сущности примиреніе, которое онъ такъ удачно съ своей стороны охарактеризовалъ словомъ „Единовѣріе." Какая была у старообрядцевъ вѣра, въ чемъ состояла и состоитъ ихъ неправославность? на это мы, пожалуй, и не отвѣтимъ—заключаютъ промежъ себя платоновцы; но вѣдь примиренцы согласны и не отказываются принять имя нашихъ единовѣрцевъ, слѣдовательно, сами вызываются свидѣтельствовать о себѣ: что до примиренія съ нами у нихъ была другая вѣра, другая, слѣдовательно — неправославная, неправославная, слѣдовательно—еретическая. Какая, именно, ересь? объ этомъ должны бы знать и намъ сказать тѣ же самые единовѣрцы. А впрочемъ, зачѣмъ де-скать, намъ

истязывать допросами объ этомъ: гдѣ и когда бывало у мужиковъ ясное понятіе того, во что и какъ они вѣруютъ? Надобно полагать, что если у старообрядцевъ и нѣтъ, дескать, ни одной ереси въ ея полнотѣ, за то можетъ быть смѣсь всякихъ ересей и старыхъ и новыхъ; иначе за чѣмъ бы имъ и православіе принимать? Такъ очевидно долженъ былъ разсуждать Платонъ съ своими послушателями, внимая въ сокровенный смыслъ и умудряясь дипломатичностью изобрѣтеннаго имъ „Единовѣрія.“ Какое дѣло было до того, что съ употребленіемъ своихъ обрядовыхъ особенностей, старообрядцы не соединяютъ и никогда не соединяли ни какого мудрованія противнаго православію; никогда не исповѣдывали другой вѣры кромѣ православной почему и присоединяться имъ къ православію, дѣлаться единовѣрцами единой вѣры съ архипастырями, для нихъ (единовѣрцевъ)—логически—не возможно. Архипастырство въ лицѣ Платона удаляло, повидимому, всякій поводъ къ обрядовымъ раздорамъ и расколамъ, повидимому отказывалось отъ преданій 1667 года, и—повиди мому—искренно входило въ примирительные тенденціи самодержавія. Поставивъ архипастырство на прямую дорогу, самодержавію оставалось опочить на лаврахъ. Только это и нужно было Платону и архипастырству. Назвавъ примиренство — единовѣріемъ, Платонъ отнюдь не призналъ его православіемъ; напротивъ—имя: единовѣріе поставивъ противу имени: православіе—онъ самымъ этимъ противупоставленіемъ входитъ въ практику отечественной церкви и озаконивaетъ въ ней извращенное раздоромъ и расколомъ сѣятельное толкованіе, якобы не только старообрядство но и примиренство—не есть православіе. Еще 15 сентября 1763 года актомъ соединенной конференціи Сената и Синода, старый обрядъ разрѣшенъ для всей отечественной церкви. Съ этаго дня, безопасно могли

міряне креститься двумя перстами, а священники крестить и вѣнчать по солнцу, служить на семи просфорахъ съ круглой печатью и т. д. Но, чрезъ 37 лѣтъ, отдѣливъ примиренство и съ нимъ держаніе стараго обряда отъ своей церкви въ особые замкнутые приходы — Платонъ неумѣлъ освободить ее отъ необходимости терпѣть внутри себя старый обрядъ и скрывъ отъ глазъ самодержавія этотъ—величайшей важности церковный и государственный актъ—успѣлъ извратить примиреніе и возстановить въ церковно-правительственной практикѣ господство раздорныхъ идей 1667 года. Правда, актомъ 15 сентября нанесено жестокое и безвозвратное пораженіе раздорнымъ преданіямъ 1667 года, но если архипастырство при этомъ что и потеряло, то единственно право на кнутъ и плеть, а всѣ прочія и другія—нравственныя и матеріальныя бичеванія—остались въ рукахъ его. Правда, старый обрядъ и его держатели, вопреки собора допущены въ сообщеніе (чтожь было дѣлать съ самодержавіемъ?) за то, благодаря Платону, и допущены они съ какимъ-то поруганіемъ и оплеваніемъ; если держанію стараго обряда и его держателямъ дано мѣсто—но ни какъ не внутри, такъ называемой православной церкви, а по ихъ достоинству—на заднемъ ея дворѣ. Чтожъ? Всѣ довольны!... И самодержавіе, доднесь увѣренное въ просвѣщенности, благоразумности, благонамѣренности и добросовѣстности архипастырства; и церковь съ ея православіемъ—какъ ихъ Платонъ и архипастырство—такъ тщательно и такъ ревниво огражденная отъ привнесенія въ нее этой—по Платону—нечистоты стараго обряда и его держателей, проклятаго и проклятыхъ великимъ соборомъ 1667 г., котораго актъ 13 мая—а съ нимъ и раздорныя раскольныя преданія минувшихъ было временъ,—возстановленъ въ возможной, по нашимъ временамъ, силѣ и дѣйствительности. И самые примиренцы, если боль-

шинство ихъ всячески отплевывается отъ навязанной имъ, ругательной клички и, столь предосудительнаго для нихъ, отношенія къ отечественной церкви; но вѣдь на всякое чиханье не наздравствуешся: за то другія, де-скать, болѣе благонамѣренные примиренцы не нарадуются не нахвалятся и своимъ прозвищемъ и своимъ положеніемъ; и только однаго желали-бы для полноты самоуслажденія, чтобы архипастыри время отъ времени по напускивали въ ихъ яму побольше влажности, въ родѣ вятскаго Аполлоса, и молить Платону и всемъ сторонамъ хорошо: и волки сыты и козы цѣлы; свѣча поставлено удачно: и—архангелу и пораженному имъ—діаволу.

И—такъ надувательство: вотъ была идея вложенная Платономъ въ изобрѣтенное имъ „единовѣріе“ и это слово оставалось единственнымъ въ своемъ родѣ до 8 сентября 1840 года. Въ этотъ, отынѣ присно-памятный день, митрополитъ Филаретъ изобрѣтаетъ другое слово, подходящее къ Платоновскому „единовѣрію“ „послушаніе.“ Филарету какое дѣло до сущности предмета, которому онъ даетъ имя; какое ему дѣло до того, что подъ преслушаніемъ и покореніемъ и т. д., соборъ 1667 г. разумѣлъ, именно, держаніе стараго обряда, который вся православная церковь еще до собора ревностно держала. Поминая Платона, Филаретъ могъ ли отступить предъ такимъ—суду своей совѣсти—ничтожнымъ препятствіемъ? Сами присоединенцы, признавъ за собой это послушаніе дѣлаются лже-свидѣтелями и противъ своихъ предковъ и самихъ себя, будто до примиренія съ великороссійскимъ архипастырствомъ и они и предки ихъ были непослушными, были противниками единой святой соборной церкви. Теперь не одному Платоновскому „единовѣрію“ принадлежитъ миссія надувать человѣчество—отнынѣ съ 8 сентября 1840 года—присоединилось къ нему и Филаретовское „послушаніе“

оно такъ и слѣдуетъ: де-скать и наша денежка не щербата. И точно: чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, Платонъ преимущественнѣе митрополита Филарета?!

Филаретъ не затѣмъ-ли подвизался придти въ единовѣрческую церковь, что бы и ихъ и самодержавіе, уже отуманенныхъ двусмысленнымъ единовѣріемъ митрополита Платона—своимъ Филаретовскимъ послушаніемъ окончательно сбить съ толку; что бы въ ихъ (единовѣрческой) церкви—предъ ними—ложно, оффиціально и торжественно, а потомъ и печатно навязать имъ огромныя небылицы, наклепать на нихъ вопіющія напраслины: первая, будто не покорившись соборному акту 13 мая 1667 года, они стали преслушниками, непокорниками, противниками св. апост. церкви каковыми (будто бы) и теперь остаются всѣ непримиренные старообрядцы; вторая, будто—примирившись съ нимъ—старообрядцы стали послушны и архипастырямъ и его собору 1667 года, чтобы пользуясь ихъ простотою, а болѣе того—невозможностью печатно возражать ему на это дипломатически затѣйное, своей благовидностью святительскаго прямодушія прикрытое—навязаніе напраслинъ и небылицъ закрѣпить за ними, будто бы,съ ихъ согласія, де-скать все это—сказано и напечатано, и—по напечатаніи—осталось не протестованнымъ; а затѣмъ, эти небылицы и напраслины выставить на позоръ всему свѣту, какъ доказательство того, что не архипастырство, а держатели стараго обряда и произвели расколъ и—упорствуютъ въ немъ и, такимъ образомъ, и были и остаются преступными и предъ св. Церковію и предъ отечествомъ и предъ государями.

Въ подтвержденіе того, что въ обрядѣ и обычаѣ не есть раздѣленіе, митрополитъ Филаретъ указываетъ на начальнѣйшую древность, во второмъ столѣтіи по Рожд. Хр., „между обычаями церкви восточной и западной, была разность въ предметѣ важномъ: вос-

точные празновали пасху въ четвертый надесять день марта (Апрѣля) хотя онъ былъ не воскресный, а западные непремѣнно въ воскресный день, но при томъ единство вѣры и единенiе церковное было существенно и не подлежало сомнѣнiю...“ И мы скажемъ вмѣстѣ съ Филаретомъ, что разность была—по истинѣ—въ предметѣ важномъ.Стоитъ только представить сколько соблазна должно было происходить и, конечно, происходило—когда въ ближайшихъ мѣстностяхъ,а часто въ одномъ и томъ же городѣ нѣкоторые изъ вѣрныхъ говѣли еще страстную седьмицу, другiе уже праздновали пасху. Дѣйствительно, единенiе церквей при этой значительной разницѣ не подлежало оспариванiю. Только онъ не договорилъ, что эта разница—еще во 2-мъ вѣкѣ—грозила христiанству разрывомъ на востокѣ и западѣ. По этому разность во времени празднованiя пасхи, по ея слѣдствiямъ, не могла быть долго терпима церковiю, тѣмъ менѣе допущена на всѣ времена. Но въ нашихъ старыхъ обрядахъ совокупно взятыхъ—есть-ли хотя тѣнь такой важности, хотя зерно раздора и соблазна которые, во 2-мъ вѣкѣ, смущали миръ церкви; разумѣется кромѣ той важности которую архипастырства придали имъ, канонизовавъ одни и анаѳематствовавъ другiе на своемъ соборѣ, кромѣ того раздора который они произвели актомъ 13 мая, и кромѣ тѣхъ соблазновъ и скандаловъ на которые сами архипастыри поощряютъ свое духовенство. Если бы обрядовая практика старообрядческихъ церквей, по частямъ или даже во всей цѣлости была предоставлена полной свободѣ обще-приходскихъ церквей, то и тогда могъ-ли старый обрядъ—подать поводъ къ соблазнамъ и раздорамъ и раздѣленiю? Пусть бы митрополитъ Филаретъ примѣтилъ разность между древностью и своими временами! Тамъ—разность въ обычаѣ—сѣяла соблазнъ и раздоръ во вселенской церкви

между востокомъ и западомъ; у насъ—наша отечественная церковь—много вѣковъ имѣла старые обряды и не смущала ни чьей совѣсти. Тамъ, приведеніе обычая въ единообразность—утвердило миръ церковный; у насъ—оно этотъ миръ разрушило. Если у насъ, такъ называемый русскій расколъ, растетъ и крѣпнетъ, то именно и единственно потому, что архипастырство упрямо продолжаетъ отказывать своей церкви въ правѣ имѣть свои старые обряды, и этотъ раздоръ не прекратится, пока старый обрядъ не будетъ архипастырствомъ признанъ безусловно и безвозвратно. Древняя церковь ополчалась противу ересей и еретиковъ, а архипастырство—противъ кого? Противу православнаго и—вѣрнаго его завѣту и его предкамъ—древняго обряда и преданій своей церкви. Древняя церковь собиралась соборомъ для предупрежденія и погашенія раздоровъ и расколовъ, а архипастырство—въ лицѣ Никона и московскаго собора—само положило начало расколу своими легкомысленными обрядо-улучшеніями и нынѣ—главнѣйшей обязанностью архипастырской дѣятельности—поставляютъ искорененіе стараго обрядства т. е. поощреніе и разширеніе раскола. Митрополиту Филарету слѣдовало бы припомнить первыя, по соборѣ, пятьдесятъ лѣтъ—когда руки у русскихъ архипастырей были развязаны—какъ они тогда тиранили русскій народъ за вѣрность его преданіямъ своей церкви, какъ они его проклинали, гнали изъ своихъ церквей, били плетьми и кнутомъ, пытали инквизиціями, жгли, рубили, вѣшали (здѣсь нужно ему еще припомнить протопопа Аввакума, Ѳеодора діакона и проч. въ Сибири въ Пустоозерскомъ острогѣ съ семействомъ нагіе томлены были и—наконецъ—сожжены!) Экая дурь, какое невѣжество, какое изувѣрство! Преосвященный митрополитъ Филаретъ не стыдится и на ны

нѣшнія мѣропріятія. Не стыдится и настоящаго просвѣщеннаго 19 столѣтія!

„Но“ продолжаетъ митрополитъ Филаретъ „на первомъ вселенскомъ соборѣ, для всей церкви—одного времени—признаваніе пасхи и затѣмъ общаго пасхальнаго круга, непокорные сему опредѣленію не были извинены старымъ обычаемъ, но были осуждены.“ Съ дозволенія митрополита, мы заключимъ за него начатое имъ сопостановленіе: непокорные соборному опредѣленію—о времени празднованія пасхи—не только были осуждены, но и на всегда пребудутъ осужденными. У насъ же, если началомъ примирительныхъ мѣръ принять опредѣленіе соединенной конференціи 15 сентября 1763 г., то чрезъ 96 лѣтъ по Московскомъ соборѣ, опредѣленія противу стараго обряда и его держателей приведены въ ничтожность и бездѣйственность, клятвы его обращены въ благословенія и самое противленіе обрядовымъ постановленіямъ его безъ другой посторонней вины—самъ митрополитъ Филаретъ уже называетъ послушаніемъ. Что московскимъ соборомъ безвозвратно проклято, то нынѣ Синодомъ благословляется; за что въ прежнія времена руками палачей, кнутомъ и плетьми на градскихъ площадкахъ, архипастыри освѣжевывали бѣдныхъ священниковъ—то нынѣ сами, съ самовосхваленіемъ—удостоивают торжественнаго исполненія въ единовѣрческихъ церквахъ. Эти запретительные опредѣленія, эти клятвы и анаѳемы—могли-ли потерпѣть столь сокрушительное фіаско [1])—если бы они были разсудительны и праведны? Сопоставленіе митрополитомъ Филаретомъ опредѣлений московскаго собора отъ 13 мая 1667 г., и ему подобныхъ—съ опредѣленіями перваго вселенскаго собора—совсѣмъ негодится. Это не сопоставленіе а противупоставленіе.

1) паденіе.

Митрополитъ Филаретъ разрѣшается признаніемъ, что обрядъ не есть догматъ, что и старый обрядъ не противорѣчитъ православію и что „гдѣ есть единый духъ вѣры и единство духа въ любви и сообщеніи, тамъ разнообразіе въ обрядѣ не есть раздѣленіе.“ Но самое это разрѣшеніе митрополита вызываетъ другое, болѣе важное недоумѣніе. Зачѣмъ же было Никону и Московскому собору ломать старый и, въ практикѣ святоотечественной церкви утвердившійся и—совершенно православный—обрядъ. А главное — за что этотъ обрядъ Московскимъ соборомъ такъ грубо поруганъ, а держащіеся его такъ азартно прокляты? За этимъ недоумѣніемъ возникаетъ третье: какимъ образомъ митрополитъ Филаретъ—клятвы собора, на старый обрядъ и его держателей—признаетъ праведно и вѣчно дѣйствующими и—вопреки имъ—и держаніе его благословляетъ и держателей принимаетъ въ сообращеніе? „Дознано“ говоритъ митрополитъ Филаретъ „что и старый обрядъ православенъ и что разность въ обрядѣ не есть раздѣленіе.“ А если такъ, то Московскій соборъ или не зналъ этихъ истинъ или же завѣдомо пренебрегъ ими. Оставимъ Никона и Соборъ 1667 г., но имѣемъ право спросить—а Филарета пастырскій долгъ—насъ вразумить, что нынѣшніе россійскіе архипастыри знаютъ ли эти истины? Если знаютъ, то по какимъ винословіямъ старому обряду до днесь нѣтъ мѣста въ практикѣ обще-приходскихъ церквей, и почему переходъ изъ этихъ церквей въ „единовѣріе“ строжайше возбраненъ? Почему, даже старообрядцу—въ извѣстномъ случаѣ—указывается коснѣть въ такъ называемомъ расколѣ, чемъ примириться съ архипастырями не въ приходѣ единовѣрческомъ? Почему архипастырями благоохотнѣе допускается отпаденіе отъ сообщенія съ собою цѣлыхъ населеній — нежели удержаніе ихъ въ сообщеніи своихъ приходскихъ церквей—съ доз-

воленіемъ древне церковныхъ старыхъ обрядовъ? По какимъ резонамъ въ 1859 и 1861 г. г. Филаретъ вмѣстѣ съ Синодомъ признаютъ оскорбительнымъ и весьма оскорбительнымъ для церкви и православія—принятіе на исповѣдь единовѣрческимъ священникомъ новообрядскаго бѣдняка—призрѣннаго при богадѣльнѣ единовѣрческой церкви? Если же архипастырство не вѣдаетъ еще этихъ самыхъ простыхъ, самыхъ начальныхъ истинъ христіанской практики и самыхъ элементарныхъ правилъ церкви правленія и—недовѣдая ихъ въ небезвиновной простотѣ—продолжаютъ слѣдовать обрядамъ и раздорнымъ преданіямъ Никона и Московскаго собора; сводъ своихъ обрядовыхъ предубѣжденій и заблужденій продолжаютъ выдавать предъ самодержавіемъ за восточное апостольское православіе, если своимъ новымъ обрядомъ и нетерпимостью, своими притязаніями на непогрѣшимость и якобы на — Богомъ данную — власть насиловать совѣсть пасомыхъ; то почему митрополитъ Филаретъ—авторитетнѣйшій изъ современныхъ архипастырей, высоко на свѣщницѣ церкви поставленный свѣтильникъ—до послѣднихъ дней не остерегалъ самодержавія, не просвѣтилъ архипастырей? Почто каноническими посланіями не пригласилъ сихъ ангеловъ своей церкви соединить съ собою усилія и—во имя славы отечества, мира церкви и торжества православія—исправить Никоновскія ошибки, загладить греко-Московскія несправедливости? Вотъ недоумѣнія, которыя смущаютъ совѣсти не только примиренныхъ съ Филаретомъ держателей стараго обряда, но и каждаго изъ здраво разумѣющихъ сыновъ его новообрядства; недоумѣнія, которыхъ Филаретъ съ своимъ архипастырствомъ никакъ не допускаетъ въ печать; недоумѣнія—которыхъ въ бесѣдахъ съ единовѣрцами Филаретъ и не коснулся.

Но мы не покончили еще съ криводушіемъ митро-

полита Филарета. Дѣло вѣры и спасенія, дѣло святое. Святое—значитъ—прямое. Но не такъ оно у Филарета: онъ притворяется убѣжденнымъ, будто держатели стараго обряда, за одно это держаніе никогда не были ни греко-московскимъ соборомъ проклинаемы и истязуемы, ни даже и другимъ какимъ либо способомъ притѣсняемы. Чтожъ, это не криводушіе? Входя въ единовѣрческую церковь съ этимъ криводушіемъ Филаретъ, вѣроятно, думаетъ услужить имъ познакомивъ ихъ съ этимъ лукавствомъ. Напрасный трудъ. Они его давно знаютъ. Это раздорно-раздѣлительное средостѣніе, вотъ уже третье столѣтіе стоитъ въ отечественной русской церкви между двумя обрядствами, между архипастырями—тираннически бичующими совѣсти на бьющихъ братіяхъ и—между великодушно старообрядствующимъ русскимъ народомъ. Имя этому лукавству: безпощадное, упрямое, закоренѣлое, неисправимое, невѣжественное и—духу Евангелія и интересамъ государства равно противное стремленіе архипастырства—искоренить старое обрядство во что бы то ни стало. Въ началѣ, во времена Никона и Московскаго собора, душей и идеей этого средостѣнія было заблужденное—но прямодушное—заподозрѣніе стараго обряда въ неправославности. Нынѣ когда самодержавіе заставило ихъ понять, что старый обрядъ не есть ни ересь ни расколъ, и актомъ 15 Сентября 1763 г. вынудило архипастырство подать руку на примиреніе съ противнымъ имъ старообрядствомъ; нынѣ—и идеей и душой этого средостѣнія—стало крайнее нежеланіе архипастырства сознаться въ прежнихъ своихъ никоновскихъ и греко-московскихъ ошибкахъ, понятно и естественно въ огромныхъ упрекахъ которые должны пасть на ихъ священныя главы съ высоты 1769 г., которые готовитъ оно нынѣ уже въ недалекомъ будущемъ. Архипастырямъ предстоитъ необходимость отдѣлаться во

что бы ни стало и—отъ акта 13 мая, но отдѣлаться безъ стыда для себя, безъ отреченія отъ апокрифической непогрѣшимости и, прямодушнымъ покаяніемъ въ прежнихъ своихъ ошибкахъ, и искреннимъ исправленіемъ ихъ, и коварственнымъ отрицательствомъ: „знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ" и—отъ стараго обряда, но теперь уже не какъ ереси и не какъ врага церкви и православія, а какъ безотвязнаго и не оговореннаго обличителя ошибокъ и несправедливостей архипастырей. Нужно ли пояснять, что выполненіе этой задачи должно было поставить архипастырей въ прискорбную необходимость лгать на старый обрядъ, извращать историческіе факты, утаивать отъ самодержавія—самодержавіемъ совершенные акты, подмѣнивать подлинные—подложными [1]), обманывать и православный народъ, и государей, свою церковь и—восточную. Такимъ образомъ прямодушная заблужденность временъ греко-московскаго Собора съ 15 сентября 1763 г. преобразовалась у архипастырей въ поползновеніе сослужить Богу и назидать его святую церковь всякими неправдами—до сознательнаго противорѣчія истины и до таковаго же попранія совѣсти и здраваго смысла. Словомъ, прежде этимъ средостѣніемъ была заблужденная, но честная и потому достопамятная простота, а нынѣ этимъ средостѣніемъ стало много ученое но коварственное латиноіезуитство.

Довольно—съ Филаретовскимъ лукавствомъ; время кончить противъ него свой протестъ, заглавно впереди писаннымъ. Признаваніе ново-вводнаго обряда—восточный апостольскимъ православіемъ, извѣстная новая форма обряда и обрядовая своя исключительность были и суть альфа и омега т. е. дающая поводъ къ рас-

1) Какъ поддѣльный указъ Императора Павла 1800 г. 27 октября.

колу. Но признанія эта были и суть не — паствою а архипастырями; нетерпимость—исключительно—не въ пасомыхъ а въ правительствующемъ архипастырствѣ. Въ пасомыхъ они (эти признанія) безопасны и для мира и для единства церкви, но въ правительствующемъ архипастырствѣ они—этотъ миръ и это единство—подвергаютъ опасности. Если само архипастырство, избравъ для себя исключительно новый обрядъ, изрекаетъ осужденіе, налагаетъ запрещенія, рѣшается на преслѣдованія противу употребленія пасомыми другаго обряда но въ правильномъ видѣ: тогда—единственно—единство распадается,тогда пасомые—оставаясь вѣрными своей совѣсти—начинаютъ идти по одной, а архипастырство по другой дорогѣ въ разныя стороны. Чада церкви въ осужденіе прещенныхъ клятвахъ, преслѣдованіяхъ правительствующаго архипастырства, ощущая руку жестокой и притомъ—страстной—мачихи перестаютъ узнавать въ ней свою мать, и—одни изъ нихъ (старообрядцы пріемлющіе священство) съ воплемъ и тоскою начинаютъ искать ее по всѣмъ закоулкамъ христіанскаго міра, а другіе (не пріемлющіе священства) впавъ въ отчаяніе и ожесточеніе—начинаютъ думать и утверждать, что прежде у нихъ была мать, но теперь ее нѣтъ и искать ее напрасно: взята на небо.

Потрудился-ли, преосвященный Филаретъ, обозрѣть пастырскую дѣятельность свою по вопросу о расколѣ, за все время почти полстолѣтняго архипастырствованія и, можно сказать, пѣстунства надъ отечественной церковью? Потрудился-ли онъ сдѣлать, хоть что-либо, для уврачеванія этаго кореннаго недуга отечественной церкви? Никогда и ничего!... А почему? Потому, что это недугъ архипастырствъ, это ихъ больное мѣсто (ихъ причинушка), потому что это заблужденіе 200 лѣтъ доставило и—нынѣ только оно одно—гарантируетъ ихъ господство надъ своей

церковью. Возмемъ важнѣйшіе изъ его трудовъ по вопросу о расколѣ: его „бесѣды къ глаголемому старобрядчеству, что онъ поставилъ себѣ задачей въ этихъ „бесѣдахъ“ обличить и засудить невѣжество и заблужденіе—но только въ однихъ держателяхъ стараго обряда т. е. въ однихъ пасомыхъ, а невѣжество и заблужденіе своихъ архипастырей выставить на показъ—какъ вѣрность преданіямъ апостольскаго православія. Возмемъ другой трудъ его „изъясненія о проклятіи положенномъ отъ собора 1667 года.“ Недоумѣваемъ, на что болѣе оно разсчитано: на кажущуюся ему тупость русскаго народа, или же на вѣчное продолженіе тѣхъ временъ, когда главное порицаніе мѣропріятій архипастырства влекло ссылку на Кавказъ или въ Сибирь, какъ важнѣйшую изъ причинъ несоединенія съ нимъ. Старообрядцы указываютъ на клятвы 13 мая 1667 года, а митрополитъ утверждаетъ будто этихъ клятвъ не было. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, онъ въ своемъ „изъясненіи“ признаетъ „всего лучше“ и самъ вызываетъ „обратиться къ самому опредѣленію собора 1667 года,“ но вмѣсто указаннаго имъ акта 13 мая, онъ изъ „соборнаго свитка“ читаетъ совсѣмъ другое мѣсто и, пренаивно торжествуя на (мнимый) успѣхъ—вопрошаетъ: гдѣ же тутъ клятвы? Тутъ клятвъ нѣтъ! Ему понравилось подтрунивать надъ мнимой простотой русскаго народа. Онъ очарованъ кажущимся ему успѣхомъ перваго опыта и, онъ рѣшается признаться что клятвы—были, но берется доказать, что эти клятвы положены не на старый обрядъ и его держателей. Митрополитъ опять признаетъ нужнымъ „обратиться къ опредѣленію собора 1667 г.“ и опять читаетъ не то, на что указываютъ ему старообрядцы. Но онъ могъ бы потребовать безчисленное множество книгъ и совершенно справедливо утверждать, что въ нихъ нѣтъ указанныхъ клятвъ; но гдѣ же въ

свѣтѣ такая простота, которая, на этомъ основаніи, согласилась-бы съ митрополитомъ что ихъ нѣтъ и въ „соборномъ свиткѣ“ и что если нѣтъ ихъ на двухъ-трехъ страницахъ этого свитка взятыхъ Филаретомъ, то нѣтъ ихъ и на той—которую предлагаютъ ему старообрядцы? Нѣтъ! въ подобныхъ опытахъ (чего мы договорить не смѣемъ) Павелъ прусскій несравненно преимущественнѣе его, онъ (Павелъ прусскій) смѣло читаетъ самый актъ 13 мая съ его клятвами, и съ улыбкой его характеризующей но напоминающей въ этомъ случаѣ до ушей разширяемую улыбку балаганныхъ гаеровъ,[1]) увѣряетъ что тутъ нѣтъ клятвъ а одни благословенія. Вотъ про этого можно сказать что—знаетъ свое дѣло. Но Филаретъ напрасно только обнаружилъ на то способность своей профессіи, не свойственной его святительству. Укажемъ далѣе на всеподданнѣйшую просьбу Московскаго единовѣрія (въ октябрѣ 1864 г.) Митрополитомъ составленную и въ его канцеляріи, рукою его письмоводителя переписанною: „о церковномъ разъясненіи нѣкоторыхъ постановленій собора 1667 г. къ вразумленію недоумѣвающихъ и къ вящей пользѣ единой и нераздѣльной церкви.“ (Сѣвер. почт. декабря 1864 г.) Клятвъ здѣсь митрополитъ уже не называетъ подлиннымъ ихъ именемъ а—постановленіями: замѣчательный прогрессъ! „Къ вразумленію недоумѣвающихъ,“ какъ будто русскій народъ, его государи и всѣ до него бывшіе архипастыри, въ продолженіи 200 лѣтъ, не сумѣли прочитать акта 13 мая 1667 г., или прочитавши—не могли его понять! Да у самаго московскаго единовѣрія откуда взялось, и именно въ 1864 г., это—будто бы—неправильное разумѣніе? Съ какой стати—не само

1) Площадныя шутки.

архипастырство, послѣ двухъ вѣковаго нѣмотствованія спохватилось, наконецъ, о нуждѣ себѣ и народу—разъяснить постановленіе своего собора, а—московскому единовѣрію предоставило покорнѣйше просить объ этомъ... „О церковномъ разъясненіи" т. е. о канонизованіи его затѣйнаго „изъясненія," что клятвы на старый обрядъ и его держателей—не бывало. А это для того, чтобы впредь никто не смѣлъ этихъ клятвъ понимать какъ онѣ есть, и какъ понимали ихъ до сего времени и русскій народъ и государи и архипастыри; а понимали бы какъ угодно Филаретовскому затѣйному „изъясненію." Тогда, по силѣ этой канонизаціи каждый, кто осмѣлился впредь оспаривать это „изъясненіе" становился преступникомъ предъ церковью и государствомъ, какъ возмутитель церковнаго мира и общественнаго спокойствія подлежалъ-бы карѣ закона. Не значитъ-ли это убивать въ церкви духъ и жизнь, налагать запретъ на свободное употребленіе смысла и совѣсти; не значитъ ли это быть не только—не просвѣтителемъ въ ней и безъ того рѣдкихъ въ сердцѣ ея пробужденій мысли, и безъ того робкихъ въ ней — проявленій—духа и жизни!...

„О церковномъ разъясненіи" то есть о канонизованіи Филаретовскаго „изъясненія" не одною отечественною церковью—а соединенно съ восточною — о чемъ уже переговоры начаты у митрополита съ патріархами. Слѣдовательно, искушать свою церковь или обманывать восточную какъ обманывалъ и Никонъ; или же—своей совѣсти извѣстными аргументами—надѣялся склонить восточную церковь—соединенно съ ними—обманывать, по этому предмету, русскій народъ и его государей. Скажемъ наконецъ, нѣсколько словъ и о глубочайшемъ секретѣ, которымъ окружилъ митрополитъ смыслъ сношеній съ восточными патріархами: о клятвахъ 1667 года. Секретъ въ дѣлахъ госу-

дарственной политики—есть дѣло мудрое и необходимое; въ каждомъ изъ сегоднишнихъ друзей другихъ державъ—государство обязано и должно проразумѣвать завтрешняго врага и часто тѣмъ болѣе опаснаго чѣмъ интимнѣе казалось его дружество. Но секретъ въ дѣлахъ церкви—есть дѣло безнравственное. Церковь есть свободное общество вѣрующихъ кои связаны между собою крѣпчайшими узами: единымъ духомъ вѣры и любви и однимъ дражайшимъ интересомъ—къ достиженію будущаго блаженства.

Если же одно соперничество въ достиженіи и сохраненіи благъ земныхъ, если одно рвеніе перехватить или отнять эти блага и другія — могутъ давать единственный поводъ къ секретнымъ мѣропріятіямъ—каждому изъ частныхъ лицъ, каждому изъ обществъ или компаній, каждому изъ государствъ или правительствъ; то—въ церкви какія могутъ быть секреты, когда благъ вѣчныхъ никто и никогда предвосхитить у ней не можетъ? А внутри ея—мыслимы-ли случаи—когда пастырямъ необходимо было спасеніе своихъ пасомыхъ созидать секретно отъ нихъ; или же что бы пасомымъ приходилось спасаться секретно отъ своихъ пастырей? Секретъ у пастырей отъ ихъ пасомыхъ—въ дѣлахъ совѣсти—есть тоже что посягательство на чужую собственность, есть дѣло безнравственное. Секретъ между авторитетомъ и свободой церкви, есть явный знакъ,—что гармонія отношеній между ними— нарушена. Если авторитетъ принимаетъ какую либо чрезвычайную мѣру секретно отъ своей церкви, отъ своего народа—это ясный знакъ, что цѣль этой мѣры,—наложить узы на свободу церкви; если же эти узы уже наложены, то недопустить,—что бы свобода церкви свергла или ослабила господство надъ нею авторитета. Именно такимъ характеромъ отмѣчены и настоящія отношенія архипастырствъ съ восточными патріархами. Въ по-

слѣднее время господство архипастырства подверглось крайней опасности, вслѣдствіе всеподданнѣйшей просьбы держателей стараго обряда.

Опасность состояла въ томъ, что самодержавіе вызывалось пристальнѣе вступиться въ сущность спора и раздора архипастырства съ народомъ; а результатъ этихъ разсмотрѣній коимъ образомъ могъ быть въ пользу архипастырства когда—сто лѣтъ назадъ— во времена сравнительно менѣе просвѣщенныя, поверхностный взглядъ самодержавія на этотъ споръ нанесъ столь тяжкіе удары ихъ (архипастырствъ) опредѣленіямъ. Конференціей 15 сентября 1763 г., и затѣмъ послѣдовавшими—самодержавіе могло понять—что оно россійскими архипастырями обмануто. Поэтому то, при послѣдней опасности—главнѣйшей заботой архипастырства и начальнѣйшаго изъ вождей системы подавительства—было не допустить самодержавія до самостоятельнаго разсмотрѣнія и самодержавнаго—въ духѣ и по примѣру Екатерины и Павла –рѣшенія вопроса о старообрядчествѣ, убѣдивъ Государя споръ—между преосвященствами и народомъ— перенесть на судъ патріарховъ, которыхъ Филаретъ разсчитывалъ или обмануть или другими своими извѣстными аргументами привлечь на свою сторону.

Секретъ же его былъ необходимъ чтобы самодержавіе, до окончанія дѣла, не было предупреждено о его затѣѣ. А когда дѣло такъ или иначе было бы покончено въ его пользу, тогда очевидно (такъ думалось ему) Самодержавію, по необходимости, пришлось бы идти за нимъ (Филаретомъ) своимъ вождемъ и архипастыремъ.

Итакъ секретъ ему нуженъ былъ для того, что бы надежнѣе обмануть самодержавіе, а еще что бы закрѣпить свою тираннію надъ отечественной церковію и недопустить въ ея практику любезнаго русскому народу, истинно древняго и истинно православнаго

стараго обряда, котораго ихъ преосвященства—200 лѣтъ назадъ — неправедно прокляли и 200 лѣтъ неправедно преслѣдуютъ. Мы уполномочены спросить митрополита Филарета: рѣшаясь на такой подвигъ какъ обманъ церкви восточной—церковію россійской—ужели онъ подъ старость столь обветшалъ соображеніями, что не могъ понять, что въ нынѣшнія времена обманъ его не могъ долго оставаться тайной, да и въ важномъ случаѣ—рано или поздно—а секретъ его долженъ же былъ раскрыться во всемъ его отвратительномъ безобразіи. Какой же стыдъ и срамъ говорилъ онъ своей церкви; не говоримъ уже о старообрядцахъ, о русскомъ народѣ и его государяхъ, а предъ восточною церковію, предъ Европой, предъ новымъ и старымъ свѣтомъ? Если бы эта затѣя его удалась, если бы исторія вписала въ свои безмертныя страницы, что церковь россійская въ такомъ-то вѣкѣ—по такому-то дѣлу—обманула церковь восточную—какая буря разразилась бы со всѣхъ сторонъ свѣта надъ священною его главою!

Вотъ характеръ архипастырской дѣятельности Филарета, Московскаго митрополита, въ продолженіи почти полувѣка—по вопросу о старообрядчествѣ, вотъ заслуги его пѣстунства и опекунства—надъ отечественной церковію, вотъ служеніе по его мнѣнію „благу единой нераздѣльной церкви!“ О, сколь должны быть благодарны Провидѣнію старообрядцы, что самимъ невѣжествомъ своимъ—но ради простоты и безлукавства сердечнаго—оно не попустило имъ впасть въ послушаніе Архипастырямъ и тѣмъ избавило ихъ отъ соучастія въ тягчайшемъ оскорбленіи святоотечественной церкви.

А съ другой стороны—сколь безсчастны единовѣрцы, что поставлены въ такую необходимость. Покорившись и сдѣлавшись послушными русской церкви, и вмѣстѣ съ тѣмъ быть оплеванными — русскими же Архипастырями.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Въ заключеніе мы скажемъ словами редак. газеты „Старообрядецъ“ на нѣкоторыя предложенія коммиссіи, учрежденной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ въ С.-Петербургѣ, для обсужденія и разработки Высочайше утвержденнаго 16 августа 1864 г., предначертаннаго особаго временнаго комитета, по дѣламъ о старообрядцахъ.

ПРЕДПОЛОЖЕНІЯ КОММИССІИ.

Раздѣлить всѣ существующія секты на болѣе вредныя и менѣе вредныя.

Болѣе вредными—признавать секты скопцовъ и хлыстовъ.

Всѣ прочія секты признавать менѣе вредными. На эти предположенія коммиссіи газета „Старообрядецъ“ говоритъ: „По смыслу сего предположенія, наша старообрядческая община, имѣющая архіерейство, исповѣдующая единый сvмволъ, единое ученіе вѣры со всею православною каѳолическою церковью, пріемлющая единыя съ нею таинства, единыя иконы святыхъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ приравнена не только къ молоканамъ и шелапутамъ, искажающимъ Никейскій сvмволъ и отметающимъ церковныя таинства и иконы, но и къ іудействующимъ, отвергающимъ Христа Бога [1]). Однако же господствующая въ

[1]) Напрасно во многихъ полемическихъ, противъ старообрядцевъ, книгахъ, высказывается, что молоканы, иконоборцы, духоборцы, хлысты, скопцы и т. п. суть отростки отъ старообрядчества. Это неправда! Въ этихъ сектахъ, вообще

Россіи церковь никогда не отрицала нашего православія а лишь признавала насъ отпавшими отъ нея въ нѣкоторыхъ обрядахъ, и въ неподчиненіи общей ея власти. Мало того, самое это различіе въ обрядахъ почитается ею не настолько существеннымъ, чтобы имъ нарушалось единство вѣры, что и свидѣтельствуется благословеніемъ, преподаннымъ ею церкви единовѣрческой, съ которой нѣтъ у насъ ни малѣйшей обрядовой разницы и съ которой все несходство заключается лишь въ нашихъ отношеніяхъ къ епархіальнымъ начальствамъ и Св. Синоду. Такое сопричисленіе насъ къ нехристіанамъ представляется намъ не только противорѣчащимъ воззрѣнію самой господствующей въ Россіи церкви—но и въ высшей степени для насъ прискорбнымъ и едва-ли соотвѣтствую-

даже у молоканъ, пріемлющихъ крещеніе, нѣтъ даже и тѣни согласія съ догматами и преданіями св. Апостольской православной церкви. Ни у одной, изъ этихъ сектъ, нѣтъ уваженія или почитанія отечественныхъ книгъ. Вообще у нихъ не почитаются отеческія преданія, и главнымъ руководствомъ у нихъ служатъ книги ветхозавѣтныя: Евангеліе и посланія Апостоловъ, но безъ истинныхъ толкованій и разъясненій св. отцевъ церкви. Къ сожалѣнію, они доходятъ до крайнихъ толковъ. Несомнѣнно, что эти секты—не происхожденіе, не отростки старообрядчества, а суть явленія сектъ иностранныхъ, ибо ученія ихъ, на сколько намъ извѣстно, положительно подходятъ подъ категорію ученій штундистовъ, менонитовъ, дарбистовъ, плимонистовъ и т. п. Притомъ, чтобы оклеветать старообрядцевъ предъ самодержавіемъ, предъ русскою интеллигенціею, порицатели старины раздѣляютъ даже и мирныхъ старообрядцевъ, т. е. старообрядцевъ пріемлющихъ священство, на множество толковъ или сектъ которыхъ, на самомъ дѣлѣ, между ними нѣтъ и не было. Напримѣръ, каждая отрасль, каждый толкъ, каждый скитъ, назывался по имени главнаго дѣятеля, создателя обители, учителя, настоятеля и т. п. И вотъ раздѣлили поповцевъ на *аввакумовщину*, *дьяконовщину*, *никитовщину*, *онуфріевщину*, *софонтіевщину*, *вѣтковское согласіе*, *епифановщину*, *авиногеновщину*, *анфимовщину* и т. д. и т. д. Но такъ ли оно у старообрядцевъ? Напримѣръ, въ 1681 году главою поповцевъ былъ извѣстный ревнитель, протопопъ Аввакумъ, такимъ образомъ у порицателей является на сцену поповщинская секта *аввакумовщина*. Казнили Аввакума—главою дѣлается Никита протопопъ суздальскій, является секта *никитовщина*. Казнили Никиту, на Керженцѣ, главою дѣлается ученикъ его Онуфрій и опять является на сцену секта *онуфріевщина* и т. д. А между тѣмъ—все это одна и таже *поповщина* безъ малѣйшаго, между собою, разногласія. (См. П. Мельникова, стран. 76).

щимъ благимъ дѣламъ самаго правительства. Внося неизбѣжно чувство горечи въ среду старообрядцевъ, оно можетъ лишь усилить уже ослабѣвшее изувѣрство грубыхъ невѣжественныхъ массъ и ввести ихъ не къ сближенію съ господствующею церковью въ духѣ примиренія и любви, а къ вящему отдаленію. Такимъ сопричисленіемъ къ жидовствующимъ, достигается лишь разъединеніе ихъ съ остальнымъ русскимъ обществомъ, съ которымъ, благодаря милостямъ настоящаго царствованія, мы пребываемъ теперь постоянно въ возрастающемъ братскомъ общеніи, благотворно-содѣйствующимъ смягченію нравовъ и просвѣщенію духа. „Можетъ правительство" говоритъ газета далѣе „изъять нашу общину изъ этой позорной для нея классификаціи, и если нужно причислить насъ къ какому разряду, то не будетъ-ли сочтено возможнымъ послѣдовать точной буквѣ каноновъ, на основаніи которыхъ, толкуя ихъ въ смыслѣ самой господствующей церкви, мы можемъ быть отнесены лишь къ обрядамъ внѣ церкви пребывающихъ или подцерковниковъ—по древнему выраженію, если нельзя оставить намъ обычное названіе старообрядцевъ, священство пріемлющихъ..." [1])

Къ этимъ словамъ почтеннаго редактора и мы, наконецъ, добавимъ но нѣсколько иначе, а именно что народъ, по ученію восточнаго православія, есть самое тѣло церкви, и по преимуществу хранитель отеческаго благочестія, а первосвятители и пастыри каждой помѣстной церкви обязаны ей—быть народными т. е. вѣрными языку ихъ народа и обычаю ихъ церкви. (См. послан. св. апостольской церкви ко всѣмъ православнымъ христіанамъ § 17). Обрядовыя особенности—извѣстныя подъ именемъ старообрядче-

1) Газета „Старообрядецъ" № 9-й 1879 года.

ства древни и совершенно православны.— Наименованіе православіемъ, исключительно себѣ одному усвоеннаго обрядства господствующихъ, не выражаетъ сущности различія его отъ обрядства стараго, и сущности ихъ соперничества. Обрядство господствующее—обязано отказаться отъ преимущества исключительно считать себя православіемъ, имѣвшимъ смыслъ во времена Никона патріарха. —Важнѣйшее изъ отличительныхъ особенностей старообрядчества—двуперстное сложеніе для знаменованія себя крестнымъ знаменіемъ—имѣетъ за собою, какъ мы уже доказали, многочисленнѣйшіе памятники, а троеперстіе—ни единаго о себѣ свидѣтельства, ни письменнаго ни существеннаго во все продолженіе первой тысячи и двухъ сотъ лѣтъ христіанской эры, а потому, вообще говоря, старый обрядъ—по преимуществу—есть старый обрядъ, а обрядъ, введенный Никономъ и—что тоже—обрядъ господственно употребляемый нынѣ россійскою церковью, есть сравнительно съ первымъ обрядъ—новый. Если бы отличительныя особенности обрядства стараго и не имѣли преимущества безприкладной древности, а были-бы только выработаны россійскою церковью—то и тогда они имѣютъ неотъемлемое право именоваться старыми, старыми для россійской церкви, которая издавна приняла и утвердила ихъ въ своей практикѣ, старыми, сравнительно съ обрядовыми особенностями господственнаго обрядства, которыя введены Никономъ [1])

[1]) Что П. Никонъ ввелъ въ русскую церковь новое, объ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Весь его самолюбивый характеръ, упрямство, гордость, зависть, честолюбіе, все это доказываетъ—на сколько онъ былъ способенъ къ наглымъ поступкамъ, которыми онъ произвелъ въ русскомъ государствѣ раздоръ и расколъ. Вотъ какъ отзывается историкъ о наглыхъ поступкахъ Никона:

,,По окончаніи военныхъ дѣйствій, занялся царь Алексѣй Михайловичъ дѣломъ, которое, нарушая общее спокойствіе, дѣлило всю Россію на разныя части, производило расколы, несогласія и—колебля самодержавіе—поселяло общее

и узаконены соборомъ 1667 года на мѣсто старыхъ, до того—практикою россійской церкви—употреблявшихся. Старый обрядъ, есть народный обрядъ, а обрядъ господственный—чужеземный, новый, введенный въ русской церкви властію, насильно ставшею въ этомъ вопросѣ въ разногласіе съ своимъ народомъ. Осужденіе, изгнаніе и преслѣдованіе стараго обряда и старообрядцевъ со стороны церковныхъ властей, есть несогласное съ духомъ христіанства и древнихъ преданій св. Апостольской православной церкви; а со стороны правительства—прискорбная государственная ошибка! Воспротивился новымъ обрядовымъ постановленіямъ 1667 г. россійскій народъ, воспротивился, какъ мы уже сказали выше, не св. Апостольской церкви и не своей рус-

недовѣріе къ властямъ духовнымъ и гражданскимъ; то есть, я хочу говорить о патріархѣ Никонѣ (говоритъ историкъ), виновникѣ сихъ несчастныхъ событій.»

«Со времени неудачной осады города Риги, сталъ государь гораздо равнодушнѣе къ Никону, убѣдясь вѣроятно доказательствами, что чернецъ сей—изъ одного только честолюбія—вовлекъ его въ войну со шведами и употребилъ во зло монаршую довѣренность и неопытную юность царя своего.»

В. Н. Татищевъ относитъ къ равнодушію сему еще слѣдующій случай: дворянинъ, убившій для умноженія помѣстьевъ своихъ, роднаго брата и невѣстку, былъ изобличенъ въ преступленіи. Зная, какому подвергается онъ наказанію, подкупилъ душегубецъ царскаго духовника, чтобы онъ исходатайствовалъ ему прощеніе. Царь Алексѣй Михайловичъ отвергнулъ съ негодованіемъ просьбу и дерзкій священникъ осмѣлился—изъ мщенія—отлучить монарха отъ пріобщенія Святыхъ Таинъ. Государь, удивясь сему поступку, разсказалъ оный Никону, въ надеждѣ, что наказавъ дерзновеннаго, подастъ онъ ему разрѣшеніе. Но надменный патріархъ обрадовался сему случаю, и—желая показать царю могущество свое—нашелъ поступокъ священника справедливымъ и не далъ разрѣшенія.

Строленбергъ, который—согласно съ Кельхомъ, Гаденбушемъ и иными современными писателями—утверждаетъ, что Никонъ бралъ деньги съ польскаго короля и австрійскаго посла Аллегретти. Вѣроятно открыты были сіи Никоновы поступки; а посему и не стали его приглашать въ боярскій совѣтъ. Никонъ, ставя въ примѣръ патріарха Филарета, засѣдавшаго въ совѣтѣ, требовалъ тамъ сѣдалища; но получа отказъ, началъ строить разныя козни противъ правительства. Царь и бояре, провидя изъ сего худыя слѣдствія, пожелали удалить его совершенно отъ Москвы» (см. царствованіе царя Алексѣя Михайловича, часть первая, стран. 200 и 202).

ской, а властямъ, въ то время правительствовавшимъ въ русской церкви. Утверждать, будто народъ воспротивился св. Апостольской церкви, значитъ утверждать, будто осужденіе, изгнаніе и преслѣдованіе старообрядства, было дѣломъ св. Апостольской церкви; но утверждать это, значитъ отрицать непогрѣшимость и оскорблять святость сей церкви. Русскій народъ въ 1667 г. имѣлъ и государственное и каноническое право воспротивиться насильственнымъ обрядовымъ перемѣнамъ, и въ тоже время имѣлъ право принять зависящія, законныя мѣры къ смѣщенію епископовъ, оказавшихся противонародными и властительными къ замѣщенію ихъ епископами—вѣрными обряду и обычаю ихъ церкви. Если русское архипастырство въ то время восторжествовало надъ русскимъ народомъ и съ поддержкой самодержавія удерживаетъ это господство—то это торжество и господство утверждается не на каноническихъ правилахъ церкви апостольской и не на духѣ ея православія, а на покровительствѣ государей, которые, вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ, не осмотрѣлись вокругъ себя. Государи, суть единственные, прирожденные представители своего народа въ дѣлахъ церкви; обязанные, какъ народъ утверждать въ повиновеніи канонамъ церкви, такъ и церковныхъ первосвятителей удерживать отъ посягательства на каноническую свободу ихъ церкви, т. е. народа. Старообрядство въ русской церкви было цѣлыя вѣка и народнымъ и оффиціальнымъ, состояло въ богослужебной практикѣ на почвѣ и канонически и исторически законной, появилось другое обрядство, въ то время для Россіи новое и народу ея чуждое, овладѣло привязанностію церковно-правительственныхъ властей и потомъ, 13 мая 1667 года, несправедливо осуждено, согнано съ его мѣста, произвело раздоръ и расколъ и—принятыя карательныя мѣры—прогнали изъ Россіи лучшихъ под-

данныхъ русскаго народа. [1]) Возвращеніе старообрядцамъ того, что принадлежитъ имъ по праву и церковному и гражданскому, старообрядцы не могутъ признать за снисхожденіе (какъ сказано единовѣр-

[1]) Кстати замѣтимъ словами одного изъ почтенныхъ органовъ русской мысли, который говоритъ: «Чрезъ русскую исторію послѣднихъ двухъ вѣковъ проходитъ одинъ вопросъ который, безъ преувеличенія, можетъ быть названъ роковымъ въ нашей народной жизни. Это—вопросъ религіозный.

Русскій народъ издавна извѣстенъ глубокою любовью и преданностію родинѣ, родной землѣ и царю. Эта любовь, эта преданность прошли чрезъ безконечный рядъ всевозможныхъ испытаній. Много горя, скорби и всякаго рода печали выпало на долю русскаго народа. Много тяжкихъ бѣдъ, суровыхъ лишеній и невзгодъ пришлось и до сихъ поръ приходится переносить ему. Недаромъ же сложилось мнѣніе, что нашъ народъ все можетъ вынести, все можетъ простить, совсѣмъ можетъ помириться. Нѣтъ у него хлѣба — онъ ѣстъ мякину, солому, мохъ; нѣтъ хаты—живетъ въ землянкѣ....

Съ однимъ онъ только не мирится, одного только онъ не въ силахъ переносить—посягательства на вѣру его отцовъ, на его совѣсть. Когда, два вѣка назадъ, ему показалось что эта вѣра нарушается нововведеніями—онъ открыто и смѣло всталъ на защиту старой и, какъ ему казалось, правой вѣры. Явился расколъ.

Власть захотѣла покончить съ нимъ крутыми, суровыми мѣрами. И вотъ, кровь полилась рѣкой. Всѣ первые вожаки и предводители раскола (?) умерли на плахѣ, сгорѣли въ срубахъ, исчахли въ заточеніи. Безпощадныя пытки, безчисленныя мучительныя казни слѣдуютъ длинными, безпрерывными рядами. Раскольниковъ ссылали, заточали въ тюрьмы, казематы и монастыри ,,пытали на крѣпко,“ сѣкли плетьми ,,нещадно,“ рвали ноздри, вырѣзывали языки, рубили головы на плахахъ, клещами ломали ребра, кидали въ деревянныя клѣтки и, заваливъ соломою сжигали, голыхъ обливали холодной водой и замораживали, вѣшали, сажали на колъ, четвертовали, выматывали жилы... Словомъ все, что только могло изобрѣсти человѣческое звѣрство для устрашенія, паники и террора—все было пущено въ ходъ.

Населеніе, исповѣдывавшее старую вѣру, пришло въ ужасъ. Въ отчаяніи, оно объявило власть антихристіанскою, антихристовою. Оно перестало молиться за нее... Эпоха эта совпадала съ тѣмъ временемъ, когда различныя бѣдствія, невзгоды и страданія переполняли глубокую чашу народнаго терпѣнія—и вотъ, всѣми забытый, всѣми оставленный... народъ встаетъ на своихъ притѣснителей, и страшною, кровавою расправой мститъ за вѣковое угнетеніе. Во всѣхъ этихъ движеніяхъ вопросъ о старой и правой вѣрѣ играетъ одну изъ главныхъ ролей, является однимъ изъ самыхъ видныхъ стимуловъ, побуждающихъ народъ къ борьбѣ съ установившимся порядкомъ. Эти протесты, эти вспышки народнаго гнѣва были подавлены съ жестокостью, характеризующею то мрачное время. Стало жить еще тяжелѣе, еще невыносимѣе. Хотя съ теченіемъ времени, костры, срубы и застѣнки навсегда исчезли со страницъ исторіи, но на смѣну имъ явились новые виды гоненій, новыя формы преслѣдованій, стѣсненій и ограниченій, которыя отравляли и дѣлали невы-

цамъ) къ себѣ—чье бы то ни было; старообрядцы не могутъ быть, какъ говоритъ газета „Старообрядецъ,“ „отнесены лишь къ разряду внѣ церкви пребывающихъ или подцерковниковъ.“ Нѣтъ. Гдѣ возвы-

носимую жизнь людей отшатнувшихся отъ господствующаго вѣроисповѣданія.

И вотъ, цѣлыя села, цѣлыя слободы бросаютъ родину и бѣгутъ на дальній Востокъ, на крайній Сѣверъ. Куда только не попали эти ревнители древнихъ преданій! На пустынныхъ островахъ Ледовитаго Океана, Колгуевѣ, Новой Землѣ, на Шпицбергенѣ появляются послѣдователи „гонимой вѣры.“ Тамъ они становятся жертвами суроваго климата, цинги и скорбута... Сотни тысячъ народа оставляютъ родину и уходятъ за границу, въ имѣнія польскихъ пановъ, въ славянскія, австрійскія и турецкія земли. И какой это былъ народъ! Крѣпкій, стойкій, работящій, мыслящій, трезвый. Государство лишилось лучшихъ силъ, лучшихъ соковъ... А тамъ, вдали отъ Россіи, возникали богатыя, цвѣтущія села съ бодрымъ, промышленнымъ, дѣятельнымъ, чисто-русскимъ населеніемъ.

Тогда-то, правительствомъ, принимаются строгія мѣры къ тому, чтобы воспрепятствовать дальнѣйшему развитію эмиграціи. Къ сожалѣнію, мѣры эти были направлены не къ ослабленію и устраненію причинъ, вызвавшихъ эмиграцію, а имѣли въ виду лишь запугать бѣглецовъ строгостью законныхъ каръ и взысканій... Естественно, не довольство не уменьшалось, но росло крѣпко и проникало все дальше, все глубже. Даже въ средѣ мирныхъ поповцевъ стали во множествѣ распространяться разныя рукописи и „сказанія,“ въ которыхъ—объ австрійскихъ императорахъ—говорилось съ великимъ уваженіемъ, а объ императорѣ Николаѣ тѣми самыми выраженіями, которыя употребляются въ нашихъ четь-минеяхъ при повѣтствованіи о Неронахъ и Діоклетіанахъ. На допросахъ, при формальныхъ слѣдствіяхъ, „раскольники“ прямо говорили: *Мы бы всѣ рады были въ Австрію уйдти, да пропуски крѣпки*... И съ такими-то чувствами жили и росли цѣлыя многочисленныя поколѣнія сектантскаго населенія!

Конецъ этой страшной, общественной аномаліи, положенъ былъ изданіемъ извѣстнаго гуманнаго, хотя и негласнаго „наставленія властямъ,“ вышедшимъ въ первое время нынѣшняго царствованія. Условія рѣзко измѣнились къ лучшему, сектанты вздохнули свободнѣе. Но жизнь и опытъ скоро во очію показали, что никакой негласный законъ, какъ бы ни былъ онъ самъ по себѣ гуманенъ, не въ состояніи обезпечить людямъ спокойное существованіе, не въ состояніи гарантировать ихъ честную, интимную жизнь отъ постороннихъ вторженій и посягательствъ. А тутъ еще крайняя путаница, крайняя вопіющая неопредѣленность нашего гласнаго законодательства о сектантахъ, особенно же по вопросу о подраздѣленіи сектъ на болѣе или менѣе вредныя — неопредѣленность, благодаря которой мѣстная администрація имѣетъ полную возможность послѣдователей любой секты — причислить къ особенно вреднымъ и, сообразно этому—направить свои дѣйствія.

Послѣдствія такого порядка вещей достаточно извѣстны: о нихъ говорилось въ нашей печати, и потому нужно-ли еще разъ напоминать объ этомъ? За-

шаетъ голосъ право, тамъ неумѣстно величаться снисхожденіемъ и—того, что все и всецѣло принадлежитъ старообрядцамъ—старообрядцы не могутъ принять по частямъ съ предосудительными для истинны оговорками, ограниченіями и стѣсненіями. У старообрядцевъ было отнято все, все должно быть и возвращено имъ. Правительство, по двухъ-вѣковому опыту, должно познать, что если несправедливость

печатанныя часовни, раззоренные скиты, разогнанные по лицу земли скитники и скитницы — дряхлые, бездомные старики и старухи, постоянные набѣги на дома сектантовъ, обыски, аресты старинныхъ книгъ и иконъ, закрытіе старообрядческихъ школъ, безконечный рядъ процессовъ со множествомъ лицъ, обвиняемыхъ въ разныхъ „совращеніяхъ,“ тюремныя заключенія за постройку часовни, за отпечатаніе невиннѣйшей старинной рукописи, какой-нибудь Четьи-минеи, ссылка, безконечныя этапныя скитанія, конвои — вотъ эти послѣдствія... Потомъ эта газета говоритъ, что противники нашего современнаго общественнаго строя не разъ заискивали приписать сектантамъ революціонныя дѣйствія съ послѣдователями такъ называемыхъ—противогосударственныхъ сектъ.

„Однако“ продолжаетъ газета „эти громкія фразы такъ и остаются фразами, а надежды и стремленія—привлечь къ революціонной дѣятельности разныхъ религіозныхъ отщепенцевъ—оказываются иллюзіей, утопіей. Мы рѣшительно не видимъ — говоритъ газета—ни одного факта, который, хотя бы косвенно намекалъ что дѣятелямъ этого рода удалось завязать какія бы ни было связи среди послѣдователей той или другой секты. При этомъ невольно обращаетъ на себя вниманіе слѣдующій крупный, знаменательный фактъ. Среди огромной массы подсудимыхъ, фигурирующихъ въ политическихъ процессахъ послѣдняго времени, не встрѣчается *ни одного* старообрядца, *ни одного* сектанта. Подобнаго рода факты могутъ и должны служить доказательствомъ, что пятнадцати-милліонное населеніе, порвавшее связи съ господствующею церковію, сильное—какъ внутреннею связью, такъ и матеріальными средствами—ждетъ и надѣется на облегченіе своей тяжкой доли только со стороны законной власти, ни отъ кого болѣе...

„Пожелаемъ же“ кончаетъ газета, „чтобы эти надежды не подверглись болѣе новымъ испытаніямъ, новымъ отсрочкамъ. Пожелаемъ, чтобы гласный и точный законъ положилъ конецъ всѣмъ остаткамъ отъ прежней системы гоненій и преслѣдованій, системы—полная, очевидная непригодность которой—блистательно доказана двухвѣковою исторіей!“ (См. „Голосъ“ № 280 1880 года). Къ этимъ словамъ и мы прибавимъ, что всѣ эти гоненія и преслѣдованія проистекали не изъ духа и воли гражданской власти, а изъ духа и воли духовныхъ администраторовъ повліявшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ введшихъ въ заблужденіе и самодержавіе и русскій народъ. Если это такъ, если вся вина падаетъ на духовную власть русской церкви, то можетъ-ли такая власть повторяемъ сотый разъ, претендовать на святость и непогрѣшимость Св. Апостольской церкви?

въ дѣлѣ религіи не будетъ исправлена, то русскій народъ этой несправедливости никогда не покорится, хотя бы эту несправедливость имъ пришлось терпѣть еще много вѣковъ. Старообрядцевъ считаютъ нынѣ до 15 милліоновъ [1]). Но кромѣ этого застарѣлаго обряда стоитъ весь русскій народъ, въ огромномъ большинствѣ крестящійся двуперстно и съ одушевленіемъ ожидающій возстановленія, въ отечественной церкви, стараго обряда и прежнихъ церковныхъ обрядовъ, болѣе близкихъ канонической практики начальной христіанской древности. Наконецъ, если правительство настоящаго благословеннаго царствованія Александра II, не благоволительно относившееся къ всему русскому и славянскому, нынѣ узнало погрѣшительность такой политики, то оно обязано подать руку старообрядству, которое хранитъ въ себѣ элементы народно-православной жизни, а не господственному обрядству, которое, въ этомъ отношеніи, оказывается несостоятельнымъ. Самостоятельность и независимость старообрядческой церкви отъ россійскаго архипастырства, представляемаго св. Синодомъ, равноправность и равночестность старообрядства, не будутъ достаточно ограждены, и даже немыслимы, если старообрядствующее епископство будетъ подчинено Синоду господствующей церкви, или что—тоже, архипастырству—проникнутому предубѣжденіями и крайнею не любовію къ старому обряду и постановляющему въ числѣ своихъ важнѣйшихъ обязанностей—искорененіе этого обряда. Цѣль установленія равноправной старообрядческой церкви—соединить подъ нею старообрядчество всѣхъ толковъ, чтобы вслѣдъ за тѣмъ возстановить единство отечественной церкви. Но этого возстановленія невозможно достигнуть, если не будутъ разрѣшены всѣ вопросы и уничтожены при-

1) Смот. „Церков.-Обществ. Вѣстн.“ № 105 1878 года.

чины, нынѣ раздѣлительно стоящіе между двумя разнообрядствующими обществами; уничтоженіе это немыслимо безъ обоюдно-взаимно свободнаго и безпритязательнаго разсмотрѣнія и разрѣшенія этихъ вопросовъ; и такое разрѣшеніе можетъ происходить только между равноправными сторонами, а не между подавляемой и подавляющей.

Не сообщенію въ богослуженіи епископовъ и духовенства старообрядствующаго съ епископами и духовенствомъ господственно - обрядствующимъ—до уничтоженія между ними раздѣлительныхъ недоразумѣній—старообрядство въ его массѣ никогда не подчинится, по генію даже и своихъ старообрядческихъ епископовъ, если они войдутъ въ таковое общеніе прежде удаленія раздѣлительныхъ причинъ, удостовѣреннаго самимъ обществомъ. Со стороны старообрядчества это не есть ни грубость, ни упорство, ни невѣжество, ни что либо тому подобное, а глубоко-скрытая въ русскомъ народѣ (коего старообрядчество есть истинный представитель) требовательность въ дѣлѣ религіи, безупречнѣйшей чистоты и свѣтлости. Это религіозная ревнительность, которая —какъ драгоцѣннѣйшій завѣтъ и наслѣдіе древнихъ временъ—всецѣло хранится въ средѣ старообрядчества.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Копія съ прошенія старообрядцевъ 1800 г. безъ мнѣній М. Платона.

Съ подлин. копія.

На подлинномъ подписано:

БЫТЬ ПОСЕМУ.

Октября 27 дня, 1800 года. Гатчино. Святѣйшаго Правительствующаго Синода Члену, Великому Господину, Высокопреосвященнѣйшему Платону Митрополиту Московскому и Калужскому, Свято-Троицкія Сергіевы Лавры Священно-Архимандриту и орденовъ: Святыхъ Апостола Андрея и Александра Невскаго Кавалеру:

Московскихъ старообрядцевъ всепокорнѣйшее прошеніе.

Надѣясь на безпримѣрныя щедроты и великія милости Его Императорскаго Величества Благочестивѣйшаго Государя нашего Императора Павла Петровича къ старообрядцамъ, и на благоснисхожденіе пастырей Греко-Россійскія церкви къ онымъ, воспріяли мы непремѣнное намѣреніе и желаніе воспользоваться Монаршими щедротами и пастырскимъ благоснисхожденіемъ, испрашивать объ открытіи себѣ святыхъ церквей и о снабдѣніи насъ правильными священниками, а на какомъ положеніи, о томъ явствуетъ въ нижеслѣдующихъ статьяхъ:

1) Дабы Святѣйшій Синодъ разрѣшилъ прежде положенныя клятвы на двуперстное сложеніе и другія, подобные сему, обряды.

2) Да соблаговолитъ Ваше Высокопреосвященство избрать священниковъ и діаконовъ, кои по собствен-

ному желанію прихожанъ, если-же таковыхъ не окажется, то хиротонисать по старопечатнымъ книгамъ, избранныхъ Вашимъ Высокопреосвященствомъ священниковъ, по согласію прихожанъ; также священниковъ, уклонившихся въ старообрядство донынѣ, если они окажутся безпорочны и явятся къ Вашему Высокопреосвященству съ истиннымъ смиреніемъ, таковыхъ разрѣшить и благословить отправлять службы Божіи и требы христіанскія, отлучившіеся же таковые священники, безъ воли своего епископа, впредь къ старообрядскимъ церквамъ принимаемы да не будутъ.

3) Дабы Святѣйшій Синодъ и Ваше Высокопреосвященство, благоволили старообрядскимъ священникамъ службу Божію, таинства и требы христіанскія, совершать по старопечатнымъ книгамъ, при всероссійскихъ патріархахъ: Іовѣ, Гермогенѣ, Филаретѣ Іоасафѣ и Іосифѣ, чему слѣдовать должны діаконы и церковнослужители.

4) Церкви, для старообрядцевъ, освятить Вашему Высокопреосвященству по старопечатнымъ книгамъ и благословенію Вашего Высокопреосвященства старообрядскимъ священникамъ, и да будутъ антиминсы, освященные при выше именованныхъ патріархахъ или вновь освящены быть имѣютъ Вашимъ Высокопреосвященствомъ по старопечатнымъ книгамъ и изображены такъ, какъ показано въ старопечатномъ потребникѣ.

5) Старообрядческихъ священниковъ не требовать въ Греко-россійскую церковь къ соборнымъ моленіямъ, какъ-то: въ крестные ходы и тому подобные, а отправлять имъ, по благословенію В. Впр., въ церквахъ старообрядческихъ оныя соборныя моленія, также не принуждать старообрядцевъ къ допущенію на общее моленіе знаменующихся тремя персты, брады брѣющихъ и прочихъ, имѣющихъ несогласія съ древ-

нимъ обыкновеніемъ, выключая Высочайшихъ Особъ; старообрядцамъ хотя и не записнымъ, но издавна удалившимся отъ сообщенія Греко-россійскія церкви, таковымъ не возбранять присоединяться къ церкви старообрядческой.

6) Старообрядческимъ священникамъ и пріемлющихъ сіе священство старообрядцамъ, по духовнымъ дѣламъ —быть подъ судомъ и въ полномъ вѣдѣніи у Вашего Высокопреосвященства; по дѣламъ же, принадлежащимъ до старообрядцевъ—благоволите чинить разбирательство и сужденіе чрезъ старообрядческихъ священниковъ, исключая таковыхъ дѣлъ, кои требуютъ законнаго слѣдствія. Но въ чемъ надлежитъ онымъ священникамъ относиться къ Святѣйшему Синоду и Вашему Высокопреосвященству, на то имѣть особаго письмоводителя съ произвожденіемъ платы отъ общества старообрядческаго.

7) Старообрядческія священники да будутъ снабжены Святымъ Мѵромъ отъ Вашего Высокопреосвященства.

8) Старообрядческихъ священниковъ не принуждать исповѣдь имѣть кромѣ старообрядческихъ же священниковъ.

9) Благоволите, Ваше Высокопреосвященство, благословлять старообрядческихъ священниковъ и старообрядцевъ, слагая два перста по обычаю, древлебывшему въ Россіи.

10) Священнодѣйствія до нынѣ старообрядческими священниками учиненныя какъ-то: Крещенія, Бракосочетанія, Молитвословія, Монашества (если къ сему не окажется со стороны свѣтскаго Правительства препятствія) и другія требы христіанскія да будутъ оставлены въ существенной ихъ силѣ и не повторять оныя, развѣ токмо окажется каковый либо изъ оныхъ старообрядческихъ священниковъ — бывшій

до нынѣ самозванецъ, или правильно изверженный— священнодѣйствія оныя совершалъ. Такъ же и старообрядческіе священники, опредѣляемые нынѣ къ старообрядческимъ церквамъ, не долженствуютъ поправлять пріемлемыя старообрядцами —отъ Греческія церкви священныя тайны какъ-то: хиротонію, крещеніе, мѵропомазаніе, бракъ и проч. но принимать оныя въ дѣйствительной ихъ силѣ.

11) Если кто изъ сыновъ Греко-россійскія церкви пожелаетъ пріобщиться св. таинъ отъ старообрядческаго священника, таковому не возбранять, равно-жь если и старообрядецъ пожелаетъ пріобщиться св. таинъ въ Греко-россійской церкви, не возбранять оному.

12) Если учинитъ старообрядческій священникъ преступленіе, достойное изверженія, таковые предоставляются суду Вашего В-прва. А если въ таковой винѣ окажется, за которую только временно долженъ понести наказаніе, таковый эпитимійствуетъ при церквахъ старообрядческихъ, по разсужденію Вашего Высокопреосвященства.

13) При старообрядческихъ церквахъ имѣть троечастныя книги, но во время святыхъ постовъ, если кто изъ старообрядцевъ по каковымъ либо встрѣтившимся обстоятельствамъ, на исповѣди и у причастія св. таинъ не будетъ, таковыхъ ко взысканію штрафныхъ денегъ не выписывать, и о томъ никуда не представлять, но да судятъ о томъ духовные ихъ отцы по священнымъ правиламъ; если же кто по нерадѣнію, или по небреженію или другимъ незаконнымъ причинамъ уклоняться будетъ отъ оныя, таковыхъ записывать въ особыя книги, и наказывать эпитиміею и другимъ духовнымъ исправленіемъ.

14) Если случится быть браку состоящемуся одной половинѣ Греко-россійскія церкви, а другой старообрядческой, таковыхъ вѣнчать по общему согласію

или въ Греко-россійской или старообрядческой церкви.

15) Священники старообрядческіе во всѣхъ служеніяхъ имѣютъ приносить моленіе о Высочайшемъ здравіи и благоденствіи Его Императорскаго Величества, супруги Его Ея Императорскаго Величества, Наслѣдника Его, всей Высочайшей Фамиліи и прочихъ, какъ слѣдуетъ по данной, отъ Святѣйшаго Синода, формѣ.

16) Распри, раздоры и хулы, ни съ единыя стороны, да не слышатся за содержаніе разныхъ обрядовъ и разныхъ книгъ, употребляемыхъ для Богослуженія, ибо таковая обосторонняя разность, какъ не принадлежность до сущности вѣры, то и да пребудутъ старообрядцы и сыны Греко-россійскія церкви въ мирѣ, любви и соединеніи, яко чада единыя Святыя соборныя и Апостольскія церкви.

Того ради препоручая себя въ милостивое, Вашего Высокопреосвященства, благословеніе, всепокорнѣйше просимъ изъявить намъ архипастырскую свою милость и благоснисхожденіе, открыть намъ святыя церкви, и снабдить насъ правильными священниками и о семъ нашемъ прошеніи милостивое рѣшеніе учинить:

По симъ слѣдуетъ подпись множества купцовъ и прочаго сословія отъ 177 душъ

Копія съ прошенія тѣхъ старообрядцевъ 1800 г. съ мнѣніями М. Платона.

Копія съ поданныхъ Синодальному члену, Платону митрополиту Московскому, при прошеніи отъ Московскихъ старообрядцевъ пунктовъ, о устроеніи имъ церкви, и о снабженіи ихъ правильными священниками.

Копія съ положеннаго Преосвященнымъ митрополитомъ Московскимъ, и Именнымъ, Его Императорскаго Величества Высочайшимъ Указомъ, даннымъ Синоду истекшаго-жъ 1880 г. Октября въ 27 день, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, утвержденнымъ на означенныхъ Московскими старообрядцами пунктахъ мнѣнія.

1-е). Дабы святѣйшій Синодъ разрѣшилъ прежде-положенныя клятвы на двоеперстное сложеніе и другіе, подобные сему, обряды.

1-е). Отъ клятвъ, прежде на нихъ возложенныхъ разрѣшить: ибо, хотя Церковь на нихъ оныя возложила праведно, что они и сами признаютъ, почитая ими себя связанными и отъ оныхъ просятъ разрѣшенія; но какъ нынѣ они сближаются, или паче, соединяются съ церковью, и истину ея, и таинства и священство ея признаютъ дѣйствительными, то и потребно сіе разрѣшеніе; и не должна болѣе тѣми клятвами ихъ совѣсть быть отягощаема, подъ каковыми

отторгающіеся еще отъ церкви имѣютъ и впредь состоять праведно. А чтобы сіе разрѣшеніе было открытое и ихъ болѣе успокоивающее; то надъ каждымъ принимаемымъ къ дозволяемой имъ церкви, прочесть Епископу или Пресвитеру съ возложеніемъ руки слѣдующую разрѣшительную молитву: „Господь нашъ Іисусъ Христосъ, благодатію своею и человѣколюбіемъ, да разрѣшитъ тя, къ церкви святѣй обращающася, отъ всѣхъ клятвъ, имъ же отъ церкви, отторженіемъ отъ нея, подвергся еси. И азъ недостойный Архіерей, или Іерей (имя-рекъ) властію отъ Него мнѣ данною, разрѣшаю тя, раба Божія (имя-рекъ) отъ оныхъ клятвъ и всѣхъ грѣховъ твоихъ, во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.“

2-е). Да соблаговолитъ Ваше Высокопросвященство избрать священниковъ и діаконовъ, кои по собственному желанію согласятся быть въ Старообрядчествѣ и по желанію прихожанъ. Если же таковыхъ

2-е). Вторую статью во всей ея силѣ, по снисхожденію, дозволить но съ тѣмъ, чтобы опредѣлить вновь священниковъ, по избранію прихожанъ и по разсмотрѣнію и разсужденію епископа, а прежнихъ ихъ по-

не окажется, то хиротонисать по прежде-печатнымъ книгамъ, избранныхъ Вашимъ Высокопреосвященствомъ священниковъ и по согласію прихожанъ. Также священниковъ уклонившихся въ старообрядчество донынѣ, если они окажутся безпорочны и явятся къ Вашему Высокопреосвященству съ истиннымъ смиреніемъ, таковыхъ разрѣшить и благословить отправлять службу Божію и требы Христіанскія; отлучившіеся же таковые священники безъ воли своего Епископа, впредь къ старообрядческимъ церквамъ принимаемы да не будутъ.

3-е). Дабы святѣйшій Синодъ и Ваше Высокопреосвященство благословили старообрядческимъ священникамъ службу Божію, таинства и требы Христіанскія совершать по прежде - печатнымъ книгамъ при Всероссійскихъ Патріархахъ: Іовѣ, Гермогенѣ, Филаретѣ, Іоасафѣ и Іосифѣ, чему слѣдовать должны Діаконы и церковнослужители.

повъ, яко бѣ гласовъ и предателей церкви, совѣсти и сана своего, къ таковой церкви не опредѣлять.

3-е). Третію статью также дозволить: ибо хотя въ книгахъ ими употребляемыхъ и находятся нѣкоторыя погрѣшности, но не въ существенныхъ вѣры догматахъ, а въ словахъ и обрядахъ, и что пріобрѣтеніе мира церковнаго есть важнѣе всего.

4-е). Церкви, для старообрядцевъ, освятить Вашему Высокопреосвященству по старопечатнымъ книгамъ или, по благословенію Вашего Высокопреосвященства, Старообрядческимъ священникамъ, и да будутъ Антиминсы, освященные при вышеименованныхъ патріархахъ, или вновь освящены быть имѣютъ Вашимъ Высокопреосвященствомъ по старопечатнымъ книгамъ, и изображены такъ, какъ показано въ старопечатномъ потребникѣ.

4-е). На четвертую статью можно преподать согласіе.

5-е). Старообрядческихъ священниковъ не требовать въ Греко-россійскую церковь къ соборнымъ моленіямъ, какъ то: въ крестные ходы и тому подобное, а отправлять имъ, по благословенію Вашего Высокопреосвященства, въ церквахъ старообрядческихъ оныя соборныя моленія, также не принуждать старообрядцевъ къ допущенію на общія моленія знаменующихся тремя персты, брады бріющихъ, и прочія имѣющихъ несогласія съ древними обыкновеніями,

5-е) Также. — Но что подлежитъ до не допущенія имъ въ церковь нѣкоторыхъ, ими объясненныхъ особъ, на сіе согласиться предосудительно, а предоставить сіе благоразсужденію опредѣленныхъ къ нимъ священниковъ съ наставленіемъ епископа. А чтобы не возбранять присоединяться къ церкви, ими просимой, и другимъ незаписнымъ, но издавна удалившимся отъ сообщества Греко-россійской церкви, сіе не иначе дозволено быть можетъ, какъ по изслѣдованіи,

выключая Высочайшихъ особъ. Старообрядцамъ, хотя и не записнымъ, но издавна удалившимся отъ сообщества Греко-россійской церкви, таковымъ не возбранять присоединиться къ церкви старообрядческой.

отъ Епископа, что онъ никогда дотолѣ въ церковь православную не ходилъ, и таинствъ ея не принималъ, и то, нашедши его таковымъ, при принятіи къ церкви, прочесть надъ нимъ вышеписанную разрѣшительную молитву. А въ церкви нашей, православной, доселѣ бывшихъ, никакъ до таковаго присоединенія не допускать.

6-е) Старообрядческимъ священникамъ и пріемлющимъ сіе священство старообрядцамъ, по духовнымъ дѣламъ—быть подъ судомъ и въ полномъ вѣдѣніи у Вашего Высокопреосвященства; по дѣламъ-же, принадлежащимъ до старообрядцевъ, благоволите чинить разбирательство и сужденіе чрезъ старообрядческихъ священниковъ, выключая таковыхъ дѣлъ, кои требуютъ законнаго слѣдствія, но въ чемъ надлежитъ онымъ священникамъ относиться къ святѣйшему Синоду и Вашему Высокопреосвященству, на то имѣть особаго письмоводителя, съ произвожденіемъ

6-е) Шестую статью можно принять.

платы отъ общества старообрядческаго.

7-е) Старообрядческіе священники да будутъ снабжены св. мνромъ отъ Вашего Высокопреосвященства.

7-е) Пріемлется.

8-е) Старообрядческихъ священниковъ не принуждать исповѣдь имѣть, кромѣ старообрядческихъ-же священниковъ.

8-е) Оставить сіе каждому священнику на совѣсть.

9-е) Благоволите Ваше Высокопреосвященство, благословлять старообрядческихъ священниковъ и старообрядцевъ, слагая два перста, по обыкновенію, древле бывшему въ Россіи.

9-е) Сіе предоставить благоразумію и совѣсти каждаго епископа, однако предохраняя другихъ отъ соблазна.

10-е) Священнодѣйствія, до нынѣ старообрядческими священниками учиненныя, какъ то: крещеніе, бракосочетаніе, молитвословіе, монашество (если къ сему не окажется со стороны свѣтскаго правительства) препятствія и другія требы христіанскія, да будутъ оставлены въ существенной ихъ силѣ и не повторять оныя, развѣ токмо окажется — каковый либо изъ оныхъ старообрядческихъ священниковъ, бывшихъ до нынѣ — сам озва-

10-е) Пріемлется.

нецъ, или правильно-изверженный—священнодѣйствія оныя совершалъ. — Также и старообрядческіе священники, опредѣляемые нынѣ къ старообрядческимъ церквамъ, не долженствуютъ поправлять пріемлемыя старообрядцами отъ Греко-россійскія церкви священныя тайны, какъ то: хиротонію, крещеніе, мѵропомазаніе, бракъ и проч.; но принимать оныя въ дѣйствительной ихъ силѣ.

11-е). Если кто изъ сыновъ Грекороссійской церкви пожелаетъ пріобщаться св. Таинъ отъ старообрядческаго священника, таковому не возбранять. Равно-жъ если и старообрядецъ пожелаетъ пріобщаться св. Таинъ въ Грекороссійской церкви, не возбранять оному.

11-е). По сей статьѣ, сынъ православно-Грекороссійской церкви не иначе можетъ имѣть дозволеніе, развѣ то въ крайней нуждѣ, въ смертномъ случаѣ, гдѣ-бъ не случилось найти православнаго Священника и церкви, а старобрядцу дозволять то безъ всякаго затрудненія.

12-е). Если учинитъ старообрядческій священникъ преступленіе, достойное изверженія, таковой предоставляется суду Вашего Высокопреосвященства. А если жъ въ таковой винѣ окажется, за которую только временно долженъ понести наказаніе, таковый

12-е). Пріемлется.

эпитимійствуется при церквахъ старообрядческихъ по разсужденію Вашего Высокопреосвященства.

13-е). При Старообрядческихъ церквахъ имѣть троечастныя книги.—Но во время святыхъ постовъ, если кто изъ нихъ старообрядцевъ, по каковымъ либо обстоятельствамъ, на исповѣди и у причастія св. Таинъ не будетъ, таковыхъ ко взысканію съ нихъ штрафныхъ денегъ, не выписывать, и о томъ никуда не представлять; но да судятъ о томъ духовные ихъ отцы по священнымъ правиламъ.—Если жъ кто по нерадѣнію, или пренебреженію, или другимъ незаконнымъ причинамъ уклоняться будетъ отъ оныя святыни, таковыхъ записывать въ особыя книги, и наказывать эпитиміею и другимъ духовнымъ исправленіемъ.

13-е). Хотя на сію статью и можно согласиться; но какъ деньги штрафныя собираются въ казну, то сіе зависитъ отъ благоразсмотрѣнія святѣйшаго Синода. А ежели-бъ и всѣ православные отъ онаго штрафа были освобождены, а наказываны-бъ они были за духовное преступленіе духовными эпитиміями, сіе бы сходственнѣе было съ духовнымъ прегрѣшеніемъ.

14-е). Если случится быть браку состоящемуся одной половинѣ Грекороссійской церкви, а другой старообрядческой, таковыхъ вѣнчать по общему согласію

14-е). Сію статью принять можно.

или въ Грекороссійской или старообрядческой церкви.

15-е). Священники, старообрядческіе во всѣхъ служеніяхъ имѣютъ приносить моленіе о Высочайшемъ здравіи и благоденствіи Его Императорскаго Величества, Супруги Его Императорскаго Величества, Наслѣдника Его, всей Высочайшей Фамиліи и прочихъ кого слѣдуетъ, по данной отъ святѣйшаго Синода формѣ.

15-е). Сіе необходимо потребно.

16-е). Распри, раздоры и хулы ни съ единыя стороны да не слышатся за содержаніе разныхъ обрядовъ и разныхъ книгъ, употребляемыхъ для богослуженія, ибо таковая обосторонняя разность, какъ не принадлежитъ до сущности вѣры, то и да пребудутъ старообрядцы и сынове Грекороссійскія церкви, въ мирѣ, любви и соединеніи, яко чада единыя святыя соборныя и апостольскія церкви.

16-е). Требованіе благое и достойное, чтобъ оное было отъ всѣхъ сохраняемо въ точности.

Къ симъ пунктамъ, покойный преосвященный митрополитъ Платонъ, присовокупилъ слѣдующее свое мнѣніе: 1) Что по таковомъ, взаимномъ всего вышеписаннаго принятіи и согласіи, таковыхъ пріемшихъ и согласившихся и получившихъ на вышеприписан-

номъ основанiи церковь, не называть болѣе раскольниками, или старообрядцами, ибо въ церкви ничего новаго нѣтъ, и нѣтъ новообрядцевъ, а называть ихъ соединенцами, или единовѣрцами, на что они, особливо на послѣднее, по предложенiю моему и согласными быть оказываются; а потому и церковь ихъ имѣетъ называться единовѣрческою; а въ упорствѣ и отторженiи отъ церкви пребывающiе—да останутся при прежнемъ ихъ именованiи раскольниками.—2) При дозволенiи просителямъ церкви судиться, потребно было провозгласить слѣдующее: что несчастливый расколъ, отчего произошелъ и когда, сiе извѣстно изъ многихъ, изданныхъ о томъ книгъ. Церковь все тщанiе и ревность прилагала къ приведенiю на путь истины отторгшихся отъ нея, и для того изданы многiя книги, въ коихъ явственно и доказательно показаны: и заблужденiе отторгшихся, и погрѣшности отъ нерадѣнiя и невѣжества взошедшiя въ прежнiя церковныя книги, и какъ сходственно съ Греческими и Славянскими древними книгами оныя погрѣшности исправлены, и что таковымъ образомъ исправленныя книги, въ нашей церкви православной, употребляются, и хотя и нынѣ неможетъ быть о семъ томъ иная, церкви, мысль, развѣ каковая ею доселѣ за истину признана и признается, однако церковь, яко мать сердобольная, не видя въ обращенiи отторгшихся отъ нея великаго успѣха, (хотя нѣкоторые, Богомъ просвѣщенные и совершенно соединяются съ нею) разсудила за благо учинить нѣкоторое, таковымъ въ невѣденiи погрѣшающимъ снисхожденiе, однако безъ соблазна правовѣрныхъ, особливо разсуждая ихъ прошенiе, которое довольнымъ образомъ ихъ съ церковью сближаетъ, или паче соединяетъ, слѣдуя примѣру Апостольскому „иже въ немощныхъ бысть, аки немощенъ, но съ тѣмъ, да немощныхъ прiобрящетъ“ и дабы возымѣть благую надежду, что таковые со

временемъ, Богомъ просвѣтятся, и ни въ чемъ неразнствующее, съ церковію, пріимутъ согласіе.“—Сіе почитается нужнымъ, дабы всѣмъ вѣдомо было, по какой винѣ, церковь, нынѣ таковое имъ творитъ снисхожденіе, и дабы развратные не протолковали, аки бы святая церковь свое прегрѣшеніе, а ихъ истину, познала, какъ то нѣкоторые дерзаютъ и мыслить и говорить. *Приказали*: Высочайшую, Его Императорскаго Величества волю, объявить Сvнодальнымъ Членамъ и прочимъ Преосвященнымъ Епархіальнымъ Архіереямъ къ должному и непремѣнному исполненію печатными указами.

Отвѣты на вопросы Егора Антоновича.

Касающихся трехъ чиновъ іерархіи.

Вступленіе къ вопросамъ Егора Антонова. [1])

,,Общество старообрядцевъ, даже именующихъ себя пріемлющими священство, двѣсти лѣтъ обходилось безъ епископовъ, а съ симъ вмѣстѣ и безъ совершенія хиротоніи: значитъ— симъ образомъ своего состоянія—старообрядцы исключаютъ изъ обѣтованія Господня о неодолимости церкви, и изъ онаго зданія и состоянія церкви епископскій чинъ, первый изъ главнѣйшихъ чиновъ іерархіи...

Вступленіе къ отвѣтамъ.

Могутъ-ли старообрядцы, пріемлющіе священство, исключать изъ обѣтованія Господня епископскій чинъ, когда они пріемлютъ священство, имѣющее іерархію? Старообрядцы, пріемлющіе священство, самымъ дѣломъ доказываютъ, что они не исключаютъ ни одного чина изъ іерархіи, когда пріемлютъ священство трехъ чиновъ іерархіи. Только они же, старобрядцы, не вѣруютъ въ непогрѣшимость личностей, состоящихъ въ какомъ-бы его ни было чинѣ іерархіи, на основаніи предостереженія, даннаго главою церкви.

Ибо исторія доказываетъ, какъ цѣлые сонмы іерарховъ впадали въ различныя ереси и заблужденія: въ аріанство, македоніанство, несторіанство, манофи-

[1]) Отвѣты эти мы заимствовали изъ газеты ,,Старообрядецъ'' издаваемый въ Австріи №№ 10, 11, 12, 13, 1879 г.

зеитство, монофелитство и иконоборчество; какъ, по томъ, таковые іерархи приходили въ раскаяніе, оставляя свое заблужденіе, обращались къ православію и присоединялись къ числу вѣрныхъ іерарховъ въ чинахъ іерархическихъ безъ всякаго повторенія надъ ними соновоздательности; слѣдовательно, лица іерархическія погрѣшали цѣлыми сотнями даже тысячами, а чины іерархическіе на нихъ сохранялись въ цѣлости при ихъ обращеніи къ истиннѣ. Если вспомнить Флорентинскій соборъ: какъ онъ блисталъ своимъ вселенскимъ авторитетомъ? но однакожъ, для православнаго меньшинства, не страшно было его могущество, численность и высота іерархическая, ибо Господь сказалъ: „Не бойся малое стадо.“

Извѣстно, что старообрядцы, пріемлющіе священство, считая патріарха Никона, и послѣдовавшихъ за нимъ іерарховъ, погрѣшившими, но чинъ іерархіи признаютъ за ними неутраченными. Вотъ какъ старообрядцы понимаютъ, что патріархъ Никонъ и Московскіе соборы 1654, 1655, 1656, 1666 и 1667 г. г. страшно погрѣшили, когда объявили, что, чтеніе сvмвола вѣры, по старопечатаннымъ книгамъ подлежитъ соборнымъ клятвамъ, что ученіе, соединяемое съ до-Никоновскимъ перстосложеніемъ, т. е. съ двуперстіемъ — есть еретическое и что таковое ученіе соборомъ (соборъ 1667 г. правил. 22) повелѣли искоренить изъ старопечатныхъ и письменныхъ книгъ. Древнерусскіе святители, до Никона, въ ученіи соединяемомъ съ двуперстіемъ, всѣ добрыя таинства вѣры проповѣдывали первымъ перстомъ съ двумя послѣдними: Святую Единосущную Троицу и, указательнымъ и великосреднимъ два естества во Христѣ. Сему ученію старообрядцы вѣруютъ, не опасаясь клятвъ, изреченныхъ Никономъ и соборами 1656 и 1667 г. г.

Старообрядцы въ этомъ не ошиблись, все-Россій-

скій синодъ призналъ сіе ученіе истинно-православнымъ, когда благословилъ единовѣріе 1880 года и подтвердилъ оное въ 1866 г., въ предисловіи къ псалтири и, наконецъ, разрѣшилъ печатать въ единовѣрческой типографіи 1874, 1875 и 1876 г. г. книги, съ ученіемъ о двуперстіи, слѣдовательно и синодъ не послушалъ патріарха Никона и собора 1667 года, повелѣвающихъ искоренять изъ печатныхъ и рукописныхъ книгъ таковое ученіе, якобы потому, что оно еретическое.

Старообрядцы радовались такой спасительной перемѣнѣ въ распоряженіи всероссійской іерархіи, и уже считали себя наканунѣ сближенія съ нею. Но увы! По благословенію той же всероссійской іерархіи не перестаютъ печататься, и въ народѣ распространяя въ томъ же клятвенномъ, ругательномъ—на древле-православное ученіе—духѣ, полемическія книги [1]. По благословенію того-же, всероссійскаго Синода, учреждаются братства, для противодѣйствія расколу, т. е. для противодѣйствія ученію древле-православной церкви—именно—члены братства св. Петра митрополита проповѣдують и печатаютъ, что уважаемые ревнителями старины церковные обряды, и мнимо-древними раскольниками, которые не были извѣстны не только древне-греческой, но и древне-русской православной церкви (?) даже чтеніе Символа вѣры — по старопечатнымъ книгамъ—называютъ чтеніемъ раскольническимъ [2]).

Мало того, члены сего же братства, какъ бы въ дополненіе къ означеннымъ порицаніямъ, еще дерзнули подвесть подъ клятвы не только собора 1667

[1]) Никифоръ Астраханскій 1853 и 1856 г. г. стр. 123, 124, 125, 172, 321, 331, 335, 336, 340 и 341.

[2]) См. душеполезн. чтен. 1876 г. Генвар. книжкѣ стр. 292 и 293 проповѣди протоіер. В. Нечаева, братск. слово 1875 г., книга 1 отдѣл. 2 стр. 10, 13 и 15 рѣчь г. Субботина.

года—но и подъ анаѳему всѣхъ седьми вселенскихъ соборовъ, самое то древле-православное чтеніе „Символа вѣры“ которое употребляется нынѣ, по благословенію всероссійскаго Синода, въ церкви единовѣрческой [5]).

Старообрядцы удивляются, какъ это такъ рѣшился Егоръ Антоновъ прибѣгнуть подъ покровительство въ такой монастырь, гдѣ читается такой Символъ вѣры, который, по ученію игумена сего монастыря, подлежитъ вселенской „анаѳемѣ“ и гдѣ—по ученію и распоряженію того-же игумена—распространяются такія книжки, въ которыхъ древле-православное догматическое ученіе, соединяемое съ двуперстіемъ, называется ученіемъ еретическимъ аріанскимъ, духоборческимъ и другими; въ которомъ, будто бы, проповѣдуются воплощеніе всѣхъ трехъ лицъ св. Троицы а не Единаго отъ Троицы (См. братское слово 1875 г., книга 2 отдѣл. 3 стран. 140—146 книга 4 отдѣл. 3 стран. 290; Кишиневская бесѣд. стран. 53, 54, 56, 91, 96. издан. 1876 и 1877 гг.).

Отвѣты на вопросы Егора Антоновича Антонова.

Неужели Егоръ Антоновъ, прибѣгши подъ покровительство такого наставника и проповѣдника и—какъ наружно такъ и въ душѣ—соглашается съ нимъ? который въ одномъ и въ другомъ мѣстѣ братскаго слова, именуемаго Ѳеодоритовымъ, какъ бы въ благопріятномъ для православія смыслѣ т. е. болѣе благопріятствующимъ троеперстію нежели двуперстію. (Братское слово книга 4. отдѣл. 3 стран. 292. 1875

[5]) См. бесѣда игумена Павла о клятвахъ собора 1668 г., составленная и изданная г. Субботинымъ въ братск. словѣ 1875 г., книга 3, отдѣл. 3 стран. 245, 248 и въ отдѣльной брошюркѣ стран. 10—13.

года: книга 4, отдѣл. 3 стран. 39. 1876 г.). Не ужели Егоръ Антоновичъ, — какъ наружно такъ и въ душѣ, прибѣгши подъ покровительство такихъ учителей: игумена Павла, г. Субботина и священника I. Виноградова—послѣдуетъ ихъ противорѣчивымъ разъясненіямъ, которыя, въ статьяхъ братскаго слова древняго греческаго писателя преподобнаго Петра Дамаскина, представлены въ истинномъ ихъ смыслѣ— въ пользу двуперстія (см. братск. слово книг. 1 отд. 2 стран. 35. 1875 года, а противорѣчія книга 2 отд. 2 стран. 190. 191, тогоже 1875 года; книга 3 отд. 3 стран. 189 г. книга 4 отд. 3 стран. 279. 280. 1876 года).

На первый (вопросъ): Не можетъ быть исповѣданія безъ исповѣдующихъ, и вѣры безъ вѣрующихъ.

(Отвѣтъ): Но исповѣдающіе не опредѣляются въ количествѣ, и такъ же исповѣдующіе и вѣрующіе не могутъ быть всѣ непогрѣшительными; а когда случается и погрѣшаютъ—не могутъ быть не приняты на покаяніе.

(Вопросъ): Могутъ отклоняться отъ православія не только епископы но—пресвитеры и діаконы и міряне. Но какъ сказать о всѣхъ?

(Отвѣтъ): Посмотримъ на времена аріанства, монофизеитства, монофелитства, иконоборства и наконецъ католичества, когда цѣлыя государства уклонялись со всѣми іерархами, подъ которыми, въ духовномъ управленіи, оставался невинный народъ. Возмемъ въ примѣръ седьмый вселенскій соборъ: какъ онъ исправилъ иконоборцевъ отъ ихъ ересей? Трудно здѣсь примѣнять Божіи обѣтованія по современнымъ обстоятельствамъ. Не ужели, только имѣя въ виду обѣтованія о вѣчности церкви, слѣпо вѣровать въ непогрѣшимость собора іерарховъ, которые очень ча-

сто погрѣшали въ православіи а потомъ исправлялись—принеся покаяніе.

На вопросы 3 и 4-й (отвѣты): Объ исключеніи изъ обѣтованія всѣхъ вообще—всѣхъ.

Какъ и кто можетъ дерзнуть на такой страшный приговоръ? Если взглянемъ на исторію седьмаго вселенскаго собора, тогда придемъ къ заключенію, что св. соборъ сей не исключилъ изъ обѣтованія не только живыхъ, покаявшихся іерарховъ, но и умершихъ—подъ паствою ихъ находившихся невинныхъ христіанъ; когда не исключилъ ихъ изъ числа христіанскаго разрѣшенія и отпущенія грѣховъ. Кто же осмѣлится на столь дерзкій приговоръ къ исключенію изъ обѣтованія всей вселенной? Но и кто же, во имя обѣтованія и вѣчности церкви, обязанъ слѣпо слѣдовать всему тому, что предпишетъ соборъ іерарховъ, потому только, что это—соборъ іерарховъ,—не разсуждая о законности и правильности предписаннаго? Притомъ же не всѣ иногда іерархи соглашаются съ произволомъ старѣйшихъ, подчиняясь, по немощи, наслѣдственному беззаконію; скрѣпя сердце, рѣшаются молчать, не обличая беззаконіе, а мучась въ душѣ, не разрываютъ союза въ ожиданіи благопріятнаго времени для исправленія, что и случалось нерѣдко, напр. на соборѣ иконоборцевъ „мнози видѣша ихъ заблужденіе и страха ради вслѣдъ за ними идоша“. (См. житіе препод. Стефана исповѣдника, ноября 28 день), или на соборахъ Московско-Никоновскихъ 1654 и 1656 гг., на которыхъ, вмѣстѣ съ другими строптивыми іерархами по волѣ п. Никона, подписался и митрополитъ новгородскій Макарій, но послѣ, не смотря на это, онъ все-таки продолжалъ совершать богослуженіе и священнодѣйствовать по старопечатному служебнику до конца своей жизни что—хотя косвеннымъ образомъ—но совершенно вѣрно подтверждаетъ о. Іоаннъ Виноградовъ. (См. его замѣчаніе на сказаніе и

о второмъ Антоніи стр. 38, 39 изд. 1877 г.) Московскій соборъ 1667 г. утвердилъ исправленный при патріархѣ Никонѣ такъ „чтобы впредь никто не дерзнулъ что-либо приложить, или отъяти или измѣнити, аще ли ангелъ будетъ глаголати что иное, да не имате вѣру ему" (дополн. къ акт. исторіи, томъ 5 стр. 472). Нашлись конечно не ангелы, а смертные ученые люди, которые, не смотря на грозное запрещеніе, дерзнули на основаніи вѣрнѣйшихъ греческихъ источниковъ, „глаголати иное" что служебникъ такъ строго исправленный при патріархѣ Никонѣ, и такъ непреложно утвержденный соборомъ 1667 года, снова нуждается въ исправленіи, напримѣръ: въ литургіи Василія Великаго, при освященіи даровъ, слова: „преложивъ Духомъ Твоимъ Святымъ" прибавлены вовсе не кстати и ихъ слѣдуетъ исключить, какъ излишнее повтореніе, не представляющее желаемой ясности, къ связи съ предыдущими словами благословенія. (См. опытъ истолкованія литургіи священ. В. Нечаева, стр. 27. Москва, 1869 года).

Вслѣдствіе такихъ и тому подобныхъ обстоятельствъ до какихъ заключеній мы дойдти можемъ относительно обѣтованія? Божественное обѣтованіе непреложно! Но человѣку, или многимъ человѣкамъ— хотя бы это были іерархи—свойственно ошибаться.

Не вся ли погрѣшимость человѣческая—даже непогрѣшимость самихъ іерарховъ—заключается въ сознаніи и исправленіи своихъ погрѣшностей, т. е. въ покаяніи по Божіей милости.

На 5-й вопросъ: (отвѣтъ): Старообрядцы пріемлющіе священство, отвѣчаютъ самымъ дѣломъ, что они пріемлютъ священство, слѣдовательно, самымъ дѣломъ доказываютъ свою вѣру въ вѣчное существованіе всѣхъ седьми таинствъ церковныхъ и, слѣдовательно, предложеніе 5-го вопроса со всею его тончайшею точностію относится совсѣмъ къ другимъ

старообрядцамъ т. е. къ непріемлющимъ священства, которые, въ недоумѣніи своемъ вслѣдствіе клятвъ и хульныхъ порицаній, произнесенныхъ іерархами на святоотеческія преданія, порѣшили, что уже не стало на землѣ ни церкви, ни таинствъ ея.

Такимъ образомъ, Егоръ Антоновъ съ предложеніемъ 5-го вопроса, долженъ бы былъ обратиться не къ тому обществу изъ котораго давно уже вышелъ.. . т. е. къ обществу непріемлющихъ священства.

На 6-й и 7-й вопросы: (отвѣты): Старообрядцы, пріемлющіе священство, отвѣчаютъ не только словомъ смиренія, не дозволяя испытывать о церковномъ домостроительствѣ, неисповѣдимыя судьбы Божія, но и отвѣчаютъ самымъ дѣломъ, когда за сохраненіе святоотеческихъ преданій, проклинаемые и гонимые отъ іерархіи, впродолженіи двухъ столѣтій, пріемлютъ священство той самой іерархіи, которая гонитъ ихъ и проклинаетъ... Сами іерархи, своихъ духовныхъ чадъ велѣли записать въ расколъ только за то, что таковые двуперстно крестились, слѣдовательно, самое дѣло свидѣтельствуетъ о вѣрѣ старообрядцевъ, пріемлющихъ священство въ несовращаемость существованія седьми таинствъ церковныхъ. Дѣло—лучшее всякихъ хитросплетныхъ препирательствъ. Да—вотъ еще причина въ принятіи старообрядцами священства, въ продолженіи 2-хъ столѣтій: не соблюдались порядки и формальности относительно зависимости отъ священноначалія; ибо—ужаснувшись, старообрядцы, хулами, гоненіями и проклятіями—разбѣжались. Что же тутъ поможетъ формальностямъ іерархическимъ, когда старообрядцамъ нужно лишь одно, что бы пастырь ихъ не хулилъ и не проклиналъ святоотеческія преданія и самый сүмволъ вѣры, читаемый по святоотеческимъ книгамъ. Вотъ тутъ и все. А который пастырь, архіерей ли онъ или іерей, впалъ въ такую погрѣшность хулы и проклятія на святооте-

ческія преданія, таковый долженъ въ томъ покаяться съ отреченіемъ отъ своего заблужденія, и обѣщаніемъ впредь сохранять и почитать святоотеческія преданія. Вотъ все, чего требовали впродолженіи двухъ столѣтій, старообрядцы, отнюдь не вдаваясь въ тонкости безполезныхъ преній. Можно представить примѣръ: при единости церкви какъ священникъ въ приходѣ своего собрата—священника не можетъ, безъ его соизволенія, никакихъ священныхъ требъ совершать, такъ и самъ патріархъ, не можетъ въ епархіи даже своего подчиненнаго епископа, безъ его согласія, никакихъ священныхъ требъ исполнять, а въ случаѣ раздѣленія церковнаго, такой и тому подобный іерархическій порядокъ, не только не обязателенъ, но даже и не нуженъ, ибо пострадавшая сторона уже права тѣмъ, что она страдаетъ за истинну, требуя отъ противной стороны раскаянія въ погрѣшности, какова бы эта сторона ни была, и на сколько бы она высоко въ своемъ санѣ не стояла. Старообрядцевъ истязываютъ словоиспытатели, говоря: „Старообрядцы пріемлющіе крещеніе и хиротонію отъ греко-россійской церкви, пріемлете-ли равносильно и прочія ея таинства?" Старообрядцы, наоборотъ, спрашиваютъ: „скажите и вы, пріемлющіе крещеніе, миропомазаніе и хиротонію отъ римско-католической церкви, пріемлете-ли равносильно и прочія ея таинства? Сохраняете-ли іерархическій порядокъ, когда, въ іерархіи папы римскаго, утверждаете новыя церкви безъ его согласія, обращая къ себѣ изъ католичества не только мірянъ, но и священниковъ и епископовъ? Вотъ тутъ и ищи формальностей іерархическихъ! Все равно какъ священники такъ и епископы и самые папы и патріархи, внѣ своихъ предѣловъ священнодѣйствовать не могутъ при единости церкви, а въ случаѣ раздѣленія, весь этотъ іерархическій

порядокъ не соблюдается по 15 правилу св. Отецъ перво-втораго собора и многими примѣрами св. Отецъ.

О семъ можно видѣть въ житіи преп. Антонія Римлянина и св. Саввы Освященнаго. Въ таковое время лица, погрѣшившія въ православіи, подчиняются уже не іерархическому порядку, а покаянію предъ непогрѣшившими епископами или священниками. Такъ поступилъ патріархъ Іоаннъ Іерусалимскій, послѣдователь Севирской ереси, раскаявшись со смиреніемъ предъ священниками: Саввою и Ѳеодосіемъ въ своемъ заблужденіи, и подчинился ихъ православію.

На 8 вопросъ: старообрядцы пріемлющіе іерархію отвѣчаютъ самымъ дѣломъ, что они пріемлютъ іерархію, не входя въ какія-либо тонкости препирательства. Довольно сказано о семъ на вопросы 5, 6-й и 7-й.

На вопросъ 9-й: Старообрядцы, пріемлющіе священство, отвѣчаютъ, что они пріемлютъ церковные чины и обряды, въ разныя времена установленные; вѣруютъ, что какъ изъ-древле такъ и нынѣ и всегда церковь для созиданія а не для раззоренія, для собиранія а не для разгнанія вѣрныхъ своихъ чадъ и вводить или отмѣнять въ подлежащей мѣсности, какіе благопотребны будутъ чины и обряды на спасеніе а не на погибель. Но не имѣетъ права никакой соборъ іерарховъ переносить, изъ одной мѣстности въ другую, обрядъ съ порицаніемъ, съ оклеветаніемъ въ еретичествѣ и проклятіемъ на содержимый прежде, въ той мѣстности, обрядъ, съ которымъ не соединено никакого неправославнаго мудрованія.

На 10-й вопросъ: Старообрядцы, пріемлющіе священство, доказываютъ на самомъ дѣлѣ, когда почитаютъ названные обряды—за обряды—утвержденные древле-русскими православными святителями и будутъ помнить ихъ, какъ освященными и утвердившимися долговременнымъ обычаемъ церкви православ-

ной, и какъ вполнѣ согласные съ духомъ и ученіемъ оной. Что же касается перстосложенія, или двуперстія, для крестнаго знаменія, то и сей обрядъ почитается какъ обрядъ, при его употребленіи, но съ присовокупленіемъ къ нему православно-догматическаго исповѣданія Св. Единосущной Троицы и двухъ естествъ Единаго отъ Троицы, и уже принадлежитъ къ числу догматовъ вѣры православно-каѳолической. И сей же обрядъ перстосложенія, съ которымъ соединяется догматъ православной вѣры, ни какой соборъ іерарховъ не имѣетъ права причислять къ изобрѣтенію какого-то скрытаго еретика и раскольника, и затѣмъ искоренять изъ печатныхъ и письменныхъ книгъ. На такое посягательство старообрядцы не признаютъ—ни за какимъ соборомъ іерарховъ—никакого права! Ибо православно-догматическое ученіе о Св. Еди носущной Троицѣ обязаны всѣ іерархи—во всякомъ случаѣ—сохранять а не искоренять.

На вопросы 11, 12 и 13-й: Старообрядцы пріемлющіе священство, считаютъ достаточными вышеизложенные отвѣты. Впрочемъ, для Егора Антонова, вступившаго подъ вліяніе игумена Павла и уже успѣвшаго забыть очень многое, изъ исторіи русской церкви, не излишне будетъ напомнить здѣсь хоть вкратцѣ, для яснѣйшаго разрѣшенія 13-го вопроса.

Русскую православную церковь „обышедше обыдоша“—яко псы лютые—еретики жидовствующіе и раціоналисты, особенно въ концѣ 15-го и въ началѣ 16-го столѣтія. Усилилось было это еретичество до того, что даже заражены имъ были высшіе изъ духовенства, и сильные изъ бояръ при царскомъ дворѣ. Это еретичество дерзко отвергало православное ученіе о святой единосущной Троицѣ, не признало воплощенія Сына Божія, называло иконо-поклоненіе, и кресто-поклоненіе—идолопоклоненіемъ, и вообще отвергало всѣ церковныя преданія и самое крестное

знаменіе. Слѣдовательно, для сего еретичества. не нужно было никакого перстосложенія для крестнаго знаменія. Для обращающихся, отъ сего еретичества, изложено православными пастырями чинопріятіе (въ древле православныхъ кормчихъ), въ которомъ означенное еретичество предавалось проклятію по статьямъ, напримѣръ: „непоклоняющіеся святымъ иконамъ и честному кресту; не исповѣдующіе Божество и человѣчество въ Іисусѣ Христѣ; и не крестящіеся двумя персты и т. п. да будутъ прокляты.“ Что и подтвердили пастыри всероссійской церкви на стоглавомъ соборѣ 1551 года.

Егоръ Антоновъ долженъ вспомнить и понять все это, если съ вниманіемъ прочтетъ всю 31 главу стоглава. Такимъ образомъ, древле русскіе православные пастыри вооружаясь противъ названнаго еретичества, потрудились распространить въ русскомъ народѣ самое наглядное, удобо-понятное, особенно для тогдашняго малограмотнаго и, большею частію, безграмотнаго народа, православно-догматическое ученіе, соединяемое съ крестнымъ знаменіемъ и перстосложеніемъ, въ которомъ и безграмотные люди—даже малые отроки—все доброе таинство вѣры христіанской могли понимать и ясно исповѣдывать: сложеніемъ перваго перста съ двумя послѣдними—исповѣдывали св. единосущную Троицу а указательнымъ и великосреднимъ—два естества Единаго отъ Троицы.

Такой догматъ православной вѣры, при крестномъ знаменіи именуемомъ двуперстіемъ, исповѣдывали древле-русскіе православные цари и князи, святители и вообще всѣ пастыри и пасомые русской православной церкви до временъ Никоновскихъ. Къ ужасу всей православной Россіи, въ патріаршество Никона, провозглашена въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи царя и всего собранія патріаршая—на всѣхъ крестящихся анаѳема—двуперстію. какъ выше сказано и

эта анаѳема—подтверждена Никоновскимъ соборомъ 1656 года (слово увѣщательно Никона въ скрижали); потомъ, соборомъ 1666 года (въ жезлѣ час. 1 возобличеніе 2,21) и соборомъ 1667 г. (дополн. къ актамъ истор. томъ 5 стран. 472, 486, 502 и 503). А въ довершеніе, 22-мъ правиломъ собора, велѣно искоренить изъ печатныхъ и письменныхъ книгъ выше означенное ученіе о крестномъ знаменіи, какъ еретическое, не смотря на то, что въ немъ истинное православно-догматическое исповѣданіе св. единосущной Троицы и двухъ естествъ Единаго отъ Троицы.

Вотъ такому-то клятвенному собору іерарховъ, оказали и оказываютъ полное ослушаніе старообрядцы, а въ послѣдствіи и самъ правительствующій, всероссійскій Сѵнодъ, оказалъ дѣйствительное ослушаніе повелѣнію собора 1667 года, когда призналъ ученіе о двуперстіи вполнѣ православнымъ и благословилъ печатать, начиная съ 1866 года и далѣе, книги съ тѣмъ самымъ ученіемъ о двуперстіи отверженнымъ П. Никономъ и соборами послѣ его, какъ еретическое, аріанское, духоборческое, несторіанское, армянское и т. п.

Егоръ Антоновичъ додумался что сдѣлать; онъ подклонилъ свою голову подъ покровительство игумена Никольскаго монастыря, глубокомысленнаго отца Павла, который, по благословенію всероссійскаго Правительствующаго Синода, крестится и благословляетъ двуперстно и, въ тоже время, оказываетъ послушаніе П. Никону и господствующимъ соборамъ, приписывая до-Никоновскому, древле православному ученію о двуперстіи, самое глупое еретичество о воплощеніи всѣхъ трехъ лицъ св. Троицы, привосокупляетъ къ тому же и аріанство и духоборчество, а въ довершеніе сего, по благословенію того же правительствующаго Синода, тотъ же о. игуменъ Павелъ, употребляетъ въ богослуженіи чтеніе сѵмвола

вѣры по старопечатнымъ книгамъ и, въ тоже время, подвергая подъ неразрѣшимыя анаѳемы—не только сихъ Никоновскихъ соборовъ но и прежде бывшихъ вселенскихъ соборовъ—тоже самое старопечатное чтеніе сѵмвола вѣры, какъ симъ доказано выше, въ отвѣтѣ на вступленіе вопросовъ.

L'ÉVANGILE,

ETUDES ICONOGRAPHIQUES ET ARSCHÉOLOGIQUES PAR CH. ROHAULT DE FLEURY, AUTEUR DU MÉMOIRE SUR LES INSTRUMENTS DE LA PASSION.

TOURS.

Alfred Mame et fils editeurs

M. DCCC. ZXXIV.

ЕВАНГЕЛІЕ.

Иконографическіе и археологическіе очерки. Соч. Рого де Флери, автора сочиненія „Объ орудіяхъ страстей Христовыхъ."

Г. ТУРЪ.

АЛФРЕДЪ МАМЪ И СЫНЪ ИЗДАТЕЛИ.

1874 г.

См. Евангел. изд. Рого де Флери стр. 16. Фиг. 1.

Изображеніе Благовѣщенія

заимствованное авторомъ въ Усыпальницѣ Св. Прискиллы, въ Римѣ, писанное въ III вѣкѣ.

Прим. автора: Здѣсь Архангелъ Гавріилъ, показывая Пресвятой Богородицѣ два первые перста, въ знакъ того, что она родитъ Богочеловѣка въ двухъ естествахъ. Архангелъ Гавріилъ и Богоматерь здѣсь изображены безъ вѣнца. Можетъ быть, въ третьемъ вѣкѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ писалось, но дѣло не въ вѣнцѣ а двуперстномъ сложеніи.

См. Евангел. изд. Рого де Флери стр. 128. Фиг. 1.

Изображенiе Чудеснаго лова

заимствованное авторомъ въ церкви Св. Аполлинарiя, въ Римѣ, составленное мозаикой изъ разноцвѣтныхъ камней въ IV вѣкѣ.

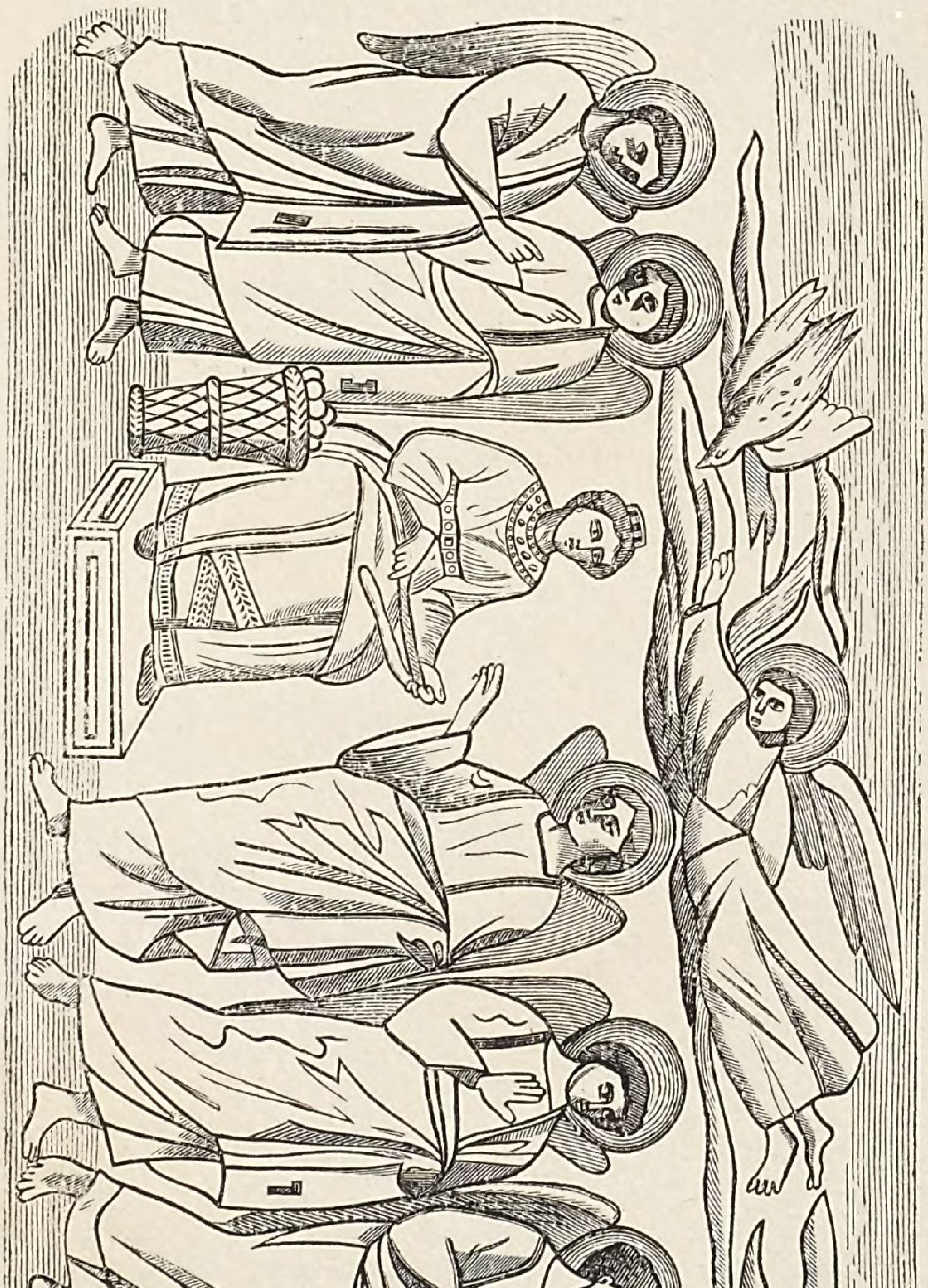

Примѣч. автора: Здѣсь, при ловленiи, рыбы Самъ Спаситель благословляетъ ихъ двумя первыми перстами, указывая имъ на свои два естества.

См. Евангел. изд. Рого де Флери стр. 7. Фиг. 2.

Изображеніе Благовѣщенія

заимствованное авторомъ въ церкви Св. Маріи Мадӝіоре, въ Римѣ, писанная въ V вѣкѣ.

Примѣч. автора: Тоже и здѣсь Архангелъ Гавріилъ двумя перстами указываетъ на рожденіе Спасителя въ двухъ естествахъ.

См. Евангел. изд. Рого де Флери стр. 130. Фиг. 1.

Изображеніе: Призваніе Апостоловъ

заимствованное изъ рукописи въ Римской библіотекѣ въ IX вѣкѣ.

Примѣч. автора: При призываніи Апостоловъ: Андрея, Петра, Іакова и Іоанна, Спаситель благословляетъ ихъ двумя перстами.

См. Евангел. изд. Рого де Флери стр. 274. Фиг. 4.

Изображеніе Исцѣленія разслабленнаго

заимствованное въ церкви Св. Аполлинарія въ Римѣ, составленное мозаикой изъ разноцвѣтныхъ камней въ VI вѣкѣ.

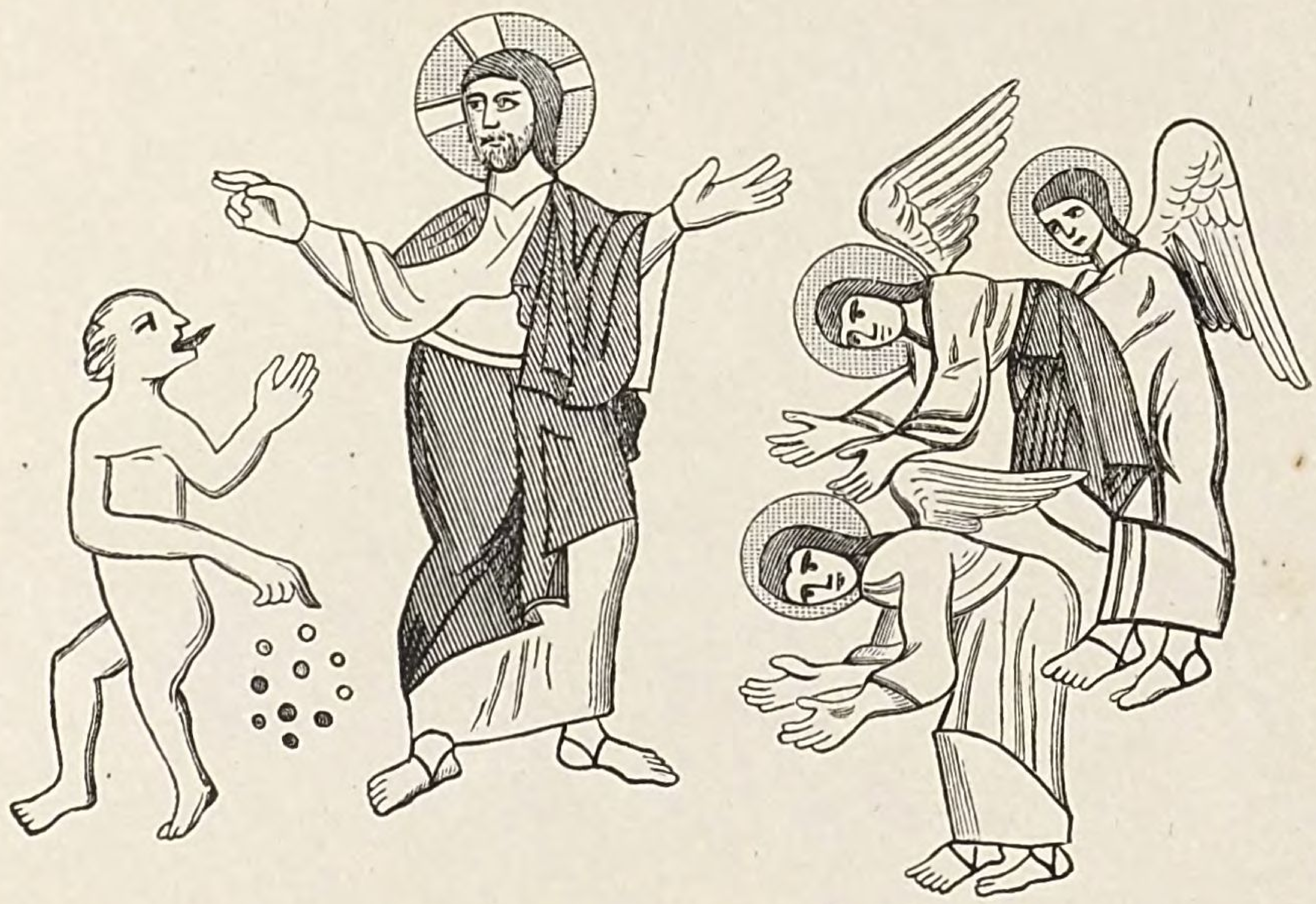
Примѣч. автора: Въ этомъ изображеніи точно также Іисусъ Христосъ двумя перстами благословляетъ разслабленнаго, говоря: „Возьми одръ свой и гряди.“

См. Евангел. изд. Риго де Флери стр. 108. Фиг. 2.

Изображеніе Искушенія

заимствованное изъ Пизской библіотеки въ XII вѣкѣ.

Примѣч. автора: Этимъ изображеніемъ указывает-

ся, что Спаситель, прогоняя Своего искусителя, указываетъ ему два перста, въ знакъ того, что Онъ (Спаситель) есть не только человѣкъ но и Богъ.

Снимки съ печатей

заимствованные изъ изданія:

Собраніэ

Государственныхъ грамотъ и договоровъ хранящихся

въ

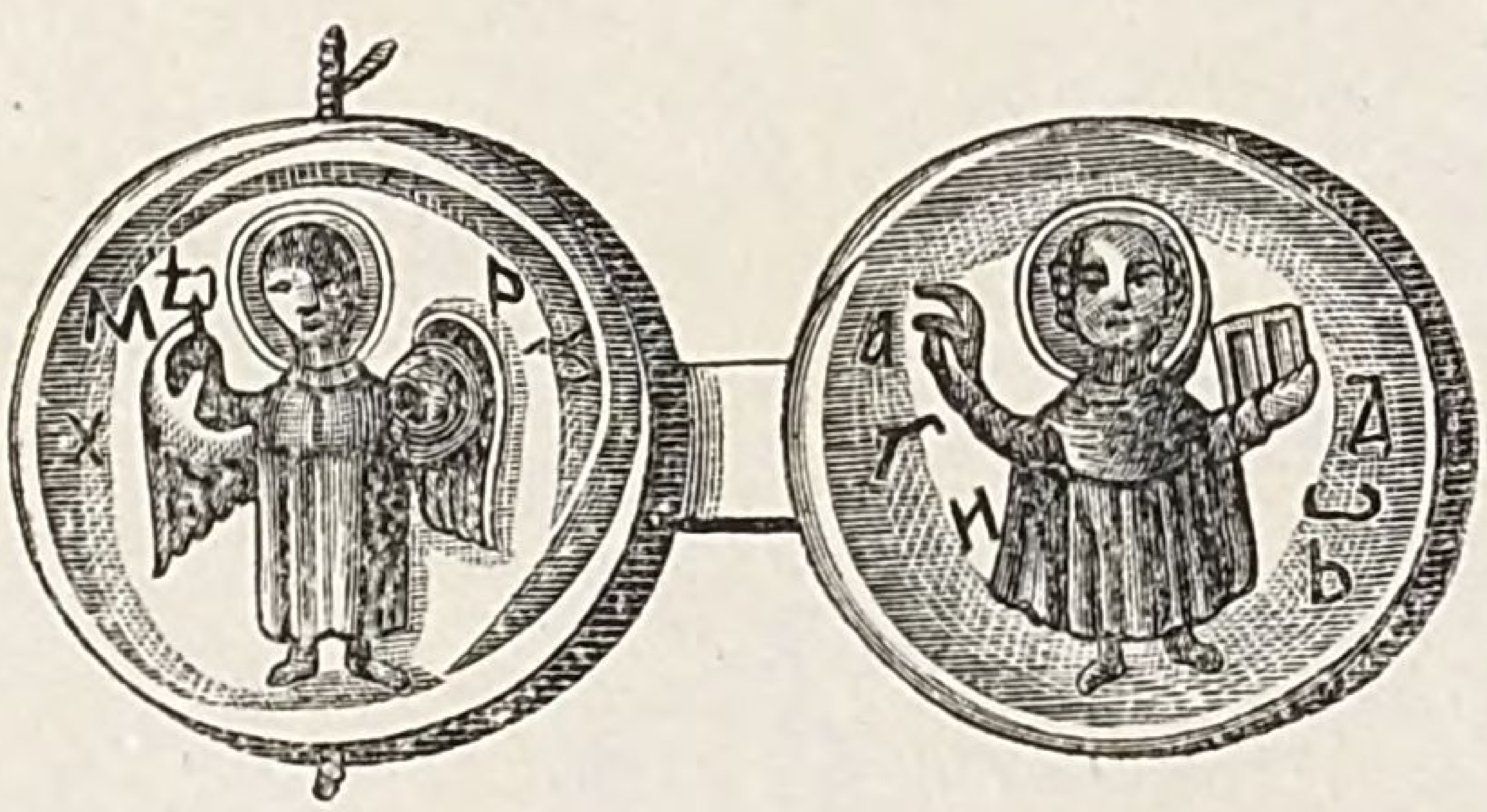
Государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(*См. №№ 4 и 5. Собр. Госуд. Грам. и догов. стран. 5-я*).

Двѣ договорныя взаимныя (вмѣстѣ сшитыя) Грамоты: первая, Великаго князя Тверскаго Михаила Ярославича съ Новгородскимъ Владыкою и со всѣмъ Новымъ городомъ; вторая, Великаго Новагорода съ помянутымъ княземъ: о взаимномъ вспоможенiи противу общихъ ихъ непрiятелей. Писаны между 1295 и 1302 годами.

Къ означеннымъ двумъ грамотамъ привѣшена печать серебряная вызолоченная слѣдующаго вида:

(См. № 25. Собр. Госуд. грам. и договор. стран. 41-я).

Духовная грамота Великаго князя Іоанна Іоанновича (первая): о раздѣлѣ движимаго и недвижимаго его имѣнія двумъ сынамъ его: князю Дмитрію и князю Ивану, племяннику князю Володиміру Андреевичу и княгинѣ своей Александрѣ. Писана 1356 года.

Къ означенной грамотѣ привѣшена печать серебряная позолоченная слѣдующаго вида:

(См. № 21. Собр. Госуд. грам. и договор. стр. 33-я).

Духовная грамота Великаго князя Ивана Даниловича Калиты (первая), писанная при отъѣздѣ въ орду: о раздѣлѣ движимаго и недвижимаго его имѣнія дѣтямъ и княгинѣ его. Писана 1328 года.

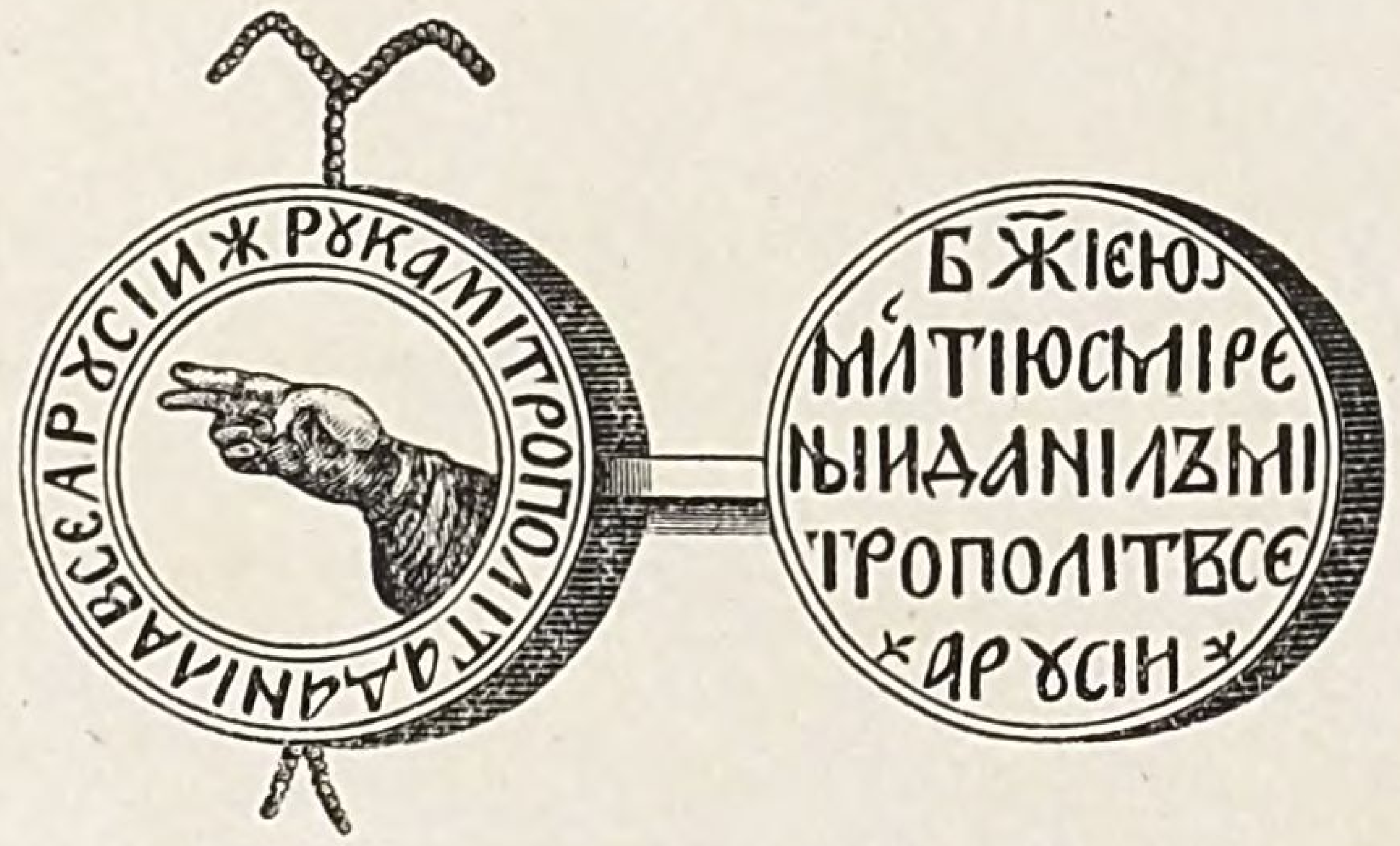
Къ означенной грамотѣ, писанной на пергаментѣ, привѣшена серебряная позолоченная печать слѣдующаго вида:

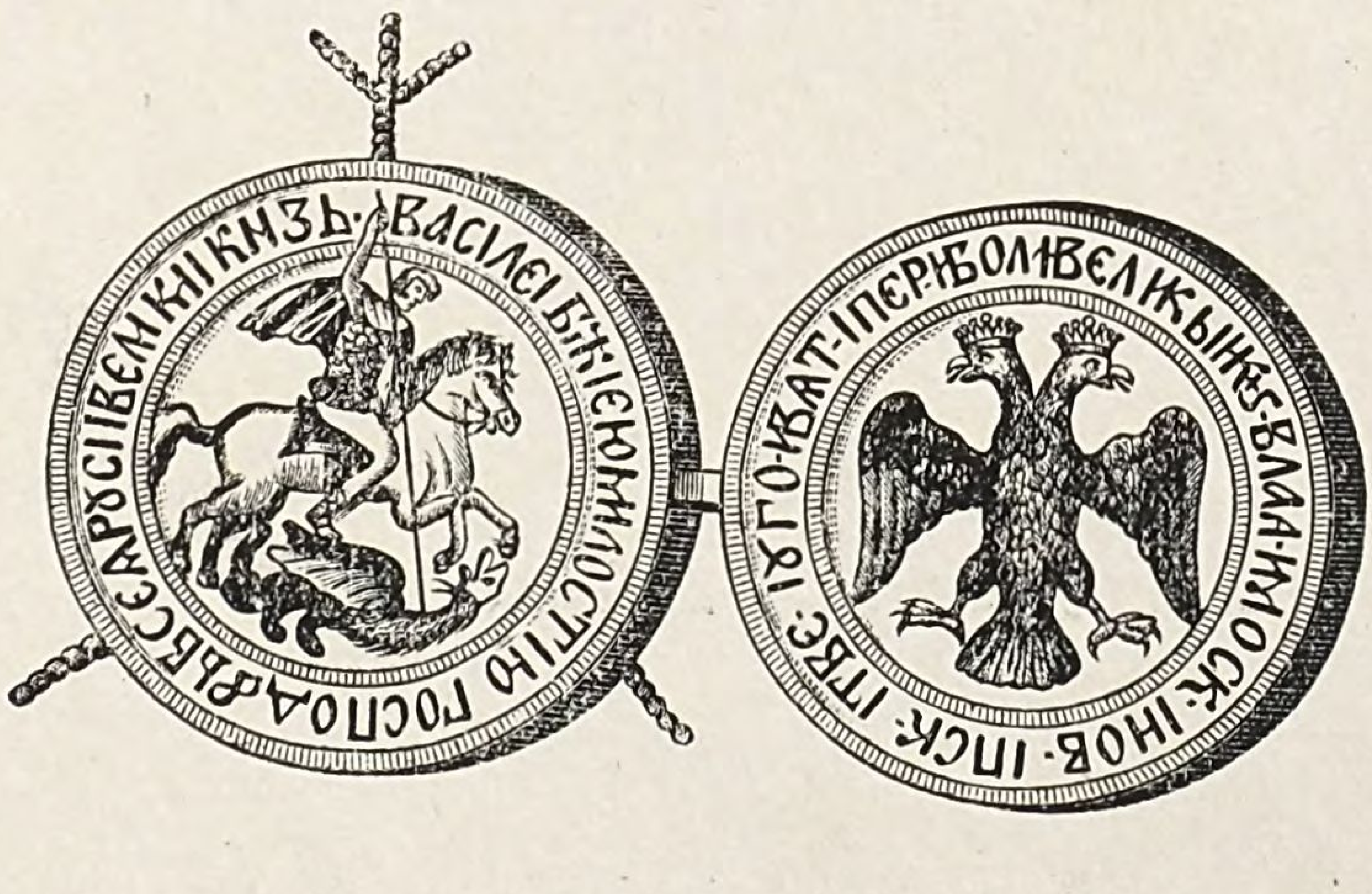

(См. № 150. Госуд. грам. и догов. стран. 417-я).

Запись Государя и Великаго князя Василія Іоанновича, писанная при отбытіи его съ войскомъ въ Казань: о подтвержденіи преждеписанной имъ грамоты и приписнаго къ оной списка, и о порученіи оныхъ митрополиту Даніилу; также о продолженіи, по обѣщанію, строенія Новодѣвичьяго въ Москвѣ монастыря, и о дачѣ въ оной одною или двухъ дворцовыхъ селъ и денегъ 3,000 рублей.—За подписаніемъ помянутаго митрополита Даніила. Писана въ іюнѣ мѣсяцѣ 1523 года.

Къ означенной записи привѣшены двѣ восковыя печати. Митрополичья—чернаго воску на черномъ шелковомъ шнуркѣ, а Государева—краснаго воску на красномъ шелковомъ шнуркѣ:

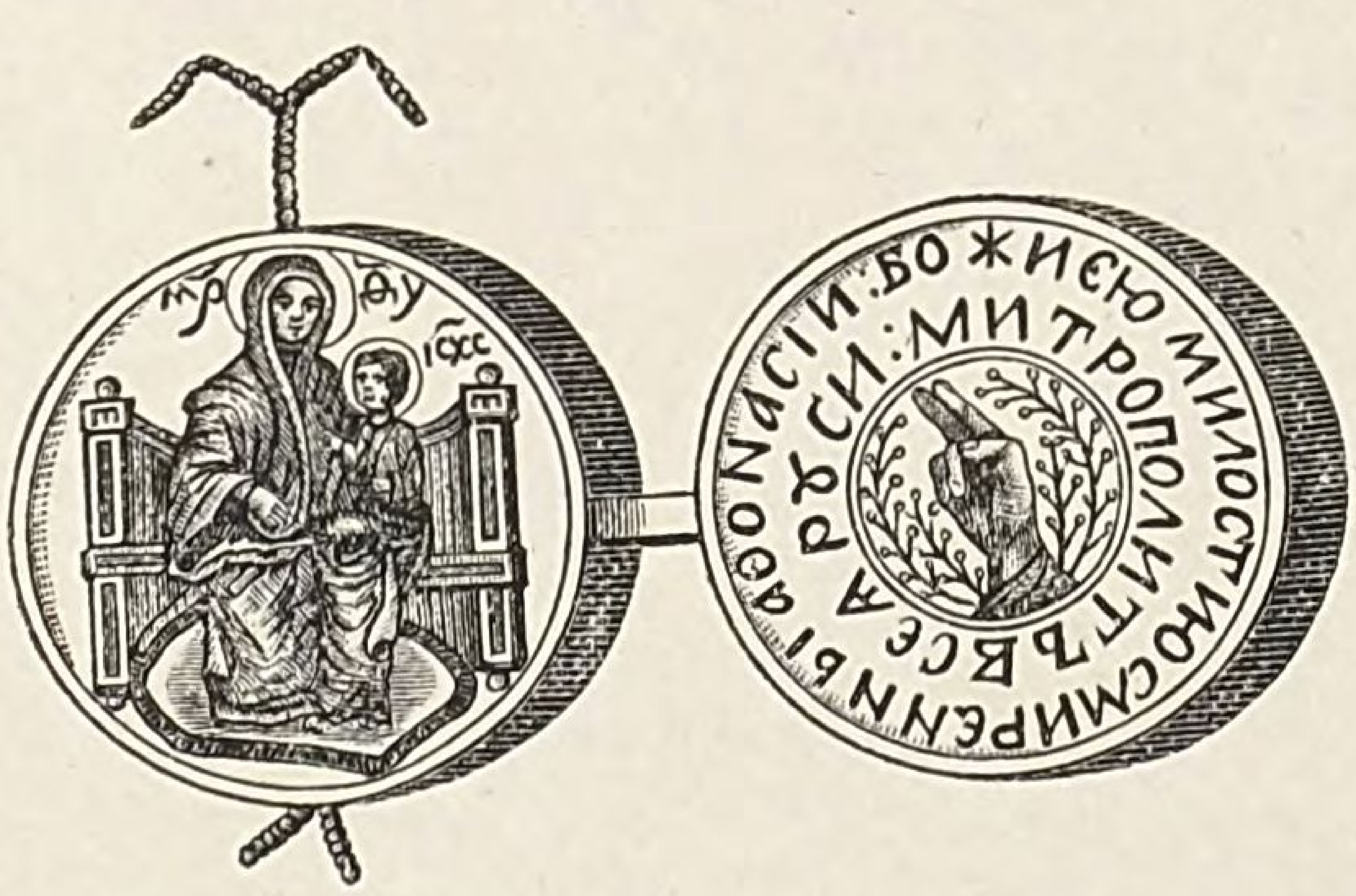

(См. № 182. Госуд. гражд. и догов. стран. 506-я).

Запись Боярина Ивана Петровича Яковлева, данная, за посредствомъ и поручительствомъ Московскаго Митрополита Аѳанасія и прочихъ духовныхъ Особъ, Государю Царю Іоанну Василіевичу: о продолженіи впредь своей Государю и его дѣтямъ службы вѣрно, усердно и безъ всякихъ въ чужестранныя государства побѣговъ; о не имѣніи никакого сношеоія ни письменно ни словесно съ Польско-Литовскимъ Дворомъ и прочими непріязненными Россіи Державами, равно какъ и съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ; по сообщеніи Государю о всѣхъ злыхъ умыслахъ и покушеніяхъ непріятельскихъ противъ него Государя, царицы, и дѣтей его,—за подписаніемъ Митрополита Аѳанасія. — Писана 1565 года, марта 28 дня.

Къ означенной записи привѣшена на шелковомъ снуркѣ изъ краснаго воску митрополичья печать:

(См. № 183. Собр. Госуд. грам. и догов. стран. 507-я).

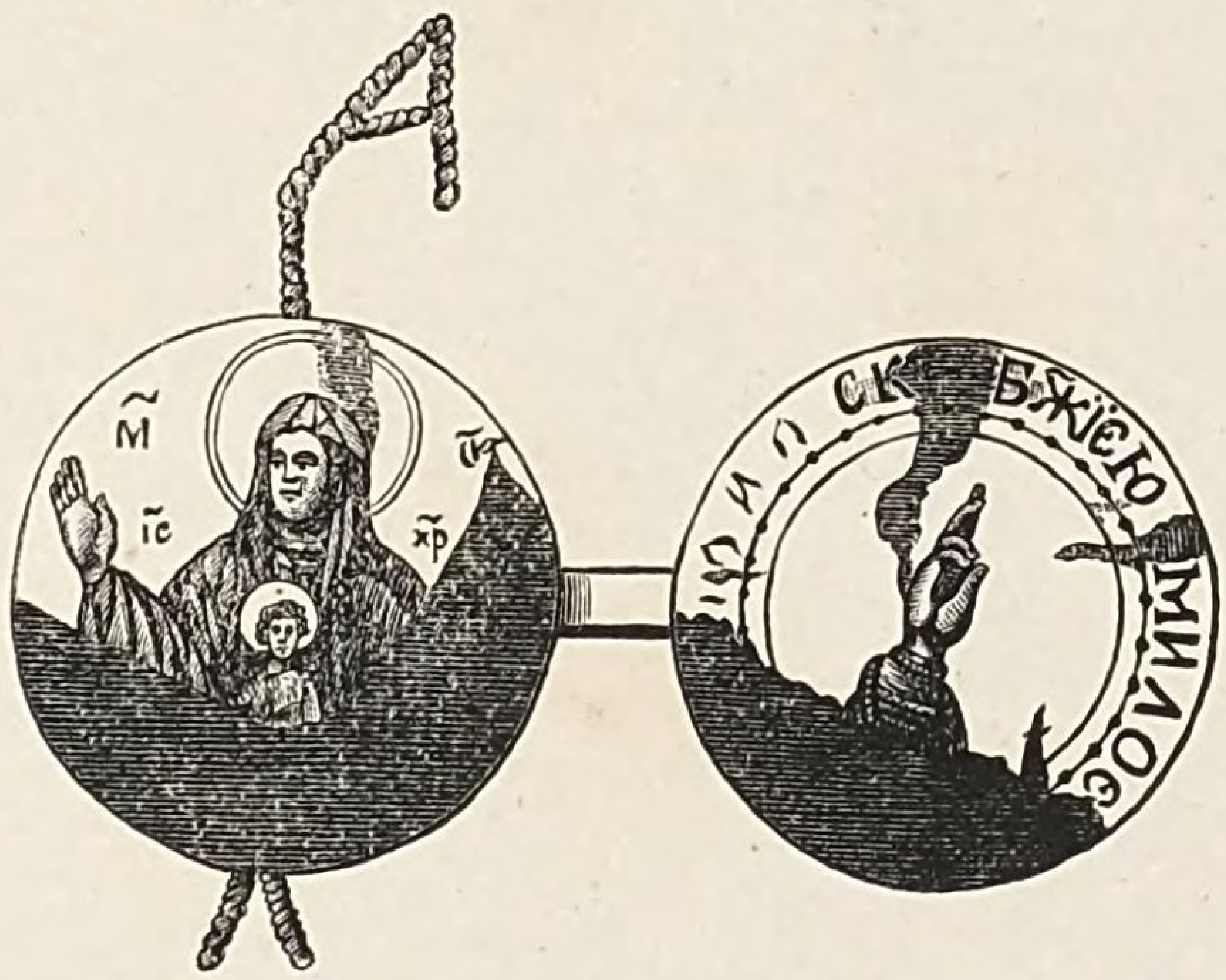
Отписка къ Государю царю Іоанну Васильевичу отъ Новгородскаго Архіепископа. Пимена, извѣстительная: о приложеніи своей руки на присланной къ нему записи, касательно прощенія вины Боярину Ивану Петровичу Яковлеву, и о посылкѣ помянутой записи обратно къ нему Государю.—Писана 1565 года іюня 2 дня.

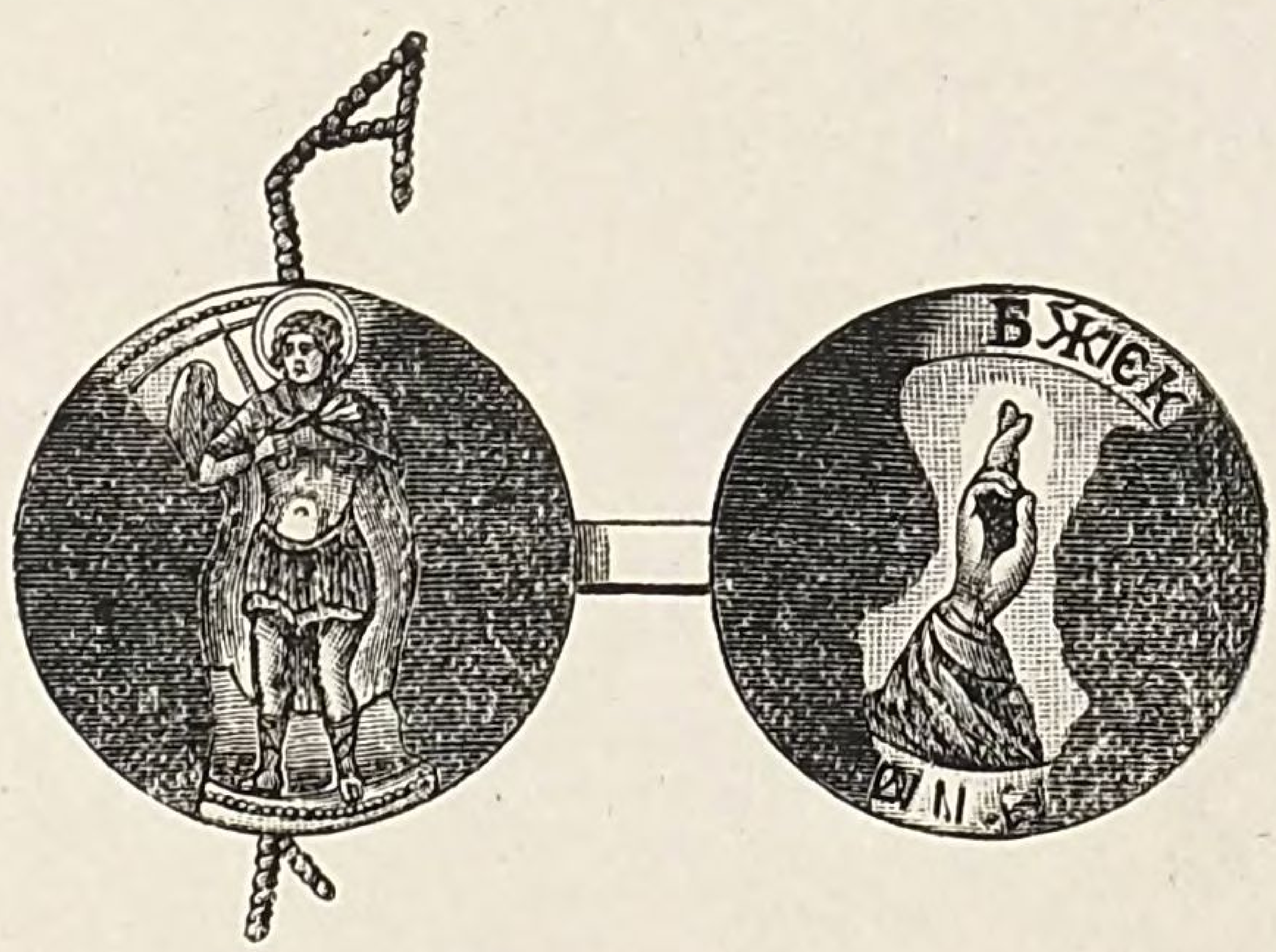
Къ означенной отпискѣ приложена Архіерейская изъ краснаго воску печать слѣдующаго вида:

(См. № 203. Собр. Госуд. грам. и догов. стран. 686-я).

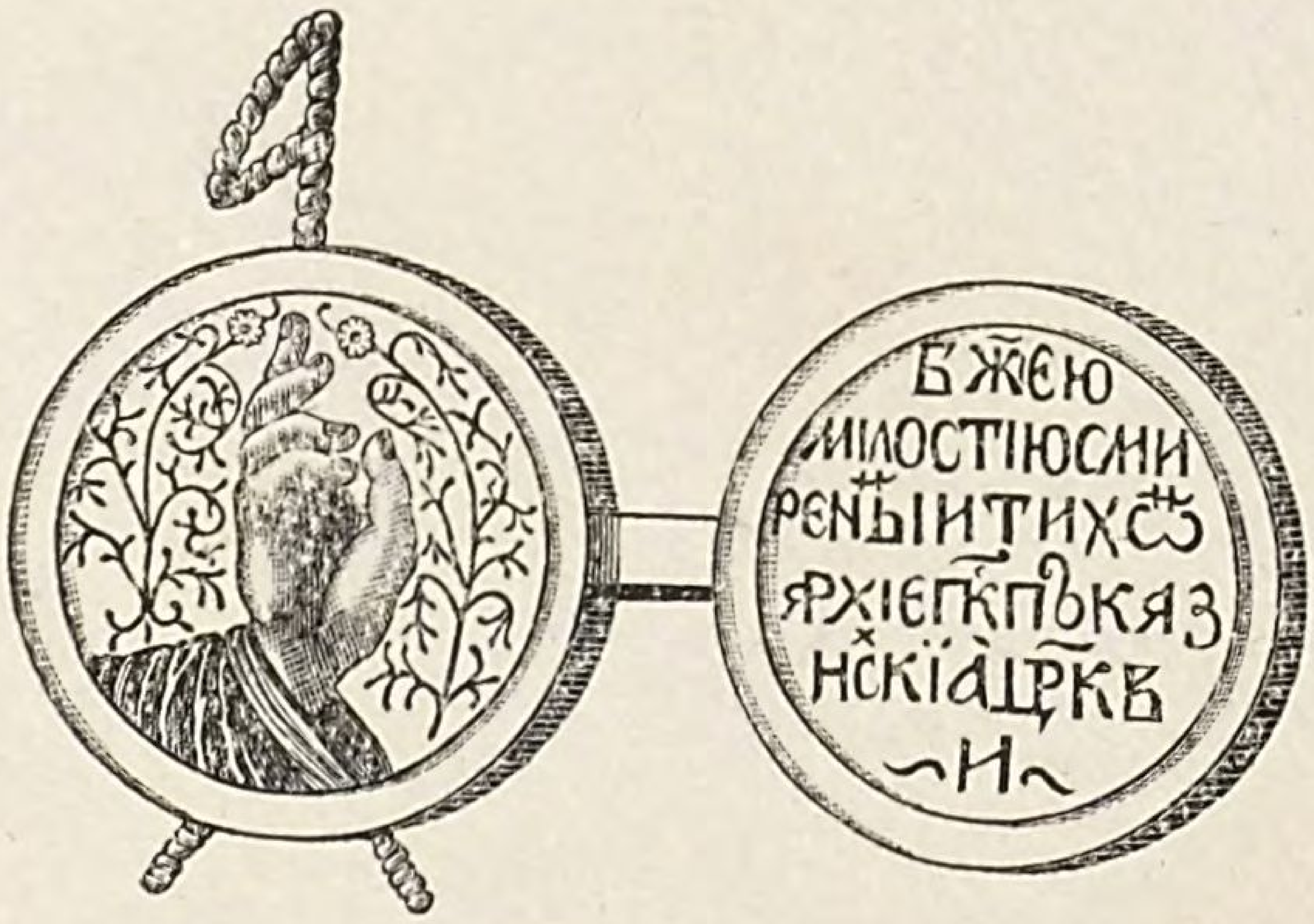
Грамота, утвержденная о избраніи на Россійскій престолъ Царемъ и Самодержцемъ Михаила Θеодоровича Романова—Юрьевыхъ.—За подписаніемъ бывшихъ при выборѣ всякаго чина и званія людей. Писана 1613 года, въ маѣ мѣсяцѣ.

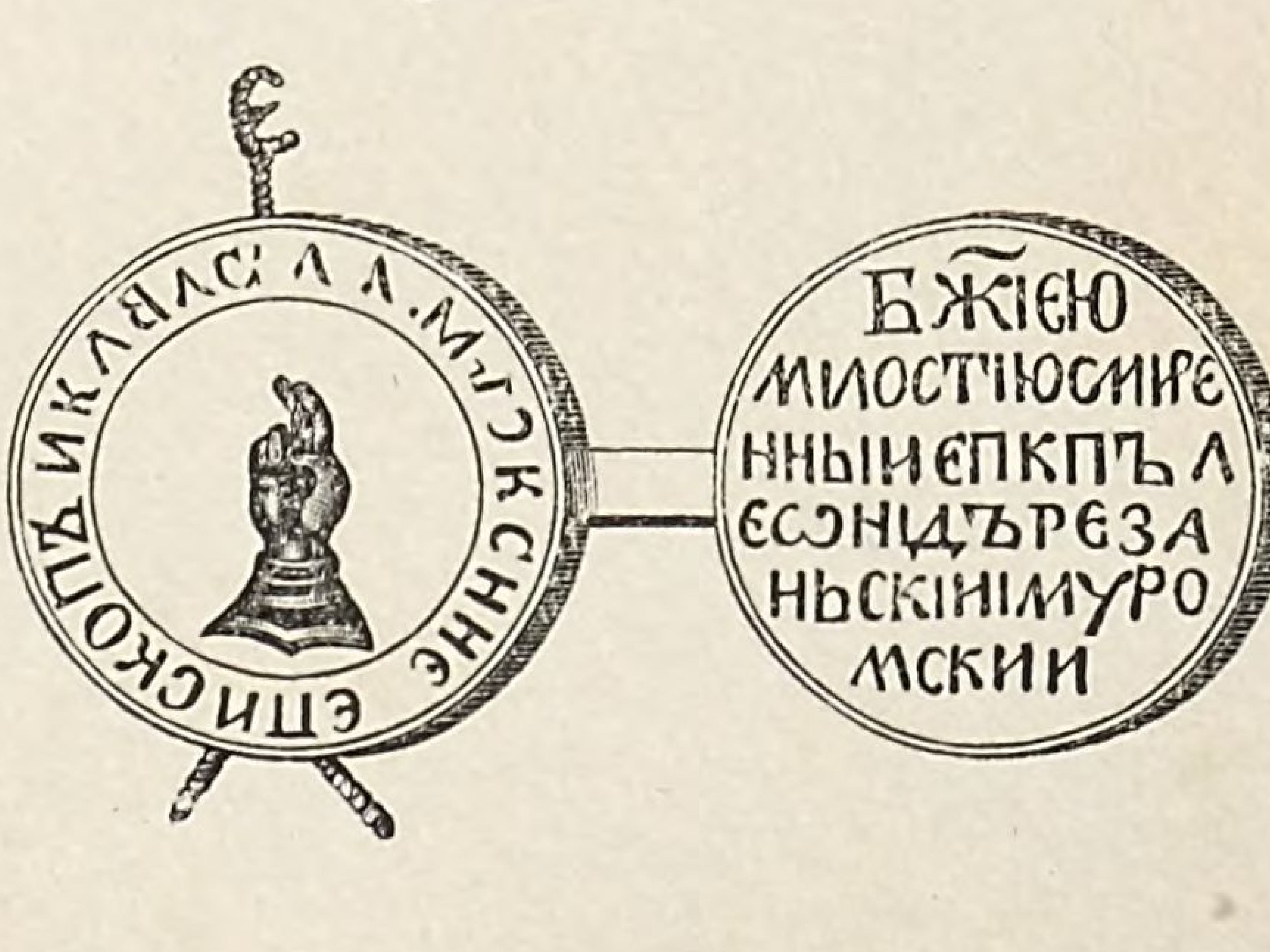

(*См. № 202. Собр. Госуд. грам. и догов. стран. 596-я*).

Грамота приговорная всего духовнаго чина (вторая) въ томъ: чтобъ, въ силу состоявшагося 15 генваря 7088 (1580) года уложенія, имѣющихся у нихъ нынѣ при Архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ вотчинъ, не отбирать и оныхъ не выкупать; впредь же ни кому вотчинъ своихъ по душѣ въ монастыри не давать, а давать по произволу деньгами какъ вотчинникамъ такъ и ихъ наслѣдникамъ; также монастырямъ земель не покупать и закладней не держать; имѣющія же нынѣ у нихъ закладныя взять на Государя; а доставшіяся издревле монастырямъ послѣ князей вотчины предоставить въ волю Государя и впредь княжескихъ вотчинъ въ монастыри не брать; сверхъ того, съ 1 сентября сего года, впредь до указу Государя царя Ѳеодора Іоанновича, по причинѣ оскудѣнія воинскаго чина, права тархановъ на время оставить, тарханамъ же всѣмъ платить всякія подати и земскія повинности на равнѣ съ прочими; такъ же въ закладчикахъ у себя торговыхъ людей никому не держать—за подписаніемъ всего духовенства.—Писана 29 іюля 1584 года.

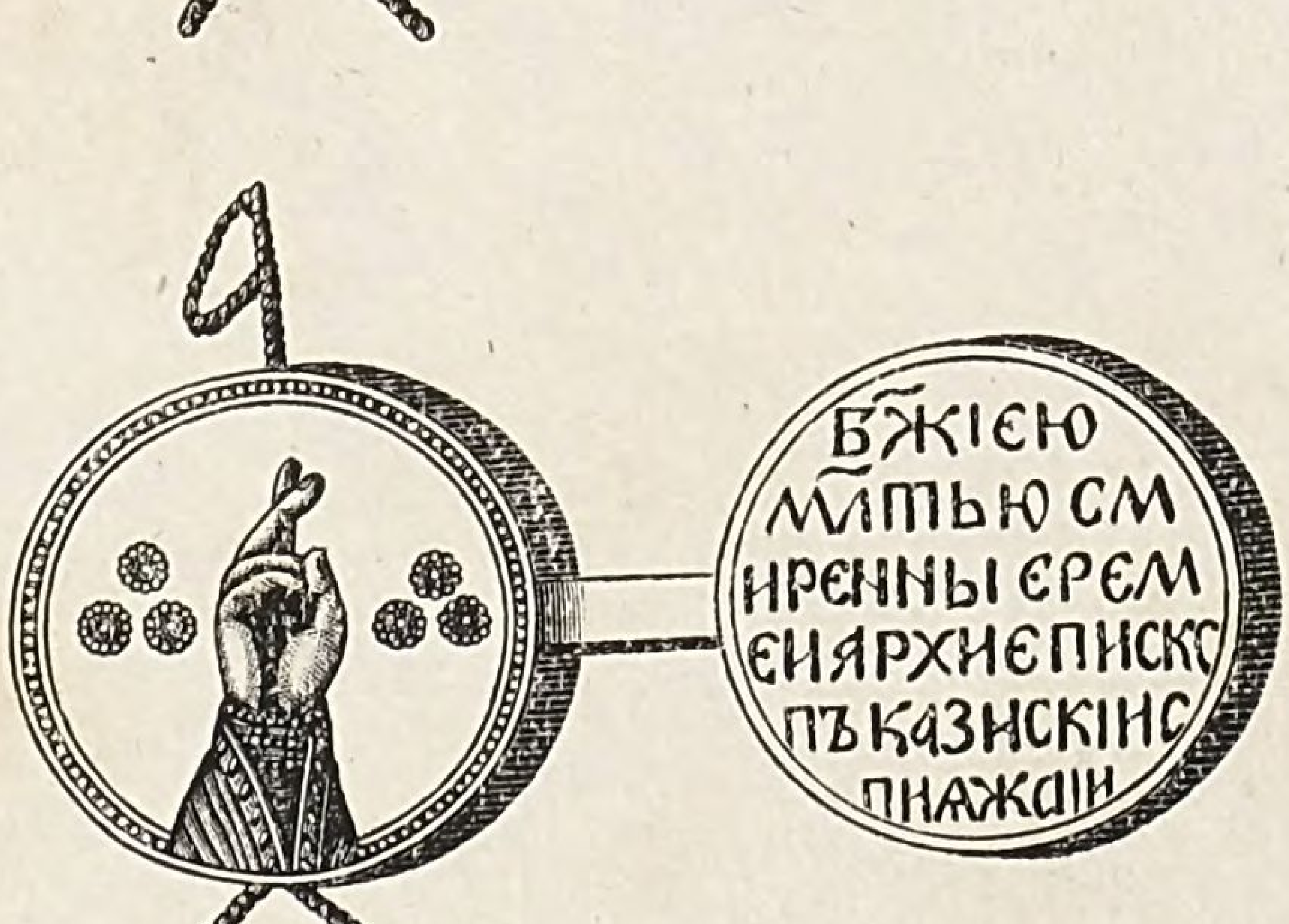

(См. № 200. Собр. Госуд. грам. и догов. стран. 586-я).

Грамота приговорная всего чина духовнаго (первая) въ томъ: чтобъ имѣющихся у нихъ нынѣ при Архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ вотчинъ, не отбирать и никому оныхъ не выкупать; а впредь, съ 15 генваря, никому въ монастыри вотчинъ своихъ по душѣ не давать, а давать вмѣсто того по произволенію деньгами какъ вотчинникамъ, такъ и ихъ наслѣдникамъ; также монастырямъ земель не покупать и закладней не держать; имѣющіяся же нынѣ у нихъ закладныя, равно какъ и доставшіяся издревле въ монастыри, послѣ князей, вотчины, предоставить въ волю Государя царя Іоанна Василіевича, и впредь княжескихъ вотчинъ въ монастыри ни подъ какимъ видомъ не брать.—Писана 1580 года, генваря 15 дня.

Bayerische Staatsbibliothek München

Д Кол шкомид

18C669/7 DM 120.- A
400 006|3

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Karlovič, Vladislav M.

Istoričeskija izslědovanija služaščija k opravdaniju staroobrjadcev

Moskva 1881

4 H.eccl. 1511 s
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11486980-7